

Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Костромское церковно-историческое общество

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**Материалы конференции
Кострома, 29–30 мая 2008 года**

Кострома
2008

УДК 947я431
ББК 63.3(2)45-02я431
Р 693

Печатается по решению редакционно-издательского
совета КГУ им. Н. А. Некрасова

Р е д к о л л е г и я

Н. М. Рассадин (председатель), А. М. Белов (составитель
и научный редактор), М. Д. Валовая, В. Р. Веселов,
А. Г. Кирпичник, Б. К. Коробов, В. А. Кудинов, А. Р. Наумов,
Т. И. Нигметзянов, Д. И. Сазонов, И. Н. Слюняев

Романовские чтения. История российской государственно-
Р 693 сти и династия Романовых: актуальные проблемы изучения :
материалы конференции, Кострома, 29–30 мая 2008 года / сост.
и науч. ред. А. М. Белов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова,
2008. – 348 с.

ISBN 978-5-7591-0925-9

Книга включает в себя материалы Романовских чтений, состоявших-
ся в Костроме в мае 2008 года и положивших начало ряду ежегодных
научных собраний к 400-летию династии Романовых. В центре внима-
ния исследователей – вопросы становления и развития российской госу-
дарственности, взаимоотношения государства и Церкви, исторические
связи представителей правившей династии и выдающихся россиян
с Костромской землей.

Адресована научным работникам, учителям, аспирантам, студентам,
всем интересующимся историей Отечества.

ББК 63.3(2)45-02я431
УДК 947я431

ISBN 978-5-7591-0925-9

© А. М. Белов, составление, 2008
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	6
Приветственное слово губернатора Костромской области И. Н. Слюняева	8
Приветственное слово Архиепископа Костромского и Галичского Александра	9
Приветственное слово президента Фонда российской государственности и 400-летия Дома Романовых М. Д. Валовой	11
Приветственное слово вице-президента Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, члена президиума Петровской академии наук и искусств А. И. Субетто	14

РАЗДЕЛ I. Русская православная церковь и государство: страницы истории

<i>Архимандрит Платон (Игумнов) Династия Романовых и нравственный идеал Святой Руси</i>	17
<i>Сазонов Д. И. Церковь и государство: на пути к Третьему Риму</i>	25
<i>Репников А. В. Русская консервативная мысль о проблемах государственности</i>	40
<i>Веселов В. Р. Власть, интеллигенция и церковь: противоречивый опыт взаимоотношений</i>	52
<i>Усманов С. М. Император Николай II и его время</i>	63
<i>Лебедев Ю. В. Мотивы монархической государственности в русской литературе XIX века</i>	67
<i>Едошина И. А. Преподобный Нил Сорский в контексте отношений церкви и государства в России</i>	76
<i>Заливалова Л. Н. «Симфония» светской и церковной власти в традиции православной государственности</i>	80
<i>Зябликов А. В. Концепт думской монархии в сознании русской художественной элиты начала XX века</i>	85
<i>Сидоренко Ю. И. Особенности психологии русского народа как фактор российской истории</i>	105
<i>Соловьев А. А. К. П. Победоносцев и идея симфонии властей на рубеже XIX–XX веков</i>	110

<i>Майорова Н. С.</i> Русские религиозные философы о духовно-религиозном кризисе и проблемах российской государственности	117
<i>Чувашев М. Н.</i> Идеологема «Православие, Самодержавие, Народность» в самодержавной идее династии Романовых	122
<i>Шишков А. С.</i> Полковое священство во времена царствования династии Романовых	126
<i>Сизинцева Л. И.</i> Деятельность Александровского православного братства в память о первых Романовых	130
<i>Гневышев А. В.</i> Взаимоотношения православных монастырей с окружающим населением в России начала XX века (на примере Авраамиево-Городецкого монастыря Костромской епархии).....	136
<i>Поварова Н. А.</i> Эволюция структуры Русской Церкви в X–XIII веках как общественного института	146

РАЗДЕЛ II. Роль династии Романовых в становлении и развитии российской государственности

<i>Андреанов Г. В.</i> Правовые советники в эпоху романовской династии	151
<i>Нифонтов А. В.</i> Военно-политический курс императора Александра III	161
<i>Баранов А. Н.</i> Проблемы реформирования Российского государства в трудах отечественных либералов начала XX века	173
<i>Нигметзянов Т. И.</i> Внешнеполитические взгляды Николая II (1894–1914).....	182
<i>Савинова А. Н.</i> Король-философ о России и династии Романовых в век Просвещения	184
<i>Чекмарев В. В., Юдина Т. Н.</i> Крестьянская реформа царя Александра II Александровича Романова	190
<i>Четверухин Г. Н.</i> Миротворческая деятельность принца П. Г. Ольденбургского в правление Императора Александра II (1870 – начало 1880-х годов)	197
<i>Сидоров Д. В.</i> Самодержавие и земское самоуправление в конце XIX века	203
<i>Палюлина И. А.</i> Учредительное собрание в истории провинции (на материалах Верхневолжских губерний).....	209
<i>Попов Д. В.</i> Романовы и Кавказ	216

<i>Кудинов В. А.</i> Исторические исследования отношения центра и провинции в системе российской государственности в период ее реформирования	221
---	-----

Раздел III. Династия Романовых и Костромской край

<i>Кабатов С. А.</i> Захаб святых ворот Ипатьевского монастыря	226
<i>Григорьев А. И.</i> Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 гг. ...	241
<i>Новиков А. В.</i> Фабричное законодательство дореволюционной России и опыт его реализации в губерниях Верхнего Поволжья	256
<i>Белов А. М.</i> Актуальные проблемы развития Костромской губернии на рубеже XIX–XX веков	266
<i>Иванцов Д. С., Чугунов Е. А.</i> Романовская эпоха (1613–1917 гг.) в трудах костромских исследователей: по страницам «Вестника КГУ им. Н. А. Некрасова»	270
<i>Коробицин Н. И.</i> Посещение Костромы Николаем I во время высочайшего путешествия по России	281
<i>Осипова Т. Г.</i> Династия Романовых и Костромской край в школьном курсе отечественной истории	290
<i>Рябинцев С. В.</i> Деятельность Костромского земства по улучшению культуры земледелия крестьян	297
<i>Шипилов С. А.</i> Налогообложение предпринимателей уездных городов Костромской губернии во второй половине XIX века	303
<i>Ассессорова Н. П.</i> Торговые связи Владимиро-Суздальских земель с востоком и Волжской Болгарией как фактор становления государственности на Руси в XII – начале XV веков. (Владими́ро-Сузда́льское кня́жество и Новгородская республика)	312
<i>Тунгусов В. Д.</i> Музыка Дома Романовых	320
<i>Березинская С. Н.</i> Романовы и Макарьевский край	331
<i>Боровик Е. Ю.</i> Историко-культурные центры Костромской области как объекты познавательного туризма. Участие историков-краеведов в их развитии	334
<i>Дубова О. С.</i> Женское образование в Костромской губернии во второй половине XIX века: Костромская женская Григоровская гимназия	336
<i>Козлова В. В.</i> Русская деревня первой трети XX века: противоречивый опыт развития (на примере Хорошевской волости Костромской губернии)	339

ВСТУПЛЕНИЕ

Вниманию читателей предлагаются материалы первых Романовских чтений, состоявшихся 29–30 мая 2008 года под эгидой Фонда российской государственности и 400-летия династии Романовых, Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова и Костромского церковно-исторического общества (Костромская епархия).

В 1613 году после длительной Смуты решением Земского собора был избран на царство Михаил Федорович Романов. Это важнейшее событие отечественной истории способствовало сплочению разных сословий вокруг русского царя и восстановлению российской государственности.

За более чем трехсотлетний период правления дома Романовых происходит преобразование России из Московского царства в могучую евразийскую державу. В правление Алексея Михайловича успешно разрешаются проблемы внешней политики на западном направлении: был возвращен Смоленск, в состав России входит левобережная Украина и Киев. В середине XVII века партии российских землепроходцев выходят на Тихий океан, основывают первые поселения русских по рекам Зее, Шилке, Амуру. Под высокую руку русского царя подводятся многочисленные народы Западной и Восточной Сибири, Забайкалья, Якутии и других мест. Решительные изменения во внешней и внутренней политике происходят при Петре I. Он строит новую столицу Санкт-Петербург, одерживает победу в Северной войне над Швецией, в результате чего страна прирастает новыми провинциями на Западе, в Прибалтике. Благодаря преобразованиям Петра в государственном устройстве в 1721 году Российское

царство трансформируется в империю. В правление Екатерины II Россия прирастает новыми землями на западе, а на юге в состав империи входят Новороссийские причерноморские земли и Крым. В XIX веке в правление Александра I, Николая I, Александра II Россия присоединяет Кавказ и Среднюю Азию.

В XX веке (в связи с революционными переменами в России) в отечественной историографии долгие годы превалировало одностороннее критическое отношение к роли Романовых в истории государства. Но уже в те, полные драматических событий 20–80-е годы XX века, происходит переоценка сначала отдельных народных героев (Иван Сусанин), царствовавших исторических личностей (Петр I), а затем важнейших исторических дат (выдающиеся победы русского оружия в 1709 году под Полтавой, в 1812 году над Наполеоном, освобождение славян от османского ига в русско-турецкой войне 1877–1878 годов и т. д.).

Так или иначе, самой жизнью были возвращены из небытия целые пласты российской истории XVII, XVIII, XIX и XX веков, без которых невозможно представить развитие государства, Русской православной церкви, народа, вообще понять и во всей сложности представить пути России в новое и новейшее время. Настало время признания выдающихся успехов, которых добились народы России в период 300-летнего правления Романовых. Вместе с тем, еще предстоит во многом переосмыслить проблемы отечественной истории, как периода правления дома Романовых, так и в целом более чем 1000-летней российской государственности.

Начало работе Романовских чтений было положено благодарственным молебном в Троицком соборе Ипатьевского монастыря, где 14 марта 1613 года был благословлен на царство инокиней Марфой первый представитель династии Романовых юный Михаил Федорович. В содержательном отношении Первые Романовские чтения объединили представителей Русской православной церкви, исторической науки: архивистов, филологов, краеведов, музейных работников Москвы, Иванова, Костромы и других мест. Были заслушаны десятки докладов и сообщений, отразивших богатейшую историю России за многовековой период ее развития. Хочется верить и надеяться, что намеченные ежегодные встречи в рамках Романовских чтений послужат делу совместного воссоздания подлинной истории отечества, формированию общегражданского сознания, делу упрочнения государства и народного единения.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГУБЕРНАТОРА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ И. Н. СЛЮНЯЕВА

Уважаемые участники и гости Первых Романовских чтений!

С искренними и добрыми чувствами приветствую вас, собравшихся на нашей древней и богохранимой Костромской земле, чтобы свидетельствовать: уроки истории, пройденные нашим Отечеством и народом, не забыты – они сохранились в памяти народной. И сегодня, своим собранием мы подтверждаем, что опыт прошлого – ступень к будущему, к славному возрождению Отечества, выстроенному на фундаменте своей истории.

Мы собрались на земле, ставшей «колыбелью» царственной династии Романовых, правивших Российским государством на протяжении трехсот лет.

В Костроме, в стенах Ипатьевского монастыря, перед ликом чудотворной иконы Божией Матери Феодоровской, совершилось событие, которое определило путь нашего государства на следующие триста лет. Здесь, 14 марта 1613 года (по старому стилю), принял, по ходатайству великого посольства, посланного Земским собором, и по просьбам народным, юный боярин Михаил Феодорович Романов свое избрание быть государем земли Российской. «В Твои пречистые руки, Владычица, предаю чадо мое; наставь его на путь истинный, устрой полезная ему и всему православному христианству», – такой молитвой благословила своего сына на Российский престол инокиня-мать, осеняя его чудотворной иконой Божией Матери Феодоровской. Избранием на Всероссийский престол юного боярина Михаила Феодоровича Россия вновь обрела законного и богоданного государя.

Сегодня мы открываем первую конференцию, задача которой, как и последующих других, состоит в современном осмыслении российской государственности с учетом бесценных для нас уроков истории.

Огромный опыт, накопленный в политической, военной, экономической, социальной, дипломатической, конфессиональной и иных сферах российской жизни за три столетия государственного управления Романовых, несомненно, может и должен быть использован в сегодняшних условиях.

В 1613 году Земский собор избрал Михаила Романова на царство, когда выборный процесс избрания был обеспечен за счет длительности и многократных посылок делегаций на места, обеспечив тем самым единое избрание.

Сама заключительная процедура избрания была двухэтапной: в сложный геополитический момент, когда интерес к московскому трону проявлялся и со стороны Швеции, и со стороны Польши – на первом этапе Земский собор принял постановление не избирать «царя от инородных»; и лишь на втором этапе был избран конкретный претендент.

Демократичность выборного процесса в тот период времени обеспечила национальное согласие при избрании нового царя и выводе страны из тяжелого кризиса.

Двухэтапная процедура непосредственного избрания Михаила Романова на царство решала главную задачу обеспечения суверенитета страны и превалирования национальных интересов над интересами возможных иноземных претендентов, над их претензиями на управление нашей страной.

Опыт государственного строительства Алексея Михайловича Романова, сумевшего создать систему ненасильственного объединения государства, интересен и сегодня в связи с проявляющимся усложнением выстраивания и поддержания отношений в многонациональных странах, что обнаружилось не только при распаде СССР, но и в современном Евросоюзе.

Опыт Екатерины Великой следует изучить сегодня с точки зрения налоговой реформы при создании особых экономических зон (промышленно-производственных и технико-внедренческих), которые в XVIII веке именовались «свободным заведением промышленных предприятий».

Опыт аграрной реформы Александра I полезно учесть при реформировании сельского хозяйства, а установление госмонополии на спиртное следует принять как подарок предков для возврата к нашим экономическим традициям.

Я отметил лишь некоторые примеры из опыта государственного управления в период правления династии Романовых, которые возможно использовать в нашей сегодняшней практической деятельности. Наша история весьма богата на положительные примеры. Надо уметь их видеть и проецировать на сегодняшний день.

Я вижу задачу ученых в том, чтобы вносить и реализовывать в совместной практической деятельности многочисленные выдающиеся результаты государственного управления Россией в период правления династии Романовых.

В 2013 году Россия отметит 400-летие восшествия династии Романовых на Российский престол.

Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев 15 мая текущего года посетил Кострому и поддержал инициативу администрации Костромской области по организации празднования в 2013 году 400-летия возрождения российской государственности.

Предусматривается принятие соответствующего Указа Президента, создание государственной комиссии по подготовке к празднованию. Мы создали оргкомитет по подготовке к праздничным мероприятиям на Костромской земле под руководством губернатора Костромской области.

Создан «Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых», президентом которого является профессор, доктор экономических наук Валова Мария Дмитриевна, вице-президентом – Коробов Борис Константинович. Предстоит значительная организационная работа по подготовке к юбилейным событиям. Историческая миссия династии Романовых не закончена. Она и сегодня может послужить мощным импульсом для роста чувства патриотизма, общегражданского сознания, делу укрепления государства, народного единения и согласия.

Считаю, что конференция «История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения» намечает пути, ведущие к возрождению и славе нашего Отечества.

Желаю участникам конференции плодотворной работы!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО АРХИЕПИСКОПА КОСТРОМСКОГО И ГАЛИЧСКОГО АЛЕКСАНДРА

Уважаемые участники собрания, дорогие отцы, братья и сестры!

Сердечно приветствую организаторов и участников Романовских чтений, проходящих на земле древней Костромы. Чтения, открываемые ныне, посвящены актуальным вопросам истории российской государственности, неразрывно связанной с трехсотлетним путем царственного дома Романовых, начало которому было положено в пределах нашего богохранимого града. Именно здесь, в стенах Свято-Троицкой Ипатьевской обители, в 1613 году юный Михаил Феодорович принял избрание его Земским собором на Всероссийский престол. Это событие, давшее Костроме право именоваться «колыбелью дома Романовых», стало знаменем преодоления скорбной эпохи Смутного времени – во многом перекликающейся с обстоятельствами исторического пути России в XX веке. Духовным символом одоления великой Смуты явилась костромская святыня, чудотворная Феодоровская икона Пресвятой Богородицы, сохранившаяся до наших дней и чтимая всем православным миром. Каждому известно имя Ивана Сусанина – крестьянина из села Домнино, отдавшего свою жизнь ради спасения Михаила Феодоровича Рома-

нова и ставшего народным героем; его подвиг вошел в историю Отечества как пример жертвенного служения и истинного патриотизма. Наши чтения проходят в преддверии печального юбилея, связанного с завершением пути царственной династии: 17 июля исполнится 90 лет со дня мученической кончины последнего российского самодержца царя Николая Александровича и его семьи, расстрелянных в Екатеринбурге и ныне прославляемых Церковью в лике святых страстотерпцев. Об уроках этого скорбного события Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II говорит так: «Сейчас, после многих тяжелых испытаний, через которые прошло наше Отечество в XX столетии, мы осознаем: первопричиной случившегося стало оскудение в российском обществе духовно-нравственного начала. Слишком многие в то время не нашли в себе силы возвысить голос против злонамеренного распространения безбожия; по слову ветхозаветного пророка, они “извратили путь свой, забыли Господа Бога своего” (Иер. 3, 21) – и Господь, отняв у России законную царскую власть, попустил нашему народу пережить скорбную годину “огненного искушения” (1 Пет. 4, 12), последствия которого мы ощущаем до сего дня». Поэтому изучение пути царственного дома Романовых в контексте всей отечественной истории сейчас особенно важно – не только и не столько в интересах научного исследования, сколько как поиск и осмысление тех ценностей, которые некогда стали духовными истоками единения нашего народа и утрата которых привела Россию к беспрецедентным государственным и общественным потрясениям. Искренне надеюсь, что Романовские чтения внесут свой вклад в это необходимое для воссоздания нашего Отечества дело.

Желаю всем присутствующим успешной и плодотворной работы и призываю благословение Господне на ваши труды.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ПРЕЗИДЕНТА ФОНДА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И 400-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ М. Д. ВАЛОВОЙ**

Я хочу поблагодарить администрацию Костромской области, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова, Костромское церковно-историческое общество, всех, кто помог нам собраться, кто принял активное участие в подготовке Романовских чтений. Это наше первое совместное мероприятие. Наш Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых будет принимать самое активное участие во всех проектах, связанных

с приближающимся юбилеем, и такая поддержка и участие – очень хорошее начало. Спасибо. В 2013 году Россия будет отмечать знаковую дату – 400-летие окончания Смутного времени, возрождения российской государственности и избрания династии Романовых, День 4 ноября, день освобождения Москвы народным ополчением во главе с Дмитрием Пожарским и Кузьмой Мининым, отмечается как праздник народного единства. Окончанием Смутного времени и убедительной победой патриотических сил российского общества в борьбе с иноземной интервенцией стало избрание российской династии на престол и вручение в Костроме в марте 1613 году символов высшей государственной власти Михаилу Романову. Россия всегда торжественно праздновала эту великую дату, тем более что она всегда совпадала с героическими периодами российской истории. Можно сказать, что эта дата стала сакральной датой и на новом витке развития страны, в каждом последующем столетии становилась переломной.

В 1713 году – успехи петровской России. С чего они начались? Со страшного тяжелейшего поражения под Нарвой. Вся российская артиллерия оказалась в руках врага, войско было разбито. Казалось, Россия отброшена в монгольский период. Не случайно Нарву сравнивали с поражением русских на Калке татарами-монголами. О поражении при реке Калке летописи писали: «а от реки Каялы до Мамаева побоища – тугою и печалию покрываея». 300 лет страна была в печали. 160 лет прошло от Калки до победы на Куликовом поле. Вот и после Нарвы наши недруги думали также. Но сумел Петр I быстро мобилизовать страну, создать новую артиллерию и новую армию, создать флот. Именно после тяжелейшего поражения под Нарвой впервые появляется личный штандарт Петра – золотое полотнище с черным двуглавым орлом. В тот период единственной империей, претендовавшей на мировое господство, была империя Габсбургов, с черным двуглавым орлом. Выбирая штандарт с византийским орлом, Петр показывал: Россия, несмотря ни на что, утверждается как вторая – равная империя. И свершилось: 1709 год – Полтава, а 1714 год – колоссальный прорыв – победа русского флота у мыса Гангут. И на картах мира появилась новая империя – Российская.

XIX век. Сентябрь 1812 года. Именины императора. Александр I на молебне в храме. Как отмечали в дневниках современники, он стоял сжавшийся, ссутулившийся, опустивший голову. Враг топчет русскую землю, враг у стен Москвы. Все ждут худшего. И вот в это время – в храме царь поднимает голову и распрямляет плечи. И как пишут очевидцы: «Всем стало легче. Царь распрямил плечи». После этого

были победы Кутузова, была победа русского народа в Отечественной войне. И наступивший 1813 год стал годом славы России, освобождения Европы.

XX век. 1913 год. Мы привыкли сравнивать экономическую статистику с показателями этого года – последнего перед Первой мировой войной, периодом резкого экономического подъема страны. А что до этого? Трагедия Цусимы, Порт-Артура, Мукдена, горечь и унижение русско-японской войны. Кризис мировоззрения целого поколения, что с такой болью выразил Владимир Соловьев:

О, Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе
Кто мог завет любви забыть
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

Но ведь смогли, выстояли, и наступил 1913 год – год подъема и процветания. И Россия широко отметила 300-летие династии Романовых. И, наконец, XXI век. Увы, нам, пережившим конец XX века, разрушение великой империи, последовавший развал и хаос, легко понять, что чувствуют и как ведут себя современники «эпохи перемен». Так случилось, что большинству из ныне живущих граждан России пришлось пережить этот сложный, мучительный, не всегда понятный процесс. История творилась на наших глазах – не в учебниках, не в кино – это в реальной жизни каждого человека происходили круглые перемены. Многим пришлось столкнуться в той или иной мере с огромными трудностями: войнами, межнациональными конфликтами, резким падением уровня жизни, расслоением общества, кризисом культуры и нравственности. Действительно, кризисные явления коснулись всех. Не все процессы были позитивными, многое хорошее, накопленное предыдущими поколениями, оказалось утраченным. Но, преодолев тревожные тенденции, Россия вновь состоялась – как государство, уверенно вступившее в XXI век. И мы вновь уверенно идем к новому юбилею. И у всех этих юбилеев одна исходная дата – КОСТРОМА, 1613 год.

В заключение, я хочу пожелать всем участникам Романовских чтений интересных докладов, дискуссий, обсуждений, хочу пожелать хорошей и плодотворной работы!

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ПРОБЛЕМ КАЧЕСТВА, ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА
ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ИСКУССТВ А. И. СУБЕТТО**

*Уважаемый Председатель!
Уважаемые члены президиума конференции и все ее участники!*

Эпоха династии Романовых – 1613–1917 годы – особая эпоха, связанная с возвышением России, не только как мировой державы, но и как цивилизации, давшей миру великие культуру, философию, науку и образование, великие взлеты человеческого духа и созидания. Среди царей были достойные властители, внесшие свой вклад в возвышение Руси и оставившие яркий след в мировой истории. Назову некоторых из них Петр Великий, Елизавета Петровна, Екатерина Великая, Павел I, три императора Александра – Александры I, II и III.

Де-факто эпоха династии Романовых в значительной части представляет собой начало и взлет эпохи Русского Возрождения, которая продолжается и в настоящее время. В ней просматриваются:

- Петровско-ломоносовский цикл – начало XVIII века – начало XIX века;
- Пушкинский цикл – начало XIX века – начало XX века;
- Вернадскианский цикл – начало XX века – начало XXI века.

Как следует из их названий, символами – фигурами этих циклов стали: Петр I и М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, В. И. Вернадский.

Эпоха Русского Возрождения – явление всемирно-исторического порядка, однопорядковое с явлением эпохи Европейского Возрождения. Если в эпохе Европейского (вернее – Западноевропейского) Возрождения доминирующими были акценты физической телесности человека, свободы, индивидуализма, накопления богатства, которые и стали почвой формирования капитализма в Европе, то эпоха Русского Возрождения имеет космическую направленность, ее акцентами служат космическая телесность человека, соборность и соборная личность, общинность (коллективизм), правда, ответственность, справедливость. Именно она определила такие самостоятельные явления в русской культуре как Русский Космизм, русская философия с такими ценностными «измерениями» архетипа русского народа как всечеловечность (Ф. М. Достоевский), цельность знания (В. С. Соловьев), «метафизический коммунизм» (С. Н. Булгаков), всемирная отзывчивость (А. С. Хомяков).

Именно на этой почве возникло учение о ноосфере В. И. Вернадского, которое в XXI веке перерастает в форму нового синтеза науки, культуры и образования, имеющее направленность на спасение человечества от возможной его экологической гибели уже в середине XXI века на рыночно-капиталистических путях развития, потому что первая фаза Глобальной экологической катастрофы уже состоялась, и она развивается.

Именно Россия, ее совокупный интеллект, опирающийся на опыт ее исторического поиска, как в эпоху династии Романовых, так и в советскую эпоху, сможет дать человечеству новую духовную перспективу устройства такого мироустройства, которое бы обеспечило и соответствующее качество жизни человеку, и социоприродную гармонию, сохранение каждого вида жизни на Земле.

Такое мироустройство я называю *ноосферизмом*, или *ноосферным социализмом*. Особую роль в истории России сыграло православие, Русская православная церковь. Сохраняя в нерушимости древние догматы христианства, верность заветам Иисуса Христа, православие, формируя идеал «Святой Руси» и поддерживая его, продолжало стоять на позициях соборности, любви, заботы об «униженных и оскорбленных», общего дела, на осуждении сребролюбия. Не забудем, что «Свято-Введенская Оптиная пустынь явилась духовным центром, где приобщались к сокровищницам учения Православной Церкви, – как отмечал в своем Обращении к участникам Оптинского форума Патриарх Московский и Всея Руси Алексей, – многие великие представители русской интеллигенции, среди которых были Николай Васильевич Гоголь, Федор Михайлович Достоевский, Константин Николаевич Леонтьев, принявший по благословлению преподобного Амвросия незадолго до своей смерти монашеский постриг с именем Климент. Возрождение нашей страны невозможно без обращения к культурному и духовному наследию. От духовного выбора интеллигенции и всего общества в целом зависит будущее России, ее безопасность и жизнь будущих поколений».

Эпоха династии Романовых велика не только и не столько своими военными успехами (великие победы русского воинства в царствования Петра I, Елизаветы, Екатерины II, Александра I, Павла I, Александра II), но и созиданием, успехами в развитии науки, литературы, живописи, архитектуры, музыки, философии. Ее украшают творческие гении М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Е. Р. Дашковой, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. И. Пирогова, Д. И. Менделеева, Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, В. С. Соловьева, А. А. Иванова, Л. Н. Толстого, М. И. Глинки, П. И. Чайковского, Н. А. Федорова, М. П. Мусоргского,

Н. А. Римского-Корсакова, А. Г. Столетова, М. Ф. Казакова, И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, П. Л. Чебышева, А. П. Чехова, Ф. И. Шаляпина и др.

Кострома, Ипатьевский монастырь предстают памятниками русской истории, потому что хранят память о начале царствования Романовых на Руси, связанном с восхождением на царский престол Михаила Федоровича Романова в 1613 году после долгих лет Смутного времени, разоривших и обескровивших страну. Уже первые годы правления молодого царя Михаила Романова были отмечены дипломатическими успехами: ему, хотя и с трудом, удалось заключить мирные договоры со Швецией и Польшей.

Началась новая страница истории России, и начался ее подъем к могуществу и расцвету. История, как и культура, не знает разрывов. Она есть поток исторического созидания. Становление Руси – России – это, в первую очередь, историческое созидание русского народа в единстве со всеми братскими народами, вошедшими в великую семью народов России.

Я желаю всем участникам конференции глубокого проникновения в логику истории эпохи династии Романовых, в логику созидания и духовного поиска русского народа и в единстве с ним всех народов России.

РАЗДЕЛ I. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Архимандрит Платон (Игумнов)

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ СВЯТОЙ РУСИ

В 1913 году Россия праздновала 300-летие династии Романовых. Под скипетром государей из дома Романовых Россия преодолела государственно-политический кризис начала XVII века, стала империей и превратилась в державу мирового значения. Высокие темпы экономического развития и успехи в области социальных и культурных преобразований давали основания для оптимистических прогнозов на будущее России. Приверженность народа России идеалам и традициям Православия воспринималась в качестве важнейшей гарантии ее стабильности, могущества, процветания и величия. Казалось вполне естественным, что «сила Государства Российского, как и встарь, будет корениться в вере в Бога, в самоотверженной любви к родине»¹.

Благополучие России как геополитической державы утверждалось в эпоху династии Романовых на фундаменте базовых ценностей, составлявших основу мировоззрения и нравственности всего российского общества. Среди христианских народов Европы Россия выделялась высокой степенью причастности к мировоззренческим и этическим ценностям христианства. Россия следовала трансцендентному евангельскому идеалу, признание или отвержение которого представляет собой ноуменальную основу истории. Если существование человечества заключает в себе находящуюся за рамками его имманентного бытия трансцендентную цель, то выясняется, что только в системе духовно-религиозных и нравственных координат следует искать ключ к тому, чтобы адекватно интерпретировать сущность мирового исторического процесса. При этом, однако, далеко не всегда присущая человеку манера наивно представлять, что действия Промысла Божия в истории должны соответствовать идеально возвышенным постулатам нашего разума и логике нашего философско-аналитического дискурса, способна оправдать наши человеческие

© Архимандрит Платон (Игумнов), 2008

ожидания. По справедливому замечанию В. В. Болотова, «история находится в эмпирическом состоянии; она еще не знает внутренней связи событий и имеет только эмпирические данные»². Тем не менее, следует признать, что именно характер религиозно-нравственной парадигмы и национального самосознания общества является фактором, определяющим специфичность исторического развития того или иного народа. «Россия как великая империя, – отмечал Н. О. Лосский, – есть существо большее, чем русский народ. Однако русский народ есть важнейший фактор Российской империи, и основные черты его духа в значительной степени определяют характер ее государственности»³. В каждую историческую эпоху народный дух формирует динамично меняющийся облик государственного устройства. По этой причине «философское познание дает нам истинный ключ к познанию исторической эволюции»⁴. Следует со всей объективностью признать, что в исторической эволюции Российской государственности эпоха династии Романовых есть величайшее в своем фундаментальном, всемирно-историческом, геополитическом и культурном значении явление, которое по достоинству может быть оценено именно как явление вселенского исторического масштаба. Без России XVII–XX веков Европа и мир имели бы другую историческую судьбу, другой религиозно-конфессиональный облик, другой характер художественной культуры. Потенциал Российской государственности остался не реализованным во всей своей полноте. Катастрофа Российской империи – прообраз и предвестник вселенского конца. «То, что нас настигнет конец – это наша судьба и судьба всего сущего в мире»⁵, – говорит Пауль Тиллих. Однако в социальном и геополитическом плане противостояние скрытым тенденциям к распаду и разрушению обеспечивается функцией государственной власти, утверждающей гарантии своей мощи и стабильности, источник которых находится в духовных фондах нравственности народа. Если же мы спросим самих себя, из чего следует исходить в интерпретации проблемы нравственности, то, по авторитетному заявлению К. Ясперса, «ответ будет: из веры в Откровение, ибо вне ее – только нигилизм»⁶. Быть может, самое универсальное значение нравственности состоит в том, что, по мысли М. Хайдеггера, «она озаряет мир, неслышно полня его существо бытием»⁷.

В настоящее время история Государства Российского творится имплицитно, духовно, созерцательно, скрываясь в повседневном трудовом и молитвенном подвиге всего народа, она творится в глубине духовной жизни, в молчании, и лишь отражается во внешних событиях полити-

ческой, экономической и духовной жизни России. Наше время ознаменовано напряженным вниманием к историческому прошлому России, к великим и значимым событиям минувших веков.

Почему, вступив в XXI век, мы оглядываемся назад, на пройденный путь? «Человеку, – говорит Д. С. Лихачев, – тесно жить только в настоящем. Нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранения памяти на будущее»⁸. Метафизический характер мотивации интереса к исторической памяти народа предопределяется осознанием ценности жизни на фоне абсолютно непреодолимого закона времени. Перед осознанием угрозы небытия человек нуждается в гарантиях своей причастности к жизни в ее интегральном охвате и вечностном измерении. Для человека традиции Откровения свет есть онтологический синоним бытия; согласно П. Тиллиху, его «бытие – это преодоление изначальной ночи небытия»⁹. Ценность бытия открывается и переживается в торжестве нравственной и исторической правды, озаряющей пройденный путь и наполняющей новым смыслом настоящее и будущее.

Исторический опыт минувших веков включает гарантии будущих перспектив. Исторические юбилеи в государственной и общественной жизни России представляют торжественную манифестацию ее преемственной принадлежности к богатствам ее великой культуры, к событиям пройденного ею тысячелетнего пути. Воскрешение исторической памяти России есть надежный залог утверждения ее государственной, национальной и культурной самобытности, и оно, это воскрешение, зримо совершается в наши дни на фоне постепенного восстановления в российском общественном сознании когда-то отвергнутых, попраных и забытых вековых преданий, заветов и идеалов. На пороге XXI века Россия вновь заявила миру о своей исторической причастности к традициям православно-христианской цивилизационной идентичности.

«В последние годы предчувствие исторической неизбежности построения новой Российской Империи стало одним из доминирующих течений в общественной жизни нашей страны. Все, что происходит в России после 2000 года, явно есть создание фундамента будущей Империи, хотя власть старается избегать таких формулировок. Все сходится в том, что это будет идеократическая держава с сильным государством и мессианской самоидентификацией»¹⁰.

Россия существует в замысле Божиим. Отменить этот замысел и свести Россию с ее исконного предназначения не в силах человеческий умысел. «Путь открыт, хотя и труден, – писал в «Путях русского богословия» прот. Георгий Флоровский. – Суровый исторический приговор должен переродиться в творческий призыв, несделанное совершить»¹¹.

Нереализованность Россией исторических задач в ее прошлом есть залог ее великого призвания в будущем. Источник живых творческих сил, необходимым для совершения неосуществленных задач, находится в недрах духовной жизни народа. Прот. Сергей Булгаков верил «и в глубину, и в богатство, и в даровитость русской природы»¹², которой «всегда нехватало школы, оформления, того, чего хотел Петр Великий»¹³.

Начиная с эпохи святого равноапостольного Великого князя Владимира, вплоть до времени царствования святого благоверного царя Николая Александровича, Россия следовала евангельскому идеалу искания прежде всего Царства Божия и правды его. Но при этом для русской души была «нужна опора, гранитные грани»¹⁴. Такими «гранитными гранями» была система государственного управления и общественного порядка при московских царях и Всероссийских императорах в трехсотлетний период династии Романовых. Когда в феврале-марте 1917 года Государственная Дума захватила в свои руки верховную власть, Россия под знаменем «завоеваний революции» с неудержимой силой стала катиться к диктатуре большевизма¹⁵. Как верно заметил П. И. Новгородцев, князь Львов, Керенский и Ульянов, последовательно возглавлявшие в России революционную власть, связаны между собой в их отношении к драматическим последствиям стихии распада и гражданской войны. Атрофия нравственного сознания, совести, долга и ответственности привела власть к моральной капитуляции перед силами зла. Система бесхитростного «непротivления злу, примененная князем Львовым в качестве механизма управления государством, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого туманом революционно-мифологической идеологии, и превратилась, наконец, у лидера большевиков Ульянова в систему диктата зла – систему массового террора, «облеченную в форму беспощадной классовой борьбы»¹⁶. Русское общество раскололось: одни были потрясены и возмущены ужасами революции; другие, наоборот, были увлечены ее опьяняющей разрушительной стихией. «Прочнее всего, – заключает П. И. Новгородцев, – овладел массами тот, кто более всего взывал к массовым инстинктам и страстям. В условиях общей анархии путь к власти и деспотизму всего более открыт для наихудшей демагогии»¹⁷. Как пронизательно заметил С. А. Левицкий, лозунги революции создают иллюзию благородного «общего дела», зовут к «светлому будущему», – «на подсознание демагогические призывы действуют более мощно, чем разумные доводы»¹⁸. Лежащее в их основе стремление «быть или казаться значительным... по мнению Адлера, еще более мощно, чем даже Эрос»¹⁹. П. Б. Струве, размышляя о причинах «той поразительной катастрофы, которая име-

нуется русской революцией»²⁰, считал, что «судьбы народов движутся и решаются не рассуждениями»²¹, а «определяются стремлениями, в основе которых лежат чувства и страсти»²². Воплотившись в идее, страсть может явиться «могучей движущей и творческой силой исторического процесса»²³. В оценке Струве «русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий»²⁴. Жестокость, агрессия, насилие и террор, как правило, оправдывались «именем революции». «Наблюдения над людьми и над обществами человеческими, – писал еще в середине XIX века митрополит Московский Филарет, – показывают, что люди, более попустившие себя в сие внутреннее, нравственное рабство – в рабство грехам, страстям, порокам – чаще других являются ревнителями внешней свободы»²⁵. Согласно психодинамической концепции З. Фрейда, к свободе от закона стремятся люди, которые «находятся во власти бессознательных и иррациональных сил»²⁶. Если люди не будут в состоянии «контролировать инстинктивные импульсы, то результатом будет уничтожение людьми других или себя»²⁷. Святитель Московский Филарет, обличая губительное безумие мечтателей безграничной свободы, указывает на исторические примеры, «когда сокрушившая свои пределы свобода не раз обгаляла лицо земли невинной кровью»²⁸. Свобода обращается в свою противоположность, когда люди, по Ясперсу, «хотят нового и уничтожения старого»²⁹, когда они «восторгаются всеми великими людьми, прибежавшими к насилию»³⁰, – «история знает таких тиранов»³¹. Прот. Сергей Булгаков «На пиру богов» признается, что так называемые «товарищи» кажутся ему «иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями»³². Причиной нравственной несостоятельности идеологов революции является, в оценке И. А. Ильина, то обстоятельство, что они «забыли драгоценные аксиомы политики, права, власти и государства»³³, отвергли вечные Божественные истины и вместе с ними начала веры и нравственности, «утратили живое чувство добра»³⁴. В результате нравственной аберрации сознания они стали воспринимать провозглашенную революцией месть за торжество справедливости; нечестность и интригу в политике – за гениальность стратегии и тактики революции; жестокость и террор – за героическую доблесть; несбыточную утопическую мечту – за великую мировую «программу»³⁵.

Уровень духовно-нравственной сформированности отдельной человеческой личности определяет уровень качества общественной структуры. Революция явилась воплощением ценностной слепоты безбожной

РАЗДЕЛ I

интеллигенции и распропагандированных ею невежественных народных низов. Возведенная революцией в ранг классовой политики жестокая братоубийственная война выявила равнодушие и презрение к высшим ценностям бытия и главной среди них – ценности человеческой жизни. Рессинтимент, зависть, злоба, месть, эгоизм, гордость и чувственность были волевой движущей силой революции. Нравственный элемент в сознании людей был заглушен и подавлен опьяняющей стихией вседозволенности. Восприятие «революционными массами» высших ценностей – мировоззренческих, художественных и нравственных было атрофировано ядом религиозного нигилизма, и эта невосприимчивость к ценностям «пробужденного» революцией народа явилось подтверждением аксиоматической истины о том, что без познания ценностей никакая этика невозможна. «Познание ценностей, – отмечает Дитрих фон Гильдебранд, – понимание их сущности уже предполагает глубоко благоговейное состояние духа и правильную ориентацию воли»³⁶. Человек живет в мире, где абсолютно все – и созданный Богом космос, и Церковь, и семья, и национальные святыни, и власть Российских самодержцев, и любовь к Родине, и долг, и совесть, и ответственность, и чувство ранга, и воинское служение, и святость древних святых, и доблесть исповедников веры, и творчество гениев науки и искусства – все отмечено сиянием ценностей – от самых высочайших вершин до самых далеких и скромных, но все-таки ценных периферийных реальностей бытия. «Познать ценность, осознать ее, понять ее внутреннюю значимость – это уже существенное, уникальное приобщение личности к миру ценностей»³⁷.

Познание ценностей включает в себе позитивное созидательное начало. Наоборот, равнодушие к ценностям губит мир. История представляет нам множество примеров, когда люди, будучи пленниками своей чувственности и надменности, оказывались способными враждебно реагировать на любое проявление нравственного добра и героической доблести. Страстная ослепленность души не позволяла им увидеть и распознать, то что объективно является нравственно ценным. Находясь в плену извращенных понятий и ложных представлений, вожди революции расценивали великодушие, благочестие, благородство, доверие, политическую корректность, скромность, снисходительность и другие нравственные достоинства представителей правящей династии Романовых и высшей российской аристократии как проявление их слабости и ограниченности, противопоставляя их нравственному превосходству в качестве своего испытанного оружия клевету, ложь, обман, вероломство, наглость, грубость, насилие и террор. В сознании своей «классовой» правоты они считали себя героями – энергичными,

решительными, бескомпромиссными, беспощадными и опытными стратегами, умеющими преступать любые правовые и нравственные нормы и добиваться успеха в борьбе с «ненавистным самодержавием». Оценивая моральную сущность революционной деятельности большевиков, великий русский писатель И. А. Бунин писал: «Я лично совершенно убежден, что низменнее, лживее, злей и деспотичней этой деятельности еще не было в человеческой истории...»³⁸.

Построенная на принципах насилия, революционная мораль стала важнейшим компонентом революционного, мифологического в своей мировоззренческой основе, политического сознания. Ошибка в плане умозрения привела российскую интеллигенцию и русский народ к трагическому крушению тысячелетней монархической власти в России, власти законной, богоустановленной, освященной вековыми традициями и достигшей своей акмеической фазы в эпоху царствования династии Романовых.

В октябре 2004 года на встрече в Кремле с участниками Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Президент России В. В. Путин заявил о проблеме духовного дефицита в современном российском обществе. «Эта проблема, – подчеркнул Президент, – нередко усугубляется элементарной религиозной безграмотностью. Духовное и нравственное просвещение... сегодня является надежным заслоном злу и ненависти»³⁹. Изучение отечественной истории и нравственные уроки пройденного Россией после 1613 года славного, тернистого и драматического пути должны содействовать исполнению задач духовного просвещения современного российского общества. Подлинное просвещение народа возможно лишь на религиозно-нравственных началах православной христианской веры, когда, по замечательному выражению А. Ф. Лосева, «во всех вещах, и во всех личностях, и во всем обществе, и во всей истории, и во всем космосе прекрасной является здесь только озаренность со стороны надмирного и абсолютно-личного начала, то есть только отражение во всем абсолютного лика Божия»⁴⁰.

В эпоху династии Романовых отражение лика Божия сияло над Россией, достойно носившей наименование Святой Руси.

Примечания

¹ Россия и Романовы. М., 1992. С. 313.

² Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 1. Введение в церковную историю. М., 1994. С. 4.

³ Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М. : Республика, 1994. С. 234.

⁴ Тихомиров Л. Н. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 20.

⁵ Тиллих П. Вечное сейчас // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 170.

РАЗДЕЛ I

- ⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 420.
- ⁷ Хайдеггер М. Что такое метафизика? М., 2007. С. 274.
- ⁸ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Б.м., 1998, С. 377.
- ⁹ Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 33.
- ¹⁰ Юрьев М. Проект экономики Новой Российской Империи // Северный Катехон. Византийский альманах. М. : Вече, 2005. № 2. С. 88.
- ¹¹ Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. VMCA-PRESS, 1981. С. 520.
- ¹² Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 135.
- ¹³ Там же. С. 135.
- ¹⁴ Там же. С. 135.
- ¹⁵ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Статьи разных лет. Восстановление святынь. М. : Пресса, 1991. С. 564.
- ¹⁶ Там же. С. 564.
- ¹⁷ Там же. С. 564.
- ¹⁸ Левицкий С. А. Свобода и ответственность. М., 2003. С. 410.
- ¹⁹ Там же. С. 409.
- ²⁰ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 459.
- ²¹ Там же. С. 459.
- ²² Там же. С. 459.
- ²³ Там же. С. 459.
- ²⁴ Там же. С. 459.
- ²⁵ Филарет, свят., митр. Московский. Творения. М. : Изд. «Отчий дом», 1994. С. 278.
- ²⁶ Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. СПб., 2001. С. 486.
- ²⁷ Там же. С. 486.
- ²⁸ Филарет, свят. митр. Московский. Творения. М., 1994. С. 277.
- ²⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 499.
- ³⁰ Там же. С. 499.
- ³¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 362.
- ³² Булгаков С. Н. На пиру богов // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 299.
- ³³ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. №62.
- ³⁴ Там же. С. 362.
- ³⁵ Там же. С. 262.
- ³⁶ Гильдебранд Д. Этика / пер. с нем. А.И. Смирнова. СПб., 2001. С. 290.
- ³⁷ Там же. С. 290.
- ³⁸ Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна (1847–1928). Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2001. С. 233.
- ³⁹ Радаев В. Церковная мобилизация русского мира // Северный Катехон. Византийский альманах. М. : Вече, 2005. № 2. С. 104.
- ⁴⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М. : Искусство, 1980. С. 125.

Д. И. Сазонов

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО: НА ПУТИ К ТРЕТЬЕМУ РИМУ

Два Рима падоша, а третий стоит,
а четвертому не быти.
Филофей Псковский

29 мая 1453 года, 555 лет назад, прекратила свое существование величайшая империя мира – Византийская. Знаменитая идеологема монаха Спасо-Елиزارова монастыря Филофея была сформулирована в «Послании к великому князю Василию» – сыну Иоанна III. 43 года правления Иоанна III подготовили условия для объявления Москвы Третьим Римом. Внешними условиями для этого были: падение в 1453 году Константинополя, крушение Византийской империи, Православного царствующего Рима. На Руси в гибели православного царства видели, с одной стороны, признаки конца света, с другой – наказание Божие за предательство веры на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439), провозгласившем унию. Очень скоро в Москве было озвучено мнение, что «русский государь призван заступить место византийского императора и что русские люди, призванные занять первенствующее место среди православных народов, вместо греков, суть лучшие христиане, чем сии последние»¹.

На Руси этот вывод распространяется в литературных текстах. Например, в сочинении Искандера «Повесть о взятии Царьграда», в которой автор, перешедший из христианства в ислам (по происхождению русский), приводит пророчество императора Льва Мудрого, в котором тот говорит об освобождении Царьграда русскими. В «Сказании о князьях владимирских» русские монахи устанавливают фантастическую генеалогию, в которой предписывают московским князьям родство с византийскими императорами, которые, в свою очередь, являются потомками правителей древнего Вавилона. Иван Грозный, кстати, утверждал, ссылаясь на «Сказание», что ведет свой род от римского императора Августа.

Политическая концепция московского самодержавия и преемственность Москвы – Третьего Рима – рождается в монастырях – авторитетных центрах мысли и просвещения.

В спорах формируется понимание особого характера Московского государства, русского государя, миссии Москвы – столицы Руси в истории человечества.

Следуя этой концепции, в 1472 году московский великий князь Иоанн III взял в жены византийскую царевну Софью Палеолог, племянницу Константина XI, последнего византийского императора, погибшего с оружием в руках во время штурма Константинополя турками. Византийская принцесса, став московской княгиней, вводит придворный церемониал – появляются новые титулы. На печати московского великого князя появляется новая символика – императорский византийский двуглавый орел. Софья своим присутствием легитимизировала политическую преемственность Москвой наследия погибшего «второго Рима».

Рассматривая отношения государственной (светской) и церковной властей в этот период отметим, что Русь, принявшая сначала Православие, а затем уже государственную идею Третьего Рима, не знала конфликтов между светской и церковной властью, подобных тем, которые потрясли Западную Европу и Византию. В отношениях властей большую роль, безусловно, имело благосклонное отношение к Церкви монголо-татарских правителей и подчиненное положение князя. Церковь нуждалась в Москве, оплоте Православия, и последовательно поддерживала политику московских князей. Московские князья нуждались в Церкви, легитимизировавшей их власть и способствовавшей возвышению Москвы.

Но во второй половине XV века происходят события, которые рожают новые отношения между Церковью и князем: Московская митрополия после падения Константинополя становится автокефальной, теряя внешнюю поддержку и авторитет, свое влияние на Киевскую митрополию, на светскую власть. Великий же князь московский со времени падения Константинополя и выдвижения идеологемы «Москва – Третий Рим» получает власть и силу, которой он раньше не имел.

Об этом иллюстративно свидетельствует борьба Церкви с ересью «жидовствующих», когда Церковь, разделившаяся на сторонников преподобного Нила Сорского – «нестяжателей» и сторонников преподобного Иосифа Волоцкого – «стяжателей», обратилась к авторитету великого князя за разрешением своих проблем.

Борьба с еретиками превращается в один из важнейших в истории Руси споров, в ходе которых вырабатывается концепция власти московского государя, определяется принцип отношения к инакомыслию. Как мы знаем, борьба с ересью окончилась тем, что в результате решения великого князя ересь прекратила свое существование. Князь на время отказался от слишком смелых и прямолинейных планов секуляризации монастырских владений, хотя, почувствовав свою власть, усилил власть над Церковью. (Он уже назначал понравившихся ему кандидатов на цер-

ковные должности, Приказ Большого дворца контролировал управление монастырями и епархиями.)².

После победы над ересью в Церкви восторжествовала идеология «иосифлян». Их политическая линия, направленная на укрепление московского самодержавия, более соответствовала новому положению государства, чем гуманизм заволжских старцев с их мистикой и проповедью отхода от суеты этого греховного мира, с их стремлением создать независимую от светской власти Церковь.

«Политико-социологическая доктрина» иосифлянской школы ставила своей главной задачей «идеологическое обоснование абсолютизма, защиту централизации и самодержавия»³.

Именно преподобному Иосифу Волоцкому в русской истории принадлежит роль создателя стройной системы теократического православного абсолютизма, которая подразумевает: обожествление государя и построение отношений между духовной и светской властью. Вот несколько формул, которые он провозглашал, переводя писания византийского автора VI века Агапита: «Царь убо естеством подобен всем человеком, а властью же подобен вышнему Богу»⁴. Далее, он возглашает: «Слышите, цари и князи, и разумеите вас бо Бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади»⁵. Определяется тип симфонии (мессианский характер государства), в которой божественный характер власти князя (царя) предопределяет отношения между ним и Церковью. Цель государства – Православное царство – живая икона Царствия Небесного на грешной земле, где царь принимает на себя и жреческое служение по образу царя и священника Мелхиседека. Образ такого государства взят из Византии, где христианские императоры носили официальный титул *pontifex maximus* – верховного жреца. Константинопольский патриарх Антоний в своем послании к великому князю московскому Василию Дмитриевичу поучал того: «Святой царь занимает высокое положение в Церкви Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь царя. Ибо царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно их отделить друг от друга»⁶.

«Воззрения Иосифа Волоцкого, – писал историк В. Жмакин, – на отношения церковной и государственной власти ставят государство в служебное положение к Церкви, а Церковь в подчиненное положение к государству, причем государственная власть обращается в блюстительницу всех церковных интересов, за каковую Церковь платит власти отречением от своей свободы и самостоятельности, делаясь послушным орудием государя»⁷.

Сформулированное Иосифом отношение двух властей по своему характеру представляет компромисс: государственная власть получает право проникать во все сферы церковной жизни и известным образом влиять на них, считая себя защитницей Третьего Рима. Церковь, отказываясь от своей самостоятельности и поступаясь некоторыми своими правами в пользу светской власти, приобретает тем самым возможность сохранить за собой привилегии, которыми ее наделили в прежнее время и которые никогда не входили в круг ее истинного и прямого назначения (в основном это земли). Две власти поддерживают друг друга, черпают силы одна в другой, возникает стабильная система, прочно стоящая на земле и выполняющая дело Божественного Промысла. Как высокий идеал такой симфонии можно привести слова византийского патриарха Василия Македонянина, написанные им в Эпанагоге, руководстве для судей (IX век): «Император и патриарх необходимы для государственного устройства так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства»⁸. Не может быть и речи о строгом разграничении функции государственной и церковной власти в Третьем Риме, в Православном царстве.

Иосиф Волоцкий создал теорию могучего самодержавного государства, переписав ее из византийских образцов. Иосифлянин, монах псковского Елизарова монастыря, дал этому государству цель. В послании Василию III, сыну Ивана III и византийской принцессы Софьи, Филофей сформулировал мессианскую программу Москвы – первый Рим пал изъеденный язычеством, второй – под ударами неверных, третий Рим – Москва, а четвертому не быть. История завершалась: все православные царства христианской веры сходились в едино царство. А в «богоспасаемом граде Москве Церковь в Успенском соборе [московская соборная церковь в реальном и мистическом смысле слова] сияет ярче солнца на всю вселенную»⁹. Единственная истинная реальная вера – Православие, единственная хранительница веры – Москва, олицетворяемая самодержавным государем. Формула Филофея дословно, вплоть до Петра I, входила в чин венчания московских царей. Церковь дала идеологию государству, указала ему путь империи, путь Православного царства, путь духовного и территориального роста, тем самым определив его высокое мессианское значение.

В 1492 году митрополит Зосима в составленной им пасхалии называет Иоанна III «государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином в новом граде Константина Москве, всей русской земли и иных многих земель государем»¹⁰. Спустя три десятилетия церковная формула становится официальным титулом московского государя. Традиционной

внутренней политике «собираания власти» соответствует теперь традиционная внешняя политика, имевшая, прежде всего, целью – «собираание Руси», т. е. всех православных в единое царство, с центром в Москве.

О пагубности такого симбиоза властей предупреждали «нестяжатели». Они считали, что власть князя, даже в светских делах, не говоря уже о церковных, должна быть ограничена высшим моральным законом. Критиком доктрины теократического абсолютизма выступал преподобный Максим Грек. Но к их мнению не прислушивались. Не только критика, но и сомнение в божественном характере государевой власти стали восприниматься московским князем как удар по его авторитету, так и по доктрине Третьего Рима. Показательный пример этому – действия Ивана III, который уже не считался с мнением митрополита, ходатайствующего о милости по отношению к князю Андрею Углическому. Все большее значение в качестве творческой силы права приобретает воля государя. Изданный в 1497 году Судебник (сборник законов) по содержанию уже беднее «Русской правды» (судебного кодекса X–XI веков). Великий князь олицетворяет государство, которое является его вотчиной, по отношению к которому все подданные – холопы. Основой московского политического порядка становится распределение между подданными князя обязанностей, которые не были связаны с правами. Это означало провал духовной симфонии, провал идеи, где высокое христианское служение понималась как основа государства.

При Иване Васильевиче Грозном идея Третьего Рима приобрела реальную почву – Московское царство. Помогал ему в идеологическом построении государства митрополит Макарий, который был горячим иосифлянином, проповедником самодержавия. Видный дипломат Федор Карпов, проводник идеи абсолютизма власти царя, считал, что царь своими действиями должен добиваться «общей пользы» и ради нее может использовать «грозу закона и правды»¹¹. Церковь слабела. При Иване Васильевиче рост церковных землевладений прекратился. Церковь потеряла «тарханы» – грамоты, которые освобождали ее от уплаты налогов. Царь лишил ее привилегии, которую она получила еще в татарские времена.

После событий 1564 года, отъезда царя из Москвы в Александровскую слободу, были озвучены его требования – неограниченная власть, отказ духовенства от исконного права «печалования» – права вступать за опальных. Самодержавная власть Ивана станет образцом для всех будущих русских царей. Способствуя централизации власти, концентрации ее в своих руках, Иоанн был твердо убежден, что воплощает божественную власть на земле. Для этого он отрицал как свое русское

происхождение, так и официальную Церковь: он создает свой духовный орден – опричнину. Царь, претендующий на самодержавность и вселенскость, потомок Августа и первого Рима, видел себя иностранным принцем – немцем, управляющим страной с чуждым ему народом. При нем Московское государство становится фактически империей. По благословению митрополита Макария и при ближайшем участии царского духовника Андрея (Афанасия) была составлена Степенная книга, которая представляет историю Руси как историю установления Православного царства.

Русский народ, утверждают авторы Степенной книги, является народом исключительным, единственным: Русь – Новый Израиль. История русского народа имеет вселенское значение. Но при этом утверждении распадается священная двоица – союз царя и митрополита, распадается вселенскость Москвы как Православного царства. Иван не терпит ничьей власти, кроме своей. Колебания царя между двумя началами – самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти – «привели государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей – к гибели»¹².

Учреждение патриаршества при сыне Ивана Федоре, возведение митрополита Иова 26 января 1589 года гармонично соответствовало идее Третьего Рима и указывало на роль России как оплота истинной Церкви: «Ветхий Рим падеся аполинариевою ересью второй же Рим, иже есть Константинополь от безбожных турок обладаем, твое же, о благочестивый царь, великое российское царствие в едином собрано, и ты един под небесем христианский царь»¹³. «Эта идея, – писал Р. Г. Скрынников, – отразила новое соотношение сил внутри Вселенской Православной Церкви»¹⁴. Конечно же, Россия, разоренная войной и опричной политикой, в XVI веке не могла претендовать на мировую империю и роль Вселенского Православия, но доктрина Третьего Рима и не была требованием сиюминутной политики – она выражала глубокое убеждение в историческом, Божественном, предназначении России, представляя собой могучий духовный стимул, игравший важнейшую роль в будущем страны. Приведем аналогию. В начале 20-х годов XX века Россия переживала последствия Смутного времени, и тогда уже раздавались голоса о том, что Третий интернационал не что иное, как ипостась Третьего Рима¹⁵.

Утвержденное при царе Феодоре государственное образование, при соборном выборе юного боярина Михаила Романова, казалось бы, нашло свою гармонию. Н. Карамзин пишет: «Единодушно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным, воспламененные любовью к отечеству взывали только: “Бог и государь”»¹⁶. В то же время,

и его отцу, митрополиту Филарету, возведенному после возвращения из плена в патриаршее достоинство, вселенским патриархом Феофаном был дан титул «великого государя» (современником Филарета был Ришелье). Царствование Михаила и его отца – пример божественной двоицы, симфонии. Но при этом надо учитывать нюансы. Л. Гумилев дает оценку правлению первого Романова: «Выбор был крайне удачен, ибо, процарствовав с 1613 по 1645 годы, сам Михаил ничего не предпринимал, работу по устройению государства выполняли земские соборы»¹⁷. Михаилу очень помог авторитет отца, патриарха, взявшего на себя основную тяжесть правления. Государство стремилось контролировать все, управлять всеми сторонами жизни. Было принято множество законов, организующих административную структуру, прежде всего центральную бюрократию. Но, одновременно, огромные области, находившиеся в управлении патриарха, монастырские владения, вотчины митрополитов освобождались от податей. Происходит усиление государственной власти. Но вместе с тем, пока был жив патриарх Филарет, паритет властей сохранялся, хотя чаша весов уже склонялась в сторону возвышения государства, в сторону единовластия. В 1625 году царь официально принимает на себя титул самодержца.

Весь XVII век будет временем поисков монархами путей сохранения абсолютной власти и искоренения путей к ее ограничению. Если в начале XVI века предсказания инока Филофея были выражением безумной мечты, иррациональной веры в Божественное предназначение, в избрание столицы небольшого княжества, затерянного в лесах, центром истинно христианской империи, то в середине XVII века, после всех потрясений, пережитых Московским государством, появляется материальная основа, позволяющая верить в возможность реализации пророчества. Ее изложил в лаконичной формуле Василий Ключевский: государство тучнело, народ хирел¹⁸. Николай Бердяев, говоря о провале «идеи Москвы как третьего Рима», объясняет, что эта идеология «способствовала укреплению и могуществу Московского государства, царского самодержавия, а не процветанию Церкви, не возрастанию духовной жизни»¹⁹. Почему же так происходило? Бердяев говорит, что мессианство вселенского православного царства терялось, во главу идеи становился мессианское призвание русского народа связанного неразрывно с государем: «Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием Русского государства, с исключительным значением русского царя»²⁰. Историк И. Забелин видит причину краха идеологии Третьего Рима в исконных родовых, семейных отношениях – отношениях отца и детей, опекуна и опекаемых.

РАЗДЕЛ I

«Родовое начало, – писал он, – остается нашим нравственным и политическим воздухом, которым мы жили, дышали в течение всей нашей истории»²¹.

Великий разлом не заставил себя ждать. Царь Алексей Михайлович твердо верил в богоустановленность и даже богодухновенность своей власти. Мягкий и отзывчивый человек, он резко отрицал наличие каких бы то ни было прав у государевых людей, всех жителей Московского государства. Народ имел такое же представление о царе, видя в нем источник высшей справедливости. «Кого не слушаешь? – упрекал царь боярина, не выполнившего царского указа, – Самого Христа?»²². Уложение 1649 года стремилось улучшить деятельность старой государственной машины путем увеличения контроля, подчинения всех государственных функций надзору, а не к духовному единению власти и народа. Начинается медленный переход – он будет завершен при сыне Алексея, Петре – к новой форме государственного управления, к полицейскому государству. Его главные черты: правительственная опека и полицейское вмешательство во все области жизни, подчинение экономики казне, наличие широко разветвленной бюрократии. Полицейское государство не только устанавливает правовые нормы, но и берет на себя заботу о благополучии подданных. Например, предписывалось хождение в церковь и число говений в году.

Ярким примером крушения идеала Третьего Рима явился конфликт между государственной властью в лице царя Алексея Михайловича и патриархом Никоном. В нем отразились главные вопросы русской жизни: место и характер веры, отношения между Церковью и государством, роль Русского Православия, борьба старого и нового, отношения к науке и искусству.

Форма, которую принял конфликт, разоривший Православную Церковь и государство, был результатом личных отношений патриарха с царем. Первоначально Алексей Михайлович ставит рядом с собой патриарха, потому что беспредельно верит в него, доверяет ему, любит его. Никон титуловал себя: «Великий государь, старейший Никон, архиепископ московский и всея Великия, Малыя и Белые России и многих епархий, земли же и моря сея патриарх»²³. Алексей Михайлович считал себя не только царем всея Руси, но царем вселенским, царем всего православного Востока. В этом его с энтузиазмом поддерживал Никон, продвигающий идею Вселенского Православного царства. Внесение поправок в богослужебные книги виделось Никону важной мерой устранения разногласий с Греческой Церковью, возникших в результате ошибок в русских священных книгах. Противники Никона считали падение

Византии наказанием за согласие на объединение Церквей, поэтому Греческую Церковь не хотели рассматривать как авторитет и считали, что греки должны были перенять русские обряды. Патриарх же искал путей превращения Русской Церкви во Вселенскую. Осуществлением идеи Третьего Рима, он видел выход за пределы Москвы, привлекая в нее все, что может способствовать ее укреплению, расширению влияния и власти Русского Православия, русской веры. На поверхности шел религиозный спор, а в глубине – спор каким быть русскому государству. Москва шла к империи, старообрядцы уводили государство в сторону, отвергая под предлогом защиты «старины» динамику расширения границ и развития. Никон выстроил Воскресенский монастырь на р. Истра, названный Новым Иерусалимом. Плита, лежащая в соборе, возвещала: «Здесь центр земли»²⁴. Для Никона было несомненно, что центр земли находится в Третьем Риме. Но Рим он понимал как соединение двух образов, идеально, по его мнению, сложившихся в Константинополе – римского и иерусалимского, соответствовавшее двуединству духовной и плотской природе в человеке, двуединству церковной и государственной власти в христианском человеческом обществе. «Вынесенный из Москвы Воскресенский монастырь означал также, что... “Новым Иерусалимом”, “Царством Божиим”, началом Царства Небесного является в России Церковь, ее православное духовное благочестие, а не вещественная земная столица, хотя она и представляет единственную в мире православную державу, ибо в последнем значении Москва – Третий Рим»²⁵. Целью его было превращение Москвы в столицу Вселенской Православной Церкви. Помощь греков была нужна для ее достижения. Старообрядцы же защищали, не щадя жизни, концепцию, которая провозглашала: Православная вера есть русская вера, не русская вера – не Православная вера. В одном из посланий царю, протопоп Аввакум убеждал его отказаться от греческого языка: «Ты, ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай его ни в церкви, ни в дому, ни в простой речи. Любит нас Бог не меньше греков: предал нам и грамоту нашим языком через Кирилла и Мефодия. Чего нам еще хочется лучшего того? Разве языка ангельского? Да нет, ныне не дадут до общего Воскресения»²⁶. Николай Бердяев, подчеркивая сакральный характер Московского царства, в 1937 году писал: «Московское православное царство было тоталитарным государством»²⁷, в котором царь не только должен управлять государством, но и спасать души, подчеркивая этим неразрывность связи Православия и царства, веры и власти. Истинный царь был хранителем веры. В сознании народа царь Алексей Михайлович, посягнувший на древние обряды, не мог

быть подлинным царем. В сознании народа царь теряет свою божественную сущность, свою служебную сакральность. Властью овладевает антихрист. Происходит разрыв «тотальности», органической власти между властью и верой.

Добавим к вышесказанному, что Московское государство, видевшее себя Третьим Римом, было одновременно царством Христовым, царством правды и государственной властью, управлявшей неправдой. Раскол нанес первый удар идее Москвы как Третьего Рима, идее слитности двух царств в одном. Второй удар был нанесен реформой Петра Великого. Рядом с факторами религиозными и политическими выступали факторы психологические, персональные. В предисловии к исправленному Служебнику 1655 году о царе Алексее и патриархе Никоне говорится как о «богоизбранной и богомудрой двоице»²⁸, за которую «все живущие под державою их и под единым их государским повелением утешительными песнями славить имут воздвигшего их истинного Бога нашего»²⁹. Но двоевластие в Московском государстве всегда означало смуту. Суд над патриархом, на который призваны потерявшие власть патриархи Востока – не только крушение союза «богомудрой и богоизбранной двоицы» – это крушение Вселенского Православного царства, которое склонилось перед имперским государством.

Результатом раскола была потеря Церковью политической роли, которую она играла много веков. Она еще сохраняет некоторые привилегии: имущественные, право суда. Решительный Петр I завершит полное подчинение Церкви государству. Причиной ослабления Церкви было усиление государственной власти, которое, в свою очередь, было функцией слабости Церкви. Отпадение верующих людей означало внутреннее ослабление религиозного рвения среди тех, кто оставался в «ограде Церкви». Но удар, нанесенный расколом идее Третьего Рима, не разрушил ее окончательно. Идея трансформировалась в сторону государственного мессианства. Пророчество Филофея, ставшее идеологическим обоснованием тесного союза между государством и Церковью, было благотворно для обоих, способствовало их возвышению. Государство извлекло из союза с Церковью все возможности, какие давало сотрудничество, но когда партнер ослаб, отвело ему служебную функцию.

В начале следующего века московское государство станет официально Российской империей. Москва уступит место новой столице Третьего Рима – Санкт-Петербургу. Преобразование доктрины будет завершено: в определении «Православная Россия», главным станет – Россия, т. е. государство. Идеологическую линию продолжат славянофилы и западники, панславянисты. Во внутренней формуле «Православие,

Самодержавие, Народность» ревнители имперской идеологии решали, что нужно в первую очередь ставить государство: «Самодержавие, Православие, Народность». У последователей же национальной идеи лозунг звучал как: «Народность, Самодержавие, Православие». В 1993 году писатель Ю. Сергеев объявит: «Россия – вот наша вера!.. Бог хочет, чтобы Россия возродилась, это мозг и сердце планеты»³⁰.

Ю. Крижанич, писатель XVII века, в своем сочинении «Политика» открыл еще неосознанную славянскую миссию России (панславянизм). В его глазах эта миссия имела предназначением спасение славянских народов, а в первую очередь – спасение русского народа, оказавшегося во второй половине XVII века перед страшной опасностью быть зараженным чужеземным влиянием. Своим сочинением он принес русский национализм³¹. Источником могущественного идеологического воздействия формулы Филофея была ее простота: два Рима пали, третий – Москва – стоит, четвертому не бывать. Будущее не имело тайны, все было ясно. Простота и ясность были связаны, прежде всего, с тем, что «Москва стоит», т. е. не только существует, но растет. Московское царство не переставало двигаться, распространяться, раздвигать свои границы все дальше и дальше. Оно должно быть Вселенской империей, несущей миру свет Православия, защитницей веры. Московское государство называли «литургическим»: все члены общества должны служить Православному царству, как жизнью, так и имуществом.

Но внешняя экспансия привела Москву в соприкосновение с противником. Нарастал конфликт между традиционным московским укладом и необходимостью развития государства. Конфликт – страх перед чужеземным влиянием, угрожавший чистоте Православия. Для Ю. Крижанича не Православие (сам он был католиком), а славянство было фактором, определявшим уникальность Руси. По его мнению, только самодержавие позволит уничтожить источник всех зол – плохие законы. Самодержавный царь может провести необходимые реформы. Избавив тем самым Русь от всех зол. Самодержавие, со свободами «пристойными и умеренными, возвещает идею просвещенного абсолютизма». Но славянская идея, концепция славянского царства не получила того значения, о котором мечтал Крижанич, ибо вступила в противоречие с имперской идеей, ограничивало ее. Москва – Третий Рим, не могла довольствоваться только славянскими народами, она видела себя в центре православного мира.

Идею западной империи воплощал Петр. Вольтер написал: «Наконец родился Петр, и Россия приобрела форму»³². В народе снова стало бытовать мнение, что царь ненастоящий – его подменили немцем,

антихристом. Карамзин делает вывод: «Мы стали гражданами мира, но перестали, в некоторых случаях, гражданами России». И далее он пишет: «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию – Голландиею»³³. После подписания Ништадского договора Сенат принял решение преподнести Петру титула Великого, отца отечества и императора Всероссийского. Примечательным был выбор не греческого, но римского титула: третий Рим утверждал свою преемственность от первого, языческого. Государь именовался теперь: император и самодержец всея Руси, Москвы, Киева, Владимира, Новгорода, сохранив титул царя только по отношению к бывшим татарским землям – Казани, Астрахани и Сибири. Это значило, что нет больше царя – есть всероссийский император.

Государственная власть становится имперской в двух смыслах этого слова: она захватывает в свои руки все области общественной жизни и новые территории (государства) для развертывания своей деятельности.

На желание иметь патриарха Петр ответил Духовным регламентом, составленным Феофаном Прокоповичем. Регламент, по сути, содержал требование принять новое, не церковное мировоззрение. Руководство Церковью переходило в руки Синода, члены которого приравнивались к чиновникам всех светских учреждений. Идея Православного царства стала лишь вывеской. Чиновники давали присягу царю и обязывались беспрекословно выполнять его предписания. Синодский указ предписывал священникам доносить властям об изменнических или бунтовских намерениях, выраженных во время исповеди. Н. Карамзин писал: «Петр объявил себя главой Церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного»³⁴.

Учреждение в 1589 году патриаршества в Москве было официальным знаком принятия византийского наследия. Ликвидация патриаршества свидетельствовала о том, что император всероссийский не нуждается в посреднике между Богом и собой. Военский устав 1716 года декларировал: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»³⁵. Царь и патриарх – богоизбранная и богомудрая двоица – были высшей государственной властью в Московском государстве. В Духовном регламенте 1721 года отмена патриаршества объяснялась тем, что «простой народ не ведает, как разнствует власть духовная от самодержавной»³⁶. Чтобы не было путаницы, император объединил в своих руках власть светскую и духовную. Петр менял административную систему управления, одновременно устанавливал

ливая вместо византийского строя церковной империи (православного царства) строй Римской светской империи (не царства и не православного). Патриарх, мешавший монарху быть абсолютным владыкой, должен был уйти. По мнению императора, каждый гвардейский офицер мог руководить Церковью. Петр мог сказать: «Государство – это я», – с еще большим основанием, чем Людовик XIV, ибо русский царь мог добавить: «Церковь – это тоже я». «Петр, – писал Г. Вернадский, объясняя смысл его церковной реформы, – по своему душевному укладу был типично русским человеком, но по своему религиозному мировоззрению он не был типично русским царем»³⁷.

Со времен Петра российская государственность в своей идеологической концепции никогда не отказывалась от идеи Третьего Рима. Но, трансформировав религиозную идею в идею сильной государственной власти, она потеряла ее смысл – Царства Божия на земле. И хотя императором Александром I для поддержания мира в Европе был создан Священный Союз, как прообраз великой империи, хотя пришло освобождение славянским народам при Александре II, но имперский период российской государственности стал периодом заката соборного начала в духовной, церковно-религиозной и светской жизни. После ликвидации крепостного права, борьбы с монашеством и монастырями самодержавие было обречено. Была потеряна идея семьи. После этого самодержавие могло трансформироваться в парламентарную монархию, могло погибнуть. Как это и случилось. Василий Ключевский писал: «Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией...»³⁸. Александр II, преодолевая внутренне сопротивление, осуществлял реформы, надеясь, что они помогут восстановить мощь империи, престиж России на международной арене. Высший бюрократический аппарат подчинялся воле государя, понимая, что своими руками ломает систему идеального самодержавия.

Император Николай II, зная историю, понимал необходимость восстановления мировоззренческого единства народа, единства его нравственных и религиозных идеалов, его самосознания и чувства долга. Единственной силой, способной на это была Православная Церковь. Государь решил, что сначала должны быть восстановлены соборные начала в церковной жизни, а затем, опираясь на ее поддержку, – и в общественно-государственной деятельности. Первым этапом восстановления империи по византийскому образцу – собор церковный, затем земский. Понимая, что никакой земский собор невозможен без единения с Церковью, государь был готов произвести грандиозные перемены во всем строе церковно-государственной жизни. «Речь шла о перестройке

всего государственного здания на духовных началах, причем успех намеченного плана всецело зависел от удачного выбора патриарха, так как помимо своих прямых обязанностей по возглавлению Церкви, он привлекался, вместе с лучшими выборными людьми Русской земли, в лице Земского собора, к участию в управлении государственными делами, как это было в старину»³⁹. В марте 1905 года государь сообщил членам Священного Синода о своем решении, и в качестве кандидатуры патриарха предложил себя, оставляя престол сыну, при регенстве императрицы. Но члены Синода не смогли оценить благотворность перемен. В отличие от Земского собора (трансформированного затем в Учредительное собрание), Церковный собор состоялся в 1917–1918 годах, он привел, избрав патриарха, церковное устройство в соответствие с многовековой канонической традицией Вселенского Православия, предопределил духовную стойкость Российского государства перед лицом богоборческих гонений советской эпохи. Но противостоять катастрофе, поглотившей русскую православную государственность не смог даже он.

В конце 40-х годов И. Сталин, как человек, хорошо знавший духовные основы истории, пытался сделать Москву «Русским Ватиканом». В книге воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского) описаны его настроения во время шествия воинов-освободителей Европы: «Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского (мечта!), гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян и Москва – кто знает! – быть может, всемирный центр Православия»⁴⁰. Начиная с 1946 года, стали осуществляться планы по проведению Вселенского собора, намеченного на 1948 год, для «решения вопроса о присвоении московской патриархии титула вселенской». Начиналось воплощение мечты о Третьем Риме. Но в той ситуации Церковь находилась отнюдь не в симфонии с государством, а играла лишь одну из важных ролей в «большой политике», была лишь «одним из важнейших инструментов в реализации наступательной стратегии СССР».

Но, несмотря, ни на что, идея Третьего Рима жива. Она всегда востребована и только ждет своего часа, который наступит при возвращении народа в Церковь, при принятии соборных основ государства, при симфонии государства и Церкви. «Когда окончатся страдания твоя, – пророчески говорил на Всезарубежном соборе 1937 года святитель Иоанн Шанхайский, – правда твоя пойдет с тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда возведи окрест очи твои и виждь: се придут к Тебе от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки»⁴¹.

Эти слова свидетельствуют о том, что Россия, как преемница Российской империи, может «воскреснуть» и найти свое место и роль в истории только тогда, когда в симфоническом и соборном единении государственной и церковной власти, власти и народа, объединенных единым служением Богу, она вновь избрет Царство Христа Спасителя.

Примечания

¹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1880-1916. Т. 2. С. 464.

² В 1649 году «Уложением» царя Алексея Михайловича (42 статья, гл. 13) запрещался дальнейший рост церковных имуществ. В 1718 году в результате реформ Петра монастыри потеряли треть крестьянских дворов. Манифестом Екатерины II от 26 февраля 1764 году «О разделении церковных имуществ» у монастырей были окончательно изъяты все вотчины. Борьба с монашеством продолжалась вплоть до царствования импер. Николая II.

³ Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987. С. 184.

⁴ Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. М. ; Л., 1959. С.184.

⁵ Там же С. 230.

⁶ Цит. по: Иоанн (Снычев), митрополит. Русь соборная. СПб., 1995. С. 101–102.

⁷ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 94.

⁸ Цит. по: Иоанн (Снычев), митрополит. Там же. С. 101.

⁹ Цит. по: Геллер М. Я. История Российской империи : в 2 т. М. : Из-во «МИК», 2001. Т. 1. С. 159.

¹⁰ Под стягом России : сборник архивных документов. М. 1992. С. 6.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 512.

¹² Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 2. С. 163.

¹³ Цит. по: Геллер М. Я. Там же. С. 247.

¹⁴ Скряников Р. Г. Борис Годунов. М., 1975. С. 44.

¹⁵ Геллер М. Утопия у власти / М. Геллер, А. Некрич. Лондон. 1966. С. 152–158.

¹⁶ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 25.

¹⁷ Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С. 234.

¹⁸ Цит. по: Геллер М. Я. История российской империи. С. 325.

¹⁹ Бердяев Н. А. Русская идея. Париж, 1971. С. 12,13.

²⁰ Там же. С. 11, 12.

²¹ Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв. М., 1869. С. 28.

²² Цит. по: Геллер М. Я. Там же С. 332.

²³ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 318.

²⁴ Лебедев Л., протоиерей. Москва патриаршая. М. : Из-во «Вече», 1995. С. 141.

²⁵ Там же.

²⁶ Литература Древней Руси. Хрестоматия. М. : Высш. шк., 1990. С. 491.

РАЗДЕЛ I

²⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 10.

²⁸ Никон: Биографический очерк // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Эфрон. СПб., 1897. Т. 21. С. 140.

²⁹ Цит. по: Костромаров Н. Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. СПб. Без даты. Т. 2. С. 139.

³⁰ Сергеев Ю. Наследник // Роман-газета. 1993. № 2. С. 46.

³¹ Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 497.

³² Цит. по: Геллер М. Я. Там же. С. 397.

³³ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С. 37.

³⁴ Карамзин Н. М. Там же. С. 35–36.

³⁵ Цит. по: Геллер М. Там же. С. 453.

³⁶ Там же.

³⁷ Вернадский Г. Начертание русской истории // Евразийский временник. Берлин, 1925. Т. 4. С. 190.

³⁸ Ключевский В. Курс русской истории. СПб., 1912. Т. 5. С. 233.

³⁹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981. С. 276.

⁴⁰ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 611–612.

⁴¹ Цит. по: Иоанн Шанхайский, архиепископ // Русский паломник. 1990. № 2. С. 101.

А. В. Репников

РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ О ПРОБЛЕМАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Для российских консерваторов была характерна сакрализация самодержавной власти. К сожалению, большинство современников прошли мимо религиозной составляющей в их рассуждениях или же попытались оценить ее с позиций материализма. Но именно с наличием этой составляющей и связано то специфическое обстоятельство, что вплоть до конца XIX века консервативные идеологи в России не стремились обеспечить оформление политико-правовой доктрины самодержавной власти¹.

Американский историк Ричард Уортман в своем фундаментальном труде «Сценарии власти» уделил немало места вопросу сакрализации русской монархии. Он полагает, что «в 1881 году центр национального мифа сместился от сакрализации монархии к сакрализации самодержавной власти как священного начала и исторической русской тради-

ции. Царствование Николая II продвинулось еще на шаг вперед: коронация освящала не только монархию, но и самого монарха как избранного Господом»². Если мы допускаем (а об этом свидетельствует окружение Николая II), что последний император совершенно серьезно считал, что ответственен за свои решения только «перед совестью и Всевышним», то это многое объясняет в его образе мышления и действиях. Объясняет это и нежелание наиболее непоколебимых правых смириться с тем, что власть монарха может быть ограничена. Это касается не столько политиков и лидеров монархических партий (последние, как раз, были вынуждены по роду своей деятельности быстрее приспосабливаться к политическим изменениям), сколько идеологов. Так, К. Н. Пасхалов, в отличие от многих правых, наотрез отказывался принимать правила «политической игры», установленные после 17 октября 1905 года. Идя в некоторых вопросах на компромисс с «веяниями времени», он до конца остался апологетом идеи неограниченного самодержавия, считая, что «ограниченное или конституционное самодержавие есть такая же бессмыслица как, например, мокрый огонь, сухая вода и т. п.»³.

Обосновывая неограниченность верховной власти, консерваторы полагались на крепость монархических чувств в русском народе, на его верность историческим началам. Да и самодержцы при определении своего отношения к деятельности того или иного политика порой исходили из странных для либералов дня принципов. Так, Александр III выдвигал в качестве критерия «русскость» или «нерусскость» того или иного человека из своего окружения. Этническое происхождение здесь, тоже имело место, но отнюдь не стояло на первом плане. «Русским» считался не обязательно человек русский по крови, а тот, кто беззаветно служил вере, царю и отечеству.

Все это не могло не способствовать первостепенности религиозно-нравственных оценок при обращении консерваторов к трактовке самодержавной власти. Наиболее четко эта позиция нашла свое отражение в мировоззрении К. П. Победоносцева, который считал невозможным анализировать сущность самодержавия в отрыве от религиозных принципов. Как консерватор он был убежден в нравственном несовершенстве человека, и в том, что подлинное спасение возможно только путем возвращения к духовным истокам, а не путем переустройства общества на рациональных началах. В аналогичном духе писал и М. О. Меньшиков: «Вообще *средний* человек за это столетие всюду в свете обнаружил себя не тем, как представляли его философы. Он вышел гораздо ниже благородной мечты о нем» (1909)⁴. Причину столь печального явления Меньшиков усматривал не в «грехах правительства», а в том, что

РАЗДЕЛ I

человеческий род, как и каждый отдельный человек, «за редкими исключениями, крайне несовершенен, что совершенство... не *есть*, а его нужно *достигать*, притом с величайшими усилиями, долговременным обузданием своей природы – до окончательного перерождения ее в высший тип. По убеждению столь великого авторитета, как Церковь, естественный удел несовершенных людей – гибель, и спасти от гибели может лишь суровая дисциплина так называемой “плоти”⁵. Впрочем, счастливый результат достигается в конце концов вмешательством самой природы, актом чуда. “Никто не придет” к совершенству, “кого не приведет Отец”... внушая о необходимости непрестанных усилий к тому, что овладеть своей волей и сделать ее благородной, Церковь гораздо вернее понимала человеческое существо, и цивилизация, основанная на этом, религиозном, взгляде, более отвечала счастью»⁶.

Подчинение государству, склонность к смирению превозносились российскими консерваторами. «Искание над собой власти», по замечанию Победоносцева, представляет естественную психологическую черту людей, ведь государство и власть защищают народ, монарх подобен «отцу», а его подданные «детям». Как ребенок доверяет родителям, так и народ должен довериться власти во всем. В этом контексте Россия представляла, по мнению консерваторов, «семью» с абсолютным отеческим авторитетом и отеческой заботой со стороны власти и повиновением со стороны общества. В период модернизации, когда происходившие изменения порождали в людях неуверенность, именно власть должна была помочь им преодолеть все «идеологические соблазны».

Власть императора является богоданной и не может ограничиваться ничем кроме сознания своего высокого предназначения. Если западная трактовка отношений власти и общества, так или иначе, базируется на индивидуализме, при котором гражданин, как правило, стремится опираться на собственные силы, то русскому национальному характеру в гораздо большей степени свойственен высокий уровень ожиданий от государства и его главы. Самодержавный режим, обладавший монополией на власть, должен был, согласно консервативной трактовке, контролировать не только общественную, но в определенной степени и частную жизнь подданных. Выполнять подобные функции было возможно только при наличии мощного государственного аппарата принуждения. Одно из главных мест в системе контроля отводилось Русской православной церкви. Наиболее ярко стремление к установлению опеки над обществом проявилось в мировоззрении и деятельности Победоносцева. Семья для него была поистине священна. Развод, по его понятиям, был подрывом высших государственных интересов, изменой «большой

семье» – государству. В этом же ключе следует рассматривать активную деятельность консерваторов по ужесточению цензурных ограничений и ограждению народа от «крамолы», их пристальное внимание к вопросам образования и т. п.

Что же представляла собой консервативная доктрина власти? Как отмечает современный исследователь, «идею власти как служения, посвященного Богу, следует признать традиционной для политического мышления русского консерватизма»⁷. Конечно, для рационалистического мировоззрения эта трактовка неприемлема, но для консерваторов это логично, поскольку монархическое начало (особенно в России) тесно связано с религиозностью: «Власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек... Дело власти есть дело непрерывного служения, а потому, в сущности, – дело самопожертвования»⁸. Любая власть (а тем более, власть самодержца) – это жертва, приносимая во имя отечества. О людях, которые, участвуя в управлении государством, не осознают меру своей ответственности, Победоносцев писал: «Если б они понимали, что значит быть государственным человеком, они никогда не приняли бы на себя страшного звания: везде оно страшно, а особенно у нас в России. Ведь это значит: не утешаться своим величием, не веселиться удобствами, а приносить себя в жертву тому делу, которому служишь, отдать себя работе, которая сжигает человека, отдавать каждый час свой с утра и до ночи быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только»⁹. Поскольку власть самодержца «не есть привилегия, не есть простое сосредоточение человеческой власти, а есть тяжкий подвиг, великое служение, верх человеческого самоотвержения, крест, а не наслаждение», то, следовательно, она не может никем ограничиваться, «ибо всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе»¹⁰.

В соответствии со своим мировоззрением, консерваторы иначе чем либералы оценивали роль самодержца: «В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести»¹¹. Идея замены модели самодержавия на конституционно-монархическую или конституционно-парламентскую форму правления рассматривалась ими как покушение на корневые основы российской государственности. К. Н. Леонтьев писал о том, что «либерализм в России есть система весьма легкая и незатейливая еще

РАЗДЕЛ I

и потому, что охранение у каждой нации свое: у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один ...»¹².

Либералы справедливо критиковали консерваторов за то, что те не стремились к четкому юридически-правовому оформлению «конструкции» самодержавия. В этом вопросе теории, выверенные по западным образцам, выглядели более оформленными. Но дело в том, что, правые вводили в свои построения элемент сакрализации монархической власти, то есть надюридический элемент, который исключал возможность чисто рационального объяснения принципа власти. «Власть всероссийского Императора есть не только юридическое установление, но и фактическое отношение», – писал Казанский¹³.

Право допускалось в систему консервативных построений, только после того, как оно подкреплялось религиозным догматом. Особенно четко это выразилось в мировоззрении Победоносцева, для которого закон, с одной стороны, был правилом поведения, а с другой – приобретал характер заповеди, поскольку освящался религией. Для либералов же закон был самоценен, и его вовсе не нужно было «возвеличивать» с помощью обращения к «духовной» стороне человеческой природы. Либералы обращались к «рациональной» стороне человеческого мышления, что с точки зрения консерваторов, лишало закон оправдания. По их мнению, в государственной системе, созданной в рамках либеральной модели, человек отвечал, в первую очередь, перед человеческим правосудием, а не перед Богом. То есть исполнение законов происходило не столько из боязни Божественной кары, сколько из страха перед наказанием и «слепым правосудием человеческим».

Без понимания этой стороны консерватизма сложно в полной мере осознать то негативное отношение, которое консерваторы испытывали к парламентской форме правления. Они не считали возможным, что отвечающий перед Богом монарх должен еще нести ответственность перед какими-либо парламентскими структурами. П. Ф. Булацель прямо писал, что «конституционно-парламентский строй неизбежно погубит Русское государство и приведет к всемирному краху христианской цивилизации»¹⁴. Идею народовластия консерваторы относили к ложной еще и потому, что в ее основе лежала мысль о том, что власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. По их мнению, либералы обожествляли человеческую волю, заменяя ею волю Божественную.

Консерваторы критически относились к процедуре выборов, считая, что они представляют игру на чувствах и эмоциях толпы. В этой игре побеждает более удачливый, но не всегда более профессиональный политик, а «ослепленная» предвыборными обещаниями масса даже

не помышляет о соотнесении этих обещаний с реальными возможностями. «История свидетельствует, что существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходят от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей...», – писал Победоносцев¹⁵. Консерваторы предполагали, что практическое осуществление в России либеральных реформ приведет к неизбежным изменениям во всей государственной системе. В этом случае самодержцу пришлось бы уступить сначала часть своих полномочий, затем еще часть и в конце-концов превратиться в декоративную фигуру.

Уступка «прогрессивному обществу», сделанная властью под давлением, воспринималась бы как слабость, и «последствия не замедлили доказать ошибочность расчетов правительства: чем более старалось оно подладиться под требования так называемого общественного мнения, тем сильнее разгорались страсти, тем неистовее действовала крамола, наисильнейшее проявление которой совпало с последней гранью уступчивости власти, выразившейся в акте 17 октября 1905 года»¹⁶. О том, что такие уступки, сделанные под давлением, расшатывают основы власти писал И. А. Родионов: «Гуманность и великодушие царские, облеченные в мягкие законы, обыкновенно недостойными и невежественными подданными трактуются, как слабость. Отсюда клич: “все позволено!” Отсюда неуважение законов, суда и властей, отсюда страшное увеличение преступности, потому что *вместо справедливости и правды водворяется право всякого делать то, что ему вздумается*. Наши гуманные законы породили и укоренили в народе полное беззаконие. Никто не уважает такого слабого закона и не страшится преступить его»¹⁷. В итоге получилось так, что «недовольны положением дела решительно все: и рядовые обыватели, жаждущие единственно спокойствия и безопасности и их не находящие, и честолюбцы, неудовлетворенные пределами предоставленного участия в управлении Государством, и патриоты, опасющиеся крушения русских основ Государственного бытия, и многочисленные инородцы, не получившие ожидавшихся ими автономий и равноправий. Не оправдалась ни одна надежда и оправдались все опасения, а жизнь населения ни приобретя ровно ничего нового, хорошего, потеряла даже ту устойчивость, которую имела при старом порядке. А между тем нет и не может быть никакого сомнения в том, что правительство наше искренно стремилось предпринимаемыми реформами принести пользу и улучшить положение государства»¹⁸.

Как и предсказывали консерваторы, в случае создания представительных органов власти началось постепенное «выдавливание» монарха из реальной политической жизни. Леонтьев утверждал, что крушение традиционного мироустройства приближается по мере того, как сознательное начало берет верх над бессознательным, а рациональное над религиозным. К тому же консерваторы не думали, что парламентаризм может позитивно обновить жизнь общества, считая, что либералами, в лучшем случае, движет утопизм, а в худшем – стремление к личной выгоде. Победоносцев отмечал по этому поводу: «Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих прежде столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, от духа ея и истории, произвольными властителями жизни народной, не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников»¹⁹.

Не сомневаясь в губительном характере парламентской системы применительно к России, консерваторы не были тотальными отрицателями самой идеи парламентаризма как таковой. Н. Я. Данилевский считал, что для западноевропейского культурно-исторического типа конституционный строй закономерен и органичен, а вот попытки перенести его на российскую почву равносильны стремлению заставить рыбу дышать легкими. При этом он не делил формы политического устройства на «высшие» и «низшие», считая, что нелепо утверждать, будто бы французский республиканский строй лучше русского самодержавия или хуже английской конституции²⁰. На Западе либеральные идеи были «выношены» обществом, а не калькировались по чужим образцам. Читая наследнику Николаю Александровичу лекции по праву, Победоносцев подчеркивал, что представительные учреждения имеют прямую связь с историей той страны, где они существуют: «Не всякому быту, не всякой истории, не всякому народу свойственны эти учреждения. Они могут в порядке действовать только там, где есть для того условия в быте народном и в учреждениях прежнего времени...»²¹. В качестве примера Победоносцев приводил Англию, считая, что там демократия оправдала себя, поскольку органично вписалась в государственную систему и укоренилась в исторически подготовленной почве. Но это вовсе не означало, что английские государственные формы являются эталоном и могут быть скопированы в России, где они явились бы инородным телом в государственной машине. Победоносцев полагал, что наиболее успешно английская система управления (исключая королевскую

власть и аристократию) прижилась в Соединенных Штатах. Парламентаризм, по его мнению, мог существовать и развиваться в странах англосаксонского ареала и в таких небольших государствах Европы, как Бельгия и Голландия. Попытки же перенесения парламентских форм в Европу и на Балканы Победоносцев считал искусственными и неудачными. Наиболее критически он оценивал попытки «привития» либеральных систем во Франции, Италии, Испании, на Балканах, в Австро-Венгрии и в Латинской Америке. Например, в Испании, по его мнению, либерализм всегда неразрывно связан с мятежом, поскольку не имеет под собой твердой исторической почвы.

О естественности для Англии конституции писал и известный правый публицист А. П. Липранди. По его мнению, традиция парламентаризма для Англии это то, что отвечает «характеру народа» и им же создано. Что же касается России, то конституционализм противен самому характеру и мировоззрению русского народа. В консервативных концепциях «государственные институты рассматривались как продукт соответствующих национальных традиций. Тем самым отвергался тезис об универсальности либеральных политических форм», – отмечал по этому поводу историк М. Н. Лукьянов²². «Каждый народ должен идти своим историческим путем, преемственно развивая формы своего государственного строя, углубляя и расширяя русло своей правовой жизни. Движение вперед обычно состоит лишь в более совершенной выработке форм национальной, в том числе и юридической, жизни, остающейся в своей внутренней сущности неопределенное время, быть может, надо сказать, всегда – равной себе самой... среди национальных юридических установлений главное, несомненно, – Верховная Власть. При этих условиях задачей русской науки права является выяснение и установление юридических основ русского возрождения. Главной из них является русская Императорская власть», – полагал П. Е. Казанский²³.

Несмотря на относительно стабильную для консерваторов эпоху правления Александра III и подавление Первой русской революции, консервативные идеологи так и не смогли выработать за все эти годы единой программы и к моменту Февральской революции 1917 года консерватизм находился в идеологическом и политическом кризисе. Кредит доверия к последним защитникам монархии стремительно таял в обществе, а правые партии теряли своих сторонников. Идеологи, понимая неизбежность крушения, впадали в уныние и отчаяние.

Современные исследователи отмечают, что в рядах защитников самодержавия были видные писатели, крупные историки, известные

философы, которые разрабатывали теории, направленные на сохранение существующей системы²⁴. Но правые *мыслители* не могли похвастаться своей широкой известностью. Они не были так хорошо известны широкой публике, как А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, И. Восторгов, Н. Е. Марков. Рядовые монархисты предпочитали теоретическим изысканиям Л. А. Тихомирова и юридически-правовым построениям Казанского популярную публицистику и простые лозунги.

С другой стороны, мало кто из консервативных мыслителей имел четко оформленную программу действий, которую можно было бы предложить в качестве альтернативы либеральной и социал-демократической идеологиям. Людей, успешно сочетавших политическую, научную и публицистическую деятельность, мы среди консерваторов практически не увидим. Историк Д. И. Иловайский не состоялся как издатель газеты «Кремль», которую выпускал на собственные деньги и к тому же нерегулярно. Тихомиров, признанный как теоретик, и даже ставший «чиновником» на тот срок, пока ему благоволил П. А. Столыпин, чурался реальной политики, предпочитая ей работу за письменным столом. Попытка «похода в политику», предпринятая С. Ф. Шараповым, закончилась для него неудачно, и он сам признавался, что ему «стыдно стало моего увлечения». Можно привести и другие примеры. Даже Победоносцев, обладавший реальными рычагами власти, считал проигранным то дело, которое защищал и говорил о неизбежности «революционного урагана».

Вместе с этим, практически каждый из консерваторов в своих рассуждениях о переустройстве России вносил ряд предложений, которые могли бы при их правильной реализации способствовать решению внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем. Но им так и не удалось представить власти, обществу и даже собственным единомышленникам четкой концепции переустройства России. Действуя в режиме ответов на модернизационные вызовы, консерваторы, в первую очередь, стремились сохранить то, что уже имелось. Современный исследователь С. В. Лебедев не случайно отметил, что «консерватизм – это всегда моральные, религиозные, политические, культурные ценности, лежащие в основе политического и общественного поведения, а не доктрина... трудно говорить о собственно консервативной детализированной наличной альтернативе переустройства социума»²⁵.

На рубеже XIX–XX веков, русский консерватизм не оставался чем-то неизменным. За редким исключением, консерваторы, начиная с 1880-х годов XIX века, проделали определенную идейную эволюцию. Предлагаемые ими пути решения социально-политических, нацио-

нальных и религиозных проблем подразумевали не только «подмораживание» общества, но и его постепенное развитие под контролем власти. Нужно было конструировать идеологию, способную противостоять набравшим силу либеральным и социалистическим концепциям.

Рассматривая «и социализм, и капитализм как явления чуждые православной “Святой Руси”»²⁶, консерваторы, вместе с тем, пытались увидеть те стороны в либеральных и социалистических теориях, которые привлекали к ним массы. Например, идеологи Всероссийского национального союза – М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский – сочетали в своих работах либеральный подход к экономическим вопросам и национализм. Авторы сборника «Ладо», ныне, к сожалению, практически забытого исследователями отечественного консерватизма, посвящали его «нарождающейся русской национал-демократии». Тихомиров, апеллируя к опыту европейской социал-демократии, предлагал программы решения рабочего вопроса.

Консервативных мыслителей давно интересовали религиозный и национальный вопросы, но их обращение к экономическим темам стало определенной реакцией именно на вызовы времени. Можно сказать, что экономическая составляющая консерватизма проистекает из тезиса об историческом своеобразии развития каждого государства. Несмотря на определенную утопичность некоторых из посылок русского консерватизма, в одном традиционалисты оказались правы. Они реально оценивали Россию, как страну с преобладанием крестьянского населения, которое соответственно имело в своем большинстве традиционалистское сознание. В экономической сфере идея государства, которое в первую очередь защищает интересы «слабых», вполне вписывается и в православную, и в социалистическую модель. С другой стороны, в консервативной среде были и сторонники идеи минимального вмешательства государства в экономику.

Консервативная идея, прежде всего, выполняет стабилизирующую роль в обществе. Она удерживает порядок не столько за счет насильственного подавления государством человеческой личности, сколько путем создания нравственных барьеров, своеобразной «границы», до которой возможно осуществление новаций. Вопреки сложившемуся мнению, согласно которому либерализм более толерантен, чем консерватизм, всегда находящийся в обороне, консерватизм способствует сохранению стабильности социума и государства. Исследователь Г. Рормозер, считает, что вышеизложенное мнение о вторичности консерватизма типично «лишь для определенных сил, которые считают себя партией прогресса. Прогрессивность же они

РАЗДЕЛ I

сводят на самом деле к рационализации всех природных, исторических, общественных отношений, выдавая свою собственную позицию за позицию эпохи Нового времени как таковой... В действительности эпоха Нового времени переживает кризис. В противовес вышеупомянутой левой позиции я предложил бы следующий тезис. Эпоха Нового времени в целом всегда характеризовалась диалектическим взаимодействием прогрессивных и консервативных сил»²⁷.

Идеологи консерватизма отстаивали основные традиционалистские принципы: сильную государственную власть (обязательно самодержавную), принцип иерархии и строгой дисциплины, необходимость противодействия либеральной и социалистической доктринам.

Диапазон русского консерватизма был необычайно широк, включая в себя и крайних охранителей, и либерал-консерваторов, и «революционеров справа». Консервативный спектр русской политической жизни эволюционировал и в 1917 году, когда эта эволюция была насильственно прервана, она далеко еще не закончилась. Казалось, что после падения самодержавия консервативная идеология навсегда исчерпала себя. Но этого не произошло. Идеям не свойственно исчезать бесследно после того, как их апологеты покинут политическую сцену. Идеи «засыпают», или трансформируются.

С 1990-х годов XX века, в научной и политической среде значительно возрос интерес к русскому консерватизму и его представителям, консерватизм не только остается предметом исследований, но и популярен в российской политике²⁸.

Примечания

¹ См.: *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

² *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 465. Характерна в этой связи и присутствующая в тексте ссылка американского исследователя на книгу Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность».

³ *Пасхалов К. Н.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910. С. 31.

⁴ *Меньшиков М. О.* Национальная империя. М., 2004. С. 210.

⁵ Пермский историк М. Н. Лукьянов, считающий, что «в качестве главной антропологической посылки консервативной политической позиции чаще всего выступало специфическое видение человеческой природы. Консерваторы подчеркивали несовершенство человека, его греховность», далее прерывает цитату из статьи Меньшикова (*Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 17), но, как нам кажется, последующее предложение важно для понимания консервативной оценки природы человека.

- ⁶ *Меньшиков М. О.* Национальная империя. С. 210.
- ⁷ *Тимошина Е. В.* Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб., 2000. С. 108.
- ⁸ *Победоносцев К. П.* Сочинения. СПб., 1996. С. 426, 427.
- ⁹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. I. С. 207.
- ¹⁰ *Тихомиров Л. А.* Критика демократии. М., 1997. С. 532, 531.
- ¹¹ *Карамзин Н. М.* Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 102.
- ¹² *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 268.
- ¹³ *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 26.
- ¹⁴ *Булацель П. Ф.* Борьба за правду. СПб., 1912. Т. 2. С. 87.
- ¹⁵ *Победоносцев К. П.* Сочинения. С. 278.
- ¹⁶ *Пасхалов К. Н.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910. С. 5
- ¹⁷ *Родионов И. А.* Два доклада: 1) Неужели гибель? 2) Что же делать? СПб., 1912. С. 119.
- ¹⁸ *Пасхалов К. Н.* Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. С. 4.
- ¹⁹ Там же. С. 183.
- ²⁰ См.: *Репников А. В.* Данилевский Н. Я. // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев.* М., 2005. С. 133–135.
- ²¹ Записки по законоведению К. П. Победоносцева // *Известия вузов. Правоведение.* 1997. № 1. С. 78.
- ²² *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. С. 22.
- ²³ *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского Императора. С. 22.
- ²⁴ *Гросул В. Я.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтова. М., 2000. С. 422.
- ²⁵ *Лебедев С. В.* Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб., 2004. С. 207–208.
- ²⁶ *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 731–732.
- ²⁷ *Рормозер Г.* Новый консерватизм: вызов для России / Г. Рормозер, А. А. Френкин. М., 1996. С. 96; *Френкин А. А.* Феномен неоконсерватизма // *Вопросы философии.* 1991. № 5. С. 66–74.
- ²⁸ *Радаев В.* Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии // *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания.* М., 1995. Т. 1; С верой в Россию. Российский консерватизм: история, теория, современность. М., 1999; *Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь.* М., 2001; *Библиотека Единой России.* Кн. 1. Идеи; Кн. 2. Люди; Кн. 3. Действия. М., 2003; *Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии.* М., 2003.

**ВЛАСТЬ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЦЕРКОВЬ:
ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ОПЫТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Давно замечено, что на переломных этапах общественного развития возрастает интерес к историческому опыту. Обращаясь к прошлому, новые поколения стремятся не только воссоздать картину минувших лет, но и найти если не ответы, то хотя бы подсказки для объяснения сложных и противоречивых явлений современной жизни, поисков эффективных путей гармоничного развития страны. Напряженность сегодняшней общественной ситуации связана не только с конкретными социальными причинами, но и с таким космическим фактором, как рубеж и режим сближения двух веков и тысячелетий, в атмосфере которого уготовано жить нынешним поколениям.

Ощущая несомненное воздействие указанной атмосферы, мы еще не готовы внятно объяснить ее природу, тем более только с материалистических позиций. Обращаясь к русской истории, можно лишь констатировать наличие устойчиво повторяющейся тенденции – возрастания напряженности общественной жизни на стыке веков, обострение противоречий, в ходе которых формируются новые ценности.

400-летняя история Дома Романовых дает немало подтверждений для подобного наблюдения. Вспомним в этой связи, что на рубеже XVI и XVII веков разразилась российская Смута, а начало XVIII столетия ознаменовалось кардинальными реформами Петра Первого, ломавшими традиционные устои общества. Следующее столетие началось драматическими событиями наполеоновского нашествия, Отечественной войной 1812 года, последующей трагедией декабристов. В начале XX века пробушевали три революции, 300-летие династии Романовых проходило в атмосфере надвигающейся мировой войны.

Похоже, что некоторые исторические совпадения носят роковой характер, что проявляется даже в именах и названиях. Именем Михаила началась романовская династия, им же и окончилась: вслед за Николаем отказался от престола и его брат Михаил. С третьим Михаилом связан распад советской империи. Из Ипатьевского монастыря шел на царствование первый Романов, в подвале дома Ипатьевых были злодейски расстреляны последний царь и его семья.

Полное объяснение подобных совпадений вряд ли возможно без привлечения богословия, космологии и др. Отметим с научной точки зрения лишь такую заметную тенденцию нашей истории – возмож-

ность со стороны общества и, прежде всего, государственной власти, интеллигенции, Церкви, особенно их провинциальных институтов, гасить нарастающую напряженность, переводить ее в русло созидательной энергии. Смута завершилась, как известно, народным избранием нового государя, противоречие и драматизм петровских преобразований получили свое историческое оправдание в мощи российской Державы, патриотический потенциал Отечественной войны 1812 года стал надежным основанием развития русской культуры и государственности.

Однако указанная возможность могла реализоваться лишь на базе сплочения и согласия общественных сил, единения власти, интеллигенции и Церкви. Требовалось также знание своей истории, понимание ее законов, тенденций развития, предчувствие надвигающейся угрозы. К началу XX столетия российское общество оказалось не в состоянии предотвратить надвигающуюся Смуту и последующую гибель империи. Причиной тому был целый комплекс социально-экономических, политических, культурных, международных и прочих, не исключая космических, факторов. Три революции подряд вряд ли можно объяснить ссылками на «заговорщиков», «германские деньги», как это до сих пор пытаются делать любители простых решений¹. Под силу ли было одной партии поднять стопятидесятиmillionную страну. Революции сродни цунами. Их разрушительной стихией управлять невозможно. Они зарождаются в глубинных недрах бытия и в сумраке сознания.

Можно бесконечно спорить сегодня о том, кто более виновен в пожаре революции и гражданской войны начала прошлого века. Наши мнения существенно разойдутся, ибо мы по-прежнему далеки от подлинного национального единения, да и до сих пор плохо слышим друг друга. Вместе с тем у нынешнего поколения есть уникальная возможность посмотреть на события 1917 года глазами их современников, ибо они во многом и существенном повторялись на исходе прошлого столетия, принесшего россиянам напоследок еще один трагический сюрприз.

Рухнула еще одна империя, на этот раз – советская, под обломками которой оказались не только деформации «государственного социализма», но и многие достижения экономики, культуры, нравственные ценности, результаты напряженного труда, усилий, устремлений в лучшее будущее сотен миллионов советских людей, идеалы старших поколений. Внешне погружение советской Атлантиды в небытие выглядит менее кровавопролитно и разрушительно, хотя чеченская война, конфликты в бывших союзных республиках, рост насилия и преступности обильно

РАЗДЕЛ I

политы кровью. Более разрушительны геополитические последствия распада СССР, приведшие к утверждению однополярного мира во главе с агрессивной сверхдержавой, открыто претендующей на роль четвертого Рима, а, может быть, и рейха, хорошо уже известного в истории.

Как и в дни «похабного» Брестского мира, утрачены исконные российские территории. 25 миллионов русских людей легли мирно почивать, а проснулись в чужой стране, где их объявили «оккупантами», «москалями» и др., лишив даже права обучать своих детей на родном языке. На военно-морском кладбище Севастополя покоится прах ста тысяч наших соотечественников. После ухода российского флота они окажутся незащищенными от произвола националистов, как и наши деды и отцы, павшие на территории Прибалтики и др. До сих пор обжигает память первая волна русской эмиграции. Нынешний же «исход» русских в восемь раз превышает ее по своей численности.

Как империя в 1918 году по итогам Версальского договора, так и постсоветская Россия оказалась в положении близком к международной изоляции, согласившись с фактическим пересмотром итогов Второй мировой войны, расширением НАТО на восток, напоминая старшим поколениям о старом тевтонском лозунге «дранг нах остен».

Можно долго продолжать печальный перечень повторений событий начала и конца прошедшего столетия: разгон Думы и расстрел Белого Дома, требование о национальном самоопределении и отделении от России, утрата авторитета власти, наплыв в страну зарубежных эмиссаров, появление сотен политических партий, популизм их вождей, духовный кризис, падение нравов, массовые надежды на новое чудо, только уже не на светлое социалистическое, а капиталистическое будущее. Похоже, что за целый век мы мало чему научились и потому повторяем ошибки прошлого, которых можно было избежать.

Главную причину подобного, вовсе не фатального, повторения следует видеть в неуважительном отношении к своей истории, в незнании ее законов. История сурово наказывает тех, кто не извлекает из нее уроков, в чем мы убеждаемся неоднократно. Ответственность за это несут, в первую очередь, государственные мужи, призванные не только держать в руках бразды правления, но и мудро определять стратегию преемственного развития общества, опираясь на его интеллектуальный и духовный потенциал. Это хорошо понимали многие правители России от Рюрика до Сталина. Вспомним в этом контексте «Поучение» Владимира Мономаха, проникнутое призывом к сохранению духовно-нравственных, государственных традиций; интерес Ивана Грозного к истории, его богатейшую библиотеку; защиту национальных приори-

тетов Петром Алексеевичем Романовым, не восседавшим, а трудившимся на троне; мысль Александра III о том, что у России нет союзников, а есть ее армия, которую не удалось воплотить в жизнь его наследнику Николаю II, одной из самых трагических фигур нашей истории, заложнику исторического выбора эпохи.

Можно по-разному относиться к личности И. Сталина, к его жестокости, ошибкам и заслугам, но трудно отказать ему в знании истории, в понимании созидательного значения исторического опыта. В грозный час войны, обращаясь к народу, он нашел не казенные, а осердеченные, православные слова: «Дорогие братья и сестры...». Были учреждены ордена А. Невского, А. Суворова, М. Кутузова, возрождались традиции воинской славы, пришло прозрение и признание духовной мощи Церкви, ее патриотической миссии.

К сожалению, руководство страны в 1980–1990-е годы оказалось в руках правителей, плохо выучивших уроки истории, хотя и стремящихся изо всех сил войти в нее. Они вошли, но через заднюю дверь, которая долго еще будет зиять, как черная дыра, в истории России. Греческие геростраты поджигали храмы, российские – разрушали государство.

Еще большего сожаления заслуживает позиция значительной части российской интеллигенции, которая с неистовой страстью и в духе осуждаемого ею большевизма разрушала СССР, а вместе с ним – основы отечественной государственности, осуществляла новую «культурную революцию», открывая через средства массовой информации шлюзы для бездуховности, растреления, очернения отечественной истории. Авторы многих томов Ленинианы в одночасье стали писать карикатуры на бывшего кумира, седовласые профессора, специалисты по революционным мотивам русской литературы начали с юношеской прытью переписывать свои лекции на монархический лад.

Горько, что все это делается, да и продолжает твориться при равнодушии значительной части общества, пораженного нравственным недугом безразличия. Тем более, что все это мы уже проходили. Поистине, не ведаем, что творим. Дай, Господи, прозрение и способность учиться у своей истории.

Именно в уважительном отношении к своему прошлому, в знании законов общественного развития надо видеть один из первых уроков истории.

Другой из них видится сегодня в необходимости национального единения, диалога взаимопонимания между властью, интеллигенцией и Церковью. Весь опыт истории подтверждает аксиому: обретение указанного единства позволяет нации дать адекватный ответ на вызов времени.

Победа на Куликовом поле явилась олицетворением национального единства и была связана с именами двух представителей светской и церковной интеллигенции – московским князем, военачальником Дмитрием Донским и основателем Троицкого монастыря, преподобным Сергием Радонежским. В круг этих знаковых фигур эпохи органично вписывается также имя Андрея Рублева, замкнувшего создательное единство (авторитет власти, национальную идею, высокую духовность).

В своих «Записках русского офицера» декабрист Федор Николаевич Глинка, участник войны 1812 года, отмечает, что в Смоленске сразу же после отражения штурма наполеоновских войск был проведен крестный ход, поднимавший дух защитников города. Перед Бородинским сражением весь день не закрывался близлежащий храм, куда с молитвами о предстоящей победе над врагом шли тысячи воинов.

Ярким примером единения народа, власти и Церкви стал патриотический пафос общественной жизни в годы Великой Отечественной войны. В едином порыве защитить свою Родину выступили не только коммунисты и приверженцы большевистского режима, но и их идейные противники, пострадавшие в результате политических репрессий. Многие заключенные Гулага, спецпоселенцы из раскулаченных просили послать их на фронт, соглашаясь и на штрафные батальоны. Бывший лидер Белого движения генерал А. И. Деникин и большая часть интеллигенции русского зарубежья, забывая о личных обидах и разногласиях с Советами, искренне желали победы Красной Армии.

Серьезные коррективы вносились в государственную политику, шел отход от ее жестких классовых оценок, обогащалось ее общечеловеческое содержание. Менялось отношение между властью и Церковью. В сентябре 1943 года состоялась встреча И. В. Сталина с руководителями Русской православной церкви. Вскоре прошел Архиерейский собор, на котором был избран патриарх Сергей. Открывались новые храмы, монастыри, начали работать Богословский институт, пастырские курсы по подготовке священнослужителей. Патриотическая деятельность Русской православной церкви сплачивала общество, вносила весомый вклад в будущую победу над врагом.

В исторической литературе, как светской, так и богословской, даются разные оценки этого сближения советской власти и Русской православной церкви. Большинство зарубежных авторов, включая русских эмигрантов, пытаются обосновать ошибочность «соглашательской политики» Русской православной церкви и даже ее «предательство верующих», стоящих в оппозиции к большевистскому режиму². Им вторят и

ряд отечественных богословов³. Большинство же авторов научных работ⁴ и литературы, вышедшей под эгидой Московской Патриархии⁵, обоснованно опровергают подобные версии, не учитывающие атмосферу патриотического единения советского общества в годы суровых испытаний. Убедительность такого продуманного подхода начала подтверждаться в последнее время в работах авторитетных зарубежных исследователей истории Русской православной церкви⁶.

К сожалению, в последующие годы наметившийся диалог советской власти и Русской православной церкви вновь прерывается. Курс Н. Хрущева на закрытие храмов, ужесточение церковной политики отразил общую непоследовательность и непродуманность проводимых реформ, что проявилось и в отношениях власти с интеллигенцией. Вопреки наметившимся тенденциям демократизации, возвращаются методы административных окриков, запретов и цензуры: дело Б. Пастернака, поучения и разносы Н. Хрущева на встречах с писателями, художниками и др.

Опыт не только советской, но и всей российской истории свидетельствует, к сожалению, не столько о единении власти, интеллигенции и Церкви, сколько об их разобщенности и непонимании друг друга. Вспомним в этой связи слова из «Повести временных лет»: «Земля наша богата и обильна, а порядка и согласия в ней нет...». Племенные распри, княжеские междоусобицы, непримиримые противоречия «верхов» и «низов», религиозные, идеологические и политические споры и смуты, этнические и другие конфликты острые, как штыки, буквально пронизывают нашу историю, обильно политую яростью и кровью.

Весь XIX век шел под знаком непримиримой политической борьбы значительной части интеллигенции с государственной властью. Интеллигенция, студенческая молодежь составляла более 70 % революционного движения 1860-х годов. В записке графа И. П. Игнатьева министру внутренних дел в связи с новым покушением на царя в марте 1881 года отмечалось, что три четверти государственных преступников и почти все цареубийцы учились в университетах и других вузах, хотя и не окончили их⁷.

В начале XX столетия страна обагрилась кровью гражданской войны, расколовшей российское общество на враждебные анклавы. В этой войне не было и не могло быть победителей. Будучи ядром всех политических партий и объединений радикальная интеллигенция выступала аккумулятором классовой ненависти, идеологической непримиримости борющихся сторон. Не смогла встать над схваткой и определенная часть

РАЗДЕЛ I

церковной интеллигенции, пополняя ряды Белого движения, антисоветские круги русского зарубежья. Призыв авторов религиозно-философских статей сборника «Вехи» (1909) к интеллигенции отказаться от революционных амбиций и сосредоточиться на проблемах духовно-нравственного развития общества не был услышан в накаленной атмосфере.

Радикализм политизированной интеллигенции, ее стремление к уравнительной справедливости, как заметил Н. А. Бердяев, «почти что уничтожили ее интерес к истине»⁸. Идейной формой русской интеллигенции было, по выражению П. Б. Струве, ее отщепенство, отчуждение от государства и враждебность к нему⁹. К этому в целом верному замечанию отнюдь не отстраненного от активной политики общественного деятеля следует, конечно, добавить и тот факт, что и само государство не очень, мягко говоря, стремилось установить диалог с обществом и интеллигенцией, тем более что ее ряды все более пополнялись «кухаркиными детьми», выходцами не из «благородного сословия», претендующего по-прежнему на монопольное господство в обществе, хотя и составляющего не более 1,5 % населения страны.

Расправа над А. С. Радищевым и декабристами, притеснения А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, остракизм А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, «дело петрашевцев», процессы над революционной молодежью 1880–1890-х годов, репрессии против рабочих и крестьян в годы первой революции и после ее поражения – это уже не литературные, а политические вехи, свидетельства жестокости и насилия по отношению к народу и «образованному классу». Гениальный мыслитель Л. Н. Толстой вступил в острый конфликт с царским правительством и государственной Церковью.

Линия на подавление инакомыслия еще более ужесточилась в политике Советской власти, жертвами которой стали многие деятели культуры, науки, военные и другие специалисты, священнослужители и т. д. Среди них ученый с мировым именем Н. Вавилов, опальный богослов, мыслитель П. Флоренский, поэт Б. Корнилов, костромской художник Б. Царнах, высланный за пределы страны «философский пароход», на котором вынужденно покидали Родину светлые умы России И. Ильин, П. Сорокин, Н. Бердяев и др. В 1936 году был арестован архиепископ Костромской и Галичский Никодим (Н. Кротков), погибший в тюрьме. Костромская епархия на десять лет осталась без православного архиерея. Вместе с тем, вопреки гонениям рос авторитет церкви в обществе, укреплялось доверие народа к ней. Жертвенный подвиг лучших представителей духовенства в те годы закладывал прочный фундамент будущего возрождения Церкви.

Трагические противоречия между государством и Церковью не исчерпываются советской эпохой – временем политики «воинствующего атеизма». Картина исторических отношений царской власти и Церкви далека от благостного вида. Отсутствие до начала XX столетия законов о веротерпимости и свободе совести, притеснения религиозных меньшинств, старообрядцев, баптистов и др. способствовали активному участию многих из них в революционном движении. Согласно официальному законодательству все религии в России делились на три группы: «государственная» (православие), «терпимые» (ислам, буддизм, иудаизм, католическая, лютеранская, армяно-григорианская церкви) и «нетерпимые» (духоборцы, молокане, хлысты, скопцы, баптисты и др.).

Привилегированное положение Русской православной церкви оплачивалось ею дорогой ценой. Шел процесс ее огосударствления, лишения самостоятельности. С тяжелой руки Петра Алексеевича было ликвидировано патриаршество, и управление Русской православной церковью перешло в руки чиновника, обер-прокурора Синода. Процесс этот начался еще раньше при патриархе Филарете Никитиче Романове, сосредоточившем в своих руках духовную и светскую власть, признававшим приоритет государственной политики, включая ограничение духовенства в интересах дворян, купечества и посадского населения. Попытка патриарха Никона продолжить роль второго Великого Государя окончилась неудачей и способствовала еще большей зависимости церковных учреждений от государства.

Негативные последствия огосударствления Русской православной церкви были связаны не только с попранием ее самостоятельности, вмешательством в ее внутреннюю жизнь, но и смешением сфер деятельности светских и церковных учреждений, что осложняло выполнение Церковью своей главной духовно-нравственной задачи, спасительной миссии.

Огосударствление Церкви приводило к тому, что ошибки и деформации правительственной политики в общественном сознании распространялись и на согласную во всем с властью, а точнее, подчиненную ей Русскую православную церковь. Особенно это проявлялось в напряженных поземельных отношениях, недовольстве крестьян аграрной политикой царизма. Сказывалось и наличие крупной земельной собственности у Русской православной церкви. По описи 1905 года православная церковь обладала 1 871 858 десятинами церковно-приходских земель, в личной собственности духовенства находилось еще 337 206 десятин, монастыри владели 739 770 десятинами. Недовольство крестьян усиливали призывы священников не

трогать помещичьи земли. По-разному воспринималось в обществе активное участие духовенства в монархических, черносотенных организациях. С февраля 1905 года по май 1906 года в стране был убит 31 священник, разгромлено 12 церквей и 2 монастыря¹⁰.

Снижению авторитета государственной Церкви способствовали ее внутренние противоречия, связанные не только с последствиями трагического раскола XVII века, но и с новыми разногласиями, исходящими от «Союза церковного обновления», осложняемыми отношениями с другими конфессиями, нарастающим сектантским движением и др.

Пагубно влиял на общественную атмосферу раскол в среде российской интеллигенции, разделившей на враждебные политические лагеря. Усиливались позиции воинствующего атеизма в среде радикальной части «образованного класса», ее противостояние и открытая борьба с Церковью. Начавшийся было созидательный диалог светской и церковной интеллигенции на религиозно-философских собраниях, прошедших в Петербурге с 20 ноября 1901 года по 5 апреля 1903 года¹¹, не получил своего дальнейшего развития в условиях надвигающейся Русской Смуты, одной из составляющих которой был нарастающий духовный кризис, в том числе и кризис религиозного сознания.

В современной России произошли глубокие позитивные изменения в отношениях Русской православной церкви и государства. Их принципы определены в Конституции РФ, в Основах социальной концепции Русской православной церкви, в решениях Архиерейских Соборов 1988, 1994, 1997, 2000 годов, Священного Синода¹². В соответствии с ними Церковь и государство имеют свои сферы деятельности. Светское государство не вмешивается в духовную жизнь Русской православной церкви, в деятельность канонических учреждений, за исключением тех случаев, когда они выступают в качестве юридических лиц. Церковь, в свою очередь, не берет на себя функции, принадлежащие государству, мирские полномочия, предполагающие методы принуждения, а сосредотачивает свои усилия на духовном развитии людей.

Вместе с тем, отделение Церкви от государства отнюдь не отрицает жизненной важности для общества их совместного сотрудничества по основным проблемам жизнедеятельности и, прежде всего, в деле возрождения и развития духовного потенциала страны. К чести церковной интеллигенции она раньше и целенаправленней многих светских коллег активизировала свои усилия в таких напряженных сферах общественной жизни как миротворческая деятельность в международных, межэтнических, гражданских конфликтах, развитие милосердия и благотворительности, попечение о лицах, находящихся в местах лишения сво-

боды, поддержка института семьи, материнства и детства, противодействие появлению тоталитарных сект и др.

В то время, когда немалая часть мирской интеллигенции занята вхождением во власть, в избирательных технологиях и активно через средства массовой информации потворствует распространению бездуховности, пропаганде насилия, порнографии, рок-концертов на Красной площади, вестернизации культурной жизни, многие представители духовенства в содружестве с деятелями национальной светской культуры ведут настойчивую работу по защите нравственных устоев общества. На фоне падения авторитета армии, недавней безудержной, зачастую фальсифицированной критики и очернения армейской жизни в СМИ, особенно впечатляюще выглядит позиция Русской православной церкви, направленная на сохранение и развитие традиций воинской славы, патриотизма, воспитательной работы с военнослужащими и др.

Назрела необходимость сложения усилий светской и церковной интеллигенции на преодоление деформаций воинствующего атеизма, на возрождение и развитие культурно-исторического наследия, охрану памятников истории и культуры, защиту культурно-нравственных традиций и ценностей российских народов.

Общество ждет от интеллигенции, отцов Церкви ясного и четкого определения своих позиций, «печалования» по поводу чудовищного социального и имущественного расслоения в стране, нарастающей волны насилия и преступности, а также о необходимости серьезной коррективы проводимых реформ, значительная часть которых осуществляется, как не раз уже это было в нашей истории, указами сверху, без учета мнения и интересов «неблагородных» сословий. Многое в нашей сегодняшней жизни не соответствует провозглашенным принципам социального государства и, тем более, христианским ценностям. На преодоление этого несоответствия и должны быть в первую очередь направлены согласованные усилия государственной власти, интеллигенции и Церкви.

Третий, и далеко, конечно, не последний, урок нашей истории можно назвать утешительным. Его сформулировал еще Н. М. Карамзин. История, как подчеркивал он, является еще и утешительницей, ибо она говорит ныне живущему поколению, что были времена тяжелые, не легче нынешних, а Россия справлялась с ними, находила в себе силы, чтобы вновь возродиться и расцвести.

Опыт истории свидетельствует о неисчерпаемых возможностях духовного потенциала российского общества, позволяющих преодолевать критические полосы развития. Истоки этой живительной силы неразрывно связаны с русским православием, с братским союзом различных этносов

РАЗДЕЛ I

и культур, с традиционными основами жизни российской провинции, откуда на переломных этапах нашей истории выходили здоровые общественно-политические, культурные силы, преодолевающие преграды смутного времени, военные лихолетья, обеспечивающие единение общества.

Россия не раз стояла над бездной и проходила через горнило суровых испытаний. Даст Бог, и на этот раз, находясь в недружественном окружении, разьединенная со своими историческими весями и погостами, не обретя еще и внутреннего единения, она достойно пронесет сквозь тернии свой высокий крест. Хочется верить, что возродится великая Россия и займет свое достойное место среди других государств и народов мира. Не о том ли призывно звонят сегодня русские колокола, вызывая к нашей исторической памяти и созидательной энергии единения.

Примечания

¹ См.: *Веселов В. Р.* Октябрь 1917 года: взгляд сквозь годы // Октябрь 1917 года: исторические значения и уроки. Кострома, 2008. С. 4–19 и др.

² См.: *Струве Н.* Религиозная жизнь в советской России // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж ; Нью-Йорк, 1957. № 47. С. 31; *Боголепов А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958. С. 19 и др.

³ *Регельсон Л.* Трагедия русской церкви 1917–1945 гг. М., 1996; *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Т. 3. М., 1993; *Григорий (Грабе).* Завет святого патриарха. М., 1996 и др.

⁴ См.: *Альгаилов И. М.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и современность. Владимир, 1995; *Прядкина О. А.* Взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви в 1941–1945 гг. (на материалах областей Верхнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004; *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001 и др.

⁵ См.: Православная энциклопедия. Т. I–IV. М., 2001; *Цыпин В.* История Русской православной церкви 1917–1997 гг. М., 1997 и др.

⁶ См.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 2000; *Он же.* Сталин и церковь: «конкордат» 1943 г. // Континент. 2000. № 103. С. 220–239 и др.

⁷ *Аврус А. И.* История российских университетов. – Саратов, 1998. – С. 63–67.

⁸ Вехи. Интеллигенция в России : сб. статей. М., 1910. С. 30.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ См.: *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян накануне Великого Октября : автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1978. 22 с.

¹¹ Записки Петербургских религиозных собраний (1902–1903 гг.). СПб, 1906; *Соловьев А. А.* Интеллигенция и Церковь в России в начале XX века: опыт взаимоотношений : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кострома, 1997. С. 12–15 и др.

¹² См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2000 и др.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО ВРЕМЯ

Российская катастрофа начала XX века до сих пор остается нашей незаживающей раной. Слишком много оставила она страшных следов. Слишком многие судьбы она оборвала. Среди многих проблем, еще недостаточно уясненных в нашем общественном сознании, стоит и вопрос об итогах и историческом значении деятельности императора Николая II.

Надо отметить, что личность последнего императора династии Романовых почти скрыта от нас за многочисленными мифами, созданными как во время жизни и деятельности государя Николая II, так и в последующем. Еще более интересна сама эпоха конца XIX – начала XX столетий, время особенно сложное и переломное для России. Мы сейчас сталкиваемся со множеством полемических, порой легковесных публицистических выступлений по интересующей нас теме. Но нам, как профессиональным историкам, эти проблемы стоит изучать и обсуждать именно в научном плане. Помимо всего прочего такой подход способствует получению полноценного исторического знания и помогает извлечению уроков из прошлого.

Стоит учесть, что уже в течение последних двадцати лет идут оживленные обсуждения наследия государя Николая II людьми далекими от исторической науки. Все это лишний раз показывает значимость осмысления эпохи государя Николая II и всех трагических событий того времени для успешного решения актуальных вопросов современности. На наш взгляд, глубоко заблуждаются те, кто считал и сейчас продолжает представлять императора Николая Александровича как человека безликого, слабого, законченного неудачника в политике, противопоставляя ему государственных деятелей России его эпохи – таких, как Столыпин или Витте. В действительности Россия при императоре Николае II быстро развивалась, шла вперед: значительно увеличилось ее народонаселение, намного усилилась индустриальная и научная мощь, вырос жизненный уровень народа, страна переживала Серебряный век своей культуры. И все это – не без усилий самого государя, ибо он прежде всего нес ответственность за страну и принимал главные решения. Ведь именно в его воле было подписать или не подписать манифест 17 октября 1905 года, продлить полномочия правительства или прекратить их, нанести сокрушительный удар по противникам самодержавия или выбрать другой политический курс.

Конечно, были в то время в России и серьезные проблемы, в стране обострялись социальные и, особенно, политические противоречия. И здесь государю не со всеми трудностями удалось справиться. Не получилась идейная борьба с противниками самодержавия. В этом отношении у власти не было продуманной консервативной программы. Она, как и прежде, уповала главным образом на административные рычаги.

Однако император Николай II искренне стремился решить имеющиеся проблемы по возможности с учетом общественного мнения и без излишней жестокости к своим оппонентам. Такая забота монарха о своей стране и своем народе не встретила даже минимального понимания со стороны множившихся противников самодержавия, которые рьяно вели разрушительную работу, доведя дело в конце концов при пассивной или равнодушной позиции значительной части народа до революционной катастрофы.

Тем не менее, официальное прославление государя и всех царственных мучеников Архиерейским Собором 2000 года нанесло мощный удар по нагромождавшимся десятилетиями горами лжи, закрывавшим от нас истинный духовный и человеческий облик императора Николая II. А ведь это был, как видно теперь из всех достоверных свидетельств о нем, человек высоких достоинств: сдержанный, немногословный, лишенный всякого позерства и тяги к эффектным жестам. Вместе с тем государь был настоящим православным человеком, имевшим глубокую и твердую веру в Бога. Веру, давшую ему силы претерпеть многие испытания, достойно пережить свое насильственное отстранение от власти, издевательства плена и саму смерть.

Другое дело – нынешнее почитание государя. В нем проявляется «ревность не по разуму» некоторых наших монархистов, которые проявляют качества, которых у царя-мученика как раз-то и не было: самоуверенность, преувеличенное упоение собственной правотой и огульное отрицание всего остального. Иначе говоря, пытаются «канонизировать» не только государя, но и все спорные и даже слабые, по земному несовершенные стороны российской монархии ушедшей эпохи. Это уже не имеет отношения ни к святости, ни даже к науке. Но может привести к плачевным последствиям, что для наших государственных интересов было бы нежелательно.

Между тем, в российской исторической науке существует большой разброс оценок личности императора. Так было не только в прошлом, но это наблюдается и в современных исследованиях, где мы находим весь спектр мнений – от резко отрицательных до однозначно положительных. И далеко не всегда публицистический характер таких соображений и высказываний что-то дает для постижения истины. В том числе и тогда,

когда из государя делают некую идеальную, безупречную личность, просто образец для подражания, носителем всяческих духовных и нравственных совершенств. Безусловно, император Николай I был личностью достойной, органически благородной по своим человеческим и духовным качествам. Мало того, в государственной деятельности императора наличествовал глубокий религиозный подтекст. И все-таки многие конкретные аспекты жизни и деятельности императора Николая II еще с полной научной достоверностью не раскрыты. Здесь необходимы серьезные, основательные исторические и историко-церковные исследования.

Надо также учесть известную болезненность рассматриваемой нами темы, что на каком-то этапе привело даже к серьезным разногласиям в российском общественном мнении, а отчасти и в церковных кругах. Для адекватного понимания святости императора Николая II, прежде всего как христианского государя, необходимо учесть наследие православного богословия, а до некоторой степени и мыслителей русского Зарубежья, Речь идет о том, какова есть в сущности своей православная монархия. Больше того, каковы религиозные основы любой власти. И тут открывается несколько уровней. Один – трудно постигаемый средствами науки – мистический, уясняемый в духовном опыте. Другой – политический, связанный с феноменом православной монархии. Третий проявляет себя уже в повседневной человеческой и общественной деятельности, сопряженной со многими страстями и несовершенствами. В этом смысле представляет интерес соображение о «духовном максимуме» Православной монархии, помимо прочего, связанного с воспитанием особых нравственных качеств граждан.

Есть и еще один аспект интересующей нас темы. У некоторых исследователей все-таки возникает некоторое раздвоение между верой и профессионализмом. Разумеется, нет никаких сомнений в святости государя, а также и в том, что его духовный и нравственный подвиг был высоким примером служения Богу и Родине. Но возникают вопросы в связи с его деятельностью как монарха. Например: стоило ли императору включаться так активно в международные конфликты? И еще: насколько велико было влияние иностранных сил на государя Николая II?

В этой связи подчас возникают соображения более общего порядка. Некоторым историкам представляется, что трагедия императора Николая II, крах Российской государственности в конце Первой мировой войны, – все это, как бы ни казалось нам тяжким и чудовищным с точки зрения наших духовно-нравственных ценностей, в исторической ретроспективе не представляет собой чего-то особенного и необычного.

Научные исследования показывают нам, что в процессе модернизации во всем мире появляются глубокие перемены. На определенном эта-

РАЗДЕЛ I

пе в традиционном обществе происходит надлом, который нередко приводит к революционным потрясениям. С начала XVII столетия в мире разразилось около 100 революций, что завершается падением монархий – нередко в кровавых потрясениях. Далее тенденция ведет к установлению жестких авторитарных режимов, что разворачивается уже в XX столетии. Россия также не миновала этого пути, правда, в особенно катастрофических обстоятельствах.

Немало среди наших современников и таких, кого интересует вопрос о причинах, побудивших Церковь причислить Николая II к лику святых.

Отвечая на это и другие соображения, нам стоит помнить, что с точки зрения православного вероучения не люди прославляют святого, но Сам Господь Бог. Церковь лишь свидетельствует об этом, возвещая о чудесах от мощей святых, помощи верующим по молитвам к угодникам Божиим и других плодах благодати Божией, которая только и может очистить любого человека от его грехов. Государь Николай II несомненно удостоился милости Божией. После своей мученической кончины он – замечательный помощник и заступник православного русского народа. И духовный опыт множества людей – наших современников – дает тому массу свидетельств. Кроме того, свидетельством святости императора Николая II является его семья, о замечательной духовной чистоте и сплоченности которой уже много раз говорилось.

Наш профессионализм вовсе не мешает нам обращаться к святыням. И наоборот. Ведь представление о том, что деяния государя Николая II, равно как и само существование православной монархии в России есть нечто отжившее, замшелое, мешающее новой жизни, есть лишь затрепанный стереотип, некогда внедренный в общественное сознание разрушительными силами. Другое дело, что некоторые деформированные черты современного монархического движения в России могут вводить в соблазн людей, не имеющих основательного церковного опыта, а потому способных многое воспринять превратно. На самом деле подлинники благочестия, прославленные православной церковью, вовсе не пытались повернуть вспять ход истории, восстановить безвозвратно ушедшие порядки. Они лишь возвещали то, что им было открыто Свыше, что и нам стоило бы понимать правильно. Речь вовсе не идет о восстановлении монархии и всех прежних общественных институтов наперекор нашему времени. Нам сказано лишь то, что в конце существования этого мира, после череды потрясений, в России милостью Божией может быть дан царь «на короткое время», уже перед самым концом.

Несомненно, личность императора Николая II заслуживает большего внимания не только со стороны ученых и деятелей культуры. Уроки из про-

шлого необходимо извлекать всем сознательным гражданам своей страны. Это – необходимое условие уврачевания давних ран, что позволило бы ответить и на вызовы нашего времени, и более уверенно идти в будущее.

Ю. В. Лебедев

МОТИВЫ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Ключевую роль в становлении историософских взглядов русских писателей сыграл Николай Михайлович Карамзин. Он был хорошо знаком с политическим учением французских просветителей, сформулированным в «Персидских письмах» и «Духе законов» Монтескье. Французский мыслитель различал три типа государственного правления: республику, монархию и деспотию. Последний тип он считал «неправильным», достойным лишь уничтожения. Идеальной формой государственного устройства Монтескье провозглашал республику, жизненными принципами которой являются усвоенные просвещенными гражданами республиканские добродетели: любовь к отечеству, любовь к равенству, привязанность к законам.

Эта идеализация республиканских нравов французскими просветителями сыграла роковую роль в судьбе французской монархии. А якобинская диктатура, пришедшая ей на смену, явилась страшной и горькой пародией на их идеальные республиканские представления. Карамзин, хотя и называл себя «республиканцем в душе», был убежден, что этот общественный строй является красивой, доброй, но не исполнимой на практике утопией, ибо он требует от помраченного грехом человека таких доблестей, какие ему не под силу. Принцип европейского республиканского общества, замечал Карамзин, несказанно далек от прекраснодушных идей просветителей о свободе, братстве и равенстве: «сперва деньги – а после добродетель!» Поэтому Карамзин считал самодержавную форму правления исторически плодотворной и наиболее органичной для православной России.

Но в то же время Карамзин указывал на постоянную опасность, подстерегавшую самодержавие в ходе истории, – опасность перерождения его в «самовластие». Самодержавие превращается в «самовластие» всякий раз, когда государь нарушает принцип разделения властей, когда он посягает на «симфонические» отношения между властью светской и властью духовной. Если царь уклоняется от контроля духовной власти или подчиняет ее себе,

© Ю. В. Лебедев, 2008

РАЗДЕЛ I

он становится тираном, переходит от самодержавия к «самовластию». Такими «самовластными» правителями России предстали в «Истории государства Российского» Карамзина Иоанн Грозный и Борис Годунов.

Опровергая распространенный взгляд на крестьянские мятежи и бунты как на проявление народной «дикости» и «невежества», Карамзин показал, что народные мятежи порождались уклонениями монархической власти от принципов самодержавия в сторону самовластия и тирании. Через народное возмущение Небесный Суд вершил кару за содеянные тиранами преступления. Именно через народную жизнь действует, по Карамзину, Божественная воля, именно народ чаще всего оказывается мощным орудием Провидения¹.

Значение «Истории государства Российского» трудно переоценить: ее появление в свет было крупным актом русского национального самосознания. Главным объектом критики декабристских друзей Пушкина было «самовластие» – понятие, введенное в обиход Карамзиным. Но ограничить самовластие царя декабристы хотели не через восстановление духовного авторитета Русской Церкви, а через введение конституционных форм правления, через подотчетность всех действий государя конституционному собранию (по примеру английского парламента). Так думали Никита Михайлович Муравьев и Николай Иванович Тургенев, с которым Пушкин в это время общался.

Оду «Вольность» Пушкин написал в конце 1817 года на квартире братьев Тургеневых, окна которой выходили на Михайловский замок, где был убит Павел I. Пушкинское понимание свободы как будто бы перекликается с идеями ограничения самовластия конституцией, родственными Николаю Тургеневу, Никите Муравьеву и другим членам «Союза благоденствия»:

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье².

Однако вольность у Пушкина сочетается со святостью, а над свободой распростер у него свои крылья Закон не в декабристском, а в гораздо более широком и универсальном его понимании. Обращаясь к земным владыкам всех времен и народов, Пушкин говорит:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон (1, 322).

Мотивы монархической государственности в русской литературе XIX века

Речь идет именно о *вечном* Законе, не людьми придуманном и не ими над собою установленном. Суть Божественного Закона вечна и неизменна. Вольность без святости и Закона вырождается в тиранию и своеволие. Так случается всякий раз с земными владыками, забывающими Закон, но так случается и с народами, если они в борьбе с тиранией выйдут за границы святой вольности и уйдут в своеволие. Поэт признает справедливость народного восстания против самовластных злодеев на троне:

Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы! (1, 321)

Но если восставшие рабы нарушат вечный Закон в своем гневе – злодейская порфира с плеч тирана опустится на плечи восставшего народа:

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно! (1, 322)

Революционное вероломство Пушкиным приравнено к тираническому самовластию. Он проводит скрытую параллель между казнью Людовика во время Великой французской революции и гибелью Павла I от рук наемных убийц во дворце, который виден поэту из окон дома Тургеневых «грозно спящим среди тумана». Не оправдывая тирании Павла, Пушкин не приветствует и способы избавления от нее:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей (1, 323).

Удары бесславны, ибо они противозаконны и вероломны. А история французской революции показывает поэту, что всякий, поднимающий на «самовластие» самовластную же руку, не освобождает отечество, а лишь сменяет одну форму тирании другой. В «Вольности» у Пушкина есть двойник поэта – «возвышенный галл», за которым скрывается француз Андрей Шенье, поэт с трагической судьбой. Он приветствовал французскую революцию, но решительно выступил против ее якобинского террора и был казнен, став жертвой *народного самовластия*.

Таким образом, концепция свободы и вольности у Пушкина далека от либерализма, вырастающего из веры в народ, в добрую природу человека. Если народ или царь будет властвовать над законами, меняя их по своему произволу, – горе этой стране и этому народу. Закон у Пушкина – это не конституция, которая утверждается властью народа. Вечным Законом ни народу, ни царям властвовать не дано, а всякое нарушение этого губит *святую* вольность и влечет наказание и царям, и народам.

Традицию Пушкина-государственника продолжил Ф. И. Тютчев. Исторический процесс он понимал как «последовательно развивающееся откровение». Человек действует в истории свободно. Однако эта свобода направляется незримой рукой Творца. Провидение обуздывает людское *самовластие* и устремляет исторический процесс в нужном Богу, соответствующем Его плану направлении.

Революция по духу своему – враг христианства. В ее основе лежит обожествившее себя человеческое *Я*. Возгордившийся, возомнивший себя Богом, человек не признает другого закона, кроме собственного волеизъявления. Человеческое *Я* в революции заменило собою Бога. «Риторика по поводу Наполеона, – скажет Тютчев в заметках к книге «Россия и Запад», – заслонила историческую действительность <...>. Это Центавр, который одной половиной своего тела – Революция»³. В стихотворении Тютчева «Неман» (1853) горделивые претензии Наполеона терпят крах при столкновении с русским народом, вдохновляемым не земным, а Божьим пламенем православной веры:

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели –
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...
Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* – стоял и ждал...
И мимо проходила рать –
Все грозно – боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать... (1, 153–154)

«Чудные очи» человека, возмнившего себя Богом, слепы, потому что «ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оною глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия Провидения» (Пушкин, VII, 144). А Провидение, по Тютчеву, стоит на страже России как страны православно-христианской, сохранившей в чистоте основы христианской веры. Тютчеву претит единство, навязанное обществу силой меча и крови. Он признает лишь ту силу, за которой стоит Божья правда. Когда 19 июля 1870 года началась Франко-прусская война и канцлер Пруссии Бисмарк провозгласил, что единство «священной империи германской нации» надо спаять железом и кровью, Тютчев написал стихотворение «Два единства»:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней... (II, 223)

Волю Творца, реализующего в историческом процессе свой замысел, раскрывает любое звено в цепочке исторических событий. Но наиболее значимым является начальное, где в свернутом виде содержится зерно будущего исторического развития. Примечательна в понимании Тютчева провиденциальная роль Православия: «...В этом русско-византийском мире, где жизнь и обрядность сливаются и который столь древен, что даже *Рим сравнительно с ним представляется нововведением*, – во всем этом для тех, у кого есть чутье к подобным явлениям, <...> к чувству столь древнего прошлого неизбежно присоединяется предчувствие неизмеримого будущего»⁴.

В плане всемирно-историческом восточная церковь непосредственно восходит к изначальному христианству, а не к Римской церкви. Отсюда прямо вытекает вера Тютчева в особое всемирно-историческое призвание России как Богоизбранной страны. Рим создал Запад по своему образу и подобию. Порывая последнее звено, связывавшее его с православным преданием вселенской церкви, «он на многие века решил судьбу Запада»⁵. Рим подменил царство Христово царством земным. Западная

РАЗДЕЛ I

церковь утратила Христов облик: она превратилась в учреждение, стала государством в государстве, увязла в прахе земных интересов. Папство навязало церкви войну с государством, ожесточенную схватку между первосвященником и императорами. Этот поединок продолжался все средние века и подорвал авторитет римской церкви. Реформация XVI века была взрывом протеста против власти искаженной папством церкви. Но протестантство привело к окончательному обмирщению духовных основ христианской веры. Во имя человеческого Я оно упразднило церковь и, просуществовав три века, теперь «умирает от истощения в тех странах, где оно до сих пор господствовало»⁶:

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, –
Еще она не перешла порогу,
Еще за нею не закрылась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь (1, 53).

Возникшая в эпоху кризиса европейского гуманизма эпидемия неверия уже в XIX веке распространяется не только по Западной Европе, но угрожает и любимой Тютчевым России. Поэт считает, что в эпоху реформ и революций этой болезни России не избежать. Но он же и предсказывает, что обуздает русский хаос «сердечное знание Христа», которое вслед за Тютчевым будет считать опорой русской государства и Достоевский:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?
Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, –

Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа... (I, 169)

В стихотворении «14 декабря 1825 года» Тютчев назвал первых русских революционеров-декабристов «жертвами мысли *безрассудной*», ибо их освободительный порыв не опирался на глубокое знание России:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил... (II, 58)

Главный объект критики Тютчева в этих стихах – «самовластье». Нельзя «самовластно» переносить западноевропейское политическое и социальное устройство на русскую почву, не считаясь с высокой ценностью коллективного народного сознания, «духа народа» как мистического целого. Обращаясь к декабристам, он говорит:

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена (II, 58).

Тютчев полагает, что без серьезного национального самопознания любое политическое деяние, от кого бы оно ни исходило – от государственной власти или от оппозиционного общественного движения, – обернется на практике насилием над жизнью, самовластием и деспотизмом. А потому Тютчев всю жизнь боролся с разными формами проявления либерального западничества в правительственных кругах и в среде русской интеллигенции:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не сыскать признанья у Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы (II, 196).

Смирение и самоотвержение, составляющие основу христианства, Запад отвергает, заменяя их чувством гордости и превозношения. Дух революции враждебен глубинным основам русского национального бытия:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя (I, 161).

Только Православие, по Тютчеву, может спасти мир, отравленный ядом революции, от внутреннего опустошения и саморазрушения. 11 октября 1855 года Тютчев писал М. П. Погодину: «Более тысячи лет готовилась нынешняя борьба двух великих Западных племен противу нашего. Но до сих пор все это только были авангардные дела, теперь наступил час последнего, решительного, генерального сражения... Все авангардные дела были нами проиграны, – от исхода предстоящей борьбы зависит решение вопроса: которая из двух самостоятельности должна погибнуть: наша или Западная; но одна из них должна погибнуть непременно – *быть* или *не быть*, *мы* или *они*...»⁷:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, –
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом... (II, 37)

В заметке «О цензуре в России», написанной вскоре после Крымской войны и адресованной министру иностранных дел, князю А. М. Горчакову, Тютчев сказал что «судьба России уподобляется кораблю, севшему на мель» и «только одна приливающая волна народной жизни в состоянии поднять его и пустить в ход»⁸. На эту приливную волну Тютчев надеялся и временами ее ощущал, особенно после своего возвращения в Россию:

Тихой ночью, поздним летом
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны
Убеленные луной (I, 108).

Н. Я. Берковский писал: «От крестьянского трудового хлеба в полях Тютчев восходит к небу, к луне и звездам, свет их он связывает в одно с зреющими нивами... Жизнь хлебов, насущная жизнь мира, совершается в глубоком молчании. Для описания взят ночной час, когда жизнь эта полностью предоставлена самой себе и когда только она и может быть услышана. Ночной час выражает и то, насколько велика жизнь – она никогда не останавливается, она идет днем, она идет ночью, бессменно...»⁹. Вера в естественный, органический ход национальной жизни, ведомой Божественным Промыслом, питала оптимизм Тютчева в минуты испытаний, которые переживала его Родина.

Примечания

¹ См. об этом: *Макогоненко Г. П.* Николай Карамзин – писатель, критик, историк // Карамзин Н. М. Соч. : в 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 47–49.

² *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 1. С. 322. Далее ссылки на это издание привожу в тексте с указанием тома и страницы.

³ *Тютчев Ф. И.* Лирика : в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 387. Далее ссылки на это издание привожу в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 18, Пг., 1914. С 8–9. Курсив мой. – *Ю. Л.*

РАЗДЕЛ I

⁵ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. / под ред. П. В. Быкова. СПб., 1913. С. 310. Курсив мой. – Ю. Л.

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. Федор Иванович Тютчев. М., 1988. С. 422.

⁸ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. / под ред. П. В. Быкова. СПб., 1913. С. 329. Курсив мой. – Ю. Л.

⁹ Цит. по: *Кожин Вадим.* Тютчев. М., 1988. – С. 301.

И. А. Едошина

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СОРСКИЙ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Любое историческое событие, как, впрочем, и событие сугубо частной жизни, можно уподобить брошенному в воду камню, а расходящиеся в разные стороны круги сопоставимы с последствиями. Камень давно уже (фактически сразу при попадании в воду) стал невидим, но круги вполне реальны, источник скрылся в глубинах, стал недоступен чувственному восприятию, зато следствия, наоборот, обрели материальное воплощение. Этот образ наглядно свидетельствует, что источники современных (сегодняшних) нестроений в русской жизни следует искать в далеком, а по сути близком, прошлом. С моей точки зрения, одной из центральных фигур русской историософии является «великий старец» – преподобный Нил Сорский (в миру Майков, ок. 1433–1508).

В основании прошлого, а заодно и будущего нашего отечества располагается особого рода ментальность (пресловутая «загадка русской души»), самая суть которой чутко уловлена Тютчевым:

Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья –
В Россию можно только верить.
1866

Кстати, в автографе стихотворения смысловую нагрузку несут знаки: два тире после ключевых слов «умом» и «особенная статья», запятая после «у ней» и отсутствие точки в конце четверостишия. Поэт словно стремился расставить акценты, справедливо полагая, что их могут не-

© И. А. Едошина, 2008

правильно понять или просто изменить¹. Но есть еще одна особенность подобной расстановки знаков, которая апеллирует к звучащему слову, обладающему особым, анагогическим, смыслом. Потому обозначенные поэтом акценты служат для актуализации главной характеристики русского умостройства: недоверие уму, конечно, не как таковому, а в его рациональном аспекте, отсюда появляется «особенная статья», определяемая верой в Бога.

Собственно, в таком облике отеческий умострой представлен в «Слове о Законе и Благодати» первого русского митрополита Илариона (XI век) Русский ум ищет Благодати. На этом пути церковь – путеводительница. Потому так много храмов, монастырей, часовен испокон веку строилось на Руси. Глубоко религиозное, воцерковленное сознание являло себя в иконописи, храмовом строительстве, книжной культуре. Жизнь общества в своих лучших образцах была сориентирована на события христианской истории.

Но общество не существует само по себе, оно бытийствует в национально-территориальных пределах. В данном случае речь идет об устройении государственности на Руси. Казалось бы, вопрос «встречи» веры и государства давно решен: Богу – Богово, а кесарю – кесарево. Однако становящееся государство стало именоваться Святой Русью. Уже в самом названии именно верой определяется государство. Чего можно еще желать?

Между тем, история государства российского свидетельствует, что этот союз церкви и государства, достигший своего апогея при Романовых², когда церковь была превращена в один из департаментов власти, оказался трагическим и для церкви, и для государства. Как замечает В. А. Котельников, «со второй половины XVI века... господствующим становится “уставное” или “обрядовое” благочестие, с которым нередко соединялся упадок духовности не только среди мирян, но и, отчасти, в духовной среде. В монашестве внутренняя аскеза, вытесняемая аскезой внешней, прячется в “худые ризы”, принимает разные формы юродства»³. В результате постепенно складывается особое движение среди пишущего и читающего монашества, которое выступает категорически против стяжания, а государственность – это (по большому счету) всегда разные виды стяжания, принадлежности и обладания вовсе не духовными, а вполне материальными ценностями.

Принципиально иное обнаруживаем в «Уставе» Нила Сорского. Определяя, с чем следует бороться живущим в скиту, он, в первую очередь, называет чревообъядение, «ибо прикоснувшись к неразрешенной снеди», человек «отпал от рая и на весь род *человеческий* навел смерть,

как написано: “Прекрасным был на вид и хорош на вкус умертвивший меня плод”... И так, в меру и в подобающее время причащаясь пищи, побеждай страсть»⁴. Добавлю, в противном случае человеческая жизнь может обернуться своеобразной «гонкой» за все лучшей и лучшей пищей, а потом борьбой с лишним весом. Обратившись к другому помыслу – сребролюбия, Нил Сорский вслед за апостолами именуется этот помысел «корнем всех зол», коего следует остерегаться. Он пишет: «И не только обладания золотом и серебром подобает нам избегать, но и всяких вещей сверх нужной потребности – и в одежде, и в обуви, и в обустройстве келий, и в сосудах, и во всяких орудиях» (145). Форма «нам», конечно, обращена к братии, но ведь и ко всякому человеку. Государство же фактически *этим* помыслом держится⁵. Потому жизнь церковная не может и не должна напрямую быть связанной с государством. Конечно, по своей сути патриарх есть духовный пастырь, отец всему бытийствующему в мире. И государству в том числе. Так, наверное, должно быть в идеальном варианте, но исторические факты предоставляют совсем иную картину «встречи» главы государства с церковью в лице ее служителя.

В качестве примера. Когда Иоанн IV (Грозный) посетил Нилов скит и увидел его внешнее убожество, решил он каменную церковь поставить. Ему во сне явился преподобный Нил Сорский и «неповелел ему церкви каменные воздвигнути, ни же въ келиях каковому украшению бытии, кроме нужных потребы». Царь (и замечу, какой!) не осмелился пойти против слов преподобного, казалось бы, вот оно – решение проблемы! Ничего подобного: «тогда Иванъ Васильевичъ повеле дати свою царскую жалованную грамоту во оной скит за своей царской рукою и печатію, чтобы давать изъ царскія казны годовое денежное жалованіе и хлебное на пропитаніе ту живущим братіям...» (400)⁶.

Нестяжание – вот единственный путь священника (а следом за ним и мирянина). Потому Нило-Сорская пустынь изначально отличалась внешним аскетизмом: два деревянных храма, одинокие кельи монахов. Как писал в XIX веке А. Н. Муравьев, «целые столетия оставалась в таком первобытном виде его пустыня, временем цвела, как ее окрестная поляна, и временем упала, но не выходила из предназначений своего основателя, касательно внешнего убожества...»⁷.

Задача церкви заключается в служении Богу, а жизнь монашеская – в молитве, чтении священных книг, «умном делании». Так появляется Предание Нила Сорского «О том, как жить, от святых писаний». Обратим внимание на самую формулировку названия, где преподобный специально оговаривается: не от себя, не от своего имени наставление он

делает, а от святых отцов. «Предание» написано было преподобным Нилом с целью, чтобы и пока он жив, и когда умрет, «так совершаемо было» (89). В наставлениях он постоянно ссылается на святых отцов и Библию, обращаясь, в первую очередь, к иноческой братии и призывая на путь нестяжательства во всем. Обратимся к одному из эпизодов в «Предании» Нила Сорского.

«Потому и нам сосуды золотые и серебряные, будь то самые священные, не подобает иметь. ...только потребное церкви *можно* приносить. Пахомий же Великий, чтобы и само здание церковное было украшенным, не хотел. Он ведь создал церковь в обители, что в Мохосе, и красиво сделал в ней из плинф столбы, затем подумал, что нелепо удивляться делам рук человеческих и красотой зданий своих величаться, взял веревку, обвязал столпы и повелел братии тянуть изо всей силы, пока они не наклонились и не стали нелепыми. И говорил: “Да не будет ум, из-за хитрых похвал поскользнувшись, добычей дьяволу, ибо у того много коварства”» (91).

Действительно, храмы древнейшие (Спасо-Преображенский собор, 1152; Церковь Покрова Богородицы на Нерли, 1165; церковь Спаса Преображения на Нередице, 1198), просты и незатейливы, строго и целомудренно устремлены в мир горний. Но уже Дмитриевский собор (1197) во Владимире обильно украшен каменной резьбой, которая дивит своей красотой искусствоведов и туристов. И нет здесь места для молитвы. Пустой стоит храм как свидетельство глубокой правоты «великого старца». Но в известном споре «заволжских старцев» с «иосифлянами»⁸, победили в итоге последние. Образно говоря, дальнейшая история государства российского – плата за эту победу. Плата забывшим, что «русский аскетизм восходит *не к отвержению мира*, не к презрению к плоти, а совсем к другому – к тому яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире, и тем зовет нас к освобождению от плена миру»⁹.

Примечания

¹ Так, например, в справочнике «Цитаты из русской литературы» К. Душенко (М.: Издательство «Эксмо», 2005) тире после слова «умом» отсутствует (С. 504). В вышедшем под «присмотром» Пушкинского Дома собрании сочинений поэта авторская расстановка знаков приводится, к сожалению, только в примечаниях: *Тютчев Ф. И.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. Стихотворения 1850–1973 / отв. ред. тома Л. Д. Громова-Опульская; сост. и общ. ред. В. Н. Касаткина. М. : Изд. центр «Классика», 2003. С. 529–530.

² Оставляю за пределами своих размышлений годы большевистской власти и период так называемых демократических реформ, поскольку деятельность

РАЗДЕЛ I

церкви в обозначенные времена, на мой взгляд, оставалась в традициях «московского благочестия».

³ *Котельников В. А.* Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М. : Прогресс-Плеяда, 2002. С. 69. По мнению Г. П. Федотова, именно в московском благочестии следует искать источник будущего раскола: «Стоглав недаром был дорог расколу, и Иосиф Волоцкий стал его главным святым. Вместе с расколом большая, хотя и узкая, религиозная сила ушла из Русской Церкви, вторично обескровливая ее. Но не нужно забывать, что первое великое духовное кровопускание совершилось на сто пятьдесят лет раньше. Тогда была порвана великая нить, ведущая от преподобного Сергия... На заре своего бытия Древняя Русь предпочла путь святости пути культуры». – *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / коммент. С. С. Бычкова. М. : Московский рабочий, 1990. С. 197.

⁴ «Устав» Нила Сорского // *Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.* Сочинения / изд. подгот. Г. М. Прохоров. 2-е изд., исправл. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2008. С. 135. Далее все цитаты даны по этому изданию, страницы указаны в скобках.

⁵ Подробнее о драматизме в отношениях церкви и государства см., например: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви : в 2 т. Т. 1 (перв. пол. тома). Репринт издания 1901 г. (М. : Московский университет) ; М. : Общество любителей церковной истории, 2002. С. 547–557.

⁶ Много позднее и храм каменный будет поставлен. В XVIII в. пустынь фактически прекратит свое существование.

⁷ *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере : биографический очерк А.Н. - Стрижева / примеч. Н. С. Борисова. М. : Паломник, 1998. С. 286.

⁸ Подробнее см.: *Гречев Б.* Преподобный Нил Сорский и «заволжские старцы»-публицисты // *Богословский Вестник.* 1908. № 5. С. 57–82; № 9. С. 49–66; № 11. С. 327–343; 1909. № 5. С. 42–56. *Розанов Н. П.* Спор иосифлян с Белозерскими старцами // *Странник.* 1877 (май). С. 156–172; *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М. : Памятники исторической мысли, 2003. С. 99–126.

⁹ *Зеньковский В. В.* История русской философии : в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Л. : ЭГО, 1991. С. 37.

Л. Н. Заливалова

«СИМФОНИЯ» СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ В ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Византийская империя оказала огромное и разностороннее влияние на славянский мир и Россию в том числе. Характер и формы воздействия не раз становились предметом исследований в русской и зарубежной исторической науке. В дооктябрьской России изучением ви-

© Л. Н. Заливалова, 2008

зантийских церковно-государственных отношений занимались историки духовных академий и университетов. Академическая церковно-историческая наука, естественно, интересовалась внутренней историей византийской церкви и с этой позиции выделяла особенности церковно-государственных отношений (труды профессоров И. Е. Троицкого, Н. А. Скабаллановича, Н. Ф. Каптерева, А. П. Лебедева, Ф. А. Курганова, И. И. Соколова и других). Университетская византология и славистика в лице академиков В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, а также их коллег и учеников разрабатывала проблемы византийской государственности и права, в том числе влияние политической и идеологической концепций на славянский мир, характер русской государственности и правовых институтов. В первые два-три послеоктябрьских десятилетия младшие ученики плеяды византологов уже по разные стороны границы своего отечества по мере сил старались продолжать работу в этом направлении. Однако условия были одинаково неблагоприятными.

Для советских византистов тема церковно-государственных отношений в империи была фактически запретной. Монополией ее освещения владела избранная группа философствующих атеистов, работы которых являются популярно-пропагандистскими, а не научными исследованиями. Однако такова специфика средневековой государственности, и византийской в том числе, что внешняя и внутренняя политика правителей не может быть понята и оценена вне отношений светской и церковной власти. Поэтому в советской историографии византиноведения и трудах специалистов по феодальной истории России отдельные аспекты отношений между государством и церковью в Византии и России изучались. В советской исторической науке утвердился тезис, не оспариваемый и в наше время, – черты византийской государственности на Руси явились не результатом прямого воздействия империи и копирования ее институтов Русью, а были итогом многолетнего отбора элементов византийской государственности, их опробования и приспособления к местным условиям. В конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с приближением 1000-летия Русской православной церкви увеличилось количество исследований, которые освещали в сравнительно-историческом аспекте византийские и русские государственно-церковные отношения. В зарубежной византологии проблеме специфики византийской государственности и теме «государство и церковь в Византии» исследователи в XX веке уделяли большое внимание, и существует большое число посвященных им трудов.

Цель нашей работы – дать краткое освещение византийских представлений о положении церкви в государстве и обратить внимание

РАЗДЕЛ I

на некоторые эпизоды российской истории, в которых прослеживаются «византийские черты».

Византийские представления о характере высшей государственной власти восходят к концепции Евсевия Памфила, епископа Кесарийского (IV век), одного из советников императора Константина Великого. Он опирался на эллинистическую идею «царя и царства». Однако если в ней имело место признание царя прямым продолжением божества, то в изложении Евсевия в соответствии с христианским учением предложена идея власти монарха милостью Божией. В своей «Церковной истории» Евсевий писал: Константин и Лициний «пошли справедливой войной... и Бог чудесным образом стал им помощником» (IX, 9, 1); «верховные цари, сознавая, что свой почетный жребий получили они от Бога» (X, 4, 16); «У Константина другом, защитником и хранителем был Бог» (X, 8, 6); «возлюбленному своему государю Бог открывал все коварства и обманы соправителя» (X, 8, 7) и так далее.

Таким образом, император не является живым божеством, он – наместник, представитель и исполнитель воли Бога в земных делах. Бог – пантократор, вседержитель, а император – космократор, вершитель земных дел. Христианская идея божественного происхождения земной власти опиралась также на старые римские традиции «священства». Во время кризиса Римской империи в III веке возник культ императора-бога, в IV веке – концепция божественного происхождения священства самой власти, а не персонального священства конкретного правителя. По представлениям Евсевия, с принятием христианства прежняя «священная» Римская империя превратилась в новое государство, осененное божественным благословением – империю христиан (христианскую ойкумену).

При Константине Великом по знаменитому Миланскому эдикту 313 года христиане получили право открыто исповедать свою веру и наравне с другими религиозными организациями граждан империи пользоваться льготами в соответствии с римскими законами. На протяжении второй половины IV–V веков права христианской церкви расширяются. Государство освободило духовенство от несения всех общественных обязанностей, чтобы оно «служило Богу для пользы общественных дел», признало посредническую роль церкви, выделяло средства из государственной казны на благотворительную помощь.

В то же самое время христианская церковь должна была решать множество задач по внутреннему устройству церковной жизни, оформлению догматов и содержания символа веры, порядка богослужения и организационной структуры. Утверждение христианства в империи

происходило в борьбе с языческой религией и позднеантичными религиозными верованиями. Церковь нуждалась в поддержке государства, равно как и императоры, заинтересованные в стабильности верховной власти все более склонялись к поддержке именно христианской церкви. Объективной основы для конфликта между государством и церковью в ранней Византии не было. Общины верующих складывались в рамках существующей территориально-государственной структуры. Епископами часто выбирали людей, которые часто не имели специального богословского образования, но уже занимали ранее светские должности или были адвокатами. Таким образом, между церковной и гражданской властью была возможна общность в понимании и решении вопросов жизни христианской общины. По христианской теории Константинополь представлялся Новым Иерусалимом, император земным вождем христиан, ведущим к спасению. Эти воззрения укрепляли доверие населения к центральной власти.

Особую роль в формировании восточнохристианской политической теории высшей государственной власти сыграл император Юстиниан. Он укреплял авторитет и влияние христианской церкви в обществе, содействовал распространению христианства на окраинах империи, выделял средства на увеличение церковных имуществ. Лозунг его правления – «единая власть, единая вера, единый закон». Подобно своим предшественникам Юстиниан вмешивался во внутренние дела церкви. Но для византийцев это было естественным, никто не подвергал сомнению право императора, высшего должностного лица на службе обществу, выносить постановления относительно церковной организации граждан. Сам Юстиниан думал несколько иначе. Он писал, что «Один Бог и император, слушающийся воли Божией, могут справедливо править миром. Император должен милосердием подражать Богу, Богу, по милости которого единственно действует Его образ, (то есть Бога), чья власть в свою очередь простирается и на священство». Задача императора – обеспечивать гармонию божественного и светской власти в земных делах. Тезис о «гармонии» двух ветвей власти был закреплен законодательно.

Византийцы VII века представляли императора единоличным повелителем всех подданных, «наместником Бога на земле» и «Его подражателем», который «не подвластен законам», а сам – закон. В IX веке византийский император принял сначала древнегреческий титул «василевс», затем титул «автократор», указывающий на главную роль в управлении империей сравнительно с соправителями. Василевс – это «Отец» подданных. Но он также является «сыном» и «покровителем» христианской церкви и как простой христианин был подвластен

церковным канонам, нормам христианской морали и нравственности. Василевс подобен Богу, но обожествлялась не личность, не конкретный человек, а трон, ранг. В Византии не было юридического оформления принципа наследственности императорской власти, поэтому любой человек мог быть избран Богом и стать по Его воле императором. И «земная» церковь не могла влиять на этот выбор. В это время обряд венчания на царство подкрепляет обряд помазания, который рассматривался как очищение, освобождающее принимающего власть императора от всех прежних грехов. От кандидата на императорский трон византийское общество VII – начала IX веков требовало наличия интеллекта и качеств полководца, с IX века – в первую очередь благочестия.

Время от времени среди византийского духовенства поднимался вопрос о пределах светской власти по отношению к власти церковной. Один из патриархов, Фотий, выступил с требованием соблюдения так сказать «равенства сил» в рамках «гармонии» церковно-государственных отношений, но не получил поддержки духовенства. Теоретическая конструкция восточнохристианской политической теории высшей государственной власти в плане отношений государства и церкви существенно отличается от практики повседневных их отношений. Византийские императоры подчас довольно бесцеремонно вмешивались во внутренние дела церкви, расправлялись с иерархами, не считались с мнением духовенства при решении внутренних проблем империи. В XIV веке во время гражданских войн при Иоанне V, который признал свое личное подчинение папе римскому, появился документ, четко определяющий права императора по отношению к церкви. Среди девяти пунктов такие: император назначает митрополита путем выбора из трех кандидатов, которые ему представлены; на высшие церковные должности император только утверждает кандидатов; епископы при назначении на должность обязаны приносить присягу верности императору и т. д.

Для дохристианского периода истории Руси византийское влияние если и было, то очень незначительным. Прямое воздействие византийских политических институтов начинается с принятия христианства в качестве государственной религии (988 год). Единственным прямым представителем Византийской империи и ее церкви в русском государстве являлся митрополит Киевский, в течение 989–1448 годов. Вместе с византийским православием русские без обсуждения приняли догматы и каноны восточного христианства. Русская церковь стала хранительницей византийских православных культурных ценностей. В языке богослужения и искусства православная вера византийцев была достаточно доступна и понятна для простых и образо-

ванных людей. Преподобный Феодосий Печерский ввел на Руси монастырский устав Федора Студита, а преподобный Антоний Печерский – традиции афонского монашества.

Византийские императоры и церковь в XIV веке часто искали возможности для церковной унии с католическим Римом, политических союзов с западными государствами. И все же в перспективе они хотели сохранять духовную независимость от Запада. Носителем византийской идеологии на Руси в это время является монашество. Митрополит Киприан, посланник византийского патриарха Филофея, ввел на Руси уставной, догматический и литургический порядок, принятый в Константинополе Филофеем. Традиции исихазма продолжил Нил Сорский, глава «нестяжателей». Внутренняя связь с византийским православием обернулась тем, что после гибели империи русская церковь стала главной хранительницей византийских культурных ценностей.

После выборов патриарха Ионы (1448) и окончательного отделения от митрополии московская церковь стала фактически церковью национальной. Предстоятеля утверждал великий князь и естественно, что он в своих действиях и решениях зависел от князя в большей степени, чем раньше. Однако от идеи независимости церковной власти от светской, пришедшей из Византии и особенно насаждавшейся патриархом Филофеем, митрополитом Киприаном и исихастами, русское духовенство не отказывалось.

В заключение отметим, что в исторической жизни Византийской империи и Русского государства можно найти ситуации в известной мере сходные, и во всеоружии современных методов исследования изучать церковно-государственные отношения. Однако для такой работы необходимо предварительное глубокое изучение отношений государства и церкви в России, а исследования в этом направлении далеко не завершены.

А. В. Зябликов

КОНЦЕПТ ДУМСКОЙ МОНАРХИИ В СОЗНАНИИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

1905 год стал для образованного сословия временем политических ожиданий и предвкушений. Романтическим ореолом была окружена идея народного представительства, в которой многие видели осуществление вековых чаяний интеллигенции и народа. «Боже! Русская совесть перейдет

РАЗДЕЛ I

в русские законы, – восклицал В. В. Розанов, – неужели этому не радоваться?!»¹. Не будет преувеличением сказать, что в 1905 – начале 1906 годов эта идея пользовалась ажиотажным спросом. А. К. Глазунов к открытию Государственной думы даже написал новый народный гимн на стихи Н. М. Соколова².

В начале 1905 года в консервативных кругах была популярна идея созыва Земского собора – в частности, это требование было сформулировано на собрании редакторов ежедневных газет 12 января 1905 года в Петербурге³. В. В. Розанов писал: «Пусть Государь увидит живое лицо своего народа и пусть народ услышит живое: голос своего Государя, – вот и вся мысль и все существо земского собора»⁴. С язвительной полуулыбкой В. В. Розанов, держащий в памяти давний спор о гражданской миссии искусства, выдвигал концепцию «служебной роли государства». Конечно, под «государством» в данном случае писатель понимает прежде всего бюрократию, чиновничество, которое обезличивает и умерщвляет всякое живое начинание: движение вперед можно будет начать, лишь «расплескав их чернила и поломав их перья»⁵. Повторим, что В. В. Розанов всегда отрицал консерватизм как механическое сдерживание, в частности, не принимал леонтьевскую концепцию «подмораживания» традиций. «...Как потеплеет, – замечал он, – так сейчас же начнется ужасная вонь от разложения»⁶. Всякое неоправданно долгое сдерживание токов народной жизни усиливает разрушительную мощь прорвавшейся стихии, потому ультраконсерваторы типа К. П. Победоносцева или В. К. фон Плеве в известной степени подготавливали разгул революционной стихии. Именно бюрократию В. В. Розанов считал главным форпостом российского ультраконсерватизма.

С. Н. Сыромятников еще в ноябре 1900 года писал о том, что для полноты самодержавия «необходимо включение земских людей в Государеву думу»⁷. Удачным опытом такого рода в новейшей истории России писатель считал деятельность комитета Сибирской дороги, находившегося под личным контролем монарха. С. Н. Сыромятников полагал, что созыву Земского собора должна предшествовать организация общественной и хозяйственной жизни на местах. В каждом уезде необходимо иметь 5–6 центров общественной жизни – с этой функцией лучше всего справились бы участковые советы «своеземцев» (земледельцев-собственников). В состав таких советов предполагалось включить сельских учителей, священников. Совет своеземцев избирает двух представителей в уездное собрание, в котором за каждым депутатом закрепляется строго определенная сфера деятельности: образование, продовольствие, дороги и т. д. «...Наша государственная жизнь требует неве-

ликого, – писал С. Н. Сыромятников, – губной или земской избы и деревенских депутатов в тулупах, едущих в собрание в розвальнях на шершавых лошаденках»⁸.

Мысль о Земском соборе как традиционном русском представительном учреждении, способном не только сохранить самодержавие, но и укрепить его, была дорога А. С. Суворину. Земский собор в 300–400 человек должен был, по мысли писателя, положить конец преимущественному праву дворян «ходатайствовать у престола»⁹. В представлении А. С. Суворина Земский собор был чем-то вроде совета старейшин. Саму процедуру выборов писатель уподоблял системе избрания почетных академиков из среды ученых, литераторов, художников. Выборы должны осуществляться в известной пропорции из числа «достойных ученых людей, по разным отраслям знаний, почетных кабинетных или практических просветителей»¹⁰. А. С. Суворин выражал убежденность в том, что народ, в отличие от интеллигенции, сохранил веру, обычаи старины, начала самодеятельности и самоуправления. «Крестьяне знают о Земском соборе и говорят с удовольствием о своем представительстве в нем», – убеждал издатель «Нового времени»¹¹. Аргументы против учреждения в России парламента западного образца А. С. Суворин усиливал ссылками на авторитетные мнения художника И. К. Айвазовского и великого Д. И. Менделеева, в свое время побывавших в Соединенных Штатах Америки и негативно отзывавшихся о тамошнем укладе жизни.

Возможность созыва Земского собора не отвергал и М. О. Меньшиков, полагавший, однако, что в основу народного представительства должен быть положен принцип внесловности. Писатель считал, что в России никогда не было сословий, а были звания (названия профессий)¹². Кстати, свой переход в «Новое время» в 1901 году М. О. Меньшиков объяснял так: «Худой ли, хороший ли, *это постоянно действующий земский собор печати*... <...>. ...здесь свобода мнений не мечта, а осуществленная действительность»¹³.

Альтернативный проект политических преобразований предложил Л. Л. Толстой (сын знаменитого писателя). В отличие от А. С. Суворина, Л. Л. Толстой защищал концепцию Русского собора – громоздкого совещательного органа в 2 тысячи депутатов, которых предполагалось разделить на 5 комиссий «для заседаний и разбирательства дел»¹⁴. Выборы планировалось осуществлять по сложной, многоступенчатой системе. Из четырех основных курий: дворянства, духовенства, крестьянства, горожан – две последние, в свою очередь, должны были претерпеть определенную градацию. Л. Л. Толстой считал обязательным

введение для выборных имущественного ценза, исключал всякое участие в выборах женщин. При числе выборщиков пропорционально числу каждого сословия Л. Л. Толстой справедливо полагал преобладание в Русском соборе «боголюбивого», законопослушного крестьянства и в этом видел залог успеха. Писатель предрекал Русскому собору великую будущность, считая его более совершенным, чем европейские парламенты, но лишь на том основании, что русские люди «сами по себе совершенней и даровитей»¹⁵. При кажущейся наивности этого проекта некоторые его черты нашли отражение в поправках к закону о выборах 3 июня 1907 года.

Модель Земского собора как способ «терапевтического» оздоровления российской государственности принималась даже в кругах, близких Русскому собранию и журналу «Русский вестник». «Патриотами впотьмах» назвал М. О. Меньшиков ультраконсерваторов, вроде редактора «Московских ведомостей» В. А. Грингмута, считавших, что Россия не нуждается в каких-либо преобразованиях. «Стоят не за тело народное, а за то, что веками на нем налипло»¹⁶, – замечал писатель. Тем не менее, противников Земского собора было немало. Осенние 1904 года доклады Б. В. Никольского «Самодержавие как правовой порядок» и «О Земском соборе» проходили в Русском собрании при переполненных залах¹⁷.

Таким образом, в конце 1904 – первой половине 1905 года идея созыва Земского собора реально объединяла различные группы российской интеллигенции умеренно-консервативной ориентации. В представлении почвенников Земский собор мог стать прочной основой для умиротворения страны: с одной стороны, он решал проблему формирования народного представительства, с другой – не казался чужеродным российскому государственному организму образованием.

Царский манифест от 18 февраля 1905 года с обещанием созвать совещательное народное представительство А. С. Суворин назвал счастливейшим днем в своей жизни и сравнил со светлым Воскресением Христовым¹⁸. Впервые в своей истории российское общество оказалось перед задачей формирования легальных политических блоков для грядущей предвыборной борьбы.

После июльских 1905 года встреч Николая II с делегатами губернских предводителей дворянства, союза русских людей, с представителями либеральной оппозиции, возглавляемыми С. Н. Трубецким, было подтверждено намерение царя созвать народное представительство, и впервые было обнародовано вероятное название нового органа – Государственная дума. «Какими мерами успокоить Россию, которая

совершенно выбилась из колеи, – делал запись в дневнике директор Императорских театров В. А. Теляковский <...>. Все депутации просят о созыве народного представительства и государственной думы»¹⁹. Сторонники Земского собора не были удручены заменой полубившегося им названия, понимая, что реальное политическое содержание Думы будет зависеть от избирательного закона и обеспеченного им социального состава народных избранников.

Государственная дума, воспринимавшаяся либерал-консерваторами как модернизированная модель Земского собора, должна была встать на пути всевластия бюрократии и облечь народные чаяния в строгие формы обязательного для всех закона. Законодательство, как считал В. В. Розанов, есть не юридическое конструирование установлений, а фиксация «идеального» народного опыта. С учреждением Государственной думы общество могло спросить у власти, «как израсходованы были такие-то деньги»²⁰, а власть могла выслушать дельное мнение земской России. Теперь у власти и общества было поле для принятия «полюбовных» решений, заключения мировых. «Приказной» принцип государства постепенно должен уступить место «договорному». То есть итогом революции мыслится национальное согласие на началах взаимного уважения и порядка. И вновь образцовой моделью называется семья, в которой мир и гармония поддерживаются не запретами и дозволениями, а природными правилами любви. Вероятно, поэтому В. В. Розанов активно пропагандировал открыть доступ к законотворческой, государственной работе женщинам: мужчина «страшно истощился в своем исключительном творчестве в истории», государственная работа нуждается не только в «пламени», но и в деликатности, нежности, «в прощении и забвении»²¹.

Большинство либерал-консерваторов, в том числе и А. С. Суворин, желали видеть Думу дворянско-крестьянской. Писатель Н. А. Энгельгардт, отстаивая национальный характер будущей Думы, считал, что в ее составе не должно быть ни интеллигентов, ни представителей бюрократии или «новой» буржуазии²².

Более демократично смотрел на возможный состав совещательного органа М. О. Меньшиков. Он подверг резкой критике неославянофильский проект «дворянского парламента». Считая Думу сугубо деловым, профессиональным органом, М. О. Меньшиков допускал присутствие в ней иностранцев. Интересную поправку вносил писатель в отношении крестьянства. Он делил сословие на два психологических типа: «мироедов» и «ходоков», отдавая предпочтение последнему как наиболее отвечающему характеру думской деятельности²³. Впрочем, писатель не пояс-

нял, как практически осуществить нужный отбор. Основную роль в Думе М. О. Меньшиков отводил интеллигенции как «хоть немножко образованной и философски мыслящей»²⁴. Участие художественной интеллигенции в парламентской практике писатель считал нецелесообразным ввиду заведомо рутинного, требующего точного соблюдения полномочий характера думской работы. В мае 1906 года М. О. Меньшиков, пристально наблюдавший за работой Первой Думы, предположил, что думская деятельность, например, Л. Н. Толстого оказалась бы совершенно бесплодной и гораздо больше пользы принесет России на этом поприще «заурядная» партия, усвоившая положительный парламентский опыт Западной Европы: художнику незачем разминивать свое важное общественно-духовное предназначение на функционально-политическое²⁵. Впрочем, позже писатель сожалел, что в Первой Думе нет российских мировых знаменитостей: Л. Н. Толстого, Д. И. Менделеева, А. Ф. Кони, которые могли бы превратить представительное учреждение из партийно-кадетского форума в трибуну всего государства.

Подобные мысли высказывал и В. В. Розанов. Для того чтобы Дума была трудоспособной и авторитетной, писатель предлагал отказаться от партийного принципа формирования народного представительства. Партия – ненужный посредник между населением и парламентом. «Насколько бы выиграла солидность парламентаризма, – писал В. В. Розанов в октябре 1907 года, когда шла третья предвыборная кампания, – если бы в Г. Думе нашей вместо... говорунов сидели лучшие представители нашей профессуры, торговли, промышленности, техники <...>. Толочься во всей этой кутерьме не могли такие люди, как Ключевский и Герье, хотя их знает вся Россия...»²⁶.

В начале 1906 года В. В. Розанов связывал с работой первой Государственной думы особые надежды: «Будем надеяться, что... парламентаризм войдет к нам, как чистый гость в чистый дом»²⁷. Розановский оптимизм держится на убежденности, что основой политико-освободительного движения в России является движение духовно-нравственное, религиозное, а стремление к общественному обновлению не перейдет в глумление над традициями: «Подходим к урнам – и крестимся»²⁸. Парламент представляется В. В. Розанову едва ли не лучшей трибуной для формулирования и согласования мнений: «Это же – совсем отлично: ксендз и мулла в одном собрании, с правом того же голоса, с правом речи на всю Европу...»²⁹. Назначение Думы – «поправлять» державу после японской войны, выводить ее из параличного состояния.

Условием плодотворной работы Государственной думы В. В. Розанов считал реформирование земства: политическая, государственная

работа начинается с решения хозяйственных задач на местах. Необходимо допустить широкое представительство крестьян в уездных и губернских земствах, которые пока напоминают почти исключительно дворянскую «канцелярию». Необходимо расширить и круг вопросов, входящих в компетенцию земств. Без этих мер Государственная дума будет дышать «одинок» и «чахло»³⁰.

После манифеста 17 октября 1905 года в России окончательно складываются «фронт» вспыхнувшей политической войны³¹. К сожалению, представители либерально-консервативного крыла склонны были недооценивать реальные силы и возможности леворадикальных партий. Многие из числа «умеренных» главную угрозу российскому конституционализму усматривали в деятельности ультраконсервативных сил. Основное средство борьбы со смутой виделось не в консолидации умеренных консерваторов, а моральном обесиливании революции и реакции. Так, талантливый, но чересчур «на брань развязный» «нововременский» публицист В. П. Буренин склонен был объяснять революционистские увлечения К. Д. Бальмонта, Н. М. Минского, Е. Н. Чирикова, М. Горького и других художников их человеческой и творческой «деградацией»³². Такое прямолинейное отождествление затемняло понимание подлинных причин идейной и политической дифференциации общества.

Малую продуктивность тактики грубого третирования политического противника прекрасно понимал А. С. Суворин, упрекавший дворянство в трусости и неспособности сплотиться перед угрозой революционной катастрофы. Беспокойство А. С. Суворина было обоснованным. Дальнейшие события показали, что национал-либералы упустили время для формирования крупного коалиционного блока. К 1906–1907 годам здоровые консервативные силы были уже в достаточной мере распылены по «случайным» партиям, а монархические и национальные идеалы оказались скомпрометированными в глазах общества «благодаря» деятельности более подвижных, экспансивных и громогласных партий, наподобие союза русского народа.

«Красный» и «белый» радикализм являлись равной помехой национальному примирению и государственному строительству. «Вся задача, и притом всего здорового в России, заключается сейчас в том, – писал В. В. Розанов в январе 1906 года, – чтобы вытащить из этой смуты манифест 17 октября целым и невредимым и положить его в основу новой русской гражданской и государственной жизни»³³. Потому писатель защищает Думу как от планов бойкота, предложенного левыми, и «мелочно-юридической» критики либералов, так и от опасений, раздающихся из правого лагеря, что, дескать, народное представительство не получится

национально-русским. «Ядро России, средняя Русь, несомненно с жадностью глотает первый политический воздух, какой допустили до его заморенной груди, – писал В. В. Розанов в марте 1906 года <...>. Мы убеждены, что политическая жизнь не выльется у нас в западно-стереотипные формы, что скоро, очень скоро здесь появятся свои родные краски, не непременно консервативные, не непременно либеральные, но “свои” и “русские”»³⁴. Интересно, что себе в единомышленники В. В. Розанов избирает «западника» И. С. Тургенева, считавшего, что национальная суть русского человека не вытравится, сколько бы его ни «окунали» в европейскую культуру.

Писатель настаивает на том, что Дума – это не «калька» европейских законодательных собраний, а плод русской истории. И огромную роль в его созревании сыграло не только освободительное движение, но и русские государи. Дума, по мысли писателя, должна стать местом, где лицом к лицу встретятся Царь и народ, где «умирится многое, сполируются острые края, улягутся противоречия...»³⁵. Другими словами, розановские здравницы будущей Думе связаны с представлением писателя о ней как о ключевом факторе национального примирения и единения. Драматург В. В. Туношенский, обращаясь в конце 1905 года к А. С. Суворину с предложением поставить свою пьесу «Жозефина Бонапарт», так очерчивал «вехи» русской смуты: «Революция, военная диктатура, обнищание, анархия и торжество монархии – все это для современного зрителя, мне кажется, будет очень близко, понятно и интересно»³⁶.

Важно заметить, что в художественном сознании процессы 1905–1907 годов обладали качествами не идеологических конструктов, а «тектонических» движений истории и культуры. «Если революция переживаемая есть истинная революция, – писал Вяч. И. Иванов, – она совершается не на поверхности жизни только и не в одних формах ее, но в самых глубинах сознания»³⁷. В «трансцендентную» революцию верил Д. С. Мережковский³⁸. В 1906 году Вяч. И. Иванов связывал достижение политической свободы с возвращением к «пророчесственному» типу народной общины, в которой неразличима грань между «хоровым» театральным действием и гражданским сходом³⁹. Потому даже такой утилитарно-политический институт, как Дума становится в представлении художников своего рода светским «собором», соединяющим в себе качества национального «ареопага» и совета старейшин.

Характерно, что, например, В. В. Розанов не воспринимает события 1905 года как возмущение социальных низов, как борьбу тех или иных общественных страт за свои права. Для писателя смута – это видимое проявление более глубоких процессов, связанных с корректировкой

национально-культурных и религиозных представлений. С. К. Маковский назвал это «мечтательным мятежом»⁴⁰, В. В. Розанов – «преобразованием нравственного идеала»⁴¹. В. В. Розанов видит или, по крайней мере, хочет видеть в революции не просто бунт против бюрократии, а бунт против пассивных идеалов, пробуждение народного самосознания, подобное тому, что помогло три столетия назад победить Великую Смуту. «И теперь, – писал В. В. Розанов в августе 1905 года, – мы стоим перед задачей выдвинуть и сотворить новый идеал *святости* – как *активности* души, а не как пассивности (терпение). Все, что *святого* в Руси – пусть двинется или может двинуться на подвиг *слова, размышления и дела*»⁴². Понятно, почему статья «Исторический перелом», содержащая приведенный выше и подобные ему императивы, была снята в «Новом времени» с набора. Масштаб розановских прожектов пугал. Государственная дума казалась «мелковатой» для реализации столь грандиозных замыслов. Новые политические силы России были не готовы, да и не планировали решать столь сложные и ответственные культурные задачи. Их цели были более локальными и прагматичными: ограничение (или свержение) самодержавия, вхождение во власть, строительство «конституционного» строя, реализация тех или иных экономических, социальных проектов.

Смысл революции видится В. В. Розанову в восстании «идеального» против «без-идеального», недвижимого, своекорыстного, а вождь этого восстания – русская литература «от Хемницера до Толстого»⁴³. Говоря о событиях 1905–1907 годов, писатель чаще всего пользуется словом «анархия», однако вкладывает в него самые разные смыслы. Для В. В. Розанова «анархия», прежде всего, есть безотчетное следование некоей мудрой человеческой первоприроде. Пытаться совладать с такого рода «анархией» не нужно: «Мудрость социальной жизни заключается в том, чтобы действительно не бороться с пороком. Порок – прыщичек: а если его начать ковырять, то разовьется рак»⁴⁴. Так, социализм, по мысли писателя, есть торжество извращенной, «мошеннической» анархии, берущей больше того, что она может унести. Розановская «анархия» нацелена не на разрушение государства, а на то, чтобы вывести его из состояния меланхолии и спячки. «Анархия» – грубая беззаконная правда простолюдина и гения. Естественно, роли самых завязатых «анархистов», пробуждавших умственное брожение и подготовлявших XX век, В. В. Розанов распределяет между русскими писателями. В этом перечне мы видим имена А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя («чудовищный анархист, ... каких еще земля не рожала»⁴⁵).

В 1906 году появляется программная статья писателя «Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции». В. В. Розанов вновь формулирует свое понимание исторических катаклизмов, как движения стихий, «в котором каменная нужда и эфирнейшее воображение, сплетаясь в непостижимый узор, играют не меньшие роли, чем определенные политические партии»⁴⁶. Лица, вовлеченные в водоворот революции, управляются не столько программами, сколько неосознаваемыми, иррациональными мотивами. С этих позиций В. В. Розанов оценивает два альтернативных политических потока: монархический и республиканский. Оба течения в своих «идеальных» проявлениях в равной степени отвлечены, утопичны: «...Грингмут и Иловайский, произнося слово “монархия”, не рисуют себе, и чистосердечно не рисуют, – “удавленники”, “застреленные”, “раскраденная казна”, “награжденные за службу воры”: и республиканцы тоже не рисуют себе департаментов, прокуроров, налогов и “обязанностей службы”, хотя все это, по прискорбию, должно быть, и в республике будет»⁴⁷. Оба идеала равнозаконны. Оба потока проистекают из глубин самосознания, однако монархический идеал в XIX столетии вступил в фазу иссякания, он утратил былой ореол святости и мистической полноты.

К началу XX века историческое «электричество», по мысли В. В. Розанова, сосредоточилось вокруг республиканской идеи, которая не лучше и не хуже монархической, но именно она объективно более соответствует новым историческим реалиям. Монархия в своем каноническом, священном качестве есть «сотворение эпох темных – не в порицательном смысле, а вот в том смысле наивности, доверчивости, однотонности души человеческой...»⁴⁸. Потому монархия обречена уступить место республике, которая есть молодость, «юность и труд, надежды и поэзия, совершенно иного, не воспоминательного и грустного колорита...»⁴⁹. Возражением В. В. Розанову звучал голос М. О. Меньшикова: «А что если эта республика повторит нам по свирепости своей самодержавие Ивана Грозного?»⁵⁰.

Свое представление о судьбе монархии и мере ее обновления имел А. Н. Бенуа: «Нужно уничтожить микроб бездарности, который заел Россию, и нужно создать такие санитарные условия государственности, чтобы микроб этот больше не появлялся. Но от этого до ампутации... до распиления всего организма, до кровных операций далеко»⁵¹.

В 1905 году Ф. А. Степун, учившийся в ту пору в Гейдельберге, отважился выступить перед студенческой и эмигрантской аудиторией, состоявшей преимущественно из социал-демократов и эсеров, с докладом «Об идейной немощи русской революции». Главным тезисом выступления Ф. А. Степуна была мысль о реакционной сути совершающихся

в России событий, что, естественно, вызвало бурю негодования⁵². С тезисом Ф. А. Степуна перекликается дневниковая запись В. О. Ключевского, сделанная в 1903 году: «Революция переносит реакцию из области мысли в политику»⁵³.

Сложность и двусмысленность процессов, шедших в России в начале XX века, заключалась в том, что большая часть творческой элиты признавала необходимость определенных исторических инверсий. При этом в радикальной смене режима справедливо усматривалась угроза началам государственности и культуры, а идея **ограничения** самодержавия оказывалась политическим оксюмороном: одна часть этого понятия полностью исключает другую. «Монархия представляет *конечный и совершенный тип власти*; она совершенна, потому что *естественна и перевозаконна*»⁵⁴, – писала консервативная газета «Русское Царство» в августе 1907 года А. Т. Виноградов определял самодержавие как нравственно-юридический способ примирения объективного порядка и субъективной свободы⁵⁵. В. Л. Величко еще в 1902 году писал о том, что отступление от незыблемых устоев *православия – самодержавия – народности* поставило бы отечество на край гибели, «а человека, служащего ему пером, – на край измены вечно-созидательным началам русского народа, творческой силе русского духа»⁵⁶. Писатель был убежден, что в этой формуле уже содержатся в необходимой пропорции и охранительный, и прогрессивный элементы: и разумное народоправство, и «освященное религией» единовластие, «и стремление к высшей духовной свободе, и свободное подчинение религиозно-политическим нормам, облагораживающим ее»⁵⁷.

«Царь есть первый воин во время войны и первый пахарь во время мира»⁵⁸, – формулировал свое понимание самодержавия С. Н. Сыромятников. Поэт Н. М. Соколов считал, что либеральная идея ограничения самодержавия есть полная «дезорганизация» общества, выдаваемая за идеал общественного благоустройства⁵⁹. Эта же мысль многократно повторяется в личной переписке С. Н. Сыромятникова и Н. М. Соколова⁶⁰. «Самодержавие есть закон»⁶¹, – утверждал Н. А. Энгельгардт. Аргументация этого тезиса содержится в статьях и обширном эпистолярном наследии писателя, в том числе в письмах, адресованных редактору консервативного «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому⁶². За полвека до первой российской революции Ф. И. Тютчев убеждал, что «конституционный» произвол, облеченный во внешние формы законности, куда более деспотичен и страшен, нежели «простодушный» деспотизм царского самодержавия⁶³. С. Н. Булгаков в мемуарах психологически достоверно показал свой путь от революционных искушений

к пониманию подлинного существа монархии: «Я стал, по подлому выражению улицы, царист. Я постиг, что царская власть в зерне своем есть высшая природа власти, не во имя свое, но во имя Божие»⁶⁴. И. Л. Солоневич считал русское самодержавие единственной в мире классической монархией – политической организацией народа, построенной на «диктатуре православной совести»⁶⁵. Этой же мысли придерживался романист и поэт Н. Ф. Берг⁶⁶.

Понятно, почему многие в манифесте 17 октября узрели начало конца Российской Империи. «Интеллигенция получила, наконец, долгожданный парламент, – писал Великий князь Александр Михайлович. – Русский Царь стал отныне пародией на английского короля, и это в стране, бывшей под татарским игом в годы великой хартии вольностей»⁶⁷. Монархия состоятельна именно как «фетиш», а значит модель «думской монархии», которую в 1905–1907 годах В. В. Розанов считал приемлемой для России, приобретала качества заведомо недееспособного новообразования, несовместимого с идеократической природой российской государственности. Данное противоречие В. В. Розанов смог разрешить лишь через несколько лет, признав, что царская власть «есть духовное и личное осмысление всей Руси», что царская власть дала государству «то, чего ей недоставало в родовом быте: земле-прикрепление, плането-прикрепление»⁶⁸. Эту особенность самодержавия хорошо понимал П. А. Флоренский – отсюда характерная для мыслителя нелюбовь к демократическим и парламентским институтам.

Новый идеал «святости» не сложился. В январе 1908 года, размышляя над первоистоками русской революции, В. В. Розанов увидел их в христианском социализме, который хочет сгладить «жесткие углы» государственности и вернуться к дофабричному, архаичному быту, к тем самым пассивным идеалам, против которых она, вроде бы, выступала: «Баба-революция пошла на мужика-государство <...>. Она вся – только сила, только порыв: без головы. Вся стать бабья <...>. Она очень мало созидательна»⁶⁹. Имея в своем облике много «мучительно-прекрасного», революция остается для В. В. Розанова «хлыстовским», восточным тяготением к неподвижности Китая «с отвлеченно-невидимым “богдыханом”» и примитивизированными человеческими потребностями. Говоря о «большевизме» и «эсерстве» А. А. Блока, В. Ф. Ходасевич замечал, что поэт «выдумал Революцию такую прекрасную, какой она никогда не была»⁷⁰.

Увы, 27 апреля 1906 года (день открытия Государственной думы) не смог стать днем национального согласия. Созыв народного представительства, вопреки ожиданиям многих, не стал умиротворяющим,

гармонизирующими общество фактором. Дума, названная монархистами «революцией за казенный счет»⁷¹, вполне оправдывала это определение. На думских заседаниях доминировала риторика партийных митингов, охотно применялась тактика политического торга и шантажа. «Все партии суть чисто общественные, пожалуй, литературные, – писал В. В. Розанов в июне 1906 года. – Дума есть говорящие газеты, как газеты есть пишущая Дума: отсюда между ними трогательное единение»⁷². Смущало бессилие и молчание депутатов-консерваторов. Единственной организованной и здравомыслящей силой в Первой Думе оказалось польское коло: начиная с 1863 года поляки преодолевали в себе революционное фразерство, учились несуетной политической работе.

Художники размышляли над возможностью проведения через Думу целого ряда законопроектов. Так, всегда подчеркивавший свою внеполитичность А. Н. Бенуа в январе 1906 года неожиданно выступил в октябристской газете «Слово» с либерально-консервативной программой художественных реформ и создания министерства культуры. Проект А. Н. Бенуа предполагал выделение сферы искусства из подчинения министерству Двора, объединение разбросанных по разным ведомствам художественных учреждений, создание полного реестра художественных богатств страны, разработку «списка неприкосновенностей»; особое внимание уделялось привнесению в жизнь «праздничности, символики и торжественности обрядов»⁷³.

Л. Н. Толстой, искренне увлеченный идеей введения в России единого земельного налога и уничтожения земельной ренты по системе американского экономиста Генри Джорджа, в 1906–1907 годы всерьез обдумывал возможность обсуждения этого проекта в Думе. По поручению писателя депутатам были разосланы для ознакомления брошюры с работами экономиста. С аналогичным предложением Л. Н. Толстой обратился в письме к П. А. Столыпину⁷⁴. Одержимость идеями Г. Джорджа вступала в противоречие с толстовским недоверием к государственным институтам: введение единого налога было осуществимо только с санкции государства, и писатель не мог не понимать этого. В целом, отношение Л. Н. Толстого к Государственной думе было весьма негативным. Писатель всячески подчеркивал свою незаинтересованность ходом думских прений, он убеждал посетителей Ясной Поляны, что о работе российского парламента знает лишь понаслышке. «У меня от нее (Думы – А. З.) три впечатления, – признавался Л. Н. Толстой “нововременцу” Ю. Д. Беляеву в июне 1906 года, – комичное, возмутительное и отвратительное»⁷⁵. Уничижительные толстовские оценки думской деятельности немедленно вызвали одобрительные отклики в ультраправой печати⁷⁶.

В мае 1906 года, комментируя уклонение Думы от осуждения революционного террора, В. В. Розанов поймал себя на мысли, что не возмущен этим. Писатель публично сознается в том, что в свое время радовался убийству В. К. Плеве и анализирует это ужасное самоощущение. Его причина видится В. В. Розанову в повышенном градусе внимания к политике, которая каким-то мистическим образом ожесточает человека, делает его раздражительным и мстительным. Это открытие становится лишним аргументом в пользу художественной философии «внеприсутствия»: «Вышел в историю: и стал ненавидеть! Скрылся от нее – и стал... не свят, а все-таки лучше. История грех. Политика ужасный грех!»⁷⁷. Подобные признания снимали излишний пафос розановских призывов к пробуждению политической воли народа. Кровавая подоплека революции выводила из ее рядов даже искренних сторонников. В мае 1905 года в письме П. Б. Струве С. Л. Франк объяснял свой отказ сотрудничать в «Освобождении»: «Как я ни жажду политической свободы, я не могу для нее убивать людей, ни звать на смерть, ни – говоря вполне откровенно – сам умереть в роли пушечного мяса»⁷⁸. Философ полагал, что объединение интеллигенции не может быть «оплодотворено чужой кровью».

В. В. Розанов считал антигосударственным и безнравственным делом затеянный Думой передел института собственности и наследственности, посягательство на частное землевладение. Государство не может быть «сиротским домом». Социальная справедливость должна основываться на концепции труда и бережливости, а не филантропического перемещения уже имеющихся богатств из одних рук в другие: это уродует психологию работника.

Филантропический дух Думы, несговорчивой с правительством, но благодушно потакающей революционным страстям во многом способствовал летне-осенней «жакерии» 1906 года: страну захлестнули беспорядки, убийства, «экспроприации». В. В. Розанов писал с горькой иронией, что самым популярным примечанием к газетным известиям в эти месяцы стала фраза: «Злодеи не пойманы»⁷⁹. Голос В. В. Розанова этой поры – голос беспартийного мирного обывателя, требующего от государства «скрутить революцию», надеть на нее халат умалишенного с двухаршинными рукавами, «которые завязываются в удобный узел за спиной»⁸⁰.

Многие художники с пониманием восприняли начатую новым премьером П. А. Столыпиным борьбу с революционным террором. В. В. Розанов предлагал и мирный (вполне художественский!) проект борьбы с анархией: правительство должно предложить революцио-

нерам уехать за границу – там, в высококультурной и спокойной обстановке наступит отрезвление горячих голов⁸¹. 1917-й год опровергнет розановское благодушие: именно в трудолюбивой и благополучной Европе созрел большевистский план политического и социального переворота.

Если на рубеже 1905–1906 годов в обществе царил «конституционная» эйфория, а от политических партий ждали цивилизованной и продуктивной парламентской работы, то к концу 1906 года свобода собраний и союзов уже не казалась волшебным средством излечения страны от недугов. Партийная работа пробуждала все более устойчивую ассоциацию с интриганством, кичливостью, лицемерием обещаний. Партия, демонстративно отрешившаяся от политического аморализма (партия мирного обновления), имела, скорее, характер теоретико-дискуссионного кружка интеллигентов-идеалистов. «Политические страсти – это грузная, грязная волна, убивающая, притупляющая и загрязняющая»⁸², – писал в декабре 1906 года А. С. Суворин.

Накануне годовщины царского манифеста В. В. Розанов сформулировал, в чем состоял главный просчет нового поколения политиков: «Мы вошли 17 октября в конституционализм, можно сказать, не только не перекрестясь, но и не сняв шапки; точно ничего великого, радостного, вызывающего на благоговение не совершилось. Пора опомниться»⁸³. Писатель чувствовал, что захлестнувшая Россию борьба политических идей и программ по сути своей является столкновением огрубляющих человека материальных, поверхностных, а значит антикультурных и антироссийских интересов. Вместо того чтобы развить Манифест 17 октября как «зерно свободы», партии пытались «затоптать» его как помеху на пути реализации корпоративно-групповых и даже личных амбиций. Россию пытались раздробить на несколько маленьких политических «кумирен», в каждой из которых частная, мелкая идея наделялась качествами идеи общенациональной. Пытаясь донести до читающей публики мысль об исторической значимости Высочайшего манифеста, В. В. Розанов признавал, что «конституция» запоздала на 20–25 лет. Если бы аналогичный акт был принят в первую треть царствования Александра III, в самую кризисную для революции и самую благодатную для упрочения правительственного авторитета эпоху, то в XX столетие Россия вошла бы без такого катастрофического груза проблем.

Вторую Государственную думу, открывшуюся 2 февраля 1907 года, А. С. Суворин назвал «серой, невежественной, фразистой и бестактной»⁸⁴, В. В. Розанов – антигосударственной и сварливой⁸⁵. Писатель признавал, что ни одной из политических сил, составивших новое представительство,

не по силам воплотить в жизнь идею конституционализма, суть которой В. В. Розанов видит в «добром соседстве», согласном и разумном «сожитии», где никто не барин, и не раб⁸⁶. «Дума имеет смысл, – писал В. В. Розанов в феврале 1907 года, – только при одном условии, если она погашает революцию, введя напор общественной энергии и общественно-го одушевления в твердое неподдающееся русло органической законодательной работы»⁸⁷. При всем своем эстетстве В. В. Розанов соглашается воспринимать Думу лишь в ее рациональном качестве. Писатель, бессознательно перефразируя тургеневского Базарова, постоянно напоминает, что законодательное собрание – это не зрелище, а мастерская. «Весь дух Думы – не конституционный, – констатирует В. В. Розанов в апреле 1907 года. – Это какой-то дух продолжающегося заговора, т. е. по самому существу чего-то вороватого, крадущегося и разбойного»⁸⁷.

III Дума обозначила готовность и способность погасить революцию. В. В. Розанов назвал ее первой «антилитературной» Думой⁸⁸. Сделать народное представительство работоспособным и деловым можно было, лишь «выплеснув» из него радикальную и либеральную интеллигенцию, которые отождествляли государственную деятельность с полемическими эскападами в адрес государства. III Дума в большей степени напоминала собрание государственников и патриотов, далеких, впрочем, от лояльности к политической архаике и бюрократическому произволу. Дума проявила достаточную твердость в отстаивании конституционных свобод, она имела хороший шанс стать инструментом, усиливающим ответственность государства. Однако острого интереса к ее деятельности у художников уже не было.

Принципиальным критиком партийного принципа формирования народного представительства выступал В. О. Ключевский. Знаменитый историк считал Думу фактором догоняющего развития, неизбежно культивирующим систему «наскоро собранных знаний» и провоцирующим политический эгоизм⁸⁹. «Тиранией числа» назвал парламентаризм Д. Н. Цертелев⁹⁰. К этому мнению могли бы присоединиться и многие другие деятели русской культуры от А. М. Ремизова до М. М. Пришвина⁹¹.

Эмоциональным итогом процесса отчуждения художественной интеллигенции от сфер политики стала знаменитая статья Л. Н. Толстого «Не убий никого», опубликованная в начале сентября 1907 года сразу в нескольких российских и зарубежных периодических изданиях (в том числе, в октябристском «Голосе Москвы»⁹²). Л. Н. Толстой в очередной раз констатировал невозможность политическими средствами сдерживать вырвавшиеся наружу «звериные инстинкты», ибо первопричина их зарождения, по мнению писателя, заключалась

в нарушении внутренней, религиозной, нравственной связи между людьми. «Политические верования потому не могут соединить людей, что политических верований может быть бесчисленное множество, – писал Л. Н. Толстой, – одни верят в такой. Другие в другой парламентаризм, или социализм, или анархизм, высшее же понимание смысла жизни в известный исторический период и для известного народа может быть только одно»⁹³. В конце 1907 года толстовский приговор политике уже не сопровождался насмешливо-снихождительным комментарием на страницах партийных и околопартийных изданий. Даже конкретная рецептура, лаконично сформулированная писателем в названии статьи, не вызвала, как в 1905 году, ироничного скепсиса. Общественное сознание все последовательней выходило на уровень общегуманных, религиозных, нравственных категорий.

Итак, к концу 1907 года художники уходили все дальше от признания возможным сочетать политические формы (партия, парламент) с задачами национального единения и возрождения. «Не парламент нужен России, – убеждал в июне 1907 года В. Я. Брюсов З. Н. Гиппиус, – а элементарные школы...»⁹⁴. Формирование прогрессивной национальной русской («соборной») партии оказалось трудновыполнимым: слишком прочной оказалась взаимосвязь национального и ретроградно-монархического. Однако то, что «национальное» нуждается в политической реабилитации, понимали многие. Эту проблему российского конституционализма лаконично сформулировал В. В. Шульгин: «“За веру, царя и отечество” – умирали, и этим создавалась Россия. Но чтобы пошли умирать “за Государственную думу” – вздор»⁹⁵.

Концепция «думской монархии» принималась художниками-«нововременцами» при условии сохранения исключительных прерогатив монарха. А. С. Суворин, В. В. Розанов воспринимали народное представительство как форму укрепления, совершенствования, а не ограничения самодержавного правления. Они видели в Думе обновленную форму Земского собора, необходимую прежде всего для того, чтобы доносить до государя и правительства земские заботы и искать пути их решения. В представлении художников, работа думских фракций должна была стать не соперничеством, а разумным диалогом, партнерством, рожденным общими заботами о нуждах государства и народа. Государственная дума в ее идеальном виде представлялась художникам строго ритуализированным институтом, символом государственного единения и здравого смысла. Здесь, бесспорно, проявилось известное художническое прекрасное: парламент по сути

РАЗДЕЛ I

своей есть арена политической борьбы. Опыт I и II Дум убедил художественную интеллигенцию в том, что реальная политика зачастую не только не способствует обретению гражданского мира, но, напротив, препятствует ему. Путь к общественному примирению художники видели в восстановлении приоритета культуры над политикой, в следовании нравственным, религиозным, национальным идеалам.

Примечания

- ¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 7.
- ² Золотое руно. 1906. № 5. С. 79.
- ³ РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, ед. хр. 230, л. 83.
- ⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 37.
- ⁵ Там же. С. 43.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Новое время. 1900. 19 ноября.
- ⁸ Сыромятников С. Н. Опыт русской мысли // Новое время. 1901. 28 января.
- ⁹ Суворин А. С. Письмо DLVII // Новое время. 1905. 29 января.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Суворин А. С. Письмо DLVIII // Новое время. 1905. 22 февраля.
- ¹² Меньшиков М. О. Сильная машина // Новое время. 1905. 5 февраля.
- ¹³ Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1903. 7 декабря.
- ¹⁴ Толстой Л. Л. Мысли и жизнь // Новое время. 1905. 4 февраля.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Меньшиков М. О. Право правды // Новое время. 1905.
- ¹⁷ Дворянский русский вестник. 1912. Январь. С. 159.
- ¹⁸ Суворин А. С. Письмо DLIV // Новое время. 1905. 19 февраля.
- ¹⁹ Музей А. А. Бахрушина. Ф. 280. Д. 1291. Л. 22.
- ²⁰ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 73.
- ²¹ Там же. С. 48–49.
- ²² Энгельгардт Н. А. О звании народного представителя // Новое время. 1905. 22 июня.
- ²³ Меньшиков М. О. Мироеды и ходоки // Новое время. 1905. 19 июня.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Меньшиков М. О. Меньшиков. Диктатура партии // Новое время. 1906. 20 мая.
- ²⁶ Розанов В. В. Собрание сочинений. Русская государственность и общество. М., 2003. С. 461.
- ²⁷ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 86.
- ²⁸ Там же. С. 83.
- ²⁹ Там же. С. 98.
- ³⁰ Розанов В. В. Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 20.
- ³¹ В ультраконсервативных «Московских ведомостях» В. А. Грингмуга царский манифест демонстративно был набран обычным мелким шрифтом – рядом

же красовалась броская реклама чудодейственных пилюль от запора и геморроя. Московские ведомости. 1905. 18 октября.

³² Буренин В. П. Критические очерки // Новое время. 1905. 18 ноября.

³³ Розанов В. В. Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 10.

³⁴ Там же. С. 40.

³⁵ Там же. С. 64.

³⁶ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4303, л. 40.

³⁷ Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 620.

³⁸ Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001. С. 90.

³⁹ Иванов В. И. Родное и вселенское. С. 50.

⁴⁰ Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. М. ; Екатеринбург, 2000. С. 156.

⁴¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 51.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет. М., 2002. С. 290.

⁴⁵ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 65.

⁴⁶ Там же. С. 145.

⁴⁷ Там же. С. 147.

⁴⁸ Там же. С. 152.

⁴⁹ Там же. С. 155.

⁵⁰ Меньшиков М. О. Петербургские тревоги // Новое время. 1905. 19 ноября.

⁵¹ Сомов К. А. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1970. С. 450.

⁵² Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб, 2000. С. 91.

⁵³ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 305.

⁵⁴ Русское Царство. 1907. 27 августа.

⁵⁵ Виноградов А. Т. Основа национализма // Русский вестник. 1901. №6. С. 417.

⁵⁶ Русский вестник. 1902. № 5. С. IV.

⁵⁷ Величко В. Л. Старый фазис в истории «Вестника Европы» // Русский вестник. 1902. № 7. С. 336.

⁵⁸ Сыромятников С. Н. Опыты русской мысли // Новое время. 1901. 21 января.

⁵⁹ Русский вестник. 1902. № 9. С. 312.

⁶⁰ РГАЛИ, ф. 2571, оп. 1, ед. хр. 393, л. 35; ОРРК РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 1333, л. 27.

⁶¹ Энгельгардт Н. А. Самодержавие и бюрократия в царствование Императора Николая Павловича // Русский вестник. 1902. №12. С. 599.

⁶² ОРРК РНБ. Архив Шубинского, оп. 1, д. 115, л. 227–231.

⁶³ ...из русской думы. Т. 1. М., 1995. С. 134.

⁶⁴ Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1996. С. 337.

РАЗДЕЛ I

- ⁶⁵ *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 2003. С. 64.
- ⁶⁶ РГАЛИ, ф. 2571, оп. 1, ед. хр. 20, л. 19.
- ⁶⁷ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 185.
- ⁶⁸ *Розанов В. В.* Сочинения. М., 1990. С. 452–453.
- ⁶⁹ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 261.
- ⁷⁰ *Ходасевич В. Ф.* Книги и люди. Этюды о русской литературе. М., 2002. С. 290.
- ⁷¹ Русское знамя. 1907. № 85.
- ⁷² *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 96–97.
- ⁷³ *Бенуа А. Н.* Художественные реформы // Слово. 1906. 14 января.
- ⁷⁴ См.: *Маклаков В. А.* Л. Н. Толстой как общественный деятель. М., 1912. С. 30–31.
- ⁷⁵ *Беляев Ю. Д.* У графа Л. Н. Толстого // Новое время. 1906. 16 июня.
- ⁷⁶ См.: *Дрозд-Бонячевский В.* По поводу беседы гр. Л. Н. Толстого с Беляевым // Русское знамя. 1906. 29 июня.
- ⁷⁷ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 129.
- ⁷⁸ РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 67, л. 149–152.
- ⁷⁹ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 121.
- ⁸⁰ Там же. С. 132.
- ⁸¹ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 149.
- ⁸² *Суворин А. С.* Письмо DCLXXXVII // Новое время. 1906. 24 декабря.
- ⁸³ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 173.
- ⁸⁴ *Суворин А. С.* Письмо DCXVII // Новое время. 1907. 15 апреля.
- ⁸⁵ *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Русская государственность и общество. С. 280.
- ⁸⁶ Там же. С. 286.
- ⁸⁷ Там же. С. 305.
- ⁸⁸ Там же. С. 393.
- ⁸⁹ *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. Т. IX. С. 358.
- ⁹⁰ *Цертелев Д. Н.* Самодержавие и парламентаризм // Русский вестник. 1900. № 8. С. 473.
- ⁹¹ См.: ОРРК РНБ, ф. 634, д. 175, л. 18.
- ⁹² Голос Москвы. 1907. № 209.
- ⁹³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1992. С. 44.
- ⁹⁴ *Брюсов В. Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 305.
- ⁹⁵ *Шульгин В. В.* Дни, 1920: Записки. М., 1989. С. 76.

Ю. И. Сидоренко,

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ РУССКОГО НАРОДА КАК ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Любая этническая единица (род, племя, народ, нация) проявляется в истории определенным типом поведения. Сам же этот тип определяется в огромной степени характером народа, или, вернее, его психологией, «душестроением» (базовыми потребностями и интересами, традиционными предпочтениями и привычками, исходными моральными нормами, изначальными установками в общении и т. д.). Психологии народов, характер их чувствований, доминирующие эмоции – это и есть «действующие лица» их истории. Если понять психологию, «душу» народа, свойственные ему базисные ценности («сверхценности»), можно понять и предсказать характер его отношений с соседними народами, его исторические устремления и цели, его позиции и роль в мировой истории, в судьбах человечества вообще.

Никакое управление государством, народом не может быть эффективным, если «управляющие» (монархи, президенты, парламенты, просто разнообразные «начальствующие») не понимают и не учитывают психический строй, «душу» своего народа или конкретной социальной группы. Прекрасно задуманные социальные, политические, военные, экономические и прочие акции, в том числе и в международных отношениях, терпят крах, если государственные деятели или политики не ощущают глубинное отношение людей к этим акциям, их внутренние психологические установки или оценки. Это в особенности касается русского народа с его глубокой и тонкой душевной организацией. Например, в последние два десятилетия русский народ вымирает, разбегается, не хочет рожать детей, ворует, пьянствует, матерится не от бескультурья, необразованности или бедности (от голода у нас, слава Богу, никто не умирает, высокая общая образованность народа очевидна), а потому, что огромное большинство людей психологически не воспринимает и не принимает образ жизни, точнее социально-экономический строй, тип общественных отношений, который вольно или невольно выстраивается в стране.

Понять, что такое психология русского человека, точнее психология «русскости», очень сложно. «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить». Эта глубокая мысль поэта-философа Ф. Тютчева стала для многих расхожим объяснением «загадочной русской души», того вселенского чуда или,

по мнению некоторых, (начиная с П. Чаадаева), некоего абсурда, который являет собой Россия в мировом пространстве.

Чем объяснить, что маленькие и явно обделенные природными ресурсами народы вроде бельгийцев, голландцев, не говоря уже о немцах, французах или англичанах, столетиями живут в благоденствии, достатке и порядке, а русские вечно мучаются, голодают, страдают? «Покажи мне такую, обитель, / Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стонал» (Н. Некрасов).

Большую часть XX века русские с надрывом всех сил строили «светлое завтра» – коммунизм. Платили за «счастливое будущее» лишениями, здоровьем, жизнями миллионов. Были достигнуты немалые успехи, в том числе в экономическом, культурном, нравственном развитии народа. Но в конечном итоге Россия оказалась населенной, хотя равными и образованными, но бедными, оторванными от мировой цивилизации, духовно придавленными людьми.

После 20 лет демократизации и либерализации страна стала многократно слабее, потеряла 20 процентов территории, утратила столетние завоевания. По уровню народного благосостояния Россия устойчиво «поселилась» на 50–60-м месте в мире. Русская нация вымирает в прямом смысле слова (по многим регионам смертность в два-три раза превышает рождаемость). Каждый год около миллиона наших сограждан покидает страну. По улицам бродят миллионы брошенных детей, типичны дикое пьянство и наркомания. Количество самоубийц в стране превышает количество убиваемых, по женскому и детскому алкоголизму мы вышли на первое место в мире, по женской преступности – на третье. В деревне около половины жителей живет ниже черты бедности. Опять «голодная, бедная стонет Русь»? (А. С. Пушкин). А ведь все вроде правильно списывали с цивилизованного Запада. Десятки тысяч иностранных советников учили нас, как правильно творить экономику, политику, секс.

В чем же все-таки дело? Глупы русские? Ленивы русские? Вечно пьют и гуляют? Правители России безмозглы и тупы?

Немалое число ученых – социологов, историков, философов, просто мыслящих людей – и в прошлом, и в настоящем пытались предложить свое понимание этого огромной сложности вопроса. Правильно констатировались отдельные стороны социально-нравственного облика русского человека, особенности его психологии. Но не улавливалось главное.

С нашей точки зрения, важнейшим показателем психологии любого народа, его глубинного исходного самоощущения, является его интуитивное понимание, определение местоположения своего *Я* по отношению

к своей социальной среде, другим Я. Это – фокус национальной психологии народа, интимнейшая базовая точка отсчета во всем поведении человека любой национальности, его изначальное исконное антропологическое самоощущение.

Русский человек всегда чувствует себя частью чего-то большего, чем он сам. Русский психологически, духовно «присутствует» не только «внутри себя», как «западник» (например, немец, француз, англичанин), а и «вне себя». **Центр его духовного существования – вне его.** Русский рождается не только и даже не столько для себя, сколько для другого и смысл жизни видит в служении другому¹. Именно этим объясняются важнейшие особенности поведения и судеб огромного количества русских людей.

В силу ограниченности места в данном случае можно обратить внимание лишь на некоторые и них. Это, прежде всего, отмечаемая всеми иностранцами широта души русского, интерес ко всему миру, доступность огромному количеству явлений и событий, которые, казалось бы, его непосредственно не касаются. (Швейцарца или норвежца, например, интересуют главным образом состояние и судьбы его собственной страны.) Русскому же есть дело до всего. Русский чувствует себя гражданином мира, причем ответственным за судьбы этого мира. Это специфический русский «мессианизм». (В прошлом так ощущали себя древние египтяне, древние римляне.) Отсюда же поразительная распахнутость, раскрытость русского, его доброта, доброжелательность к другому, желание послужить, помочь ему. Отсюда же и известная склонность русского поговорить «по душам», ощутить «биение сердца» другого, понять его, посочувствовать, разделить его горе. (Помноженные на избыточную русскую эмоциональность эти черты становятся частью жизни, частью главных потребностей русского.) Отсюда же его удивительная способность, стремление, даже потребность «умереть за народ», за другого. Поэтому для него так притягателен подвиг Христа, который принимает смерть за людей.

В силу указанных сторон своей базисной психологии русский «не самодостаточен». Самому себя ему всегда не хватает. Удовлетворения собственных потребностей мало. Русскому всегда нужна большая общая цель. Без нее жизнь лишена смысла. (Это великолепно уловили коммунисты, предлагая общую великую цель – коммунизм.) К сожалению, сейчас у русских людей, у российского общества нет такой общей большой цели. И русские в своей массе ощущают страшную пустоту, бессмысленность существования. Поскольку русские все воспринимают и требуют по-максимуму, понятно, почему уничтожение

России как великой державы русские восприняли как страшное несчастье, поражение, трагедию, позор.

Здесь же можно увидеть причину одного из неприятных и опасных проявлений «русскости». При общении с другими (в особенности с иностранцами) русский очень часто воспринимает не себя, а другого «точкой отсчета». Дело в том, что ощущение того, что не ты «хозяин» самого себя, а твой «хозяин» – нечто большее, чем ты, порождает чувство собственного несовершенства, «частичности», ущербности. Резко снижается самооценка, Поэтому русский в окружении, как ему кажется, «значительных людей» не уверен в себе. Это известное во всем мире довольно типичное для многих русских ощущение собственной незавершенности, даже неполноценности, зависимость русского от чужого авторитета. «Я русский, следовательно, я дурак, следовательно, от меня пахнет» (А. И. Герцен). Отсюда холуйство, заискивание, пресмыкательство пред всяким «господинчиком», боязнь всякого начальства, отсутствие «нравственной храбрости», как называл это качество Наполеон. «Нация рабов», как презрительно в связи с этим сказал о русских Н. Г. Чернышевский.

Поэтому русского надо чаще ободрять, хвалить, воодушевлять (как всякого неуверенного в себе человека). Он очень нуждается в наличии сильного, авторитетного, справедливого вождя («царя-батюшки»). Его психологический тип требует авторитарного управления. «Демократический», и особенно «попустительский», тип руководства вызывает нарушение внутреннего равновесия, децентрализацию психологических установок, потерю нравственных эталонов и, в конечном итоге, состояние аномии. Утрачиваются значимость социальных норм и требований, нарастает отклоняющееся и саморазрушительное поведение, увеличивается количество самоубийств и т. д. Добром, лаской, похвалой от русского можно добиться почти всего. (В частности, это побуждает многих социальных психологов утверждать, что у русского народа «душа женщины».)

Русский очень чувствителен к нравственным оценкам и поэтому не защищен против «морального бандитизма». Легко попадает на общественно значимые лозунги и призывы. Он очень хочет кого-то уважать, и сам очень нуждается в уважении. Нравственная чистота русского человека, его изначальная потребность верить в нечто значительное, в добро, в благородство, потребность послужить чему-то возвышенному, кому-то помочь часто делает его жертвой самого откровенного обмана, лицедейства, подлости. Он поразительно открыт и доверчив к мнению людей, представляющимися ему честными, уважаемыми,

авторитетными. («Легковерен народ российский», – подметил еще Н. Карамзин.) Русский человек – находка для всякого беспринципного политика, для всякого ловкого дельца в СМИ. Именно это качество позволяет легко манипулировать русским электоратом на разного рода выборах.

Величайшее качество русского типа самореализации – способность довольствоваться малым в удовлетворении материальных потребностей. Это его качество делает русских поразительно способными к сопротивлению в лихую годину, во время войны, голода, стихийных бедствий. Во время гражданской и Великой отечественной войн целые села и районы не один месяц питались только лебедой, дубовой корой, желудями, крапивой. И выживали.

Но эта способность довольствоваться малым, к сожалению, позволяет русским удовлетворяться минимумом комфорта, удобств и в хорошие, мирные времена. Отсюда и рассуждения о лениности русских. Потому же «русский человек – плохой работник» (В. И. Ленин). Ему не требуется достижение высшего качества в обычных условиях. (Вспомним «Русь-тройку» Н. В. Гоголя: «Не железным схвачен винтом, а наскоро, живьем с одним топором и долотом снарядил и собрал ее ярославский расторопный мужик. И сидит черт знает на чем...».) Потому удел России, как насмешливо твердили дореволюционные публицисты, «носить шляпки, отвергнутые Европой», то есть удел опаздывать, подражать. И опять утверждать, что «культура идет с Запада». Но именно свобода духа, свобода от мелких стараний улучшить свою жизнь, «полировать отполированное» дает русскому народу возможность создавать изумительные шедевры культуры, делать удивительные изобретения. Русский дух невероятно креативен. Русский народ – один из самых творческих народов мира.

Европейцев и американцев, как в прошлом, так и в настоящем, более всего поражает (и пугает) героизм и самоотверженность русских людей, их непобедимость. Действительно, как показывает история, победить Россию невозможно. Здесь не слепой фанатизм или бездумное следование приказам. В силу изначальных особенностей своего миропостижения русский человек, умирая, ощущает, что не погибает совсем, потому что то великое общее, и прежде всего Отечество, Родина, ради которого он живет и частью которого он является, – бессмертно. Такой народ победить невозможно.

Разумеется, здесь не представляется возможным отметить и оценить множество других качеств «русскости» во всей их сложности и противоречивости. Они коррелируются, взаимодействуют, взаимодополняются. Но в конечном итоге их истоки именно в указанных

глубинных свойствах русской психологии. Только их учет в различных сферах социальной и государственной политики может привести, наконец, Россию к ее желанным историческим целям.

Примечания

¹ Возможно, в этом можно увидеть историческое (и биологическое) предназначение русского этноса. Именно представители вида «хомо сапиенс», которые отличаются такими антропо-психологическими показателями, могут быть предназначены для спасения вида (человечества) в критических ситуациях.

А. А. Соловьев

**К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

В конце XIX – начале XX века доминирующей тенденцией в области церковного строительства продолжала оставаться конфессионализация общественной жизни. Методы реформирования Церкви были напрямую взаимосвязаны с методами реформирования государства, так как империя была конфессионально ориентирована, а Русская православная церковь (далее – РПЦ) считалась господствующей. Заметим, что внеконфессионального состояния на начало XX века не предусматривалось. «Эра Победоносцева» выражала собой принцип сохранения церковно-государственных отношений в рамках византийской идеи симфонии властей, однако интеллектуальный климат эпохи и происходившие общественно-политические изменения в обществе объективно отражали необходимость реформирования института православной церкви.

Назначение К. П. Победоносцева на должность обер-прокурора Святейшего Синода состоялось по рекомендации М. Т. Лорис-Меликова и П. А. Валуева 24 апреля 1880 года. «Отделение Церкви от государства вызовет анархические действия в обществе», – таков был один из главных аргументов его собственной позиции. Как «человек государственного ума», он понимал, что сохраняющийся порядок в области церковного управления не соответствует новым веяниям, которые, захватив Европу, перекинулись на Россию. Вместе с тем, как писал К. П. Победоносцев, рассматривая вопрос о государственной власти, «...она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого на веру основанного сознания»¹.

Затрагивая в своих сочинениях российскую историю конца XVII – начала XVIII века, К. П. Победоносцев утверждал тезис об опасности патриаршего правления для государства, тем более что главнейшей заботой последнего является «попечение о просвещении и воспитании народа в духе веры и нравственности»². Государство, по мнению Победоносцева, продолжало создавать благоприятные условия для постепенного развития приходской жизни, о чем свидетельствовали учреждения различных церковных попечительств и расширение сети церковно-приходских школ. Самостоятельность же церковной жизни как на местном, приходском уровне, так и в общероссийском масштабе была невозможна по причине материальной зависимости Церкви от государства. Не могло быть признано положительным, по мнению обер-прокурора, и участие иерархов в высшем государственном управлении, вследствие возможного ущемления интересов Церкви в ее внутренней жизнедеятельности.

По своему мировоззрению К. П. Победоносцев был традиционалистом, в определенной мере идеалом взаимоотношений Церкви и государства в его воззрениях выступала церковная реформа Петра I и сложившаяся с XVIII века синодальная система. Характерно в этой связи замечание, высказанное в письме Победоносцеву от 15.02.1882 года (написанном совершенно по другому поводу – о патриотической речи М. Д. Скобелева в Париже перед студентами-сербам) писателем и публицистом, издателем газеты «Русь» И. С. Аксаковым: «...а если бы ты, любезный мой друг Константин Петрович, жил – ну, хоть бы в IV веке, как изныла бы твоя душа, чутко слыша всяческую неправду в душе Константина! Если бы в те времена спросили тебя – созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь святыми, ты представил бы столько основательных критических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись...»³. Обер-прокурору была свойственна сакрализация самодержавной власти, которая в его понимании являлась церковным служением. В основе данной концепции лежала, сформулированная и реализованная в Восточной Римской империи, идея симфонии властей, которая в русской истории трансформировалась в религиозно-мессианскую теорию «Москва – Третий Рим», выраженную иноком Филофеем в посланиях Василию III в начале XVI века.

Он верил в систему «господствующей церкви», что исходило в его взглядах из общей концепции традиционного мироустройства общества с патриархальным бытом и преобладанием церковного обряда, символизирующим непреходящую ценность литургического характера русского православия. Для усиления влияния Церкви в общественной жизни в 1881–1894 годах было проведено 17 торжественных празднований

церковных юбилеев, в том числе: в 1883 году – 500-летие Тихвинской иконы Богородицы, 100-летие со дня смерти свят. Тихона Задонского, освящение храма Христа Спасителя; в 1885 году – 1000-летие памяти славянских апостолов св. Кирилла и св. Мефодия; в 1888 году – 900-летие Крещения Руси; в 1889 году – 50-летие воссоединения униатов с РПЦ; в 1892 году – 500-летие со дня представления прп. Сергия Радонежского и др.⁴. За время обер-прокурорства К. П. Победоносцева было открыто 7 новых епархий; новый Устав духовных консисторий, введенный в 1883 году, значительно усиливал их административно-дисциплинарную роль в епархиях, и, как следствие, контрольные функции обер-прокурора, которому непосредственно подчинялись секретари консисторий. С 1893 года их места замещались только чиновниками канцелярий Синода и обер-прокурора. С 1883 года перестали вызывать в Синод по инициативе Победоносцева представителей белого духовенства. Новое издание «Учреждения» Сената от 9 июля 1887 года официально давало право обер-прокурору Св. Синода на равных с министрами оснований принимать участие в работе Сената при рассмотрении дел духовного ведомства⁵. То, что К. П. Победоносцев состоял членом Государственного Совета (с 1872 года) и членом Комитета министров (с 1880 года) было связано не с занимаемой им должностью обер-прокурора, как об этом пишет историк Д. В. Пospelовский⁶, а с личными особыми заслугами перед государством. По должности же обер-прокурор Св. Синода был назначен членом Государственного Совета, Комитета министров и Совета министров лишь 6 декабря 1904 года, получив чин II класса с правом на мундир 2-го разряда⁷. Об усилении административно-бюрократических тенденций в ведомстве православного исповедания свидетельствует возрастание числа переводов епархиальных архиереев с одной кафедры на другую, социальный статус которых был далеко не равнозначным, что являлось либо поощрением, либо наказанием. Как замечает А. Ю. Полунов, «...из 49 епархиальных архиереев, перемещенных в 1881–1894 гг., восемь было переведено по два и восемь – по три раза. В среднем за год перемещалось три епархиальных архиерея и три викария; четыре викария получали назначения на самостоятельную кафедру»⁸. Основанием же такого рода действий часто выступали более или менее близкие социальные связи со светскими властями, в том числе с чиновниками синодального аппарата и лично обер-прокурором. В период с 1881 по 1894 годы в среднем за год открывалось 250 новых церквей и 10 монастырей⁹. В 1893 году Победоносцев смог провести через Александра III решение Государственного совета, по которому обер-прокурор согласовывал с министром финансов увеличение кредита на содер-

жание всем причтам империи¹⁰. Все это свидетельствует о развитии тенденции конфессионализации общественной жизни, своеобразным катализатором которой выступала личность обер-прокурора Св. Синода.

Вместе с тем, положение главы духовного ведомства продолжало оставаться более чем двойственным. С. И. Алексеева, автор монографии о Св. Синоде, его структуре и деятельности во второй половине XIX – начале XX веков, характеризуя это противоречие, пишет: «Право обер-прокурора Синода на равных основаниях с министрами назначать, увольнять и награждать чиновников своего ведомства на практике было существенно ограничено законодательством, посвященным другим вопросам церковного управления. Назначения на “ключевые” должности секретарей и обер-секретарей Синода, секретарей духовных консисторий, наблюдателей и их помощников в церковно-приходских школах, членов Учебного комитета и Училищного совета Синода нуждались в утверждении синодального присутствия, как и вообще подавляющее большинство решений обер-прокурора Синода»¹¹. Выражением данного противоречия является отношение к личности и деятельности К. П. Победоносцева со стороны его современников. Так митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях писал, что «Победоносцев не доверял русской иерархии (и вообще мало кому доверял), не уважал ее и признавал лишь внешнюю государственную силу»¹². Разногласия между обер-прокурором и церковной иерархией касались, прежде всего, непререкаемой сущности самодержавного принципа правления, которому в церковном аспекте, по мнению Победоносцева, более всего соответствовала синодальная форма взаимоотношений государства и Церкви. Несмотря на это именно Победоносцевым была возрождена традиция проведения окружных архиерейских соборов¹³, на которых, однако, было категорически запрещено касаться вопросов высшего церковного управления. По определению Н. А. Бердяева, будучи теократом в государстве, Победоносцев оставался бюрократом в Церкви¹⁴. По сути своей политика обер-прокурора была направлена на сохранение стабильности и противодействие участию церковного института в реальной общественно-политической жизни. Как замечает о. Г. Флоровский, Победоносцев «верил в охранительную прочность патриархальных устоев, но не верил в созидательную силу Христовой истины и правды. Он опасался всякого действия, всякого движения, – охранительное бездействие казалось ему надежнее даже подвига»¹⁵. Последнее замечание о. Флоровского справедливо в отношении разночтения в целом позиции обер-прокурора с традицией оптинского старчества, так как исихастская духовная

практика на рубеже XIX–XX веков была своеобразной реакцией оптинских прихожан и паломников на кризис синодальной системы, который поразил основу церковного организма – приход.

В определенной степени дуалистическими были оценки личности и деятельности К. П. Победоносцева со стороны светской интеллигенции. В. В. Розанов отмечал обращенность автора-составителя «Московского сборника» в прошлое: «Прошлое есть его поэзия, его утешение. В будущем он ничего не видит, для будущего он не имеет надежд»¹⁶. Гораздо более нетерпимее вследствие разночтений по самодержавному принципу государственности были позиции либеральных лидеров общественно-политического движения. Так П. Н. Миллюков в своих мемуарах прямо возлагал вину за разрушение российской монархии на обер-прокурора: «...сухой, упрямый фанатик, получивший недаром прозвище Торквемады, К. П. Победоносцев, – принципиальный враг всего, что напоминало свободу и демократию. Он – один из тех, кто несет главную ответственность за крушение династии»¹⁷. Вместе с тем, современники отмечали личную порядочность К. П. Победоносцева¹⁸, его отзывчивость, которой многие воспользовались, его ум и проницательность. Созвучными идеям К. П. Победоносцева о необходимости сохранения поста обер-прокурора и в целом неприятия патриаршества как принципа управления церковью были взгляды части представителей духовно-академических корпораций, церковной интеллигенции¹⁹.

«Позиционируя» К. П. Победоносцева противником мнений преобладающей части интеллигенции по вопросам церковной реформы, мы вовсе не имеем в виду, что лишь обер-прокурор отстаивал тезис о необходимости более тесного союза между церковным институтом и государством. Помимо церковного аппарата (синодальной канцелярии, епархиальных консисторий и т. д.), такого же взгляда придерживались и представители консервативно-государственного направления в интеллектуальном поле России, ряд епархиальных преосвященных и, наконец, сам Император Николай II, не говоря уже о средних и низших слоях общества, которые даже не задумывались, в силу сложившихся устоев и традиций, над данными вопросами. Однако и в консервативных кругах русского общества необходимость реформирования церковного института все более находила своих сторонников. Так, например, в 1902 году Л. А. Тихомиров в «Московских ведомостях» выдвигает идею реорганизации высшего церковного управления, настоятельной потребности восстановления канонического строя, нарушенного Петром I, путем избрания патриарха и возоб-

новления практики созывов Поместных Соборов²⁰, что находит поддержку у митрополита Антония (Вадковского) и великого князя Сергея Александровича.

В Синоде же результатом обсуждения вопроса о преобразовании церковного управления явился «Всепопданнейший доклад», в котором утверждалось, что основной канонической формой правления является Собор епископов во главе с митрополитом или патриархом. Относительно существующего в России синодального управления члены Св. Синода признали, что оно носит государственно-бюрократический характер и что состав Синода во многом случаен и никак не обусловлен интересами Церкви. Предлагалось ввести в него, наряду с постоянными членами, временных – из иерархов Российской Церкви, а также возглавить Св. Синод патриарху со всеми каноническими полномочиями епархиального архиерея Патриаршей области (Московская епархия и ставропигиальные монастыри). Декларировалась необходимость созвать в Москве Поместный Собор всех епархиальных архиереев РПЦ, предварительно организационно подготовив его. На приведенном докладе Николай II 31 марта 1905 года написал резолюцию о невозможности «в переживаемое тревожное время» созыва Поместного Собора, ибо для этого требуется, в первую очередь, «спокойствие и обдуманность», но обещал дать «этому великому делу движение, когда наступит благоприятное для сего время»²¹.

Таким образом, отметим, что одной из главных причин ослабления влияния РПЦ в обществе являлась зависимость Церкви от государства. Следствием этого являлась малая заинтересованность общества в решении проблем Церкви в силу отождествления интересов РПЦ и государственного строительства. Вместе с тем в дискуссии по проблемам Церкви – в государственных органах власти, в работе Предсоборного Присутствия 1906 года, на заседаниях высших представительных учреждений, на собраниях светских обществ и организаций – были намечены те преобразования, которые при реальном их осуществлении служили бы позитивным моментом в изменении положения РПЦ в структуре государственных и общественных отношений.

Прежде всего, это касалось реформирования основ церковной жизни на принципах соборного начала. Соединение религиозно-философского и церковно-богословского значений понятия соборности во многом разрушало бы противопоставление иерархии РПЦ и пресвитерианского духовенства, церковной и светской интеллигенции. Церковно-государственные отношения при этом строились бы на принципах автономии церковной жизнедеятельности, не нарушавшей личного права

РАЗДЕЛ I

граждан в свободе религиозного самоопределения; не ставились бы в зависимость от изменения политической обстановки в государстве. Однако нерешенность основного вопроса – о созыве Поместного Собора, призванного преодолеть противоречия в каноническом устройстве Церкви, в ее взаимоотношениях с государством, делала дальнейшие попытки изменения положения Церкви в обществе малоперспективными.

Примечания

¹ К. П. Победоносцев: Pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Петровича Победоносцева в оценках русских мыслителей и исследователей / изд. подгот. С. Л. Фирсов. СПб., 1996. С. 80.

² А. Р. Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912. С. 37.

³ К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары : в 2 т. Мн., 2003. Т. I. С. 284.

⁴ См. подробнее: *Цимбаев К. Н.* Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42–51; Он же. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

⁵ ПСЗ-3. Т. 7. № 4551.

⁶ См.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 22.

⁷ ПСЗ-3. Т. 24. № 25486.

⁸ *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 36.

⁹ Обзор деятельности ведомства православного вероисповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 8, 68–69.

¹⁰ ПСЗ-3. Т. 13. № 219.

¹¹ *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006. С. 30.

¹² *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 154.

¹³ Таких Соборов было проведено четыре: в 1884 г. – Собор архиереев южных и западных епархий в Киеве и Собор архиереев в Санкт-Петербурге; в 1885 г. – Собор епископов Поволжья в Казани и Сибирский Собор архиереев в Иркутске.

¹⁴ К. П. Победоносцев: Pro et contra... С. 291.

¹⁵ *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 412–413.

¹⁶ *Розанов В. В.* Скептический ум // В. В. Розанов. Собрание сочинений. Около церковных стен / под ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 136.

¹⁷ *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917) : в 2 т / сост. и авт. вст. ст. М. Г. Вандалковская; коммент. и указ. А. Н. Шаханова. М., 1990. Т. 2. С. 57.

¹⁸ См.: *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700 – 1917 : в 2 ч. М., 1996. Ч. 1. С. 168.

¹⁹ См., напр.: Н. Глубоковский – В. Розанову. 26.03.1905 / Сосуд избранный : сборник документов по истории Русской православной церкви. СПб., 1994. С. 71–76.

²⁰ См.: *Тихомиров Л. А.* Запросы жизни и наше церковное управление // Московские ведомости. 1902. 14 декабря, 15 декабря.

²¹ Церковные ведомости. 1905. № 14. С. 99.

Н. С. Майорова,

РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛОСОФЫ О ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОМ КРИЗИСЕ И ПРОБЛЕМАХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

На «философском пароходе» в 1922 году была вынуждена покинуть родину значительная группа крупных российских ученых – философов, историков, экономистов. Оказавшись в эмиграции не по своей воле, они в меру сил сохраняли связи с Россией. Но над тоской по отчизне преобладали горечь утраты и неприятие новых общественных порядков в советской стране, они-то и определили приоритеты жесткости и негатива в оценках и высказываниях. Характерной чертой взглядов религиозных философов было увязывание проблем российской государственности с утратой религиозных идеалов, потерей «идеи Бога» и «кризисом безбожия».

Размышляя о современной ему действительности и пытаясь как-то примириться с ней, С. Л. Франк писал: «Человечество переживает в настоящее время один из тягчайших и глубочайших идейных кризисов, когда-либо им испытанных. Старые верования пришли в упадок и не имеют власти над сердцами; новой веры не видно – человечество не знает больше к чему оно должно стремиться, для чего жить, какие начала оно должно воплощать в жизни... Идейный кризис отчетливее всего обнаруживается в факте общественной безыдейности и общественного неверия»¹. Кризис общественной мысли возник после Первой мировой войны и революции в России, но не эти события послужили его истоком. Первопричиной кризиса С. Л. Франк называл исторический релятивизм XIX века, который, давая знание и понимание того, как жили и во что верили в прежние эпохи, привел к утрате собственной веры. Близкие по духу мысли высказывал и И. А. Ильин. Духовно-нравственный кризис конца XIX века он именовал «кризисом безбожия». Формальное и открытое начало кризиса, вызванное масштабностью

© Н. С. Майорова, 2008

Первой мировой войны и размахом революционного движения, философ относил к первой четверти XX века. России волею судеб оказалась уготована роль эпицентра кризиса и дело было не только в том, что до революции страна «представляла из себя рыхлый социальный организм, сложенный в массе своей из людей даровитых и добродушных, но характером слабых; психически в высшей степени предрасположенных к “индивидуализму” и анархизму»², но и в том, что революция обернулась для страны грандиозной катастрофой.

В отличие от многих своих современников, с большим воодушевлением и подъемом встретивших Февральскую революцию и не принявших Октябрьскую, И. А. Ильин крайне негативно оценивал обе. По его мнению, Февраль – провал в демократическую республику, Октябрь – «величайшее насилие и величайшая ложь», «воинствующий пафос пошлости», «вихревой процесс, социальный бред взбесившихся от зависти, ненависти и властолюбия коммунистов», «сатанинский бред», «разрушение, сгнивание, разорение», «нестыдящийся произвол», «продукт злой и сильной воли; и в то же время – продукт безвольной и слабой доброты»³. Явление большевизма и коммунизма – знак и результат религиозного кризиса.

С. Л. Франк подчеркивал, что на словах и в размышлениях у каждого наличествует якобы вера в науку, христианство, человека, фактически истинная цельная вера была утрачена. Последний из общественных идеалов – социализм окончательно рухнул. Его лживость и призрачность «изобличило» осуществление в России. Русская жизнь превратилась в ад, а европейские социалисты трусливо, вероятно в силу инстинкта самосохранения, отреклись от него.

Основами общественного бытия философ называл солидарность, начало личной свободы, служение Богу, начало авторитета или харизму, принцип аристократизма – господства, принцип всеобщности участия в общественной жизни. Начала солидарности и личной свободы в концепции С. Л. Франка не противоречат друг другу. Замысел социализма, состоящий в замене индивидуальной воли коллективной, расценивался им как бессмысленная идея, которая нарушает принцип общественности и способна привести к параличу и разложению общества. «Фактически он [социализм] не может привести ни к чему иному, кроме разнузданного самодурства деспотической власти и отупелой пассивности или звериного бунта подданных». Огромное значение для общественной идеи имела и неразрывность исторического процесса, сохранение исторической памяти и насле-

дия предков: «Попытка оторваться от прошлого, заново из ничего создать свою собственную жизнь, «учредить» новое общество, есть безумие нечестия, которое равносильно самоубийству и не кончается смертью только, если силы прошлого после короткого паралича, вновь пропитывают собою жизнь»⁴.

Как страшную историческую катастрофу воспринимал события 1917 года и Н. А. Бердяев. В основе всех революций, на его взгляд, находилась духовная настроенность противоположная христианской, а их движущими силами выступали злоба, зависть, ненависть и месть. Но «революция, исторический кризис должны что-то означать во внутренней судьбе христианства... Предполагается, что Церковь совершенно пассивна в русской революции, что в ней ничего не происходит, что христианство играет лишь страдательную роль... Революция... есть внутреннее духовное событие, духовная болезнь в христианском человечестве, в христианском народе... Внутренний кризис христианства определяет все внешние исторические катастрофы»⁵. Кризис в трактовке Н. А. Бердяева являл собой завершение исторической эпохи христианства нового времени и даже окончание исторического периода христианства со времен Константина Великого, когда по-новому начали выстраиваться государственно-церковные отношения. В России началось гонение на церковь, но «кончилось порабощение Церкви государством, о котором Достоевский сказал, что Церковь со времен Петра в параличе. Ложное и дурное покровительство, официальное господствующее положение для Церкви страшнее, чем гонения. Возврата к старой эпохе, к старым отношениям государства и церкви, к старому освящению власти кесаря, не может быть и его нельзя желать»⁶. Но присущее большевикам голое насилие не могло быть средством осуществления государственной власти. В России она всегда держалась верой народа в ее священность. Церковь только символически освещала царскую власть. В прошлом монархия играла положительную, творческую, нередко прогрессивную, иногда революционную роль в русской истории. Когда же рушилась вера в священное значение монархии, она превратилась в тиранию и начала разлагаться. В новой форме монархия, по мысли Н. А. Бердяева, еще будет призвана сыграть положительную роль в возрождении России. Однако, например, Л. А. Карсавин удивлялся легкости, с которой православные русские люди и даже православные иерархи отнеслись к падению самодержавия, казавшегося почти церковным институтом, и к отделению церкви от государства,

провозглашенному Временным правительством, но несовместимому с духом православия. Никто не задумывался над правомерностью признания подобного принципа. Люди «просто радовались «свободе» Церкви от государства, т. е. от угнетения ее императорами и оберпрокурорами, и... от ее священного долга»⁷. Патриарх Тихон и его правопреемники признали факт отделения церкви от государства, приняли на себя обязательство подчиняться и добросовестно ему следовали, ни теоретически, ни практически при этом не отделяя Церковь от национально-государственной и национально-культурной жизни. И в своем «Завещании» и в последних посланиях патриарх «благословлял русских православных людей на культурно-национальную работу в советском государстве и с высоты патриаршего престола призывал их склониться перед волей народа, отвергшего царскую власть и вручившего свои судьбы новой власти»⁸.

Патриарх никогда не называл большевиков святыми, не одобрял того, как совершился переворот, как поступает власть и как решает государственные задачи. Л. А. Карсавин считал, что во второй половине 1920-х годов просыпается русское православное самосознание и первым его выразителем является патриарх, связывающий прошлое России с ее настоящим, а Русская церковь обнаруживает себя как душа народа.

Серьезный «народно-психологический сдвиг» в настроениях народа в сторону восстановления религиозно-нравственных начал в середине 1920-х годов видел и не принадлежавший к числу религиозных философов В. Сперанский, чьи статьи публиковались в издаваемом Н. А. Бердяевым в эмиграции журнале «Путь». В. Сперанский полагал, что революция дала ощущение пьянящей прелести новизны. Солдаты разложившейся армии принесли в деревню яд «богоборческого озорства и дикарской анархии». «Стяжательный экономизм» стал лидером дня, пришедшим на смену религиозно-общественным устоям крестьянства. Но «страшные убийственные соблазны большевизма изведаны Россией до дна, вся широта кощунственного дерзания и глубина нравственного падения стали горьким уделом многих и многих ее сынов. Суровый закаляющий опыт пережит русским народом не напрасно. Ложный коммунизм с его людоедским террором, соглядатайствующей опекой и назойливым властолюбием выявил себя до конца в своей неприглядной наготе. «Коммунизм», доведенный до чудовищной карикатуры, пресытил дух большевизма и тем убил его. «Коммунизм» – явление совершенно чуждое душе русского народа, наносное и поверхностное»⁹.

Сдвиг в народном сознании выразился в защите представителей духовенства от кощунственных действий комсомольцев, выполнении таинств крещения и венчания. Цитируя письмо старого друга, полученное с оказией из Петрограда, В. Сперанский особо отмечал убежденность в том, что на безбожном фронте властители бьют поспешно и испуганно отбой. Ставка на живоцерковников в деле советизации церкви провалилась, здоровое и искреннее религиозное чувство повсеместно растет и крепнет. Обновленчество, обусловленное традицией угодничества власти и низменными и эгоистическими мотивами, идейно было плодом положительного стремления, чтобы православная вера осуществлялась в полноте жизни, а не стояла в стороне от социальных и политических проблем. Ошибка живоцерковников заключалась в стремлении стеснить жизнь ложными условными и отвлеченными нормами, как например отрицание свободы церкви.

В целом сквозь рассуждения религиозных философов красной нитью проходила мысль о взаимосвязи духовно-религиозного кризиса и гибели института монархии. Антирелигиозная политика советской власти расценивалась как безбожная и разрушительная, а способом нейтрализации ее негативных последствий могло стать только восстановление Церковью ее морально-нравственного авторитета. Фактором, который мог ускорить этот процесс, было ставшее в оценке религиозных философов явным крушение коммунистической идеологии и кризис большевизма.

Примечания

¹ Франк С. Л. Религиозные основы общественности // Путь. 1925. № 1. С. 9.

² Ильин И. А. О революции // И. А. Ильин. Кризис безбожия. М. : ДАРЬ, 2005. С. 139.

³ Ильин И. А. Кризис безбожия // И. А. Ильин. Кризис безбожия. М. : ДАРЬ, 2005. С. 112–144.

⁴ Франк С. Л. Указ. соч. С. 19.

⁵ Бердяев Н. А. Царство Божье и Царство кесаря // Путь. 1925. № 1. С. 32–33.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Карсавин Л. А. Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства // Путь. 1927. № 1. С. 36.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Сперанский В. Религиозно-психологические наброски современной России // Путь. 1926. № 5. С. 108.

**ИДЕОЛОГЕМА «ПРАВОСЛАВИЕ,
САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ»
В САМОДЕРЖАВНОЙ ИДЕЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ**

«Национальная политическая идеология», более того «национальное самосознание народа, населяющего Россию», сколь часто в современной действительности возникает проблема этих понятий. Как часто на сегодняшний день в средствах массовой информации поднимается порой заранее ангажированная тема **«Россия, и ее идеология»**. Невольно возникает мнение, что и без того разделенная, некогда единая нация подвергается информационной атаке, преследующей еще большее разделение и разобщение русского народа. Следует заранее отметить, что изначально под понятием «русский народ» необходимо подразумевать все национальности, входящие в состав России, неизменно несущие в себе идею добровольного единения перед целостностью государства, имя, которому – Россия.

Однако следует признать то, что вопрос о государственной идее не нов. Размышления об идее России появляются еще до воцарения династии Романовых. Достаточно вспомнить великого деспота российского Иоанна IV (Грозного), ведь это он поднял идею Москвы как Третьего Рима, которая и сейчас находит не мало откликов в среде приверженцев патриархального строя российской государственности.

Но, обращаясь к вопросу идеологической основы России в период царствования династии Романовых, а именно **идеологемы «Православие, Самодержавие, Народность»**, необходимо, в первую очередь, по моему мнению, указать на предпосылки ее возникновения и момент оформления в государственную идеологию.

Воцарение над Русью новой династии во время преодоления последствий кровавого смутного времени напрямую связано с осознанием необходимости сохранения трех великих столпов самобытной русской государственности. Пронесенные сквозь века в глубоком самосознании народа православная вера и преданность самодержцу, пройдя через «огненную печь», были явлены. Так самое начало царствования Дома Романовых выделяет из множества сокровищ самобытности Руси триединство: веры, царя и народа. Эта триада с течением времени будет только культивироваться и впоследствии будет выражена в национальную идею Российской империи.

С Николая I начинается завершающий этап «восхождения» самодержавия над сословиями и классами, когда оно, «эмансипируясь» от преобладания дворянства во внутренней политике, после 14 декабря 1825 года взяло курс на создание общенациональной, в известном смысле, надклассовой идеологической базы дальнейшего развития России.

Острая потребность в формулировании *русской идеи* возникла после вызова, брошенного Российской империи французской революцией конца XVIII века. До этого у России, ставшей великой державой, необходимости давать ответ на вопросы: в чем смысл существования русского народа? каково предназначение России? – так сильно не возникало. Столкнувшись с вызовом французской революции и будучи, по сути своей, силой сугубо охранительной, консервативной, хранительницей мира (стоит напомнить мысль Федора Тютчева, что в мире есть только две силы: революция и Россия), наша страна вынуждена была дать идеологический ответ. И он прозвучал в известной триаде графа Сергея Уварова: **«Православие, Самодержавие, Народность»** – вот та идеологическая основа, на которой существует Российская империя, более того, на которой только и может существовать прочное политическое бытие в мире.

Вернемся к министру народного просвещения Сергею Семеновичу Уварову. С его именем связано создание фундамента системы народного образования, сыгравшего значительную роль в судьбах Российского государства, общества, отечественной науки, искусства. Именно ему принадлежит оформление идеи государственного устройства в известную всем триаду: Православие, Самодержавие, Народность.

Вот так сам министр докладывал самодержцу Николаю I:

«Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, не взирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным, и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия... Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных:

1. Православная вера.
2. Самодержавие.
3. Народность.

1. Без любви к **Вере предков** народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови

и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это было бы измена в пространном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов **нашей Церкви**, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха.

2. **Самодержавие** представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде... Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении и в образе мыслей...

3. Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третья, не менее важное, не менее сильное: **Народность**. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее. Вопрос о Народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о Самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице Истории Русского народа. Относительно Народности, все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна».

Изложенная министром доктрина народного просвещения отображает беспокойство образованнейшего человека перед наступающей угрозой революционного изменения многовекового уклада жизни страны. Идеалы столь незыблемые доселе требовали от правительства выработки твердой государственной и крайне понятной формулы, на которую и могло бы впоследствии опереться все образование. Хотя, разумеется, сам граф Уваров, формулируя по повелению государя Николая I, основы системы национального образования, ни о какой *русской идее* не помышлял. Однако иной конкурентоспособной формулировки *русской идеи* просто не было. Нельзя же, в самом деле принять экуменическое определение филокатолика Владимира Соловьева, что миссия России «всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви

Христовой». Особенно «актуально» это звучит в нынешних условиях, когда человеческий род семимильными шагами все дальше и дальше уходит от Христа.

Идеология «Православия, Самодержавия, Народности» явственно выступала как альтернатива лозунгу французской революции «Свобода, Равенство, Братство». Здесь Россия явственно противостояла Революции. Самая главная, заветная свобода для революционеров и либералов есть *свобода вероисповедания, ибо она позволяет внедрить в сознание человека страшную мысль, что Бога нет*. Свобода вероисповедания, санкционируя равноценность, а значит и «истинность» всех вероисповеданий, тем самым подводит к мысли о ложности их всех. Россия устами графа Уварова свидетельствовала терявшей веру Европе, что Истинная вера **есть, это – Православие**.

За идеей равенства, за стремлением уравнивать в правах буржуа и аристократа просматривался идеал «общества всесмешения», как выражался потом Константин Леонтьев. Однако лозунг равенства был нацелен, прежде всего, на **десакрализацию** идеи монархии и особы монарха. И консервативная Россия устами своего министра народного просвещения заявила, что идея равенства лжива, что естественной для общества является идея неравенства, или ранга, как потом скажет Иван Ильин. Идея Самодержавия провозглашала в качестве идеала общественно-государственного устройства иерархию неравных в правах и обязанностях (тот, у кого больше обязанностей, получает больше прав для исполнения своих обязанностей) сословий, завершающуюся фигурой **Царя – Помазанника Божия**.

Конечно, необходимо признать то, что высокая идеологема Триады не спасла впоследствии наше Отечество от ужасных революционных потрясений. Она, к несчастью, так и не была услышана большей частью «элиты», захваченной западными идеалами, порой совершенно не подходящими или, по крайней мере, несвоевременными. Отказ в 1917 году от исконно русских духовных ценностей привел к небывалому кризису, с последствиями которого мы еще долго будем бороться.

Современная Россия, так же как и Российская империя, нуждается в формуле, отображающей смысл своего бытия. Необходимо идеологическое знамя, способное объединить под собой народ в едином порыве. Вариантов множество, но одно нужно признать, медлить с выбором нельзя, а продолжать Великой стране жить безыдейно, по моему мнению, преступно и перед памятью предков и перед потомками, если конечно они у нас будут. Объединение в любви к Родине, к родному народу, родному языку, к родителям и детям, к труду,

к правде и справедливости. Одна из цитат сборника по педагогике за 1998 год гласит: «Чтите, любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума и воли... Верьте в Россию и любите ее и она будет вам матерью»

Возможно в наше время вопрос разрешится и в гигантской сокровищнице, оставленной нам предками мы найдем то общее, что сближает каждого мало-мальски любящего Россию.

А. С. Шишков

ПОЛКОВОЕ СВЯЩЕНСТВО ВО ВРЕМЕНА ЦАРСТВОВАНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

В полной мере о появлении в русской армии института полкового священства мы вправе говорить лишь с момента появления самой постоянной армии, а как вы знаете, это произошло в первой четверти XVIII века. Правда, было бы несправедливо не вспомнить, что уже в допетровское время истории известны примеры регулярного служения в армии священства. Об этом, в частности, свидетельствует документ, датированный 1647 годом, называвшийся «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей», где впервые упоминается полковой священник. На основании этого факта первые назначения в полки особых священников можно отнести: ко времени царствования государя Алексея Михайловича (1645–1676).

На протяжении всей истории существования института полкового священства, от начала и до расстрела царской семьи, русские цари имели прямое отношение к зарождению и развитию института полкового священства.

Во времена царя Федора Алексеевича (1676–1682) организация полковых церквей осуществлялась при непосредственном участии царя. Он сам предписывал патриаршему приказу назначать церковнослужителей и количество церковной утвари в полки. Становление и полноценное функционирование института полкового священства произошло не сразу, этот путь занял столетия.

Известно, что в первой четверти XVIII века правительство императора Петра I произвело коренную реорганизацию вооруженных сил. Была упразднена прежняя военная организация: дворянское ополче-

ние и стрелецкое войско. С 1699 года введена рекрутская повинность, единая система воинских званий и твердые основы прохождения воинской службы.

В 1716 году впервые в уставах русской армии появились отдельные главы «**О священнослужителях**», которые определяли их правовое положение в армии, основные формы деятельности, обязанности, но не указывали, кем последние должны быть определены. С 1721 года эта обязанность возлагалась на Святейший Правительствующий Синод, центральный орган управления церковными делами и имениями. При этом Св. Синод предписывал епархиальным архиереям назначать в полки священников «**искусных**» и известных им по своему **благонравному поведению**, которые должны служить примером для солдат и офицеров. Полковой священник своим служением старался облегчить привыкание к армейской службе рекрутов, оторванных от семей, от крестьянского труда, призванных служить на 25 лет. В своих проповедях, на исповедях, в беседах с рекрутами они говорили, что защищать Отечество, значит служить Богу. Полковым священникам приходилось отпевать и хоронить русских воинов, умерших от ран, болезней, погибших на поле брани.

Влияние их на солдат и офицеров было велико. Они приучали свою паству к порядку, опрятности, послушанию, правдивости, честности. Объясняли, что такое подвиг во славу русского оружия и Отчизны. Они учили свою паству христианской жизни в армейских условиях, являя личные примеры трудолюбия и преодоления любых трудностей. Стараниями священников в полку, на судне создавались приходы-общины, клиросные хоры.

На их содержание с патриаршей области и архиерейских епархий собирали по гривне с церкви, которые отправлялись в армию. Эта, на первый взгляд, сложная система комплектования и финансирования военного духовенства приобрела впервые элементы стройности и правовой обеспеченности, что, в свою очередь, способствовало значительному повышению эффективности религиозно-нравственной работы с солдатами и офицерами, усилению ответственности священников за свою деятельность.

Параллельно с совершенствованием сухопутных войск в эпоху императора Петра I строился военный флот. По мере его роста увеличивалось число матросов на корабле. В результате возник вопрос о судовых священнослужителях.

В апреле 1717 года по указу царя было решено «В Российском флоте содержать на кораблях и других военных судах 39 священников».

При выполнении этого указа правительство остановилось на белом духовенстве. Но служба в военном флоте в среде белого, женатого, духовенства прельщала не многих. Это объяснялось еще и суровой природой прибалтийского края. В итоге неудача с призывом на флотскую службу белого духовенства побудила правительство с 1719 года искать священников для флота среди монашествующих лиц.

Право назначения иеромонахов для службы на флоте, до учреждения Св. Синода, фактически принадлежало Александро-Невской Лавре. С 1721 года эти права перешли к Св. Синоду, он предписывал архиереям разных епархий высылать необходимое количество иеромонахов для комплектования военно-морского духовенства.

Права, обязанности и материальное положение флотского духовенства, а также религиозно-нравственные отношения служащих на военных судах были определены в Морском уставе, утвержденном в 1720 году. Через год была обнародована инструкция флотским иеромонахам: «Пункты о иеромонахах, состоящих во флоте», где регламентировалось их поведение и взаимное отношение между собою и служащими на корабле.

Регулярные военные походы армии, увеличение численности военного духовенства привели к необходимости создания специального органа для управления им. Этим объясняется появление при Петре I, по примеру западных штабов, должности полевого обер-священника для сухопутных войск, из числа белого духовенства. Первый известный пример назначения на должность полевого обер-священника относится к 1746 году, когда по просьбе главнокомандующего армии генерал-фельдмаршала Ласси Св. Синод назначил протопопа Антипа Мартемьянова.

Во главе всего флотского духовенства Морской устав 1720 года предлагал поставить одного начального священника, соответственно из числа монашествующих, обер-иеромонаха. В помощь ему в период царствования Петра I во все эскадры назначались особые начальствующие иеромонахи, в первые годы называвшиеся также префектами.

Таким образом, только при Императоре Петре I был создан и начал функционировать институт полкового священства, как централизованная организация, предназначенная для обучения и нравственного воспитания военнослужащих.

В годы правления императора Павла I (1796–1801) ведомство по управлению военным духовенством претерпело значительные изменения. При поддержке императора оно обособилось от епархиального, переподчинило себе все его функции по руководству полковыми священниками в мирное время и вело свою, независимую политику. В частности,

Полковое священство во времена царствования династии Романовых

в указе от 4 апреля 1800 года император Павел I запрещал производить перемещения полковых священников без указа обер-священника.

Одновременно происходит объединение армейского и флотского духовенства, сосредоточение его управления в одних руках – полевого обер-священника армии и флотов. Эта должность становилась постоянной. Первым на нее был назначен протоиерей П. Я. Озерецковский (1800–1807). Расположение императора Павла I и право личного доклада императору ставили протоиерея П. Я. Озерецковского в исключительное положение в управлении военным духовенством.

Озерецковский Павел Яковлевич (1758–1807), протоиерей, был первым по времени обер-священником армии и флота. Родился в 1758 году в селе Озерецком в семье священника Иакова Озерецковского, получил образование в духовной семинарии Троице-Сергиевой Лавры. В 1797 году был назначен полевым обер-священником и вскоре обратил на себя внимание императора, который приблизил его к себе. Обладая выдающимся умом, энергией и практическим тактом, Озерецковский составлял один за другим проекты по различным вопросам, представлял их к одобрению государя и уже в первый год сделал много для улучшения условий жизни подчиненного ему духовенства. В целях приготовления военных священников он учредил армейскую семинарию, в которой кандидаты на эти места воспитывались под его ближайшим наблюдением. Для семинарии было назначено здание Тверского подворья на Васильевском острове, подобраны преподаватели и 4 июля 1801 года семинария открылась. Озерецковский со всей возможной полнотой воспользовался расположением к нему государя и предоставленными ему правами.

Особую роль в организации военного духовенства сыграла военная реформа 60–70-х годов XIX века. Характер изменений в военно-религиозной службе отразило «Положение об управлении церквами и духовенством военного ведомства», утвержденное 12 июня 1892 года. Согласно принятому положению, начальствующее лицо над военным духовенством было названо «протопресвитером военного и морского духовенства». По рангу протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном плане и генерал-лейтенанту в военном. Он имел право на личные доклады к царю.

Полковое священство имело очень сильное влияние на умы солдат и офицеров русской армии, истории известны многочисленные примеры участия полковых священников в боевых действиях. Так, например, при штурме Измаила в 1790 году, когда победа склонялась то в одну, то в другую сторону, в бой был брошен Полоцкий мушкетерский полк. Но в самом начале атаки командир полка был смертельно ранен.

Солдаты заколебались. Видя это, полковой священник Трофим Куцинский, находившийся среди воинов, поднял крест и воодушевляя солдат словами: «Стой, ребята! Вот вам командир!» – бросился вместе с ними на турок. Солдаты сломили врага и одержали победу. Сам же пастырь в ходе схватки был дважды ранен. За геройское участие в штурме Куцинский, по представлению князя Г. А. Потемкина, первым из духовных лиц получил золотой наперстный крест на Георгиевской ленте.

Военными священниками был накоплен опыт проповеднической работы с солдатами и офицерами, опыт которого, по всей видимости, не имела ни одна армия мира. Очень характерен, как мне кажется, пример с последним Главным священником русской армии, протопресвитером Георгием Ивановичем Щавельским. Он в декабре 1916 года посетил 17-й Сибирский стрелковый полк, эта часть, прославившаяся подвигами в предыдущую русско-японскую войну, отказывалась идти в наступление. Щавельский в походной церкви, оборудованной в землянке, начав с воспоминания побед полка, заговорил об опозорившей полк измене своему долгу, во время его речи среди солдат послышались всхлипывания и рыдания, солдаты опустили на колени, и вскоре раздались чьи-то слова: «Кайтесь». На следующий день полк героически сражался.

В некоторых полках семьи погибших священников содержались группой офицеров из собственных не очень-то больших доходов.

Эти примеры говорят о глубочайшей искренней связи между полковыми пастырями и воинами. И можно ответственно утверждать, что не было бы тех славных побед в истории нашей Родины «за Веру, Царя и Отечество», если бы не подвиг полкового священства.

Л. И. Сизинцева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА В ПАМЯТЬ О ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

Как можно хранить память? Просто помнить, напоминать другим – устно или письменно, можно поставить памятник, наконец. Иларию Ефимовичу Беляеву (1830–1903) решил память о том, что царская династия связана историческими корнями с Костромской землей, увековечить иначе: он учредил в своих родных местах православное братство.

Родился Иларию Ефимовичу Беляеву в Богословской слободе близ Ипатьевского монастыря. С самого его рождения «память места», откуда два

столетия назад ушел на царство первый представитель династии, пребывала в семье, глава которой, Ефим Васильевич, служил в духовной консистории, располагавшейся тогда в самом монастыре. Иларий пошел по стопам отца: в числе лучших студентов закончил в 1852 г. Костромскую духовную семинарию, служил в консистории в должности помощника секретаря. Через четыре года он перевелся в Петербург, в канцелярию Святейшего синода, а в 1860 г. открылась вакансия в Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где и прослужил более сорока лет¹.

Все говорит о том, что он был хорошим чиновником – энергичным, исполнительным, добросовестным. Ему следовали награды, чин тайного советника, – казалось бы, свое предназначение на службе царю и Отечеству он выполнил. Однако не менее важной для него оказалась забота о том, чтобы в его родных местах не слабела память о связи с царствующей династией. Поэтому он стал инициатором создания братства в родном для него Иоанно-Богословском приходе.

Главной задачей братства была организация общественного попечения о храме и служащих в нем, о благополучии «малых сих» – обо всех, кто нуждается в помощи: бедных, больных, сиротах... Неразрывно с заботой о земном благополучии должна была идти забота о душе – время было такое, что идеи дарвинизма и социального прогресса вступили в борьбу за умы людей и побеждали в этой борьбе. Кроме того, в Богословском приходе находилась и деревня Стрельниково, центр старообрядчества, что заставляло причт и других членов братского совета заботиться о миссионерской деятельности.

Первый устав братства, которое в ту пору еще называлось Иоанно-Богословским, был утвержден в 1879 г.² В нем пока не было упоминания о мотивах, по которым выбирались местности, охваченные деятельностью: трех тысяч рублей, которые положил Иларий Ефимович Беляев в финансовое основание сообщества, едва доставало, чтобы охватить приход. Однако идея существовала уже изначально, и это позволило обратиться за покровительством к представителям царствующего дома.

В следующем, 1880 г., было получено согласие на высочайшее покровительство наследника – цесаревича Александра Александровича, который через год, после трагической гибели своего отца-реформатора, занял императорский престол. Братство получило наименование «Александровского» и зафиксировало во всех новых уставах свою миссию. Первый параграф закреплял положение о том, что оно учреждено «в благодарное памятование спасения от врагов Родоначалника Царствующего Дома, Михаила Федоровича Романова, и принятия Им Самодержавия в Костромском Ипатиевском монастыре»³.

В следующих пунктах устава оговаривались причины, позволившие охватить заботой и остальные места: с. Домнино – как родовую вотчину матери Михаила Федоровича, Ксении Ивановны, урожденной Шестовой, и как место подвига Ивана Сусанина, с. Спас-Хрипели, в приходе которого находилась деревня Деревеньки, родина Сусанина, и Макарьев, куда совершали Михаил Федорович с матерью свое паломничество. Запрудненская слобода оказалась в поле зрения братства потому, что там – «место явления чудотворного образа Божьей Матери, пред коим Великая Старица Марфа Иоанновна благословила сына своего, юного Михаила, на царство»⁴.

Первым объектом братского попечения стало приходское училище, открытое в Богословской слободе 20 сентября 1877 г., еще до создания братства 16 сентября 1879 г. Первоначально оно помещалось в наемном помещении, в 1881 г. братство выстроило двухэтажное деревянное здание. На начальное обустройство училища было израсходовано полторы тысячи рублей. За счет братских средств осуществлялось страхование, отопление, освещение, поддержание чистоты в доме и наем служителя, а в 1886 г. был проведен ремонт. Помогали деньгами, книгами, письменными принадлежностями, составили библиотеку «из книг религиозно-нравственного и патриотического содержания»⁵.

Программа школы предусматривала предметы, облегчавшие вхождение ребенка в трудовую и церковную жизнь. Наряду с русским языком (на уровне чтения и письма) и арифметикой изучали язык славянский, открывавший путь на клирос, и обязательно – закон Божий. Кроме того девочки постигали основы рукоделия. С 1891 г. при школе были открыты учебные мастерские, где мальчики могли осваивать необходимые ремесла по программе с 4-летним курсом⁶.

Для учеников из дальних деревень прихода в 1885 г. был открыт приют в первом этаже училищного дома, что освобождало их от дальней зимней дороги в школу, снимало с семьи заботу о пропитании одного из детей. «После открытия сего приюта в нем, как видно из отчетов местного братского попечительства, помещалось и довольствовалось ежегодно 10 крестьянских детей»⁷, позже число призываемых детей достигло 15 человек.

Благодаря заботе братства число учащихся за пять лет увеличилось до 80 человек – и это при скептическом отношении к обучению в среде родителей-крестьян. Результатом деятельности училища и разъяснительной работы причта стало более регулярное посещение храма прихожанами. Значительную роль в этом сыграло замечательное церковное пение. И. Е. Беляев отмечал в одном из отчетов: «Постоянному посещению

храма Божия весьма много способствует и привлекает в него молящихся хоровое церковное пение, введенное церковнослужителями и старательно ими поддерживаемое. Пение это исполняется церковным хором, составленным из прихожан и учеников приходского училища при участии одного из местных священников, состоящего регентом архиерейского хора»⁸.

Когда руководство братства доказало свои организаторские способности, помощь благотворителей стала поступать в больших размерах: они уже знали, на что пойдут деньги. Значительная помощь поступала от членов царской семьи. Так, в отчете за 1886 г. отмечалось: «Во главе сего учреждения изволят состоять: Ея Императорское Величество, Государыня императрица, Ею Императорское Высочество, Государь Наследник Цесаревич и пребывающие в России Члены Царствующего Дома. В отчетном 1886 г. соизволила также принять звание Почетного Члена Братства Ея Величество Королева эллинов Отльга Константиновна. Положив на письменном о сем ходатайстве резолюцию: “С удовольствием принимаю”, – Ея Величество, с тем вместе, изволила назначить из своих сумм на потребности Братства ежегодно по сту рублей»⁹. В 1914 г. ежегодное пособие, поступавшее от имени императора, достигло 3,5 тысяч рублей¹⁰.

Наряду с этим пожертвования поступали от жителей Петербурга, чему немало способствовала деятельность И. Е. Беляева. В 1890 г. было образовано еще два братских комитета – Московский и Рязанский (в Рязань был переведен по службе активный деятель братства, Василий Алексеевич Самарянов). В 1896 г. дополнительно был открыт 2-й Московский братский комитет¹¹.

Ипатьевское попечительство, развиваясь, включило в поле своей деятельности «...и приход Успенской церкви в Андреевской слободе»¹². Еще больше возросло число учащихся: «Вследствие такой попечительности число обучающихся в сем училище в 1886 г. значительно умножилось против предыдущих лет и состояло из 80 учеников и 44 учениц, из коих 3 ученика и 1 ученица принадлежат к семействам, зараженным расколом»¹³. В начале 1898/99 учебного года училище из-за увеличения числа учащихся пришлось разделить на мужское и женское отделения, которые и переехали вместе в новое каменное двухэтажное здание, построенное на братские средства в 1900 г.¹⁴ В 1905 г. училище стало двухклассным.

11 января 1886 г. в Богословской слободе была открыта амбулаторная лечебница¹⁵, по утверждению автора отчета, «благодаря теплоте участию и особым трудам костромских врачей: Д. П. Борейши, В. В. Нарбекова, О. Г. Беттихера, В. Н. Золотницкого и К. В. Дримпельмана, которые

не только выработали программу, правила и расписание в лечебнице приемных дней, но и изъявили желание безмездно оказывать в ней медицинскую помощь приходящим больным»¹⁶. Необходимость создания амбулатории была обусловлена особым положением слободы, которая на время весеннего ледохода и осеннего ледостава оказывалась отрезанной от города.

25 ноября 1888 г. при Спасо-Запрудненской церкви в память о явлении Федоровской иконы Божией Матери было открыто Запрудненское попечительство¹⁷. Главным делом его стало открытие рукодельной школы на Запрудне (1 октября 1889 г.) и общежития при ней (6 декабря 1901 г.)¹⁸. Школа давала девочкам возможность освоить профессию белошвейки, обшивать всю семью, работать на заказ, то есть приносить живые деньги в семейный бюджет.

Однако «наблюдение в течение ряда лет со стороны Братского Управления над степенью духовного развития девочек, поступающих в Костромскую рукодельную братскую школу, показало настоятельную нужду в обучении их вместе с профессиональным образованием и общеобразовательным предметам»¹⁹. 21 октября 1906 г. при ней была основана воскресная женская школа, заведывание которой принял И. М. Студицкий²⁰.

В 1886 г. произошло то, о чем мечтал основатель братства. Открылись Домнинское и Хрипелевское попечительства. Кроме приходских училищ, при них была основана учебно-показательная ферма (1894 г.) в полуверсте от родины Ивана Сусанина, деревни Деревеньки, с богадельней на 10 престарелых женщин (1910 г.), для которой в 1912 г. построен собственный дом²¹. В 1887 г. было открыто и Макарьевское попечительство, основавшее рукодельную школу для девочек.

Заботой о братстве не ограничивались добрые дела И. Е. Беяева: в Петербурге его пригласили возглавить хозяйственный комитет Покровской общины сестер милосердия, и он блестяще справился с возложенными на него задачами. За пять лет до смерти он пожертвовал огромные по тем временам деньги, более двух тысяч рублей, на устройство общества вспомоществования нуждающимся учащимся Костромской духовной семинарии, вошел в совет общества и помог ему сделать самые трудные первые шаги²². Он умер в Петербурге, но похоронен был по его желанию на кладбище родной для него церкви Иоанна Богослова близ Ипатьевского монастыря.

Над его могилой И. М. Студицкий, член братского совета и летописец братства, сказал о хоругви, которой по уставу владело братство: «Вокруг нее столпились стар и млад: никому более не нужный старец

и полное жизненных сил, рвущееся к свету дитя; и бездомный сирота, и пораженный болезнью или материально потерпевший от несчастного случая кормилец семьи, – всех равно прикрыла собою братская хоругвь»²³.

Со смертью основателя деятельность братства не только не остановилась, но и получила дальнейшее развитие. В 1914 г. братство насчитывало 545 членов во главе с членами царствующего дома. Война, а затем и революции прекратили деятельность этого сообщества. Сегодня предпринята попытка возобновления деятельности Александровского православного братства, но уже в иных формах²⁴.

Примечания

¹ [Студитский И.] Иларию Ефимовичу Беляеву : Некролог. Кострома, 1903. С. 1.

² Устав Иоанна-Богословского Православного братства при церкви Иоанна Богослова (близ Костромского Ипатьевского монастыря). СПб, 1879.

³ Устав Александровского православного братства. Изд. 2-е. Кострома, 1907. С. 5.

⁴ Там же. С. 6–7.

⁵ Деятельность Костромского Александровского Православного братства в 1880–1884 гг. Б. м., б. г. [1884]. С. 1.

⁶ [Студитский И.] Александровское православное братство в г. Костроме. 35-летие просветительно-благотворительной деятельности (1879–1914 гг.): Историч. записка, читанная в общем собрании членов братства 26 сент. 1914 г. Кострома, 1914. С. 9.

⁷ Там же. С. 2.

⁸ Отчет по Костромскому Александровскому братству, состоящему под Его императорского Величества покровительством за 1886 год. СПб., 1887. С. 6.

⁹ Там же. С. 3–4.

¹⁰ [Студитский И.] Александровское православное братство в г. Костроме. 35-летие просветительно-благотворительной деятельности (1879–1914 гг.): Историч. записка, читанная в общем собрании членов братства 26 сент. 1914 г. Кострома, 1914. С. 5.

¹¹ Там же.

¹² Отчет по Костромскому Александровскому братству, состоящему под Его императорского Величества покровительством за 1886 год. СПб., 1887. С. 6.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Годовой отчет Костромского Александровского православного братства за 1910 год. – Кострома, 1911. С. 6–7.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Отчет по Костромскому Александровскому братству, состоящему под Его императорского Величества покровительством за 1886 год. СПб. : Государств. тип., 1887. С. 9.

¹⁷ Годовой отчет Костромского Александровского православного братства за 1910 год. – Кострома, 1911. С. 10.

¹⁸ Там же.

РАЗДЕЛ I

¹⁹ Десятилетие воскресной женской школы при Запрудненской рукодельной школе Костромского Александровского православного братства (1906 г. 21 октября – 1916). Кострома, 1917. С. 5.

²⁰ Там же.

²¹ [Студитский И.] Александровское православное братство в г. Костроме. 35-летие просветительно-благотворительной деятельности (1879–1914 гг.): Историч. записка, читанная в общем собрании членов братства 26 сент. 1914 г. Кострома, 1914. С. 10.

²² [Студицкий И.] Иларию Ефимовичу Беляеву: Некролог. Кострома, 1903. С. 4–5.

²³ Там же. С. 18.

²⁴ www.albrat.ru.

А. В. Гневыхев

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ С ОКРУЖАЮЩИМ НАСЕЛЕНИЕМ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере Авраамиево-Городецкого монастыря Костромской епархии)

Прежде всего, надо определиться с понятием округа. Под ним понимаем не только территорию, окружавшую монастырь, но и весь Чухломской уезд, а также соседние – Галичский и Солигаличский, т. е. северо-запад губернии.

Как монастырь строил отношения с окружающим его миром в различных направлениях и какие возникали противоречия в связи с этим? Отношения обители преподобного Авраамия с округой можно разделить на две главных составляющих – экономическую и религиозную.

Экономическая составляющая представляет собой в основе своей отношения с арендаторами. Монастырь старался строить свои отношения с арендаторами с наибольшей выгодой для себя. Не тратя на большинство владений ни копейки, он получал большую прибыль, которая имела тенденцию к повышению. Монастырским начальством устанавливались жесткие правила для арендаторов, на которые они соглашались, так как даже на таких условиях это было им выгодно. Соответственно монастырь мог диктовать свои правила и повышать как арендную плату, так и ужесточать условия договора. Единственный случай, когда была понижена плата за аренду собственности, отмечен в 1896 г.; тогда плата понизилась на 16,6 %¹, в дальнейшем снова возросшая². Понижение, вероятно, монастырь должен был сделать из-за того, что

в данный период владение не могло приносить такой прибыли, чтобы покрыть аренду, и братия вынуждена была пойти на уступки, иначе была вероятность простоя собственности.

Из всех владений большую роль на влияние в отношениях с округой оказывало Чухломское озеро, полученное в 1797 г.³ и с этого же времени сдаваемое жителям в аренду. Обитель, владея им, ставило в зависимость все население, являясь монополистом в поставке традиционного продукта питания – рыбы. Монастырь старался строить взаимоотношения с рыбаками на основе взаимной выгоды. Арендаторы получали право безграничного лова на участке озера, а братия, кроме денежной, получала еще и натуральную оплату рыбой⁴.

С этим самым крупным владением возникало большое количество противоречий. Условно их можно разделить на проблему с г. Чухломой и с. Ножкино. Разногласия с г. Чухломой в исследуемый период встречаются два раза. Первое относится к 1848 г., и по нему жители просили губернское правление «...об отдаче оных (ловлей) в пользу жителей г. Чухломы...»⁵. Однако озеро и все ловли были оставлены за обителью, так как «...на владение тем озером имеют законные доказательства, которых они (жители г. Чухломы) не представили...»⁶. На этом конфликт был исчерпан. Возникал ли такой вопрос в дальнейшем, неизвестно.

Второе разногласие относится к 1884 г., и заключалось оно в том, что арендатор монастырской мельницы не выполнял условия аренды. До него вода с плотины на мельнице на реке Вексе «...спускалась во время водоразлития... пока не спадет окончательно, а во время сенокоса на месяц и поэтому городские берега и улицы не отмывались...»⁷. В 1884 г. воды озера начали затапливать улицы⁸ г. Чухломы по причине «...возвышения воды на мельнице и не спуска оной». Кроме омыwania берегов, были и другие последствия: «...в запруде остаются разные находящиеся в воде утонувшие предметы вместе с озерным илом, и от этого мелеет запруда и поднимается грунт выше, так что р. Святица, впадающая в озеро, имеет течение в противоположную сторону...»⁹. По документу видим, что такие действия не были прецедентом, а регулярно повторялись в течение нескольких лет, и монастырь, зная об этом, не принимал мер, так как монастырские владения от этого не страдали.

В результате на заседании Чухломской городской думы было принято решение «...во избежание на будущее время между монастырем и городом столкновений и неприязненных отношений просить последить за арендатором о спуске воды во время водоразлития и сенокоса»¹⁰. Городской голова в обращении к настоятелю был дружелюбен и писал: «...имею честь просить Вас последить за арендатором о спуске

воды...»¹¹. По документам видно, что городское руководство не желало ссориться с обителью, вероятно, из-за того, что имелась совместная собственность (в 1873 г. существовали «...принадлежащие городу общие с монастырем рыбные ловли по р. Санебе и ее ключах...»¹²), но при этом оно отстаивало интересы жителей Чухломы. Как повлияли обращения по документам, не известно, однако в дальнейшем подобных фактов не встречено. Братии также не было выгодно ссориться с городом, так как многие вопросы она решала при помощи уездного и городского руководства, при этом многие жители оказывали финансовую (вечные вклады и т. д.) помощь обители и являлись потенциальными арендаторами владений. По этим же причинам обители нежелательно было портить отношения и с жителями окрестных деревень – активными вкладчиками и арендаторами, так как в результате подтопления страдали не только горожане, но и крестьяне деревень, находившихся на берегу озера.

Проблемы с селом Ножкино, а точнее священниками, прослеживаются во второй половине XIX в. Первые упоминания относятся к 1873 г., по ним причт с. Ножкина страдал от произвола арендаторов ловлей в озере, которые пытались захватить владение священников – «поповский ключ»¹³. Споры продолжались в 1874 г., в результате мировым судьей предписано: «предоставить церковнослужителями с. Ножкина пользоваться водами озера для ловли в тех пределах, в которых пользовались прежде, в чем арендаторам их не стеснять...»¹⁴, но по апелляции крестьянина д. Иринина А. И. Орлова решение было отменено. Противоречия между арендаторами и церковнослужителями продолжались: «...нынче, в феврале, арендаторами ловли в ключах на монастырской земле, прорытием новой канавы и пущением большой воды из арендуемого ключа – Пролома, святотатственно сделана преграда рыбному лову духовенства. Сверх арендаторы принуждали духовенство, чего никогда не бывало, то загатить воду в церковной борозде, то отгатить, когда им вздумается...»¹⁵. По документу видно отношение к приходскому духовенству со стороны арендаторов, которые парализовали деятельность церковного владения и прямо отвлекали священников от исполнения их работы. Споры не утихали до 1876 г., когда по распоряжению Сената лова и канавы были оставлены у арендаторов¹⁶. В дальнейшем не встречается подобных противоречий.

Во всех перечисленных взаимоотношениях монастырь напрямую не присутствует. Из материала обитель упоминается один раз: «...он (настоятель) призывал к себе арендаторов, и просил не стеснять духовенство...»¹⁷. Но эти просьбы настоятеля, если и были, документально не отражены (поправок в договора не внесено), чем братия складывала

с себя ответственность. Монастырь предпочитал не вступать в дразги между арендаторами и священниками, а скорее всего, братия поддерживала сторону арендаторов, по причинам: 1) арендуя ловли, крестьяне приносили прибыль, что было очень важным; 2) по документам прослеживается конкуренция между церковью с. Ножкина и монастырем за богомольцев; 3) кроме споров из-за ловов, монастырь требовал возвращения монастырской земли, занимаемой постройками причта.

Спорные моменты возникали также из-за земельных владений с теми же священниками с. Ножкина. Первое упоминание относится к 1872 и 1873 г.¹⁸ В этих годах был поднят вопрос о возврате монастырю земли, занятой постройками священника В. Залесского. На этой земле «...1) построен неизвестно кем деревянный, двухэтажный, обширный дом, к сему дому принадлежат: двор, сарай, амбар, баня, колодезь, фруктовый сад и вместе огород для овощной домашней земли; и 2) построен овин с ладонью для обмолота ржаных и яровых снопов, а около покос самый хороший...»¹⁹. В результате многочисленных споров и жалоб в консисторию друг на друга, при посредничестве протоиерея В. Храмского и священника с. Мироханова Н. Соболева, было заключено соглашение об обмене земли. Предлагаемая «...в обмен земля, досель принадлежащая церкви с. Ножкина, находится по другую сторону дороги в той стороне, где существует монастырь, отстоит от него почти в одинаковом расстоянии с землею, занятою постройками причта, и на востоке граничит с землей, принадлежащей обители, и занимает пространство 1684 кв. саж. Доброта-качество имеет, как и земля, занятая постройками причта, стоит не менее 50 рублей...»²⁰. В результате «...на обмен земли изъявили согласие как настоятель, так и церковнослужители с. Ножкина, ибо по обменам, нисколько не нарушатся выгоды монастыря, ни церкви, но еще больше удобность пользования землею...»²¹.

Документы показывают взаимоотношения монастыря и духовенства с. Ножкина, и видно, что эти отношения не были дружелюбные, что показано и ранее на примере арендных отношений на Чухломском озере. Был или нет на практике осуществлен обмен, не известно, но в 1892 г. проблема возникла вновь. Предметом спора была эта же земля, занятая постройками причта с. Ножкина. В результате жалоб и просьб, с обеих сторон направленных в консисторию, было решено: «...добровольного соглашения между братиею и причтом по уступки первыми последнему участка во временное владение за денежное или земельное вознаграждение не состоялось, так как в обмен у причта удобной земли не имеется, денежное же вознаграждение требуемое братией, 30 рублей

в год причт не нашел возможным дать, – консистория определяет: принадлежащие церкви с. Ножкина и причту здания, находящиеся на земле монастыря, оставить на месте до их ветхости, причта с. Ножкина обязать уплачивать в пользу монастыря по пяти (5) рублей в год...»²². По указу видно, что консистория приняла сторону причта, сократив плату, но земля осталась у монастыря, при этом в будущем обитель сможет пользоваться участком самостоятельно, так как постройки велено было оставить до полной ветхости, т. е. до разрушения. Учитывая, что духовенство с. Ножкина было бедным, возможности построить новое или исправить старое у них не было, т. е. проблема не была окончательно решена, а только отложена. Реакция причта не заставила себя ждать. Спустя месяц священниками была отправлена просьба: «...честь имеем покорнейши просить консисторию предоставить игумену монастыря отыскивать права гражданским порядком, когда игумен не отказывается от этого клочка земли, без ущерба для монастыря, хотя уже монастырь утратил право на эту землю за давностию. Дело здесь идет... по споре о вопросе собственности между двумя духовными учреждениями – монастырем и приходом, которые юридические лица; всякий спор... разрешаем гражданскими судебными установлениями. Посему осмеливаемся беспокоить консисторию просьбою представить игумену отыскивать права на землю гражданским порядком...»²³. Дальнейшее развитие событий осталось неизвестно, так как в документах упоминаний не встречается.

Другой пример непростых взаимоотношений монастыря с окружающим его миром также относится к с. Ножкино. В 1882 и 1883 г. крестьяне «...Алешковской волости, Ножкинского и Андреевского общества...»²⁴ требовали закрытия кабака, находившегося на монастырской земле и принадлежавшего обители, но результата не добились, кабак остался на месте²⁵.

Проанализировав документы, можно сделать вывод: для монастыря важным было поддержание дружеских отношений с теми, от кого он имел прибыль, т. е. финансовые интересы стояли на первом месте, что видно на взаимоотношениях с причтом с. Ножкина. Интересы простых крестьян не учитывались, особенно ножкинских, являвшихся прихожанами церкви, не зависивших от обители и не приносящих доход. Монастырь, оставленный в 1764 г. в результате реформы Екатерины II за штатами, вынужден был везде искать выгоду, он превращался в доходное предприятие, для которого прежде всего стояли свои личные выгоды, и вопросы веры отходили на второй план.

Религиозная составляющая представляет отношения религиозной направленности как с простыми жителями уезда, так и с руководством

г. Чухломы и уезда. По документам прослеживаются четыре способа построения взаимоотношений: 1) ходы с плащаницей преподобного Авраамия; 2) крестный ход; 3) освящение храмов; 4) участие в праздниках и юбилеях. Хождение с плащаницей преподобного Авраамия имело для монастыря важное значение, так как доход составлял не менее 20 % от всего дохода монастырского бюджета и, соответственно, играл важную роль для монастыря. В обители имелось 6²⁶ «...так называемых ими плащаниц преподобного...»²⁷. Такое количество было необходимо для наибольшего охвата населения, но и этого не хватало – «...приходится нередко ожидать несколько дней исполнения благочестивого своего желания...»²⁸. Это не удивительно, так как Авраамий пользовался в данной местности (Галичский, Солигаличский и Чухломский уезды) особым почитанием и считался главным святым бывшего Галичского княжества.

Население, если желало видеть у себя плащаницу, должно было просить своего приходского священника о вызове ее из обители. В документах встречено только одно отступление от правил, а именно в 1884 г. крестьяне деревень Тюремина и Жукова лично просили о прибытии плащаницы в их деревни²⁹. Традиционно священник, получив желание населения прихода, посылал просьбу к настоятелю. Пример такой просьбы – документ от 6 июня 1884 г.: «...покорнейше прошу Вас, благоволите удовлетворить религиозному желанию моих прихожан – отпустить плащаницу Авраамия для молебствования по моему приходу. Молебствие преподобному, с чествованием его плащаницы у меня бывает ежегодно и почти по всему приходу. При сем осмеливалось просить Вас, если будет Ваше желание отпустить плащаницу, послать с ней послушника, так как единственного причетника нет теперь у меня – болен...Богоявленской церкви села Раменья священник Павел Соколов...»³⁰. Приходскому духовенству было выгодно поддерживать дружественные отношения с монастырем, так как между ними существовала договоренность о разделе полученных от ходов денег поровну (50 % на 50 %) ³¹. По документам не встречено, что монастырь выставлял требования перед просящими, это вполне объясняется прибыльностью ходов и их беззатратностью. По представленному материалу видно, что отношения строились на основе взаимовыгоды. Однако иногда монастырь нарушал установленные правила организации ходов с плащаницей, из-за чего возникали напряженные отношения с приходским духовенством. В 1884 г. настоятелем получено письмо: «...отец Гавриил. Дознано мною, что иеромонах Вашего монастыря 30 июня отправлял богослужение в деревнях моего прихода – Малафееве и Мартынове без нашего участия и без нашего ведома. На будущее время... не хотелось бы... в при-

РАЗДЕЛ I

ходе тайных богомолений... Преображенской церкви села Серапихи священник Александр...»³². Такие моменты были редки, других упоминаний не встречено.

На основе приведенных данных можно сделать вывод: авторитет обители среди сел Чухломского уезда возрастал, и местное население, встречая у себя плащаницу, в дальнейшем уже желало посетить сам монастырь, а затем становилось посетителем монастырских служб и потенциальным арендатором владений.

Другим способом влияния на окрестное население было проведение крестных ходов. Точное количество их не известно, по документам прослеживаются три разных крестовых хода. В 1903 г. упоминается крестный ход, проводившийся после обедни от монастыря до пруда³³. В 1913 г. говорится: «...по случаю пожара в г. Чухломе ежегодно стали приносить плащаницу и совершать по городу молебствия...»³⁴; здесь о крестном ходе не упоминалось, но можно предположить, что его тут же проводили.

Самым главным крестным ходом считался ход в память событий мая –июля 1698 г., который «...совершается в седьмую неделю по Пасхе...»³⁵. В 1698 г. «...с первых чисел мая по месяц июль не было дождя по всей Галичской области и в окрестностях г. Чухломы. От чрезвычайной засухи выгорели трава и нивы и оскудели реки, источники и колодцы. Устрашенные бедствием начальник г. Чухломы с приказными людьми и всеми гражданами, церковнослужителями города и некоторых окрестных сел с приходскими людьми и исправлявший тогда должность настоятеля монастыря казначей иеромонах Иосиф с братиею единогласно положили совершить из города крестный ход в святую обитель и там принести молитву “о дождевом схождение”». 3 июля, в день недельный, после всенощного бдения, духовенство со святыми иконами, в сопровождении множества народа, отправилось в монастырь и едва было совершено молебствие с водоосвящением, как пролился обильный дождь...»³⁶. С этого года (1698 г.) ход стал регулярным и проводился вплоть до революции (последнее упоминание – 1915 г.)³⁷. По источнику от 1908 г. можем узнать, как проходил крестный ход в начале XX в.: «...в день – Воскресение к обедне собирается в монастыре духовенство с св. иконами из церквей г. Чухломы и соседних с ним сел. ...Монастырская братия, с о. игуменом, выходит со иконами и плащаницею навстречу чухломскому крестному ходу, и встречаются оба у каменной часовни, на том месте, где преп. Авраамий провел последние дни жизни и скончался. ...Во все время хода происходит звон: гудит монастырский колокол, провожая св. иконы

и призывая святых гостей. ... У часовни служатся молебны, и оба крестные хода сливаются в один и начинается шествие во св. обитель.

Но вот крестный ход подошел к колокольне. ... Направился на монастырскую площадь и остановился против соборного храма, где приготовлен столик с чашею воды для совершения водосвятного молебна. По окончании молебна крестный ход и молящиеся направились в храм...»³⁸. Далее проходило богослужение. «... По окончании богослужения о. игумен пригласил на трапезу в свои покои духовенство и почетных граждан. После трапезы снова загудел колокол³⁹, провожая св. иконы и духовенство в обратный путь. Провожая, пошли все прибывшее духовенство и монастырская братия... проводы продолжались до часовни, где происходила встреча. У часовни был отслужен молебен... а затем чухломский крестный ход отправился в Чухлому, а монастырский – в монастырь...»⁴⁰. По представленному документу видна роль крестного хода в жизни уезда как главного религиозного события года. Автор сообщает, что ход был многолюден, но не называет точное количество. Об этом сообщают данные за 1862 г., и по ним «... более 20 тысяч народу стекается на ход из уездов: чухломского, галичского, и солигаличского...»⁴¹. Эти цифры показывают, насколько был высок авторитет преподобного и его монастыря среди жителей, и с каким почитаем местное население относилось к святому, проделывая путь иногда более 100 километров, чтобы участвовать в шествии. В связи с известным количеством богомольцев возникает вопрос: где они размещались на время службы? Вероятно, на службе в храме участвовали привилегированные сословия, так как церкви монастыря не могли вместить такое количество людей, а простой народ молился на территории обители и у ее стен. Монастырь умело использовал почитание преподобного и память о событиях 1698 г. у население для своего обогащения не только от церковных доходов, которые, вероятно, в эти дни были велики, но и устраивая одновременно с крестным ходом ярмарку⁴², которая проходила у стен обители и в принадлежащих монастырю торговых лавках. Торговый оборот превышал тысячу рублей.

Авторитет обители подтверждается тем, что среди населения было почетно быть захороненным на монастырском кладбище. На нем погребены такие жители уезда, как «... коллежский советник, князь П. А. Шелешпанский; генерал-майор А. Д. Семичев; статс-советник, князь И. А. Шелешпанский; надворный советник Н. П. Лермонтов и др.»⁴³.

Авторитет обители и ее служителей среди населения и первых лиц губернии и епархии подтверждает факт просьб к настоятелям монастыря

провести освящение новых храмов и церквей. Так, в 1849 г. архимандриту Платону было «...поручено освятить обновленную Владимирскую церковь с. Лучкина помещика И. И. Шелепнева...»⁴⁴ и «...освятить новоустроенную церковь во имя св. Чудотворца Николая в с. Деревенки...»⁴⁵. Другой факт относится к 1873 г., по которому настоятеля Макария пригласили освятить новый придел в честь Авраамия при Ризоположенской церкви села Озерков⁴⁶.

Кроме участия в освещении храмов и церквей, настоятели монастыря участвовали в различных торжественных мероприятиях, примером могут служить данные за 1884 и 1899 г. Летом 1884 г. настоятеля обители городской голова Июдин просил «...пожаловать в г. Чухлому 14 числа июля месяца к 11 часам дня для встречи чудотворной иконы Умиления Божией Матери...»⁴⁷. Осенью этого же года священник А. Троицкий приглашал принять участие в «...праздновании 35 лет служения в священническом сане отца протоиерея Н. А. Соболева...»⁴⁸. В 1899 г. настоятель архимандрит Платон принял участие в праздновании пятидесятилетнего юбилея служения протоиерея Преображенского собора Николая Соболева: «...архим. от всей братии благодарил юбиляра за пользу, которую приносил он обители, когда заведывал ею⁴⁹, и поднес в дар образ Авраамия»⁵⁰. Такие приглашения не были редкостью, и настоятель участвовал в главных праздниках (как в религиозных, так и светских) Чухломского уезда, а возможно, Галичского и Солигаличского. Данный факт показывает отношение населения, служителей культа и руководства уезда к монастырю и его братии.

Любопытен пример Покровской церкви с. Ножкина, положение которой ухудшалось с каждым годом в результате эффективной экономической и религиозной деятельности обители. В 1891 и в 1892 г. священник прихода жаловался: церкви приходят в негодность из-за того, что не на что отремонтировать, так как большинство прихожан из-за обилия церквей ходят в монастырь («к тому же поблизости храма находится монастырь Авраамия, который привлекает много молящихся»⁵¹; «...прихожане редко бывают в церкви... из усердия преподобного, часто молятся в монастыре. Вследствие редкого посещения доход в храме незначителен и скуден...»⁵²).

Делая вывод по представленным фактам, можно сказать, что монастырь активно использует в своей деятельности имя основателя и получает от этого большие прибыли как в экономическом, так и в религиозном плане. Религиозность населения и вес обители в губернии братией переводится в прямые и потенциальные финансовые прибыли.

Примечания

- ¹ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 770.
- ² ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.
- ³ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 795.
- ⁴ Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 1043. Оп. 1. Д. 139. Л. 110 и др.
- ⁵ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 795.
- ⁶ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 795.
- ⁷ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 772.
- ⁸ Город Чухлома находится на берегу озера, и некоторые улицы идут по берегу озера, а часть домов располагаются не более чем в 10 метрах от воды.
- ⁹ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 771.
- ¹⁰ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 772.
- ¹¹ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 767.
- ¹² ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 783.
- ¹³ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 28.
- ¹⁴ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 34.
- ¹⁵ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 35.
- ¹⁶ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 45.
- ¹⁷ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 36.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ¹⁹ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2210. Л. 11.
- ²⁰ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ²¹ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ²² ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2210. Л. 13.
- ²³ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2210. Л. 14–15.
- ²⁴ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 69.
- ²⁵ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209. Л. 72.
- ²⁶ *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 17.
- ²⁷ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2210. Л. 6.
- ²⁸ *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 17.
- ²⁹ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 43.
- ³⁰ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.
- ³¹ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 137.
- ³² ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 42.
- ³³ *Соболев О.* Школьный поход учеников Михайловской церковно-приходской школы к препод. Авраамию, Городецкому чудотворцу // КЕВ. 1903. № 11. С. 319.
- ³⁴ ГАКО. Р. 1043. Оп. 1. Д. 139. Л. 115.
- ³⁵ *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 15
- ³⁶ *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 15.

РАЗДЕЛ I

³⁷ Фото из фондов ЧКМ, без инвентарного номера.

³⁸ *Белорусов В.* Седьмое Воскресение по Пасхе в Авраамиевом монастыре // КЕВ. 1908. № 14. С. 377–378.

³⁹ В 1887 году на монастырскую колокольню был установлен колокол весом в 400 пудов или 6,4 тонн (ГАКО. Р. 1043. Оп. 1. Д. 139. Л. 115).

⁴⁰ *Белорусов В.* Седьмое Воскресение по Пасхе в Авраамиевом монастыре // КЕВ. 1908. № 14. С. 378.

⁴¹ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862. С. 350.

⁴² Всего при монастыре проходило четыре ярмарки в году: 1) в седьмое воскресенье по пасхе; 2) в десятую пятницу; 3) 19 июля; 4) 1 октября (*Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 24).

⁴³ *Байкова Т. Н.* Списки захороненных на кладбище Авраамиево-Городецкого монастыря (рукопись, г. Чухлома).

⁴⁴ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 11. Л. 47.

⁴⁵ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 11. Л. 51.

⁴⁶ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 37. Л. 44.

⁴⁷ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 135.

⁴⁸ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 130.

⁴⁹ С 1871 по 1872 гг., с 1882 по 1883 г. и с 25 января по 25 июля 1895г. (Пятидесятилетний юбилей священнослужения прот. Чухломского Преображенского собора Николая Соболева // КЕВ. 1899. № 24. С. 776).

⁵⁰ Пятидесятилетний юбилей священнослужения прот. Чухломского Преображенского собора Николая Соболева // КЕВ. 1899. № 24. – С. 774–780.

⁵¹ ЧКМ. КП № 1133. Инв. № 2209. Л. 90–91.

⁵² ЧКМ. КП № 1133. Инв. № 2210. Л. 5.

Н. А. Поварова

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ РУССКОЙ ЦЕРКВИ КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА В X–XIII ВЕКАХ

Христианская церковь представляет собой исторически сложившуюся систему, объединяющую, с одной стороны, духовенство и мирян, с другой – систему органов власти и управления. Деятельность церкви во многом общественная, и естественно ее взаимодействие на этом поле с государством и его органами. В странах средневековой Европы христианство выступило в качестве универсальной формы культуры, на основе которой базировались социальные нормы и политико-правовые концепции. Специфика древнерусского государства выразилась в том, что православная церковь выполняла ряд функций, традиционно относившихся к компетен-

© Н. А. Поварова, 2008

ции государственной власти, и являлась таким образом своеобразным придатком государственного аппарата. Христианство было принято Русью по решению государственной власти, которая уже прошла определенный путь развития и должна была приспособливаться к менявшимся условиям древнерусского общества.

Структура древнерусской церкви определялась направлениями ее деятельности и эволюционировала по мере их развития. Таких сфер деятельности можно выделить как минимум шесть: литургическая, культурно-идеологическая, публично-правовая, социально-экономическая, политическая, как во вселенском масштабе, так и внутри страны, и внутреннее управление церковной администрацией.

Наиболее целесообразно остановиться на публично-административных факторах церковной организации Руси X–XIII вв. Выделение домонгольского периода особого этапа в истории Русской православной церкви (РПЦ) правомерно на основании того, что за это время сложился определенный тип взаимоотношений церкви и государства, произошло размежевание сфер деятельности, что определило место церкви в жизни древнерусского общества. Монголо-татарское нашествие привело к установлению вассалитета – новой политической системы на Руси. В лице хана появилась третья сила, что привело к перераспределению сфер деятельности между государством, церковью и монгольской администрацией.

Сведения о начальной церковной организации в русских источниках случайны и отрывочны, а история в первые годы после крещения Руси с трудом поддается реконструкции. Однако установлено, что создание русской митрополии произошло не ранее 996 и не позднее 997–998 гг., в рамках церковной реформы князя Владимира. В связи с формированием церковной организации находится и вопрос о роли Десятинной церкви, заложенной в 989–990 гг. и по характеру представлявшей княжескую церковь, призванную служить русским христианским центром. Учреждение митрополии предполагало дальнейшее развитие церковной администрации, так как термин «митрополия» означал кафедру старшего города, главенствующую над епархиями.

В истории устройства епархий на Руси можно выделить три этапа:

1) конец X – первая четверть XI в., когда были созданы епископские кафедры в таких крупнейших политических центрах, как Новгород, Белгород, Чернигов, Перемышль, Туров, Полоцк, Переславль, Владимир Вольнский;

2) вторая половина XI в., когда епископское управление распространилось на всю территорию Руси;

3) XII–XIII вв., когда в связи с установлением государственно-полицентрической системы столица каждого отдельного княжества

претендовала на собственную епископию, в результате чего появились епископские кафедры в Смоленске, Рязани, Владимире Суздальском. Наличие епископии становилось демонстрацией политической независимости княжества. Новгородская епископия с XII в. даже имела титул архиепископии, признаваемый Киевским митрополитом, но не Константинопольским патриархом. Таким образом, в самом принятии новгородским владыкой титула архиепископа можно усмотреть политическую демонстрацию, связанную с оформлением особого республиканского строя Новгородской земли.

К середине XIII в. на Руси существовало 16 епархий. Церковно-административная структура сложилась не по византийским принципам организации, а согласно русской государственной структуре и явилась продуктом ее внутреннего развития.

Необходимость материального обеспечения созданной административной структуры вызвала к жизни древнерусскую десятину – пожалование на содержание церкви от княжеских доходов. Учреждалась десятина от даней, собиралась централизованно и шла на нужды соборных церквей. Кроме того, взималась судебная десятina от пошлин и штрафов. Но если одни историки склонны считать, что она также собиралась централизованно, другие уверены, что судебная десятina была пожалована в виде предоставления церкви права суда по ряду дел с правом сбора в свою пользу судебных пошлин и штрафов. Размеры десятины, как правило, выдерживались и составляли 10 %. Десятina отсутствовала в римском и византийском праве, современная древнерусской десятina Каролингов была частной. Сходная система централизованной десятины встречалась у славянских народов, наиболее близка к древнерусской была десятina польская, из чего можно сделать вывод, что русская десятina восходила к древней форме обеспечения служителей славянского языческого культа. Еще одну часть доходов церкви составляли торговые пошлины, оформившиеся к концу XII в. как «десятая неделя от торго». На рубеже XII–XIII вв. церковь ведала службой мер и весов. В начале XIII в. введена епископская подать с городов – погородье.

Публично-правовая сфера деятельности древнерусской церкви охватывала три широких области. По первому кругу дел – преступления по делам против веры, церкви и норм христианской морали, а также дела, касающиеся частного семейного быта, церковному суду подлежало все христианское население страны. Другая сторона церковной юрисдикции выражалась в том, что суду епископа по всем делам подчинялось духовенство и так называемые «церковные люди». Третья сфера действия церковного суда охватывала лиц, феодально-зависимых от церкви. Некоторые исследователи связывают установление церковной юрисдикции

с необходимостью финансового обеспечения церкви. В этом свете церковная юрисдикция появилась в результате директивы гражданской власти, зафиксированной в уставе князя Владимира «О десятинах и судах церковных». Ряд историков считает, что церковь подчинила своей юрисдикции те дела, которые находились не в публично-правовой сфере, а в ведении семьи или общины. На это указывает, в частности, перечень преступлений – разводы и «преступления против христианской морали», в одной из ранних редакций устава Владимира о судах составляющие, по сути, быт большой семьи. В более позднюю редакцию устава XIII в. вошли преступления против веры и церкви, волхование, чародеяние, переход в другую религию, святотатство и т. д. Но восстание волхвов 1071 г. как общественно опасное явление подавляла власть светская. Церковному суду на деле подлежали те дела против веры, которые общественной направленности не несли (волхование в виде применения опыта народной медицины).

Со временем произошло дальнейшее размежевание сфер юрисдикции государства и церкви. Церковному суду предоставлялась сфера семейно-брачных отношений. Сфера общественной жизни регулировалась гражданским кодексом – «Русской правдой». Тем не менее многочисленные списки церковных уставов запрещали светским чиновникам вступаться в церковные дела под угрозой материальной ответственности и даже проклятия, видимо, светская власть зачастую переступала границы сфер компетенции. По мере расширения церковной юрисдикции в практику вошли смешанные суды и рассмотрение некоторых дел в двухступенчатом порядке. Церковные уставы Владимира и Ярослава о судах основаны на древнерусской системе права, где в качестве наказания применялись штрафные санкции. Византийские пенитенциалы предусматривали в качестве религиозного наказания епитимию, а в качестве гражданского – наказания, связанные с членовредительством и казнью. Эксперимент по применению византийской системы наказания проводился при князе Владимире в рамках церковной реформы 996–997 гг. по инициативе греческого духовенства, но успеха не имел, так как отмена судебных штрафов подрывала финансовые основы государства.

Культовая практика первоначально осуществлялась священниками-греками. Со временем началась работа по подготовке собственных кадров. В церковном управлении для текущей деятельности в отсутствие церковных чиновников привлекались княжеские люди. По мере развития церковной организации епископии обросли собственным штатом. Возглавлял его владычный наместник, владычный тиун заведовал хозяйственной деятельностью, владычный мытник – сбором доходов от службы мер и весов, десятичник – сбором доли от судебных пошлин.

Из этого следует, что управление также строилось по образцу светской государственной структуры.

В церковную организацию входили также соборный клирос, монастыри, архимандритии. Соборный клирос представлял соборную организацию белого духовенства городов. В сферу их деятельности входила организация ежедневного богослужения, руководство священниками всех городских церквей или, если в городе было несколько соборов, групп церквей, клирос имел значение коллективного органа управления церквями. Наиболее ранние упоминания о нем относятся к собору Св. Софии в Киеве в конце XI в., позднейшие в Новгороде, Смоленске, Владимире Волынском, Ростове. Источники связывают учреждение клироса не с епископской, а с княжеской инициативой.

Создание монастырей восходит к первой половине XI в. В княжение Ярослава Мудрого были заложены монастыри св. Георгия и св. Ирины, ставшие местом религиозных отправлений княжеского дома. В течение XII–XIII вв. в Киеве действовали монастыри не только правящей, но и других княжеских линий.

Архимандритии были городскими организациями черного духовенства.

Внутриполитическая деятельность церковных иерархов на Руси X–XIII вв. выражалась, с одной стороны, в посредничестве между князьями во время улаживания конфликтов, а с другой – в участии в широком соборе, если обсуждались вопросы престолонаследия в обход существовавших традиций. По мере усиления роли церковной организации как землевладельца увеличивались противоречия церковной и светской властей, но они еще не приобрели систематического характера.

Анализ структуры древнерусской церкви на протяжении X–XIII вв. показывает, что хотя административно она была подчинена Константинополю, но развивалась как национальная: ее территория совпадала с границами национального государства, система церковного управления, церковная юрисдикция развивались в соответствии с древнерусской государственной структурой. Хотя греки-митрополиты и стремились направлять деятельность Русской церкви в соответствии с византийскими внешнеполитическими интересами, церковная организация и ее тесное взаимодействие с гражданской властью препятствовали реализации подобных идей. Церковь находилась под гораздо более сильным влиянием княжеской власти. Так, епископские кафедры замещались на практике согласно воле и материальным возможностям князей, от митрополита требовалось только согласие. Хрестоматийным стал случай, когда в 1185 г. ростовский князь Всеволод поставил епископа Луку на кафедру вопреки воле митрополита. Таким образом, РПЦ зарождалась и оформлялась в условиях тесного взаимодействия с гражданской властью.

РАЗДЕЛ II. РОЛЬ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Г. В. Андрианов

ПРАВОВЫЕ СОВЕТНИКИ В ЭПОХУ РОМАНОВСКОЙ ДИНАСТИИ

Правовые советники до судебной реформы 1864 года. Специфика русского правоприменения с начала правления первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича (1613–1645) до законодательной деятельности его сына и наследника царя Алексея Михайловича (1645–1676) отличалась верностью заветам старины.

Продолжали действовать прежние царские установления и судебники, составленные до Смутного времени. Особую роль в решении спорных вопросов продолжала играть община. Представления русского народа о правде и справедливости в целом уже сформировались благодаря просветительской деятельности православной церкви и патриотическому движению первых десятилетий после Смуты.

Начиная с середины XVI века русские судьи не рассматривали дела без участия представителей общины («судных мужей» или «целовальников»). «На суде у них быть дворскому и старосте, и лучшим людям», – повелевал Судебник 1550 года¹. Кроме того, еще с XV столетия в крупных торговых центрах Новгороде и Пскове в судах принимали участие различные «ходатаи», «поругчники», «пособники» и другие наемные поверенные, которые по договору представляли интересы других лиц².

В связи с отсутствием в то время на Руси специализированных юридических учебных заведений, первыми консультантами в вопросах права становились либо эти наемные поверенные, либо представители общины, которые имели опыт взаимодействия с правосудием. В то же время этих правовых советников, как представляется, не следует однозначно определять как профессиональных юридических консультантов, так как они могли иметь другой род занятий, а советы в области права давали по мере обращения к ним за консультацией, в том числе и на безвозмездной основе.

Издание Уложения 1649 года при царе Алексее Михайловиче позволило России намного опередить более развитые страны по уровню

© Г. В. Андрианов, 2008

систематизации законодательства, так как в Европе тогда не существовало государственного акта, который бы объединял в себе все писанное уголовное, процессуальное и светское гражданское право³. Данный памятник интересен также тем, что говорит о русском институте наемных поверенных как о давно существующем.

В отличие от европейских стран, где развивались кафедры юриспруденции и юрисконсульты имели определенный социальный статус, в Русском государстве правовые консультации предоставлялись неорганизовано, что приводило к сильным злоупотреблениям. Так, Петр I называл ходатаев «ябедниками, товарищами воров и душегубцев», которые «утруждают судью и запутывают дело»⁴.

Отношение русского общества к правовым советникам складывалось под впечатлением активной деятельности неорганизованных и малообразованных дельцов, которые не способствовали правосудию, а своими советами старались всячески затянуть дело. Полезные рекомендации добросовестных правоведов тонули в море разного рода проходимцев.

Государи из дома Романовых открыто высказывали свое негативное мнение о существующем положении⁵. В 1698 году, при посещении Петром I Англии, молодой самодержец увидел юристов в мантиях и париках. Он спросил: «Что это за народ и что они тут делают?» – «Это все законники, Ваше Величество», – ответили ему. «Законники? – удивился Петр. – К чему они? Во всем моем царстве есть только два законника, и то я полагаю одного из них повесить, когда вернусь домой». Екатерина II также рассуждала о деятельности русских юристов в резких выражениях: «Адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуют и законодательствовать не будут, пока я жива, а после меня будут следовать моим началам». А император Николай I с такой же уверенностью говорил князю Голицыну, отстаивавшему необходимость введения адвокатуры: «Нет, князь, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты. Проживем и без них».

Царствующие особы пытались исправить существовавшее положение, но не всегда их усилия достигали желаемой цели. Только в первой половине XIX столетия ситуация начала постепенно улучшаться. Прежде всего, это связано с реформами законодательства, кодификационной систематизацией русского права и становлением отечественного профессионального юридического образования.

Профессиональные юридические учебные заведения появились в России уже во второй половине XVIII столетия. Юридический факультет открылся при столичном Академическом университете в эпоху ректорства

М. Н. Ломоносова. Между тем, юристов на высоких государственных должностях мы встречаем не так много. Насколько нам удалось узнать, с начала XIX столетия вплоть до отречения императора Николая II профессиональное юридическое образование имели всего три министра: в 1900 году – министр внутренних дел Сипягин Дмитрий Сергеевич, а в 1916 году – министр иностранных дел Покровский Николай Николаевич и Председатель Совета министров Александр Федорович Штюрмер.

Даже такие корифеи отечественного права, как Государственные секретари Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) и Корф Модест Андреевич (1800–1876), специальности юриста не имели. Причина здесь не только в отсутствии четко выстроенной отечественной системы юридического образования до середины XIX века, а, как представляется, в особенном отношении к юридической специальности российских самодержцев.

Правовые советники и Царский Двор. Особую роль в правовом консультировании царственных особ играли первые лица четырех государственных учреждений: Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (с 1826), Сенат (с 1711), Государственный совет (с 1810) и Министерство юстиции (с 1804). Схематически их можно определить следующим образом: Императорская канцелярия готовила законопроекты, Государственный совет их принимал (наряду с Сенатом), а Министерство юстиции исполняло.

Царские министры юстиции Д. В. Дашков и Д. Н. Блудов считали свой перевод из министерства во Второе отделение повышением, так как им предстояло стать «творцами законов». Служба в императорской канцелярии позволяла находиться ближе к особе монарха и возвышала в глазах общества⁶. К сожалению, не всегда руководители этих ведомств, за редким исключением, имели талант юриста и соответствующее образование.

Кроме того, служба в канцелярии давала большие финансовые возможности для работы. К концу XIX века на содержание Его Императорского Величества канцелярии из казны выделялось более 600 тысяч рублей. Для сравнения: содержание всех остальных государственных учреждений обходилось государству в два миллиона рублей. Поэтому менее престижной считалась даже работа в Государственном совете, при назначении в который претендент получал статус «советника царского», о чем говорилось в особой молитве: «Господи! Благослови входы и исходы мои в новом святом моем призвании: *советника царского* первой державы в мире».

Следует сказать, что при русском царском дворе мы не находим в собственном смысле слова придворных юристов. Однако сказанное

вовсе не означает, что государи вовсе не нуждались в правовых советниках. Появление юристов при царских особах носило дискретный характер. Их услугами Романовы, несомненно, пользовались, но старались держать консультантов на почтительном расстоянии от Двора и частной жизни императорской фамилии.

Одним из правовых советников семьи Николая II, по всей видимости, можно назвать Дмитрия Павловича Солокмирского (1838–1923), впоследствии известного уральского заводчика и мецената. В 1905 году Д. П. Солокмирскому, по ходатайству императрицы Марии Федоровны, пожаловали придворный чин *егермейстера* (буквально – «организатор царской охоты»). Хотя Дмитрий Павлович имел репутацию страстного охотника, награду он получил за службу в качестве юриста и участие в благотворительной деятельности императрицы. Награда являлась очень значительной, но при этом характерно, что Дмитрий Павлович стал егермейстером уже после переезда из Санкт-Петербурга на Урал⁸.

Вместе с тем, не следует полностью исключать наличия русской придворной правовой службы. Так, еще при московском царе существовал особый придворный чин – *«стряпчий»* (позднее – гофмейстер), в обязанности которого входило управление имуществом Двора. В случае необходимости придворный располагал определенными полномочиями для организации взаимодействия членов правящей династии с профессиональными юристами. При этом стряпчие иногда осуществляли правовую защиту интересов казны.

Название это придворного чина со временем перешло на гражданских правовых советников. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что решение юридических вопросов при Дворе связывалось, прежде всего, с защитой имущественных прав.

Правовые советники в конце XIX – начале XX века. В русском процессуальном праве наемные поверенные, получившие наименование стряпчих, являлись основными организаторами судебной защиты. Именно к ним обращались стороны за правовым сопровождением их дел в суде. Стряпчие занимались подготовкой процесса и для этого приглашали адвокатов, которые стояли особняком и давали консультации стряпчим и сторонам, разъясняли юридические конструкции правоотношений, а иногда выступали в суде.

Данное разделение пришло в отечественное право из судебной практики Франции XVIII–XIX века, где адвокаты (*avocat*) и стряпчие (*procureur, postulant, avoue*) составляли два высоких сословия среди множества правовых советников (*agents d'affaires*). Подобное разделение обязанностей имело место и в Англии, в которой стряпчие (*solicitors*,

Правовые советники в эпоху романовской династии

attorneis, proctor) являлись главными организаторами судебной защиты и для этой цели нанимали адвокатов (*counsels*, а также *barristers, sergeants at law*). В то же время в Бельгии положение адвокатов и стряпчих являлось абсолютно противоположным, а в Германии эти сословия слились в одно. Постепенно русские присяжные поверенные также соединили в себе занятия французских *avoues* и *avocats*⁹.

Развитие институтов русских правовых советников активно шло в Польском крае, в Финляндии, остзейских землях. Опыт деятельности правовых советников на западе империи при Александре I подвергался внимательному анализу, но не всегда конструктивной критике. В отличие от своего старшего брата и предшественника, который, по выражению В. О. Ключевского, «смотрел на Россию сверху и много не видел»¹⁰, император Николай I во многом знал государство изнутри. Поэтому его важным начинанием стала систематизация законодательства.

Правовые реформы в царствование Николая I (1825–1855) и Александра II (1856–1881) способствовали организации правовых советников на началах закона. В 1864 году Александр II утвердил Судебные уставы, и эта дата считается днем учреждения российской адвокатуры (в 2009 году отечественная адвокатура отметит свое 145-летие¹¹).

История создания и вопросы организации русской адвокатуры изучены довольно основательно в трудах дореволюционных исследователей К. К. Арсеньева, Е. В. Васьковского, М. М. Винавера, И. В. Гессена, П. В. Макалинского, И. Я. Фойницкого. Отметим только, что к 1913 году сословие адвокатов насчитывало более 13 тысяч юристов: пять с половиной тысяч присяжных поверенных, примерно столько же стажеров и еще две тысячи частных поверенных, обладающих высоким авторитетом в обществе¹².

Вместе с тем в научной литературе уделено не так много внимания другому классу отечественных правовых советников эпохи правления Романовской династии – *юрисконсультам*. Между тем, один представитель этой юридической специальности изменил историю России.

Речь идет об Александре Федоровиче Керенском (1881–1970). Он родился, как и Владимир Ильич Ульянов (1870–1924), в Симбирске. Оба будущих государственных вождя ходили в одну гимназию и окончили юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. С 1904 года А. Ф. Керенский работал в бесплатной юридической консультации для бедняков, на личном опыте знал тяжести жизни простых людей. В 1906 году он перешел в адвокатуру и сделал имя на деле ревельских крестьян, которые разграбили дворянское поместье. В отличие от А. Ф. Керенского, В. И. Ленин недолгое время

занимался правовой работой и с 1891 года полностью переключился на подготовку революционного движения.

В шестнадцати томах Свода законов Российской империи термин «юрисконсульт» употребляется достаточно редко, прежде всего, в связи с тем, что эта должность в государственных структурах не имела широко распространения. Упоминание о юрисконсультах в системе органов внутренних дел содержится в первом томе Свода законов, где руководству МВД разрешалось возлагать исполнение юрисконсультской обязанности на чиновников собственного ведомства¹³.

Вместе с тем, при необходимости соблюдения финансовых интересов государства, особенно в приграничных областях, должность штатного юриста ставится очень высоко. Так, в Уставе Земского кредитного общества губернии Царства Польского, который входит в Свод законов, сказано следующее: «Юрисконсульт главной дирекции и правитель ее канцелярии участвует в заседаниях с совещательным голосом. Юрисконсульт должен иметь образовательный ценз, требуемый от присяжных поверенных при Судебных палатах. Он имеет право вносить в протокол заседаний свое особое мнение, если не согласен с постановленным определением»¹⁴.

Напомним, что присяжный поверенный имел диплом о высшем юридическом образовании, пять лет юридической практики, а также являлся лицом не младше 25 лет и русским гражданином¹⁵. Данное обстоятельство подчеркивает высокий статус правового консультанта в русском коммерческом праве.

Внутри империи высоко ценился штатный юрисконсульт Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, которому могло назначаться особое вознаграждение в размере не свыше 10 % с поступившей в казну суммы взысканий по тем делам, которые производились и решены при его участии¹⁶.

Отдельно следует сказать о юридическом сопровождении деятельности Министерства путей сообщения. «Устав о службе по определению от Правительства» позволял принимать по найму на министерскую должность юрисконсульта управления, если кандидат являлся присяжным поверенным¹⁷. В целом юрисконсульты железных дорог упоминаются в Своде законов чаще других своих коллег (в т. I, III, XII).

Высокий экономический интерес государства в обеспечении нормальной деятельности железных дорог побуждал принимать высокие требования к правовому советнику. В дальнейшем именно на железной дороге деятельность штатных юрисконсультов получит наибольшее распространение, а также наилучшую организацию и широкую сеть представителей по всей России.

Правовые советники в эпоху романовской династии

Решение отдельных правовых вопросов в других ведомствах возлагалось на разных чиновников, которые в России в основном являлись выходцами из духовного сословия. Интересно, что само слово «чиновник» происходит от названия церковной книги «Чиновник», которая употребляется епископом для соблюдения чинопоследования богослужения. К сотрудникам государственных учреждений слово «чиновник» стало применяться только в первые годы XIX столетия, а до этого их называли «служилыми» или «приказными» людьми. При Романовых из чиновничества образовался многочисленный разряд русского потомственного дворянства, соответствующий французскому чиновничьему дворянству – «*noblesse de robe*», для которого императрица Екатерина II выделила особую, третью часть дворянской родословной книги¹⁸.

Отдельной строкой следует сказать о военных юрисконсультах. Вопросы организации правовой работы в царской армии изучены с достаточной основательностью современными военными учеными. Отметим здесь только некоторые особенности, которые дают представление о военных правовых советниках в связи с деятельностью по правовому консультированию в Российской империи конца XIX – начала XX века.

В армии должность юрисконсульта появилась в 1836 году. Военный юрисконсульт имел следующие обязанности: 1) «проверка правильности изложения дела, полноты справки и приведенных узаконений; 2) изложение мнения своего о том, во-первых, в законном ли порядке произведено дело и, во-вторых, согласно ли внесенное на разрешение с законами существом дела»¹⁹.

С 1903 года при центральных (после 1912 года – постепенно во всех) военных округах учреждались должности окружного юрисконсульта и помощника юрисконсульта, которые подчинялись юрисконсульту Военного министерства. С 1909 года юрисконсульт появляется в Главном управлении казачьих войск, а с 1915 года – в Земельном совете Войска Донского. Последний мог являться специалистом по найму и в случае выигрыша дела получал половину взысканных сумм. Во время Первой мировой войны должности юрисконсультов учреждаются при многих ключевых управлениях, связанных с оборонным заказом и военными поставками. Все военные юрисконсульты имели только высшее юридическое образование.

Исследователи считают, что юрисконсульт Военного министерства занимался преимущественно ведением судебных дел, где значительное место занимала исковая работа, в основном по хозяйственным спорам²⁰. Юрисконсульту министерства также полагалось докладывать о наиболее важных делах военному министру, а также давать общую аналитику.

Тем не менее, такое требование не всегда исполнялось. Военный министр А. Ф. Редигер (1905–1909) в опубликованных ныне воспоминаниях очень подробно описывает дни на службе у царя. Излишний педантизм в изложении фактов даже затрудняет чтение мемуаров, но дает ценное представление о работе военного ведомства в начале XX столетия. При этом в обоих томах нигде не упоминается о докладе юрисконсульта военному министру²¹.

Негосударственные коммерческие учреждения не имели собственной юридической службы. Между тем, институт правовых консультантов российских предпринимателей активно развивается по второй четверти XIX века. В 1832 году императором Николаем I издается указ «Об учреждении коммерческих судов», согласно которому юристу отводилась главная роль в судебных органах по защите коммерческих интересов. Полагают, что с тех пор защита прав и законных интересов предпринимателей существовала всегда²².

Роль правовых советников сильно возростала, если учесть, что явка сторон в коммерческом суде имела громадное значение, так как с этого момента начиналось рассмотрение дела и в этом же судебном заседании спор мог получить свое судебное разрешение²³.

Российский цивилист Г. Р. Шершеневич в своем «Курсе торгового права» полагает, что правовыми советниками у русских коммерсантов являлись торговые служащие, которые назывались *приказчиками*²⁴. Приказчик следил за составлением торговых соглашений и юридически значимых документов, контролировал исполнение обязательств по договору, участвовал в процессе по урегулированию коммерческих конфликтов и пр. Статус приказчика получил законодательное закрепление в статье 1297 Торгового устава²⁵.

Развитие фабричного производства в России также требовало правового сопровождения. Отечественный классик гражданского права Д. И. Мейр отмечает, что, несмотря на активное участие юристов в деятельности предприятий, их правовой статус оставался неопределенным²⁶.

Важно отметить, что судебная реформа 1864 года дала начало не только новым судебным институтам, но и образовала новые специальности в сфере деятельности правовых советников. Молодое поколение русских юристов прилагало усилия для изменения общественного мнения на профессиональную деятельность правовых советников. Как и их предшественники, они прекрасно знали недостатки своей профессии²⁷, но в отличие от основной массы прежних советников старались активно бороться за их преодоление и повышение социального статуса. Среди направлений этой борьбы следует назвать создание юридических

Правовые советники в эпоху романовской династии

обществ, а также дискуссии в печати и участие в различных комиссиях по пересмотру законодательства.

В этой связи особо следует отметить I съезд русских юристов, который проходил в здании Московского университета 5–8 июля 1875 года. К сожалению, данный форум стал последним мероприятием такого уровня, так как созыв последующих съездов тормозился правительством. Тем не менее, русские правоведа находили возможность обсуждать насущные вопросы отечественной юридической мысли и развития основ правового государства в создаваемых на местах юридических обществах.

Первое русское юридическое общество образовалось в Москве в 1865 году, в Санкт-Петербурге – в 1875 году. Всего в России к 1917 году действовало 12 юридических обществ²⁸.

Выводы. В настоящем докладе мы попытались проследить организационные особенности становления института правовых советников в России в период правления Романовской династии, который продолжался более трех столетий. Некоторые весьма важные моменты исследуемого вопроса имели место в более раннее время, в эпоху становления Московского царства. В этот период мы видим некоторые прототипы института профессиональных консультантов в области права.

С ростом экономической и социальной активности в западных окраинах Русского государства на всех уровнях общества появляется необходимость в грамотном правовом сопровождении хозяйственных отношений. В то же время в центре сильная инерция противодействия западному влиянию сдерживает развитие правовых институтов. По мысли современного исследователя Двора русских императоров, при Романовых в общей сложности сохранялась парадоксальная тенденция в общегосударственном развитии и политической системе: одновременное существование традиционных и модернизированных институтов²⁹.

К началу XIX столетия в русском обществе складывается отрицательное представление о правовой работе. Только с судебной реформы Александра II государство предпринимает конкретные шаги по организации форм правового консультирования. При этом активно используется европейский опыт. В то же время понимание необходимости юридического сопровождения в хозяйственной жизни страны приходит постепенно и реализуется в основном в наиболее важных направлениях: в обеспечении армии и строительстве железных дорог.

К концу правления династии Романовых в России активно действуют отечественные юристы. Для осуществления общих задач они объединяются в юридические общества, занимаются наукой и общественной работой. При этом их деятельность законодательно регламентируется,

правовая помощь оказывается на организованной основе, устанавливается высокий образовательный ценз. Образ правового советника в предреволюционной России приобретает высокий общественный статус.

Примечания

¹ См.: Ярославцев В. Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество. М. : ЗАО Юстицинформ, 2007. С. 174–175.

² Упоминание имеется в Новгородской (ст. 68–69) и Псковской судебных грамотах (ст. 16–18).

³ Ильин А. В., Карамышев О. М. Соборное уложение 1649 года // Основы государства и права / под ред. Н. И. Мацнева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. С. 45.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX вв. – М., 1985. С. 105.

⁵ Цитаты из данного абзаца приводятся по статье «Адвокат» интернет-энциклопедии «Wikipedia». – <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – 20.05.2008.

⁶ См.: Ружницкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 227.

⁷ Цит. по: Там же. С. 290.

⁸ См.: Мартынов В. Н. «Я пил из чаши бытия...». Д. П. Солокмирский (1838–1923) // Уральский музей. 2006. Июль – октябрь. С. 4.

⁹ См.: Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1876. Т. I. С. 212–214, 216, 218.

¹⁰ Ключевский В. О. История России. М. : АСТ; Астель, 2002. С. 432.

¹¹ См.: Грудцына Л. Ю. Российской адвокатуры 140 лет: историческая ретроспектива // Адвокат. 2004. № 10. С. 8.

¹² См.: Тиунов Л. Далекое-близкое. Под диктовку партии и правительства. К 140-летию российской адвокатуры // Российский адвокат. 2004. № 3. С. 11.

¹³ Свод Законов Российской империи. СПб., 1836. Т. I. Л. 182.

¹⁴ Там же. Т. XI. 2. Л. 904.

¹⁵ Там же. Т. XVI. Л. 54.

¹⁶ Там же. Т. I. Л. 206.

¹⁷ Там же. Т. III. Л. 36.

¹⁸ См.: Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб. : Типография П. П. Сойкина, 1897. С. 4–5, 43.

¹⁹ Свод Законов Российской империи. Т. II. Л. 317.

²⁰ См.: Марченкова Н. В. Правовой статус военного юрисконсульта : дис. ... к.ю.н. М. : Московский пограничный институт ФСБ России, 2004. С. 93–94.

²¹ См.: Редигер А. Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра : в 2 т. М. : Конон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1999.

²² См.: Юридическая служба в государственных органах и на предприятиях : учеб. пособие для студентов вузов / Л. В. Щербачева, В. П. Иванов, А. Л. Мионов ; под ред. В. П. Иванова. М. : Юнити; Закон и право, 2006. С. 13.

²³ См.: Михин А. В. Возникновение и развитие коммерческих судов в Российской Империи : дис. ... к.ю.н. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2005. – С. 150.

²⁴ См.: *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права. М. : Спарк, 1994. С. 88–92.

²⁵ Устав Торговый // Свод законов Российской империи. Спб., 1857. Т. II. Ч. 2.

²⁶ См.: *Мейр Д. И.* Русское гражданское право. М. : Статут, 1997. С. 34.

²⁷ См. кн.: *Московские скандалы и безобразия. Замечательные уголовные процессы в Окружном суде и у мировых судей.* М. : Типография Т. Рис ; Дом Бойекова, 1870.

²⁸ См.: *Мойсинович А. М.* Судебная реформа 1864 года в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв. : дис. ... к.и.н. Ярославль, 2007. С. 189, 195.

²⁹ См.: *Несмеянова И. И.* Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен. Челябинск, 2007. С. 231.

А. В. Нифонтов

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Тринадцатилетнее царствование императора Александра III было наиболее успешным и многообещающим на протяжении всего петербургского периода правления династии Романовых. Его современник С. Ю. Витте главной заслугой миролюбивого Александра III считал то, что он «поставил политический престиж России так высоко, как до него он никогда не стоял. Россия была главной фигурой на шахматной доске мировой политики»¹. В статье поставлена задача показать роль и значение военно-политического курса в политике императора Александра III.

В основе политики Александра III были два принципа: «Россия для русских» – во внутренней, мир – во внешней. 8 марта 1881 года (через неделю после трагической гибели Александра II) было созвано особое совещание, на котором решалась судьба либеральных реформ. На совещании слово было предоставлено К. П. Победоносцеву, который подверг резкой критике политику правительства Александра II. Но большинство членов совещания высказались за их продолжение. В результате было решено создать комиссию для доработки либерального реформирования. Однако эта комиссия так и не была создана. А императорским манифестом был обновлен состав правительства. Из девяти ведущих министров, составлявших правительство Александра II, восемь

© А. В. Нифонтов, 2008

ушли в отставку за последующие семь месяцев. Первыми разделили эту участь наиболее известные реформаторы, в том числе и военный министр А. Д. Милютин. Это показывало, что новый император неудовлетворен результатами военных реформ.

Причина такого оборота событий в позиции самого Александра III. Его воспитателем был клерикал К. П. Победоносцев, который вполне естественно привил ему неприязнь не только к революционным, но и к либеральным течениям. К этому добавлялась гибель отца. Александр III решил сам управлять страной, без каких-либо комиссий, и даже министры были поставлены под жесткий контроль императора. В этом случае образование и знания Александра III приобретали особое значение. И императору стало ясно, что знаний, необходимых для проведения международной политики, решения проблем общественной безопасности и военного строительства, которые в то время играли исключительно важную роль, было недостаточно.

Поэтому Александр III был самокритичен к себе; при принятии решений всегда выяснял мнение специалистов, которые старался понять, чтобы самому принять ответственное решение. Он не терпел высокопарных и красивых слов и не любил много говорить. Своих помощников Александр III оценивал по делам. Император придерживался того взгляда, что они должны были высказывать свое мнение откровенно, и не сердился, когда это мнение высказывалось в резкой форме. Свои решения он принимал после длительного обдумывания вопроса, а после принятия решения твердо проводил его в жизнь.

В вопросах внешней и военной политики он был осторожен и сдержан, поскольку в этой сфере Александру III досталось тяжелое наследство. Берлинский трактат не только отнимал у России победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, но и создавал на ее западной границе враждебный союз. В 1879 году Германия заключила с Австро-Венгрией союз, к которому через три года присоединилась Италия. Так образовался Тройственный союз, к которому затем примкнула Румыния. Более того, видя неспособность России удержать победу в своих руках, Сербия и Болгария отшатнулись от нее. Сербия при короле Михаиле Обреновиче стала тяготеть к Австро-Венгрии, а Болгария – к Германии. Дело дошло до того, что в Болгарии прорусские настроения стали преследоваться правительством. Разумеется, такое положение на западных границах сложилось не только, и не столько из-за слабости России, сколько из-за уступок, допущенных Министерством иностранных дел. Поэтому Александр III взял на себя руководство внешней политикой. Должность государственного канцлера

была упразднена, а министр иностранных дел Н. К. Гирс фактически был низведен до письмоводителя при императоре.

Такое положение свидетельствовало, что и военная политика оказалась несостоятельной, ибо жизни русских солдат и большие ресурсы, израсходованные в военных кампаниях в третьей четверти XIX века, были затрачены по существу зря. И оказавшись в международной изоляции и при возникновении новых военных угроз (прежде всего со стороны Германии с приходом к власти в 1888 году Вильгельма II), Александра III четко определил свою стратегию в знаменитой фразе: «У России есть только два верных союзника – ее армия и флот», *которая и стала основой военной доктрины в период последующего царствования.*

Александр III осознавал угрозы, стоявшие перед Россией, и стремился дать достойный ответ им. Для этого надо было вырабатывать новый, иной военно-политический курс, который позволил бы создать необходимые для обороны вооруженные силы и который опирался бы на военно-промышленный комплекс и развитую инфраструктуру. В частности, Александр III хорошо понимал, что для ускоренного экономического развития и обеспечения безопасности границ огромной страны ее необходимо связать надежными путями сообщения. Такими путями тогда были железные дороги. В этой связи строительство железных дорог, прерванное в связи с Русско-турецкой войной 1877–1878 годов, было возобновлено. В 1881 году протяженность железных дорог составляла около 23 тысяч верст, а в 1904 году уже имелось около 60 тысяч верст, то есть увеличение составило 37 тысяч верст. Таким образом, в год строилось по 1500 верст железнодорожных путей. Ввиду некачественного строительства частными обществами, было решено начать выкуп железных дорог государством и в дальнейшем их строительство вести за государственный счет. В 1891 году, хотя и с некоторым опозданием, началось строительство важнейшей стратегической Транссибирской железнодорожной магистрали от Челябинска до Владивостока. Таким образом, была укреплена южная граница и началось укрепление дальневосточных рубежей².

Далее, чтобы продолжить военную реформу, нужно было выработать новую доктрину. И здесь существовали трудности. Во-первых, ощущался недостаток в авторитетных военных стратегах и практиках. Выдающийся генерал М. Д. Скобелев ушел из жизни в 1883 году. Победитель Балкан генерал И. В. Гурко командовал войсками Варшавского военного округа, то есть находился на периферии и был удален от строительства армии. Во-вторых, существовала борьба за лидерство между руководством Генерального штаба и военного министерства. Начальником Генштаба,

в течение всего царствования Александра III, был генерал Н. Н. Обручев. Александр III также питал к нему симпатию, хотя Обручев считался либералом. С именем Обручева связаны основные мероприятия военно-оборонительного характера: строительство стратегических дорог, сооружение крепостей на западной границе, военная конвенция с Францией. Однако, несмотря на близость к Александру III, ему так и не удалось добиться самостоятельности Генерального штаба и усиления его роли в боевой подготовке войск и обобщении опыта прошедшей войны. Таким образом, военную политику, в основном, определяли люди, возглавлявшие военное министерство и военную академию.

Начальником военной академии до 1889 года был генерал М. И. Драгомиров. Боевую репутацию ему создали победы при Зимнице на Шипке, которые показали блестящую подготовку его 14-й дивизии. Драгомиров полагал, что военной науки, как таковой, вообще не существует. В этой связи его можно вполне считать «анархистом» военного дела. Все военное дело низводилось им до тактики, а тактика – к тому, чтобы «брать нутром», что означало на практике предпочтение штыковым атакам без какой-либо подготовки ее огнем. Отсюда шло противостояние «духа и техники». В результате в бою это приводило к огромным потерям. В конечном счете, эти взгляды, озвученные начальником академии, имели самое отрицательное влияние на формирование целого поколения офицеров Генерального штаба – будущих «минотавров» Первой мировой войны, готовых воевать «до последнего солдата».

Эти взгляды Драгомирова касались не только обучения тактике, но и строительства вооруженных сил. Полагая, что техника непременно ведет к упадку духа, Драгомиров весь свой авторитет употребил противодействию принятия магазинного ружья и скорострельной пушки. Однако, вопреки нему, скорострельные орудия были приняты. Но ему удалось добиться того, чтобы они были без щитов, по его мнению, «способствующих робости». В будущем на полях Манчжурии такое решение привело к большим потерям среди наших артиллеристов. Система воспитания войск по Драгомирову тоже оказалась порочной. Став командующим Киевским военным округом, он всячески подавлял инициативу подчиненных ему командиров. Драгомировщина, как идейное течение военной мысли, имело достаточно широкое распространение в русской армии конца XIX века, потому что она опиралась на низкую образованность в военных вопросах большей части офицерского корпуса.

Сменивший Драгомирова на посту начальника военной академии генерал Г. А. Леер был ему полной противоположностью. Он отдавал явное предпочтение стратегии, которую не признавал Драгомиров.

Его можно вполне считать у нас в России отцом стратегии как науки. Им разработано учение о главной операционной линии. Строго осуждено понятие стратегического резерва: «...стратегии резерв – явление преступное». Стоит упомянуть и о редактировании им «Военной энциклопедии» в 8 томах, которая явилась важным источником для пополнения военных знаний строевым офицерством. Военное министерство и Генеральный штаб России того времени практически почти не занимались боевой подготовкой войск, которой в русской армии того времени занимались командующие военных округов. В результате был разницей в боевой подготовке войск. Чтобы знать состояние дел в военных округах, по настоянию Леера были введены полевые поездки офицеров Генерального штаба, в ходе которых вырабатывались единые взгляды на применение войск. Стратегический курс Леера четко вырисовывается из его записки, поданной министру обороны в 1876 году, где он предостерегал от сосредоточения незначительных сил при подготовке войны с Турцией, «ибо лучше иметь слишком много войск, чем слишком мало». Однако в Министерстве обороны сочли ее «недостаточно разработанной». Так как Леер прямо затрагивал стратегические планы Министерства обороны, то к нему генералитет относился настороженно, и, поскольку ему не пришлось участвовать и проявить себя на войне, его считали «кабинетным теоретиком». Это явилось причиной того, что Леер был совершенно не понят и не оценен в должной мере своими современниками. В результате в армии господствовала драгомировщина.

Наконец, скрупулезное изучение опыта предыдущих войн является в выработке военной доктрины путеводной звездой. Но опыт прошедших войн в то время вообще нельзя было изучать, ибо главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич. Рассматривать объективно его бесчисленные ошибки на занятиях было совершенно невозможно, так как это вело к подрыву престижа самодержавия. Недоработанный план войны, посылка войск по частям, неиспользование мобилизованных резервов было делом рук военного министра Милютин. Но Милютин раз и навсегда было условлено считать «благодетельным гением» русской армии. Этим самым перед преподавателями стратегии ставилась неразрешимая задача, включавшая сплошные запреты, преодолевать которые им было запрещено. Такие же трудности встречали преподаватели тактики. Анализировать ошибки придворных генерал-адъютантов также было запрещено. Поэтому в исследованиях Русско-турецкой войны 1877–1878 годов критический метод, единственно продуктивный, был заменен описательным методом, простым изложением событий. В результате слушатели военной

академии того времени почти ничего полезного не смогли для себя извлечь из столь недоброкачественного материала.

Таким образом, русская офицерство обучалось, в основном, на опыте Крымской войны и Гражданской войны в США. До какой степени боялись показать правду о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, говорит тот факт, что ее описание не было закончено даже в 1914 году³.

Вот на таком парадоксально-противоречивом военно-теоретическом фундаменте Александр III развернул строительство вооруженных сил России в конце XIX века. Военная реформа началась с количественного и качественного увеличения вооруженных сил и военных кадров. Реализовать на практике намерения Александра III было поручено генералу П. С. Ванновскому, который был начальником штаба Руцукского отряда, которым командовал в период Русско-турецкой войны цесаревич Александр Александрович. Ванновский был полной противоположностью бывшему военному министру Милютину. В сравнении с последним он был своего рода «военным Победоносцевым». Его несомненной заслугой явились изменения в военно-учебной реформе Милютин. Ванновскому, бывшему ранее начальником Павловского военного училища, была видна слабая строевая подготовка воспитанников милютинских гимназий. К тому же штатские воспитатели не прививали своим питомцам соответствующего военного духа, в результате чего после окончания гимназии многие уходили «на сторону». В 1882 году военные гимназии вновь были преобразованы в кадетские корпуса. Гражданские воспитатели были заменены офицерами, введены строевые занятия. Вскоре качество выпусков резко улучшилось. Молодые офицеры вновь обрели воинский дух и строевую выправку.

Большое внимание было уделено переработке Положения о полевом управлении войск. Разработка нового Положения была поручена комиссии генерала Лобко. В 1890 году новое Положение о полевом управлении войск было утверждено. Это Положение значительно увеличивало права главнокомандующего и освобождало его от опеки военного министерства. В этом Положении определялся также порядок создания при мобилизации армейских управлений на базе существующих военных округов. Это дало возможность уже в 1886 году на базе трех западных округов (Виленского, Варшавского и Киевского), в случае войны с центральными державами, развернуть три армии. Главной заботой военного министерства стало увеличение обученного запаса армии. Ежегодный призыв новобранцев при Александре II составляла всего около 150 тысяч человек. При 6-летней службе в строю армия насчитывала около одного миллиона человек, что было явно недостаточно на случай войны с центральными

державами. В этой связи в 1886 году срок службы вольноопределяющихся по 1-му разряду был увеличен до одного года. В результате в 1888 году количество сверхсрочнослужащих удвоилось. В этом же году было произведено сокращение сроков службы до 4 лет в пехоте, до 5 – в кавалерии и инженерных войсках. Но в то же время была удвоена продолжительность службы в запасе с 9 до 18 лет. В 1891 году контингент военно-обученных запаса нижних чинов уже составлял 2,5 миллиона человек, а мобилизованная армия, включая казаков, могла иметь около 4 миллионов солдат. В конце царствования Александра III ежегодно призывалось около 270 тысяч человек. Была значительно увеличена емкость военных училищ. Эти нововведения позволили стараниями Ванновского реализовать Закон о всеобщей воинской повинности в конце царствования Александра III.

Было уделено большое внимание перевооружению армии магазинными винтовками Мосина, принятыми на вооружение в 1891 году и оказавшимися лучшими в мире на протяжении добрых 50 лет. Армия получила также хорошее клиновое орудие образца 1877 года, с дальностью стрельбы в 4,5 версты. Затем оно было заменено поршневой пушкой образца 1895 года с дальностью стрельбы 6 верст. Опыт Русско-турецкой войны показал, что без тяжелой полевой артиллерии войскам сложно брать укрепленные пункты. Поэтому в 1888–1894 годах было сформировано пять мортирных полков, имевших в своем составе 4–5 батарей по 6 шестидюймовых мортир в каждой. Всего армия получила около 130 таких мортир. Однако для армии в 4 миллиона человек военного времени это было крайне мало. И в дальнейшем тяжелая полевая артиллерия существенно не увеличилась. Основной причиной этого была неразвитость военно-промышленного комплекса страны.

Получили развитие инженерные и железнодорожные войска. Первые занимались строительством крепостей на западной границе, а вторые – строительством железных дорог. Однако были и просчеты. Особенно они коснулись развития кавалерии. В 1882 году была осуществлена «драгунская реформа» в кавалерии. Вдохновителем ее был генерал Сухотин. Исследуя кавалерийские рейды периода гражданской войны в Америке, этот военачальник пришел к выводу о необходимости преобразования всей русской кавалерии на драгунский лад. Естественно, при этом он прошел мимо собственного, значительно более поучительного опыта действий русской кавалерии периода Русско-турецкой войны. Так родилась мода на американских ковбоев. Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, в значительной степени заменившими кавалерийскую выучку. Следствием явились черепашьи аллюры на ровной

местности и на хороших дорожках. И хотя численный состав кавалерии был увеличен в 1,5 раза, ее боеспособность резко снизилась.

В целом военная реформа качественно повысила боеспособность сухопутной армии, которая была готова отразить внешние угрозы, что и показал единственный военный конфликт, который возник в 1885 году, когда добровольное вступление в российское подданство туркмен Мервского оазиса вызвало недовольство англичан, ревниво оберегавших российскую изоляцию от Индии. Эмир Афганский, по наущению «образованной Европы», оккупировал часть территории Мервского оазиса и творил грабежи и бесчинства. Исчерпав все дипломатические средства, 18 марта 1885 г. генерал Комаров в бою на реке Кушке разбил афганцев вместе с английскими инструкторами и, несмотря на сильное давление англичан, которые требовали суда над генералом, император одобрил его действия и демонстративно наградил за блестящую операцию. Это событие проявило южный вектор усиления влияния Российской империи. Правительство Александра III, добываясь у Персии концессии на строительство железной дороги, которая должна была соединить сеть железных дорог России с Персидским заливом. Поэтому европейские державы воспринимали эту политику как экспансию в сферу их жизненных интересов в районе Персидского залива с целью установления контроля над ресурсами нефти.

Таким образом, Александр III получил возможность, опираясь на возросший военный потенциал, проводить независимую и выгодную для империи внешнюю политику, не ввязываясь в военные конфликты и ограничиваясь демонстрацией возросшего могущества. Осознание усиления военно-экономических позиций Российской империи позволило ему соответственно вести себя, иногда демонстративно вызываясь. Так, во время обеда с австрийским послом, когда разговор зашел о положении на Балканах и посол угрожающе намекнул, что Австрия может мобилизовать два или три армейских корпуса, Александр III спокойно взял серебряную вилку, скрутил ее петлей и положил перед австрийским послом. «Вот, – сказал он, – что я сделаю с ними». А когда Александру III доложили, что один европейский посол настаивает, чтобы его немедленно приняли, он ответил: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать». Такого не мог позволить себе ни один из императоров династии Романовых. Этого Александру III западные соперники не простят, и он скорострительно скончается при странных обстоятельствах.

Но пока он был жив и последовательно проводил свой военно-политический курс, европейским державам приходилось считаться с Россией. Центрально-европейские державы (Германия и Австро-Венгрия)

были не прочь угрожать России, когда она была ослаблена, но у их правительств пропадало желание нападать на нее, когда она набирала силу. Более того, дальновидные политики войну с Россией стали рассматривать как «катастрофу для Германии» (Бисмарк). Блок же Европы в целом против России был невозможен до Первой мировой войны именно по причине нерастраченного потенциала России и противоречий по колониальным вопросам между западно- и центрально-европейскими державами. Таким образом, усилив экономические и финансовые позиции России, накопив военные ресурсы, правительство Александра III могло осуществлять мирную экспансию без траты жизней своих солдат и ресурсов. Император смог теперь позволить себе стать миролюбцем-посредником: в 1891 году он был третейским судьей в территориальном споре между Францией и Голландией по поводу их колоний в Гвиане. В 1892 году с Францией было заключено тайное соглашение, дополненное военной конвенцией, которое выровняло европейские силы и отрезвило антироссийские устремления в Берлине и Вене. Тогда же французские Ротшильды предоставили выгодный заем России, хотя до этого 10 лет отказывали под предлогом «антисемитизма» Александра III⁴.

Не так однозначно дела обстояли с развитием флота. Так как состояние военно-морской науки было не лучше, чем в армии, то опыт действий моряков на Дунае в Русско-турецкую войну должным образом не был изучен. А он говорил о том, что на арену морских сражений выходило минное оружие, которое, при умелом его применении, оказывалось способным блокировать и нейтрализовать действия броненосных сил на речных театрах войны, в прибрежной зоне и в проливах. Напрашивалась идея строительства флота, органически включавшего в себя миноносные, крейсерские и броненосные силы, которые должны были взаимодополнять друг друга и обеспечивать отражение превосходящих морских сил противника на минно-артиллерийских позициях. Все это не было осознано и проработано в достаточной степени. Более того, на строительство ВМФ продолжало влиять давняя пагубная военно-морская доктрина, согласно которой без сильного флота на Черном море удержать Босфор и Дарданеллы было невозможно. Сильный флот в то время олицетворялся броненосцами, которые могли вести боевые действия в открытом море.

Это было использовано для давления на Александра III, который утвердил эту программу. В результате флот возводится по примеру строительства линейных парусных флотов периода XVIII и первой половины XIX веков. Отсюда преимущественное развитие получают дорогостоящие броненосные силы. Строительство броненосных эскадр началось именно в царствование Александра III. Александр III внимательно

следил за обороной русских черноморских рубежей. Россия, наконец, получила возможность воссоздать свой военный флот на Черном море.

В первые же месяцы царствования Александр III созвал Особое совещание, посвященное созданию Черноморского военно-морского флота. Было принято стратегическое решение создать флот, превосходящий турецкий, чтобы он был способен без существенных помех доставить прямо ко дворцу султана тридцатитысячный десант. План сразу начал осуществляться. Уже в 1885 году со стапелей знаменитого Николаевского завода сошел броненосец новейшего образца. До 1904 года было построено около 20 броненосцев. В то же время армия не получила достаточного количества тяжелой полевой артиллерии, в которой крайне нуждалась. Это показало, что трата больших средств на ВМФ оправдывает себя только при создании систем морских вооружений при развитой инфраструктуре его базирования и как дополнение к оборонительной роли сухопутных сил.

Для развития российского ВМФ принципиально было важно определиться с условиями его базирования. Однако базирование российского флота ни на одном морском театре военных действий, кроме каспийского, не обеспечивало достижения превосходства над противником, особенно если это была коалиция государств. Военное ведомство считало, что надо строить опорную базу морского базирования в Прибалтике. С. Ю. Витте пишет: «Вначале, когда этот порт (речь идет о Либаве, ныне Лиепая в Латвии) начал строиться, по мысли морского и военного министерств, предполагалось сделать из этого порта главную базу, но у императора Александра III возникли сомнения. У него была мысль устроить порт в таком месте, где бы, с одной стороны, была гавань, незамерзающая круглый год, а с другой стороны, гавань та должна была быть совершенно открыта, то есть чтобы был такой порт, из которого можно было бы выходить в море. Императору говорили, что подобный порт можно найти только на Мурманском берегу, т. е. на дальнем Севере... при этом император высказывал мне такого рода мысль – *свою мечту*, – чтобы на Север была проведена железная дорога, чтобы край этот, интересы которого он принимал близко к сердцу, не был обделен железными дорогами». Далее С. Ю. Витте делает вывод: «...для меня, во всяком случае, несомненно то, что если бы остался жив император Александр III, то нашей морской базой была бы Мурманская гавань, и именно Екатерининская гавань, что, вероятно, предотвратило нас от искания какого-нибудь незамерзающего открытого порта, под влиянием какой идеи мы залезли в Порт-Артур. Этот несчастный шаг завел нас в такие дебри, из которых мы до сих пор не можем выбраться,

т.е. не можем уравновеситься от тех последствий, которые из-за этого легкомысленного шага произошли». То есть один из высших сановников связывает поражение Российской империи с изменением политического курса после смерти Александра III, что, в частности, выразилось в отказе от строительства главной базы военно-морского флота на севере. Реализация намерения Александра III базировать главные силы русского флота на Мурманском берегу стала бы очень дальновидным и сильным как военно-политическим, так и экономическим ходом, который открывал широкие возможности для безопасного развития страны. И если у Великобритании в те времена было достаточно сил, чтобы запереть русский флот в Балтийском и Черном морях, обезопасив тем самым морские пути у метрополии, то до появления авиации и радио развертывание главных сил русского флота из района Мурманска пресечь было практически невозможно. Он нейтрализовывал морскую мощь Англии. Франция в то время была обеспокоена усилением соседней Германии и потому была заинтересована в союзе с Россией. Понятно, что политика, предусматривавшая базирование главных сил флота в Мурманске, с ростом экономического и культурного потенциала страны, при сухопутной экспансии на юг обеспечивала Российской империи исключительно благоприятные возможности развития при спокойной внутри- и внешнеполитической обстановке. Требовалось только одно – избегать войн, для ведения которых всегда приходится отвлекать производительные силы от работы на решение задач развития общества и его культуры.

Таким образом, получив Россию при стечении самых неблагоприятных внешне- и внутреннеполитических обстоятельств, император Александр III своим военно-политическим курсом надежно укрепил обороноспособность страны и высоко поднял международный престиж Российской империи без пролития русской крови и растрачивания ресурсов в военных конфликтах. Даже в случае возникновения европейской войны Россия могла бы остаться вне ее, продавая Германии и Австро-Венгрии стратегическое сырье (нефть, уголь, хлеб), а через нейтральные Швецию и Норвегию (либо непосредственно через Мурманск) поставлять их же Англии и Франции. А когда те «устали» бы от войны, посадить всех в Петербурге за стол переговоров. Примерно так США стали мировым промышленным лидером именно в ходе Первой мировой войны на выполнении военных заказов воюющей Европы. Но продолжить эту политику и использовать накопленный экономический и военный потенциал после смерти Александра III в октябре 1894 года не смогли. Примечательно, что после смерти Александра III финансовые ресурсы, предназначавшиеся для строительства военно-морской

базы и торгового порта в районе нынешнего Мурманска и прокладки туда железной дороги, были распылены. На Балтике в Либаве началось строительство военно-морской базы, которая за сто лет так и не была доведена до необходимого уровня, пока после распада империи вместе с Латвией не оказалась за пределами территории России. Свою никчемность она доказала и в Первую, и во Вторую мировую войну, поскольку в обоих случаях к началу военных действий ее оборудование не было завершено, а сухопутные войска не могли удержать территорию, на которой она была расположена, и база переходила в руки противника. При этом были утрачены некоторые корабли и воинские и гражданские запасы, сосредоточенные в ней.

Порт и военно-морскую базу в Мурманске начали строить только в ходе Первой мировой войны для обеспечения бесперебойного сообщения с «союзниками», готовыми воевать «до последнего русского солдата». Она доказала свою полезность в обеих мировых войнах, но так и не была должным образом обустроена за прошедшие сто лет со времени Александра III. Железная дорога к Мурманску была построена кое-как на костях в ходе Первой мировой войны (трупы умерших рабочих зарывали в насыпь). Впоследствии она неоднократно реконструировалась, но до начала 1990-х годов не была двухпутной на всем ее протяжении. Это показывает, что если бы военно-морская база в Мурманске и сопутствующая транспортная инфраструктура были построены раз и навсегда добротно и хорошо, как то и намечал Александр III, то Россия и в мирное и в военное время могла бы избежать многих проблем⁵.

Таким образом, оборонительный военно-политический курс Александра III (без военной экспансии, при достаточном финансировании и развитии военно-политического комплекса, форсированном строительстве Транссибирской магистрали и мирном продвижении на юг, поддержании оптимального военного резерва при улучшении подготовки командного корпуса, модернизации ВМФ и его инфраструктуры, строительстве неприступной для противников базы в Мурманске) показывает стратегические и тактические преимущества, которые получала Российская империя для своего успешного развития на рубеже XIX–XX веков. Тем самым оборонительный военно-политический курс Александра III позволил создать для Российской империи надежный щит как для своих территорий, так и для тех, кто шел на союз с ней. Поэтому он был исторически правилен. Вот почему этот царь-миролюбец запечатлен в центральной фигуре знаменитой картины В. М. Васнецова «Богатыри». Таким он и останется в памяти потомков.

Примечания

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. С. 161–168.

² *Коняев Н. М.* Романовы. Расцвет и гибель династии. М., 2003. С. 83–86.

³ *Демин В. М.* Основы современной русской национальной военной науки. М., 2007. С. 211–231.

⁴ *Большаков В. И.* Грани русской цивилизации. М., 1999. С. 16–21.

⁵ Разгерметизация. Ч. 1. СПб., 1997. С. 216–241.

А. Н. Баранов

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ТРУДАХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА**

В России начала XX века не существовало подлинных демократических свобод, отсутствовало сформированное гражданское общество и правовое государство, а существующий авторитарный режим перманентно воспроизводил в обществе авторитарную идеологию и авторитарные методы разрешения назревших вопросов. Политические партии России, многие из которых были вынуждены действовать нелегально, также предпочитали действовать авторитарными методами насаждения в общественном сознании тех или иных вариантов модернизации России.

Специфику становления российской многопартийности отмечали и сами лидеры политических партий страны. Главный идеолог конституционных демократов П. Н. Милюков признавал глубокое своеобразие русского исторического процесса, но при этом не считал это своеобразие неизменным и неразложимым и не усматривал в данном своеобразии природных и исторических условий залога особого совершенства русской культуры. Он определял их как тормоз, объясняющий запоздалость ее развития¹. Отражая общие взгляды российской интеллигенции, П. Н. Милюков всячески доказывал, что нет причин думать, что политическое развитие России должно остановиться. Он доказывал, что в России, как и в других странах Европы, военно-национальное государство постепенно превратится в промышленно-правовое². Каковы бы ни были «коренные различия» России и западноевропейских государств, всем им одинаково присущи «законы политической биологии», т. е. общие законы политической эволюции, утверждал П. Н. Милюков, и на известной стадии этой эволюции «политическое представительство

является неизбежной формой, совершенно независимо от тех конкретных черт, которые это представительство может принять под влиянием тех или других местных условий данной страны»³.

Как особенность, П. Н. Милюков рассматривает своеобразное место государства в русской истории. С одной стороны, государство выступает как тормоз политизации российского общества, подвергает огосударствлению все его сферы. П. Н. Милюков показывал, сколь всемогуще, вездесуще и всеведуще русское государство и как оно опекает своего подданного⁴. С другой стороны, оно играет прогрессивную роль в качестве созидательного начала, символа общенациональных интересов и единственно реальной силы, противостоящей узкоклассовым эгоистическим стремлениям. Не случайно, отмечает историк, именно по инициативе государства начинались все преобразования в России.

Согласно П. Н. Милюкову, предстоящие преобразования обусловлены двумя основными факторами: во-первых, эволюционным развитием российского общества; во-вторых, определенным опытом общественно-целесообразной деятельности государства. Наиболее приемлемой формой выступают реформы, направленные на совершенствование и укрепление российской государственности. Первоочередными для России историк называет политические реформы, проведение которых должно быть своевременным и обусловлено внутренними экономическими потребностями страны. Более того, «политическая реформа должна предшествовать социальной»⁵.

Наряду с государством носителем идеи общего блага, общенациональных интересов П. Н. Милюков называет интеллигенцию. Она раньше и лучше других познакомилась с европейскими теориями общественного развития, а также по методу формирования является бессословной средой, которой общенациональные интересы ближе и понятнее.

В начале XX века либерализм в России выступает как влиятельное общественное движение, при этом его идеологи особое внимание уделяют проблемам политического переустройства страны. В основе либеральной программы модернизации страны лежала идея превращения ее в демократическое правовое государство с эффективной экономикой. Будучи сторонниками эволюционного развития общества и всех его институтов, российские либералы в начале XX века подробно рассмотрели ряд теоретических вопросов, связанных с реформой политической системы государства: проблемы парламентаризма и народовластия, взаимоотношения законодательной и исполнительной ветвей власти, значение и место политических партий в общественно-политической жизни страны, политических и гражданских прав и свобод и их конституционных гарантий.

Н. А. Гредескул, анализируя текущее положение России, определял, что история поставила всех членов общества перед общей гражданской задачей: совершать переход к новым устоям государственной жизни, водворив в стране такой правопорядок, который вывел бы ее из ужасного нынешнего состояния и обеспечил бы ей в будущем правильное общественное развитие. Пока в России не будет принята конституция «с сопровождающими ее свободами и гражданским равноправием, мы не можем быть спокойны за нашу историческую судьбу», – утверждал ученый⁶. Антисамодержавные настроения в среде российской интеллигенции заметно преобладали. «...Удостоверяю, что самодержавный образ правления, – подчеркивал в своих воспоминаниях профессор Института инженеров путей сообщения Александр Брант, – не одобряется почти всеми учеными и учебным миром России»⁷.

Н. А. Гредескул утверждал, что Россия в историческом плане развивалась гораздо медленнее других стран и все социальные процессы в ней протекали с опозданием, поскольку формы жизни чрезвычайно устойчивы; и к их разрешению или замене приступали лишь тогда, когда надобность в этом становилась более чем настоятельной. Русская интеллигенция, которая раньше остального общества понимала необходимость перемен и движения вперед, оказывалась в изоляции. Он отмечал, что положение интеллигенции «среди страны и народа было поистине сходно с положением греческой Кассандры, которая провидела будущее, но никого не могла убедить в его неизбежном наступлении»⁸.

П. Н. Милюков полагал, что «русская интеллигенция почти с самого своего возникновения была антиправительственна и историческому государству противопоставляла правовое»⁹. Исходя из этого отмечалось, что интеллигенция более всего способна к защите общечеловеческих ценностей, свободы и демократии, прав как отдельной личности, так и всего народа. Либеральная партия должна была представлять собой «первую попытку претворить интеллигентские идеалы в осуществимые практические требования, взяв из либеральных деклараций все, что может быть введено в политическую программу»¹⁰.

В достижении поставленных целей приоритет отдавался эволюционным, мирным формам общественного развития, но в то же время не отвергался и революционный процесс, который нередко понимался как процесс общественного развития, имеющий прогрессивное, политическое и социальное содержание. Под «революцией» в этом случае либералы понимали процесс замены самодержавия правовым государством, а поскольку смена форм в процессе усложнения политической, социально-экономической и духовной жизни страны естественна и закономерна,

то естественен и закономерен прогрессивный «революционный процесс» как политический, так и социальный. Желательна мирная форма данного процесса – политическая реформа. Но приемлема и насильственная форма, которая никогда не желательна, но бывает в ряде случаев неизбежна, когда историческая власть не хочет брать на себя решение назревших задач. Для Российской империи революцией выступает «всякий переход к конституционному порядку», что означает «переворот в условиях жизни и приемах мысли, переворот в материальных отношениях, идеях и стремлениях целого народа»¹¹. За ней признается «верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего ныне политического строя»¹².

Доктор права, профессор, член ЦК кадетской партии Богдан Александрович Кистяковский, кроме разграничения социологического и юридического понимания государства, ввел третий – социально-философский взгляд на государство. Развивая мысль немецкой идеалистической классики о том, что право перестраивает государство и превращает его в правовое явление, Б. А. Кистяковский отмечает, что «признать созданием права» можно «только современное конституционное или правовое государство», в котором «власть перестает быть фактическим господством людей и становится господством правовых норм»¹³. Верховенство закона выражается в ряде принципов: 1) деятельность всех, в том числе верховных, органов государства подчинена высшему, конституционному, закону; 2) права и свободы человека ограничивают государственную власть; 3) законодательство должно быть согласовано с народным правосознанием, то есть законодательным органом может быть лишь народное представительство. Всеобщее избирательное право и признание неотъемлемых свобод для каждого человека, сочетающиеся с закреплением этих принципов в позитивных нормах, ведут к тому, что в правовом государстве подданные становятся гражданами. Именно гражданин, в отличие от подданного, «является правовым субъектом, субъектом публичных обязанностей и прав»¹⁴. В свою очередь власть, имея дело с гражданами, носителями субъективных публичных прав, то есть управомоченными лицами, способными предъявить право притязания к государству, оказывается вынужденной соблюдать законы. Ограниченная монархия, по мнению Б. А. Кистяковского, как дуалистическая, так и парламентарная, даже если конституция была дарована, не может вернуться к абсолютизму, так как этому будут препятствовать требования неотъемлемых прав личности, а также связанность государства

«своим государственным строем». Еще одной гарантией обеспечения уважения к праву со стороны государства и его институтов является сила общественного мнения.

В статье «Государство правовое и социалистическое», опубликованной в 1906 году, Б. А. Кистяковский рассмотрел социальное правовое государство, которое обеспечивает право человека на достойное существование. Анализируя право в социальном государстве, Б. А. Кистяковский отмечает, что будет значительно расширена «сфера публичных субъективных прав». К этим субъективным публичным правам, обеспеченным конституционными государствами начала XX века, автор относит свободу личности от государственного вмешательства в частноправовой сфере, право личности на участие в социально-политической жизни, а также право личности на положительные услуги со стороны государства. Правовое притязание гражданина как субъекта публичных прав к государству на расширение этих услуг и означает рост социального характера государства. Исходя из этого, не в силу чувства жалости или сострадания, нравственного протеста против нищеты в современном культурном обществе, а «в силу самой природы правовой организации в нормальном социальном строе каждому человеку должно быть гарантировано право на достойное человеческое существование, служащее основанием для целого ряда правовых притязаний личности»¹⁵.

Таким образом, согласно Б. А. Кистяковскому, государство – это правовая организация народа, обладающая всей полнотой ни от кого не заимствованной власти. Правовое государство характеризуется как высшая форма государственности, при которой власть ограничена признанием за личностью неотъемлемых, неприкосновенных прав.

Профессор права, член ЦК конституционно-демократической партии В. М. Гессен, как и Б. А. Кистяковский, указывал на связанность государства с правом. Он считал, что правовым может считаться государство, которое признает для себя им же самим создаваемые юридические нормы: государство «связано и ограничено правом, а не вне и над ним»¹⁶. На основе закона и права государство строит свою деятельность, руководствуясь принципом разделения законодательной, исполнительной и судебной властей.

Обязанность закона для власти, согласно В. М. Гессену, обеспечивается в правовом государстве системой юридических гарантий, которая исключает злоупотребление и административный произвол бюрократии. К таким гарантиям им относились: ответственность министров перед народным представительством, уголовная и частноправовая ответственность должностных лиц перед судом, административная ответственность¹⁷.

Представители либеральной интеллигенции – ученые-правоведы подчеркивали, что именно на базе права должны складываться взаимоотношения народа и государства, что, в свою очередь, предполагает гарантии политических прав и свобод граждан, а также равенство всех граждан перед законом. Эти принципы государственного общежития, как считали лидеры конституционных демократов, могут сложиться только в конституционных государствах, так как именно конституция устанавливает принципы правового государства, основанные на «взаимности и в правах, и в обязанностях». «...Без организованной системы конституционных гарантий правовое государство немислимо, невозможно», – утверждал В. М. Гессен¹⁸.

Обосновывая преимущества конституционного строя перед абсолютизмом, В. М. Гессен называет абсолютную монархию «государством произвола», так как абсолютная власть монарха «является юридически свободной, не ограниченной действующим законодательством»¹⁹. Исходя из этого, надзаконный характер власти влечет за собой бесправие граждан, в то время как в правовом государстве конституция гарантирует населению весь комплекс публичных прав. К таким правам относятся: права свободы (свобода вероисповедания, печати, слова, собраний, неприкосновенность личности и т. п.); положительные публичные права (на образование, на судебную и социальную защиту и т. п.); политические права (право избирать и быть избранным в государственные органы власти). В основе публичных прав, отмечал Н. А. Гредескул, должен лежать принцип равноправия граждан, который является одним из «необходимых» условий прочности и силы современных государств.

Наиболее желаемой идеологам кадетизма представлялась республиканская форма правления. Как подчеркивал В. М. Гессен, республиканским строем «наиболее последовательно и стройно» осуществляется «начало обособления властей», что позволяет свести к минимуму злоупотребления и произвол власти по отношению к гражданам. Именно республика является наиболее «последовательным и полным воплощением демократических идей»²⁰.

Но при этом либеральные публицисты и теоретики права подчеркивали, что необходимо учитывать национальные, социальные и культурные особенности каждого народа в ходе проведения реформ. Ими указывалось на приверженность монархическим традициям русского народа, в глазах которого «монарх оставался живым олицетворением государственной идеи»²¹. Данное обстоятельство затрудняло установление республики, поскольку, как писал В. М. Гессен, «...респуб-

лика будет мыслиться как анархия до тех пор, пока государство мыслится как монарх»²².

Кадетские идеологи, учитывая специфику России, считали решением проблемы установление в стране конституционной монархии как переходной формы правления. Так, Ф. Ф. Кокочкин рассматривал конституционную монархию как «компромисс между началом народоправства и началом абсолютизма»²³. При этом Гессен полагал, что конституционная монархия является правовым государством, потому что, во-первых, она построена на принципах обособления властей и, во-вторых, закон здесь является «результатом совокупного действия парламента и короны»²⁴.

Парламентская монархия, как указывал Ф. Ф. Кокочкин, сводит «различия между парламентарным монархическим образом правления и республиканским к незначительному минимуму»²⁵.

В. М. Гессен одним из основных принципов парламентаризма называл право народного представительства влиять на политику правительства и определять его направление. Данное право, по его мнению, могло быть реализовано в случае зависимости исполнительной власти от законодательной, то есть при ответственности правительства перед парламентом.

Кроме того, создание ответственного перед парламентом министерства, по мнению П. Н. Милюкова, позволяет обеспечить «фактическое удаление монарха из сферы политической борьбы». В случае политических кризисов ответственность возьмет на себя партийное министерство, монарх же, как сила надполитическая, сохранит свой авторитет в глазах народа.

Идея монарха, который стоит вне политической борьбы различных партий и классов и является олицетворением государства и нации, взята российскими либералами из опыта конституционно-парламентарной монархии Англии.²⁶

Стремясь претворить свои идеи в жизнь и занимая активную гражданскую позицию, многие видные ученые-юристы участвовали в создании и деятельности политических партий в России в начале XX века, в первую очередь конституционно-демократической.

Конституционные демократы считали, что правовое государство должно видеть свои задачи и предназначение в обеспечении всего комплекса прав и свобод каждого гражданина. По их мнению, права человека как универсальная ценность, позволяющая быть ему личностью, оставаться самим собой в различных ситуациях, должны быть признаны и охраняемы государством. Отношения между личностью и государством должны

быть основаны на праве и законах, созданных на базе этого права, что предполагает равенство всех перед законом, определенные процедуры защиты прав личности, ответственность должностных лиц за нарушение прав личности.

Идеолог российского либерализма XIX века Б. Н. Чичерин подчеркивал, что права личности коренятся в самой природе человека, нравственно свободного и разумного существа: «Все достоинство человека основано на свободе; на ней зиждутся права человеческой личности... Человек – не средство для чужих целей, а сама абсолютная цель»²⁷. Кадеты внесли в либеральную идеологию и политику идеи демократизма и социального реформаторства. Российский либерализм очищался от славянофильских идей и впитывал идеи правового демократического государства, разделения власти, верховенства закона и самоценности личности. Творчески развивая идеи Б. Н. Чичерина, единственно возможным государством, в котором человеку гарантируется свобода, идеологи российской либеральной интеллигенции считают правовое государство. Они отмечают необходимость разграничения сферы деятельности личности и государства и признание суверенных неотъемлемых прав личности. Правовое государство с ограниченной и строго подзаконной государственной властью, с закрепленными

в конституции суверенными правами личности, всеобщим избирательным правом – «это высшая форма государственного бытия, – как подчеркивает Б. А. Кистяковский, – которую выработало человечество как реальный факт»²⁸. Требование осуществления неотъемлемых прав человека и гражданина признается незыблемым условием всякого политического, правового и социального прогресса. Фактически впервые в российской правовой литературе указывается, что имеется известная сфера самоопределения личности, в которую государство не имеет права вторгаться, в чем и заключается как специфика правового государства, так и необходимость его создания.

Последовательная защита либеральной интеллигенции России начала XX века общенациональных, общегосударственных интересов подводила ее к выводу о несовместимости основ правового государства со строем, зиждущимся на полном совмещении законодательной и исполнительной власти. Отстаивая идеи парламентаризма, либеральные авторы рассмотрели взаимоотношения законодательной и исполнительной ветвей власти, значение и место политических партий в общественно-политической жизни страны, политических и гражданских прав и свобод, а также необходимость их конституционных гарантий.

Примечания

- ¹ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 37.
- ² Он же. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов на/Д., 1905. С. 7.
- ³ Миллюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. Спб., 1907. С. 22.
- ⁴ Он же. Введение в курс «русской истории». Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Московского университета в 1894–95 акад. году прив.-доц. П. Н. Миллюковым. Вып. III. М., 1895. С. 81–82.
- ⁵ Он же. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 1. С. 266.
- ⁶ Гредескул Н. А. Проект закона о равноправии // Первая Государственная Дума. – Спб., 1907. В. 2. С. 113.
- ⁷ Брант А. Листья пожелтелые. Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 29.
- ⁸ Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи; Интеллигенция в России : сб.ст. 1909–1910. М., 1991. С. 236.
- ⁹ Миллюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Там же. – С. 327.
- ¹⁰ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) Т. 1. М., 1990. С. 312.
- ¹¹ Миллюков П. Н. Вторая Дума. Спб., 1908. С. 29.
- ¹² Миллюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. Спб., 1907. С. 168.
- ¹³ Кистяковский Б. А. Философия и социология права. Спб., 1998. С. 282, 441.
- ¹⁴ Там же. С. 489.
- ¹⁵ Там же. С. 344.
- ¹⁶ Гессен В. М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. Спб, 1906. В. 2. С. 11.
- ¹⁷ Гессен В.М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. Спб., 1906. В. 2. С. 27.
- ¹⁸ Он же. Теория правового государства // Политический строй современных государств, М., 1905. Т. 1. С. 145.
- ¹⁹ Он же. О правовом государстве. С. 12–13.
- ²⁰ Он же. Теория правового государства. С. 17.
- ²¹ Он же. О правовом государстве. С. 17.
- ²² Там же.
- ²³ Кокошкин Ф. Ф. Республика. (Доклад 7-му съезду партии народной свободы 25 марта 1917 г. Петроград). Пг., 1917. С. 7.
- ²⁴ Гессен В. М. Теория правового государства. С. 163.
- ²⁵ Кокошкин Ф. Ф. Республика. С. 7.
- ²⁶ Заимствование западного опыта российскими либералами начала XX века отражено в монографии Л. В. Селезневой. Селезнева В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов на/Д, 1995.
- ²⁷ Чичерин Б. Н. Философия права. Спб., 1998. С. 463.
- ²⁸ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 556.

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НИКОЛАЯ II
(1894–1914)**

Внешняя политика могла разрабатываться и осуществляться только с согласия императора. Поэтому важную роль играл внешнеполитические взгляды Николая II. В архивных фондах Николая II содержатся дипломатические документы (АВПР, ГАРФ) с его пометками и указаниями министрам и дипломатам. Он многое заимствовал у отца, заветы которого глубоко чтит, отчасти разделял мнение окружающей его придворно-аристократической и высшей военной элиты и, кроме того, находился под постоянным воздействием высокопоставленной бюрократии, своих министров. При всем том Николаю II было свойственно стремление ни на кого полностью не полагаться и стараться найти в важных вопросах собственное мнение.

Важной чертой сознания царя является своеобразный патриотизм с великодержавным акцентом. «Я имею всегда одну цель перед собой: благо родины, – писал он Столыпину, – перед этим меркнут в моих глазах чувства отдельных личностей»¹. Его представление о мировой значимости России было весьма высоким: «Россия – не страна, а часть света». Вместе с тем в восприятии Николая II Россия ассоциировалась с государством, а последнее – с его самодержавной властью.

Царь был глубоко религиозным и верил, что его личные действия, как и общий ход событий, направлялись Промыслом Божиим. Отсюда его оптимизм и уверенность в правильности своих решений, не исключавшие порой мучительных поисков и колебаний при выборе путей и методов. Отсюда же и известный фатализм, готовность примириться с обстоятельствами.

Николай II унаследовал от отца склонность к осторожной политике в Европе. Это не исключало необходимости твердо противостоять покушениям на жизненные интересы России, опасность которых исходила от Германии и Австро-Венгрии. Главную опору видел в союзе с Францией. Более того, Николай II стремился войти в историю в образе миротворца, подобно Александру III, став инициатором I Гаагской мирной конференции. По-иному относился царь к политике в сопредельных странах Азии, где легко допускал при отстаивании русских интересов применение силы или угрозу применения силы. Как и Александр III, он уделял большое внимание азиатским пределам империи, видя в них развитие страны. Заметное влияние на молодого царя оказали издатель

«Московских ведомостей», востоковед князь Э. Э. Ухтомский и издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский. В ранний период правления у царя были широкие аннексионистские замыслы в Азии.

Особый интерес молодого царя к Дальнему Востоку был связан с комитетом по строительству железной дороги, во главе которой он был поставлен Александром III. В активной внешней политике на Дальнем Востоке он усматривал реальную возможность укрепить могущество империи и снискать себе полную славу. Такая позиция Николая объясняется и слабой осведомленностью в международных отношениях в первые годы правления, поэтому он был «смел» в поисках внешнеполитических целей. Великодержавие и молодое честолюбие царя беспокоили некоторых царских министров. Военный министр генерал Ванновский составил впечатление о Николае как о человеке «воинственном и самонадеянном». Сменивший Ванновского на этом посту генерал Куропаткин с тревогой обсуждал с Витте честолюбивые замыслы царя, «традиционные планы»: «...взять для России Маньчжурию, идти к присоединению Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы». Не находя поддержки у политиков-профессионалов и испытывая «принципиальное недоверие» к министрам, царь обратился к своим единомышленникам.

Устойчивость великодержавных амбиций Николая II не была поколеблена даже после провала этого курса, поражений русской армии в Маньчжурии и уничтожения порт-артурской эскадры. Все еще не сомневаясь в победе над Японией, царь уже после начала революции в России в Манифесте от 18 февраля 1905 года подтверждал свои завоевательные планы установления «господства на водах Тихого океана»². Этот документ в корне противоречил политической линии графа В. Н. Ламздорфа, опасавшегося, что чрезмерные требования приведут к дипломатическому поражению России, против которой объединяются великие державы, как это было во время Берлинского конгресса³. Только цусимская катастрофа охладила его пыл.

Николай II не разделял увлечений панславизмом, но считал необходимым отстаивать и укреплять позиции России на Балканах. Большое значение придавал черноморским проливам. Он допускал различные решения – от полной или частичной аннексии до благоприятного для России изменения режима. Минимальная задача состояла в сохранении статус-кво, контроль над проливами ни в коем случае не должен был перейти из турецких в иные, более сильные руки.

Как и Александр III, Николай в зрелом возрасте не очень доверял Берлину, винил Германию в поддержке австрийской экспансии

на Балканах, считал, что она слишком сильно связала себя с политикой Вены, которая может привести к большой войне. Серьезным уроком стал для царя Боснийский кризис. Николай II видел нарастание русско-германских противоречий на Среднем Востоке. Назначение главнокомандующим турецкой армии Лимана фон Сандерса он расценил как непосредственную угрозу русским интересам в проливах и готов был начать войну. Вместе с тем социальные и монархические симпатии Николая II, как и его придворного окружения, тяготели все же к Германии, в которой император видел надежного партнера в борьбе с возможной революцией.

Николай II с трудом изживал отношение к Англии как традиционному противнику России. Все же в последние годы перед войной он не только санкционировал сближение с ней, но и предлагал союз.

В целом взгляды Николая II существенно не расходились с программой его министров, что позволяло проводить ее в жизнь. В рассматриваемый период царь не инициировал каких-либо поворотов курса или важных политических акций.

Примечания

¹ Красный архив. 1924. Т. 5. С. 115.

² Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 90, 153.

³ Красный архив. 1922. Т. 3. С. 75–76.

А. Н. Савинова

КОРОЛЬ-ФИЛОСОФ О РОССИИ И ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

В эпоху Просвещения для государей, втянутых в орбиту европейской политики, пожалуй, как никогда ранее становится важным политический «имидж» монарха-философа. Под влиянием этой политической моды между властителями начинается своеобразное соперничество за право быть в ряду выдающихся просвещенных политиков. И более прочих основания называться королем-философом имел прусский король Фридрих II, писатель и просветитель. Этот известный монарх имел подражателей самого высокого ранга, наиболее сильные симпатии к образу его правления испытывали самые непопулярные и несчастливые представители дома Романовых – императоры Петр III и Павел I.

Отношения России и Пруссии за 46 лет правления Фридриха II Гогенцоллерна переживали разные времена. От настороженности и открытой вражды маятник русско-пруских связей склонялся в сторону союзничества и партнерства. Полярность периодов отношений двух стран не отменяла непреходящую стратегическую важность для Фридриха отношений с молодой империей. «Из всех соседей, – писал король в «Истории моего времени» (1775), – Российская империя, как самая опаснейшая, наиболее заслуживает внимание: она сильна и близка»¹.

Во многом характер представлений короля объясним источниками о России. Не побывав в России сам, он более всего доверял прусским посланникам, побывавшим в далекой Московии, среди которых и брат короля принц Генрих, дважды посетивший Россию с дипломатическими миссиями. В этой связи нетрудно увидеть придиричивый взгляд европейца в суждениях короля о России, ее истории, правителях и народе. Мнение Фридриха о чуждой ему культуре и цивилизации покоилось на двух основаниях: во-первых, он никогда не относил Россию к европейским государствам, а во-вторых, согласно распространенной среди западных мыслителей XVIII в. периодизации человеческой истории, выделявшей три ступени в развитии общества и государства (дикость, варварство, цивилизация), Россия находилось, по убеждению просвещенного короля, в варварском состоянии, а ее история начиналась с правления Петра I, именно с того момента, когда она начала свое вхождение в европейскую политику.

Придерживаясь подобного взгляда на Россию, прусский король не мог претендовать на оригинальность суждений. Все же нельзя не отметить несколько любопытных сюжетов, связанных с восприятием просвещенного короля загадочной для европейца страны и ее народа. В немалой степени своеобразие части его размышлений о России является следствием его достаточной независимости от развития внутрироссийской ситуации, свободой от государственных доктрин русского самодержавия и стремления многих царствующих участников дворцовых переворотов 30–50-х гг. XVIII в. легитимировать свой приход к власти. Особое место в видении короля занимают характеристики российских монархов и их окружения.

Личности русских самодержцев занимали центральное место в системе взглядов короля. Как и для многих европейцев того времени, история России для Фридриха II начиналась примерно с правления Ивана IV. Первым из Романовых начало европеизации России положил Петр I: «Труды Петра Первого, для благоустроения сего народа, действовали на него так, как крепкая водка действует на железо. Он (Петр)

был крупным законодателем и основателем этой Империи, он создал воинов и министров, он построил город Санкт-Петербург, основал значительную морскую силу и все для того, чтобы Европа почитала его народ и чрезвычайные его дарования»².

Признавая положительное значение петровских реформ для российского государства, Фридрих был уверен: Россия – страна «полуазиатская» и до Европы ей далеко. В самом царе-реформаторе слишком много было «русского и варварского» (что для Фридриха звучало практически синонимично), чтобы тот мог претендовать на звание просвещенного монарха. Фридрих II был далек от идеализации личности Петра и его реформ. В «Истории Бранденбургской» король подчеркивает насильственный и поверхностный характер преобразований в России первой четверти XVIII в.: «Хотя Петр I и остриг бороды своим россиянам, поправил их в вере, одел некоторых из них по-французски и научил их языкам, но со всем тем будут еще долго отличать россиян от французов, итальянцев и других европейских народов»³. Довершали дело европейской модернизации России уже преемники Петра.

Иной, в сравнении с распространенной оценкой царствования Анны Иоанновны как мрачного периода русской истории, выглядит характеристика личности и правления этой царицы. Указывая на положительные стороны внешней и внутренней политики, Фридрих ставил в заслугу Анне «покровительство наукам», «щедрость в своих награждениях, строгость в своих наказаниях, благотворительность и роскошь без излишества»⁴. Положительные результаты правления Анны Иоанновны Фридрих во многом объясняет привлечением к делам государственным «мужей, которые России могли быть полезны». Среди выдающихся государственных деятелей Российской империи эпохи Анны Иоанновны Фридрих выделял «искусного кормчего» графа А. И. Остермана, графа Р. Левенвольде и М. Г. Головкина. Заслуживает внимания также характеристика фельдмаршала Миниха, который, как считал король, «имел добродетели и погрешности великого полководца»⁵.

Политическая нестабильность русского двора после смерти Петра I была известна в Европе. В 1752 г. король выдвинул справедливое предположение о продолжении в Петербурге «самых странных переворотов». Виной тому является «скверное правление Елизаветы Петровны», из-за которого Россия будет проигрывать новые военные компании. В политике Елизаветы он отказывался видеть преемственность с преобразованиями ее выдающегося отца. Во внутренней политике «эта сладострастная женщина (Елизавета) неудачно усиливает власть духовенства, освобождая его от всех налогов, которые установил Петр I, расстраивает

финансы неумелым управлением и своими расходами, разлагает армию отсутствием дисциплины...» Осудил он Елизавету и за псевдопатриотизм в военной политике – отставку иностранных офицеров. Нелестным образом охарактеризовал Фридрих и наследника императрицы пруссофила Петра Федоровича – как безумного человека без потомства, ненавидимого русскими. В России, без сомнения, произойдет переворот, подытоживал король, «будь то при жизни царицы, будь то после ее смерти». Сценарий возможного переворота в России, созревший у короля, был далек от реальности. Свергнутый Иван Антонович и его приверженцы прогонят голштинского принца с престола, а претенденты, возможно, поделят огромную империю. Приход «русской партии» во главе с юным Иваном означает окончание европеизации в России. Это будет правление «варвара», воспитанного в русском монастыре. Фридрих, по существу, надеялся, что гигантская Российская империя распадется вследствие династической борьбы и междоусобиц. «Гражданские войны в России и раздел этой империи, – писал он, – вот что было бы самым благоприятным для Пруссии и всех северных стран»⁶. Таким образом, к середине XVIII в. положение российской правящей династии было оценено как крайне неустойчивое, в любой момент грозившее разразиться политическим кризисом.

Несмотря на участие России в Семилетней войне против Пруссии, Фридрих II не считал все же ее своим подлинным противником. «Между ней и Пруссией нет спорных вопросов. Только случай делает ее нашим врагом, – рассуждал он, – политика России направлена на то, чтобы сохранить за собой решающее превосходство в Польше, поддерживать отношения с Австрией, чтобы с ее помощью гарантировать себя от неожиданного нападения турок, и сохранять максимум влияния в северных государствах»⁷.

Благосклонность Российской империи была жизненно необходима для успешного проведения внешнеполитической линии Пруссии. Фридрих, осознававший эту необходимость, как никто другой, стремился к укреплению междинастических связей России и Пруссии. Наиболее показательна в этом отношении роль, сыгранная прусским монархом при выборе супруги для великого князя Петра. Признательность Екатерины Фридриху за содействие в заключении выгодного брака видна из ранних материалов частной переписки, в которой она состояла с прусским королем вплоть до его кончины. Долгое время в историографии преувеличивалось влияние просвещенного короля Пруссии на взгляды и характер правления Екатерины II. Став императрицей, Екатерина устанавливает отношения с прусским

двором и с самим Фридрихом не только на основе паритета, но и позволяет себе диктовать свою политическую волю умудренному политическим опытом прусскому монарху, что крайне болезненно воспринималось ее прежним наставником.

Известно, что Екатерина, настроенная на реформирование российского государства в духе идей Просвещения, отсылала королю свой «Наказ» с просьбой высказать замечания к проекту. Будучи умным человеком, но не посвященным во все тонкости российских порядков, Фридрих дал совет в духе собственного утверждения о том, что «дурные законы в хороших руках исполнителей хороши, а самые лучшие в руках дурных исполнителей вредны». «Я поставил себя на ваше место, – вежливо советовал король, – и, прежде всего, уразумел, что каждая страна требует особых рассмотрений... я должен откровенно сказать вам: именно, государыня, прекрасные законы, составленные по правилам, начертанным вами, нуждаются в законооведах, чтобы быть приведенными в исполнение в вашем обширном государстве, вам остается совершить еще одно – это основать академию прав, чтобы образовать там людей, предназначенных на судейские места»⁸.

Доверительная переписка между двумя монархами изобилует взаимными признаниями в дружбе и понимании. Пожалуй, в комплиментах прусский король превосходил даже русскую императрицу. Возвышенные заверения прусского короля о признании России в лице Екатерины «арбитром Севера» являлись лишь частью искусной дипломатии Фридриха; они не должны отвлекать нас от сути личной переписки двух монархов, состоявшей в обмене мнениями по важнейшим внешнеполитическим вопросам и в поддержании общих интересов Берлина и Петербурга. Примечательно, что король не связывает честолюбие молодой империи с личной дипломатией Екатерины II, преимущественно исходя из общетеоретических соображений объективного характера. Фридрих, как обоснованно отметил Х. Духхардт, в целом не дал всесторонней оценки политики Екатерины II. В тестamente 1768 г. он сосредоточил внимание на придворных интригах, ее фаворитах и любовниках, осудил ее за убийство мужа⁹.

Во втором завещании, составленном под воздействием тяжелого опыта Семилетней войны, Фридрих отделяет великие державы от государств второго и третьего разряда. При этом, называя среди великих держав, наряду с Англией и Францией, также Австрию и Россию, он уже не причисляет к ним Пруссию, Голландию и Испанию. Он отмечал, что Россия, имея за плечами войну, в которой сыграла решающую роль, является теперь крупнейшей империей мира, и речь

идет не только о территории, но, в первую очередь, о растущей численности населения. По мере роста населения Россия должна стать «самой опасной державой для Европы, если со временем приведет часть своих невозделанных земель в культурное состояние». И хотя цивилизаторская миссия Романовых застопорилась при петровских преемниках, все же неприступность границ России «внушает ей большую гордость и отвагу», а вечный раздор Пруссии с австрийским домом мешает заключению «честного союза во имя совместного противодействия предприятиям этого народа». Россия, по мнению Фридриха, воспользовалась этими ошибками: «Благодаря нашей слабости она сильна и таким образом притязает на силу и могущество, которым впоследствии лишь с трудом можно будет представить пределы»¹⁰. Очевидно, что его страх перед наводнением Европы бесчисленными нерегулярными «полчищами» русских войск, за которым последует гибель европейской цивилизации, хотя и не подтвердился в ходе Семилетней войны, оформился в постоянную константу его отношения к России – фобию перед динамичным развитием империи. Этот страх, скорее, не отражал существующее положение вещей, а был направлен в будущее.

Примечания

¹ Friedrich der Grosse. Geschichte meiner Zeit // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd II. Berlin : Verlag von Heimar Robbing, 1912. S. 87.

² Там же. S. 70–72.

³ Фридрих II. История Бранденбургская с тремя рассуждениями о нравах, обычаях и успехах человеческого разума, о суеверии и законах, о причинах установления и уничтожения законов. Сочинение. Ч. 1–4 / пер. с фр. А. А. Вольтером. М., 1770. С. 184.

⁴ Friedrich der Grosse. Geschichte meiner Zeit // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd II. Berlin : Verlag von Heimar Robbing, 1912. S. 86.

⁵ Friedrich der Grosse. Geschichte meiner Zeit // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd II. Berlin : Verlag von Heimar Robbing, 1912. S. 87–89.

⁶ Friedrich der Grosse. Das Politische Testament von 1752 // Ausgewahlte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. B-de XXII. Osnabruck, 1996. S. 232, 234.

⁷ Friedrich der Grosse. Das Politische Testament von 1752 // Ausgewahlte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. B-de XXII. Osnabruck, 1996. S. 208.

⁸ Переписка между Екатериной II и Фридрихом II / Сборник Императорского Русского исторического общества. Спб., 1877. Т. 20. С. 130.

⁹ Духхард Х. Россия в представлении Фридриха Великого // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 136.

¹⁰ Die politischen Testamente der Hohenzollern, bearb. von Richard Dietrich. Koln [u.a.]: Bohlau, 1986. S. 198–199, 203, 210.

**КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА II
АЛЕКСАНДРОВИЧА РОМАНОВА**

Классическая экономическая теория рассматривается как теоретическая предпосылка крестьянской реформы российского императора Александра II Николаевича Романова (1818–1881 – годы жизни, император с 1855 г.). Император Александр II, как реформатор-идеолог и реформатор-исполнитель, вставал на позиции либерального меньшинства при обсуждении главных вопросов крестьянской реформы в Государственном совете. Однако он твердо отстаивал домострой и самодержавие как главные институциональные основы русской цивилизации.

Домостроительство императора Александра II – традиционные и либеральные в русском понимании черты. Идеи экономического либерализма (от лат. *liberalis* – свободный) – это совокупность взглядов на функционирование капиталистического хозяйства и принципов экономической политики, которые отвергают необходимость вмешательства государства в экономическую жизнь (принцип *laissez faire*) и разрушают государственную экономику (как показал наш анализ, государственная экономика в Российской империи берет начало со времен императора Петра I). Они наиболее последовательно и всесторонне были разработаны английской классической буржуазной политической экономией (А. Смит, Д. Риккардо и др.). Именно классическая экономическая теория (английская буржуазная классическая политическая экономия) заложила западные основы экономического либерализма и провозгласила «космополитический подход» по Листу, отход от национальных интересов, определила модель экономического человека, «невидимую руку» рынка, рост материального богатства народов как цель производства, принцип индивидуализма, экономический материализм, экономический детерминизм, не учитывающий нравственных факторов, партикуляризм, абстрагирующий от патерналистской роли государства и др. Активное распространение идей классической экономической теории, в частности работы А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», осуществлялось в Российской империи в начале XIX в. Последователи классической экономической теории А. Смита, принципа либерализма в Российской империи были прежде всего и в первой, и во второй половине XIX в. среди интеллигенции. Однако либеральные институционально-экономические идеи стали только одной из теоретических и идеологических предпосылок экономических реформ, в том числе и крестьянской реформы 1861 г.

Объективными предпосылками крестьянской реформы 1861 г. были, прежде всего, дальнейший рост капиталистического уклада, начавшийся еще в ходе петровских институционально-экономических преобразований, необходимость индустриальной модернизации экономики, кризис крепостничества (более 20 млн крепостных крестьян, или примерно 35–40 % подданных Российской империи). Крепостничество, пришедшее в Россию с Запада через Польшу, когда у крестьян сложились черты национального характера (самостоятельность и инициатива в рамках традиций и обычаев трудовой демократии, самоуправления, а также институты общины и артели), играло и негативную, и позитивную роль. Крепостничество на протяжении многих веков оставалось сложнейшим, требующим целостного исследования институтом, уберегавшим крестьян от принятия других норм (правил) хозяйствования, отличных от домостроительных. Крепостничество воспитало русского человека в верном служении царю и Отечеству. Крепостничество сыграло позитивную, созидательную функцию при строительстве экономики Российской империи – государственной экономики – дома хозяйства государя (например, императора Петра I). Другой причиной экономических реформ 60-х – 70-х гг. XIX в. в Российской империи был почти вековой опыт «русского либерализма»¹ (с 60-х гг. XVIII в.), ответ на вызовы западного либерализма². Третья причина заключалась в том, что экономика русской цивилизации существенно отставала от ряда промышленно развитых западноевропейских экономик по основным макроэкономическим показателям. Домострой нуждался в модернизации, в создании индустриального ядра экономики на основе научно-технических новаций.

Экономика русской цивилизации, не похожая ни на западную, ни на восточную, россиецентристская, т. е. «самобытная», оставалась такой на протяжении II этапа в определении институтов и производственных отношений. В России укоренилось учение из Византии о симфонии властей, взаимосвязи, партнерства государства и церкви, а также царя и народа еще со времен Москвы – Третьего Рима. Император Николай I институализировал государственную доктрину, основанную на православии, самодержавии и народности. Император Александр II не отходил от этой государственной доктрины. Однако идеалом лидера русского либерализма Николая Алексеевича Милютина было просвещенное, управляемое профессионалами государство, ограниченная монархия, уже не самодержавие, которое заботится о процветании всех своих подданных. Вместе с политической идеологической борьбой традиционных и либеральных доктрин идет конкретная идеологическая борьба

против крепостничества. Это все находит отражение в трудах по русской экономической мысли 30-х – 60-х гг. XIX в.

Предреформенная экономическая мысль в России была представлена прежде всего тремя противоборствовавшими течениями среди русского дворянства: «реакционно-консервативным», «патриархально-самодержавным» по П. С. Лемешенко (Е. Ф. Канкрин, Н. М. Карамзин и др.), т. е. традиционным в рамках домостроя – КНМХСР, либеральным дворянством (М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов и др.), революционным дворянством (П. И. Пестель, Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и др.)³.

Консервативное дворянство в лице российского государственного деятеля, министра финансов 1823–1844 гг., графа Е. Ф. Канкрин (1774–1845) и писателя, историка, идеолога дворянства Н. М. Карамзина (1766–1826) выступало за неприкосновенность экономической основы существования дворянства, его политического господства, против ущемления дворянских прав.

Против крепостничества выступали дворянские либералы. Движение либеральных дворян особенно усилилось в 30-е – 40-е гг. XIX в. Либеральные дворяне провозгласили частичные реформы, критиковали крепостничество как систему, требовали отмены личной крепостной зависимости крестьян. Русский государственный деятель, граф М. М. Сперанский (1772–1839) – автор плана либеральных преобразований российской экономики, инициатор создания Государственного совета (1810). Другой русский государственный деятель, адмирал, президент Вольного императорского экономического общества (1823–1840), граф Н. С. Мордвинов (1754–1845) выступил сторонником безземельного освобождения крестьян за выкуп. Экономическая программа либерального дворянства была разработана группой экономистов во главе с русским государственным деятелем А. П. Заблоцким-Десятовским (1808–1881/82). Он отмечал, что крепостной труд менее производителен, чем вольнонаемный, крепостничество препятствует повышению производительности труда, развитию промышленности и торговли. Представители дворянского либерализма в своей экономической программе отмечали необходимость государственной поддержки нарождавшейся российской буржуазии. М. М. Сперанский уделял много внимания проблемам развития промышленности, также денежного обращения, финансов и государственного бюджета, кредита, налогового обложения и др. Н. С. Мордвинов в своей работе «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1815) выступал за развитие промышленности, а также за политику протекционизма, содействие разделению труда в национальной экономике.

Таким образом, выразители и представители либерального дворянства видели будущее России в развитии отечественной промышленности, в частичной или полной реформе крепостничества.

В 30-е гг. XIX в. либеральное дворянство распалось на славянофилов и западников. Общим между западниками и славянофилами было то, что оба эти течения считали более производительным наемный труд по сравнению с крепостным, а также невозможным дальнейшее сохранение института крепостничества в России. Водоразделом между ними было отношение к экономике русской цивилизации – домострою (с ее национальным экономическим мышлением, традициями, институтами, культурой и др.), западноевропейскому опыту хозяйствования, развитию капитализма в России.

Славянофилы (А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, братья И. С. и К. С. Аксаковы, братья И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев и др.) выступали прежде всего за сохранение общины как традиционного института экономики русской цивилизации. Идея «самобытности» экономического развития России является центральной в воззрениях славянофилов, как и народничества. По оценке В. И. Ленина, одной из характерных черт явилось «признание самобытности русского экономического строя (домостроя. – *авт.*) вообще и крестьянина и его общины, артели и т. п. в частности»⁴.

Западники (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин и др.) отмечали, что община – помеха развитию капитализма в России, считали возможным повторение в России западного опыта и потому использовали западноевропейские теории, прежде всего классическую экономическую теорию. Б. Н. Чичерин (1828–1904) – основоположник «государственной школы» в русской историографии, сторонник конституционной монархии. К. Д. Кавелин (1818–1885) – один из идеологов западничества – выступал за отмену крепостного права, ликвидацию личной зависимости крестьян путем выкупа, наделения крестьян землей, сохранение крупной помещичьей поземельной собственности. Он выступал против революций, за эволюционный путь развития. Во взглядах К. Д. Кавелина произошла эволюция в отношении использования западных буржуазных отношений в России. К. Д. Кавелин, отошедший от западничества, вошел в историю как сторонник умеренных буржуазных преобразований при сохранении неограниченной монархии и помещичьего землевладения.

Революционное дворянство выдвинуло программу радикальных изменений хозяйственного и политического строя, т. е. против домостроительства и самодержавия. Декабристы выступали за свержение самодержавия – основы русской цивилизации, за развитие промышленности,

торговли, финансов, за преобразование налоговой и денежной систем, государственного кредита. «Русская правда» (здесь есть лишь формальное сходство с «Русской Правдой XI–XIII вв. Ярослава Мудрого и Его сыновей Ярославичей») П. И. Пестеля (1793–1826) сформулирована как «наказ» будущему Временному правительству.

Представители торгово-промышленных кругов (Н. А. Полевой, И. Вавилов, В. Боткин) высказывались за равенство прав буржуазии и дворянства, а не за ликвидацию крепостного права. Они были также против дворянской монополии на землю.

К либеральному дворянству примыкали буржуазные либералы, защищавшие капиталистический путь развития России. Представителями буржуазного либерализма являются И. В. Вернадский (1821–1884) и И. К. Бабст (1823–1881). Профессор Киевского и Московского университетов, издатель и редактор журнала «Экономический указатель» (1857–1861) И. В. Вернадский считал «естественными законами производства» законы буржуазного хозяйствования. Он защищал капиталистический строй с его общественным разделением труда, которое является, по его мнению, основным условием для эффективного развития производства, в том числе и машинного. Машинное производство сопровождается расширением рынка. Одновременно И. В. Вернадский отрицал крупную земельную собственность. Он считал труд «главным и единственным источником богатства». Однако до реформы 1861 г. главной темой научных работ И. В. Вернадского была критика крепостного строя, а после ее реализации – защита капиталистического способа производства. Этот русский экономист оставил труды по политической экономии, истории экономической мысли, статистике и таможенно-тарифной политике, в частности «Очерки истории политической экономии» (1858).

Другим представителем буржуазного либерализма в России был профессор Казанского и Московского университетов И. К. Бабст. Этот отечественный экономист и историк посвятил свои основные труды политической экономии и статистике. В речи «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» (1856) он выступил против крепостнической идеологии и дворянства. Политическим идеалом И. К. Бабста является буржуазно-помещичья монархия. И. К. Бабст обосновал программу будущих реформ в России следующим образом: отмена крепостного права; полная безопасность труда и собственности; производительное использование капитала; полная свобода развития промышленности и торговли, отмена феодальных ограничений, препятствующих их развитию; проведение новой политики в области финансов, кредита (создание разветвленной сети кредитных учреждений,

содействующих развитию торговли и промышленности); строительство железных дорог; передача казенных промышленных предприятий в частную собственность; широкое распространение просвещения и образования; соответствующее соотношение между производительным и непроизводительным населением.

Отдельные положения экономической программы И. К. Бабста, например в области промышленности, имели прогрессивный характер для предреформенной Отчины. Отдельные положения, в частности по проблеме безопасности и приватизации, звучат актуально и сегодня. Однако буржуазно-либеральная программа И. К. Бабста не содержала конкретных механизмов решения проблемы отмены крепостничества, крестьянского вопроса, помещичьей собственности. Она не основывалась на институциональных принципах домостроя.

Предреформенная экономическая мысль была представлена и революционными демократами. В. Г. Белинский (1811–1848), М. В. Петрашевский (1821–1866) выступали за демократизацию общественного строя, против самодержавия, за освобождение крестьян с землей⁵.

Итак, за влияние на императора Александра II, политиков, экономистов, студентов боролись представители вышеперечисленных направлений предреформенной российской экономической мысли. Император Александр II в рамках домостроя и самодержавия решал проблему институциональной модернизации Российской империи. Это главная проблема. Пути решения были различны. Однако император Александр II понимал, что развитие промышленности в России пойдет по капиталистическому пути с его «капиталистическим духом» и иными принципами хозяйствования. Основная борьба в Государственном совете, редакционных комиссиях была между либералами и консерваторами.

19 февраля 1861 г. император Александр II подписал «Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Этот документ содержал институциональную основу освобождения крепостных крестьян. 1 марта 1861 г. был объявлен Манифест о крестьянской реформе. Митрополит Филарет (Дроздов) – автор текста Высочайшего Указа Александра II об освобождении крестьян. Император Александр II 19 февраля 1861 г. произнес: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного». В соответствии с Манифестом 1861 г. русские крестьяне получали юридическую свободу.

Содержание Положения 1861 г. было следующим: крепостные *крестьяне становились юридически свободными без выкупа*; освобожденные

крестьяне становились *экономически временнообязанными*, так как получали от помещика надел, за который продолжали отрабатывать оброк или барщину; освобожденные крестьяне могли *выкупить* не только свою *усадебную*, но и *полевую землю (надел)* по *взаимному соглашению с помещиком*, используя казенную ссуду; осуществив выкуп, крестьяне прекращали быть временнообязанными, и заканчивался вотчинный надзор помещика над крестьянами; все *производственные отношения* между крестьянами и помещиком *регулировались общиной*, которая, например, коллективно оплачивала выкупную ссуду государству в течение 49 лет; освобожденные *крестьяне продолжали оставаться в общине*, получили определенное *самоуправление* и вместе несли *повинности перед государством*.

Положение 1861 г. было подкреплено конкретным механизмом его реализации. Освобождение крестьян осуществлялось следующим образом: временнообязанное состояние крестьян перерастало в промежуточное (переход за выкуп) и, наконец, появление наряду с помещичьими хозяйствами домохозяйств освобожденных сельских крестьян-собственников. Реформа сохранила четыре института экономики русской цивилизации: общину, надел, помещика и крестьянские повинности.

Главным результатом крестьянской реформы 1861 г., идеологически подготовленной, стала отмена почти четырехвекового института крепостничества в России. *На смену западному институту крепостничества* пришел с Запада либерализм, политический и экономический, – в Российскую империю пришел капитализм. Стала развиваться рыночная экономика наряду с промышленностью, либерализм стал активно вытеснять государственную доктрину, основанную на православии, самодержавии и народности.

Действительно, Крестьянская реформа 1861 г. положила начало стадии экономического подъема в Российской империи. За период с 1861 по 1913 г. имел место экономический рост промышленного производства примерно в 10–12 раз; наблюдался рост сельскохозяйственного производства, его товарности, а также увеличение численности населения России. Таким образом, очевидны материальные достижения институциональных преобразований 1861 г. Отрицательным моментом явилось снижение благосостояния населения, главным образом крестьянства, резкая дифференциация в доходах, капитализм стал подрывать институциональные основы Государства Российского – домострой и самодержавие, естественные традиционные институциональные принципы. «Капиталистический дух» (по Зомбарту и Веберу) стал вытеснять православие. Традиции и естествен-

ная модернизация экономики русской цивилизации «пропитываются» иным, «капиталистическим духом», где главное – прибыль.

Примечания

¹ См.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России 1762–1914. М. : Русский путь : Полиграфресурсы, 1995; Опыт русского либерализма. Антология. М. : КАМОН, 1997.

² Классический лозунг западного либерализма – BEATI POSSIDENTES: блаженны имеющие, обладающие. Западный «либерализм добивается устранения всех ограничений частной инициативе и частному предпринимательству, ведущим к приобретению имущества». См.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. М. : Русский путь : Полиграфресурсы, 1995. С. 4.

³ *Орешкин В. В.* Русская экономическая мысль // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / гл. ред. А. М. Румянцев. М. : Сов. энциклопедия. Т. 3. 1979. С. 514.

⁴ См.: *Суворова М. И.* Гл. 16. Революционное народничество в России; Гл. 17. Экономические иллюзии либерального народничества // История экономической мысли. Курс лекций. Ч. II / под. ред. Ф. Я. Полянского. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1964. С. 413.

⁵ См.: *Орешкин В. В.* Русская экономическая мысль // Экономическая энциклопедия. Политическая Экономия / гл. ред. А. М. Румянцев. М. : Сов. энциклопедия, 1979. Т. 3. С. 514–516.

Г. Н. Четверухин

**МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРИНЦА П. Г. ОЛЬДЕНБУРГСКОГО В ПРАВЛЕНИЕ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
(1870 – НАЧАЛО 1880-Х ГОДОВ)**

Принцы Ольденбургские стали играть заметную роль в истории России со времени правления императора Петра III. Занимая высшие должности при дворе, в гражданском управлении и армии, в XIX в. представители рода состоялись на ниве попечительства и благотворительности в области образования, культуры и здравоохранения¹. С именем принца Петра Георгиевича Ольденбургского (1812–1881) связана и история становления и развития миротворчества в России. Эта сторона жизни П. Г. Ольденбургского является до настоящего момента наименее освещенной исследователями. Ряд дореволюционных авторов основной акцент делали на заслугах принца в области попечения учебных

© Г. Н. Четверухин, 2008

и медицинских заведений². Официальные биографии П. Г. Ольденбургского давали более полную картину его миротворческой деятельности. В работах Ю. Р. Шрейера, И. Г. Щегловитова, А. Папкина приводятся не лишённые идеализации характеристики П. Г. Ольденбургского как «горячего сторонника миролюбия»³, «гуманные побуждения и напряжённые усилия которого, на пользу общего благоденствия и международного мира, стяжали ему почетную известность не только в России, но и за границей»⁴. В советской историографии имя П. Г. Ольденбургского вовсе не упоминалось в контексте развития российского миротворчества второй половины XIX в.⁵. Внимание к личности принца вновь возникает у исследователей в начале 1990-х гг. на фоне растущего интереса к истории российского движения за мир конца XIX – начала XX вв.⁶ Содержательно данные работы не выходят за рамки дореволюционных исследований. Между тем важно очертить те исторические условия, в которых развивалась миротворческая деятельность П. Г. Ольденбургского. Требуется уточнения вопрос о роли принца в деле создания «Русского общества международного права». Инициативу в этом вопросе, в этой первой попытке организационного оформления российского миротворчества, авторы приведенных работ единодушно отдают П. Г. Ольденбургскому. Это несколько не соотносится между миротворческими взглядами самого принца и теми целями, которые были прописаны в уставе общества. В литературе также не прослеживается судьба самого общества, отношение его членов к участию в нём.

Истоки миротворческих взглядов П. Г. Ольденбургского, по-видимому, кроются в его военной службе. Телесные наказания, применяемые в русской армии того времени, по словам государственного секретаря А. А. Половцева, произвели на принца такое впечатление, что в 1834 г. он подал в отставку и перешел на гражданскую службу⁷. Напряжённая международная обстановка 1870-х гг. способствовала развитию миротворческих настроений П. Г. Ольденбургского. В декабре 1871 г., уже после окончания Франко-прусской войны, он обратился к президенту Франции Л. Тьеру с эмоциональным посланием. Этот документ даёт нам представление о миротворческих взглядах принца. Вся миротворческая аргументация сводилась, преимущественно, к социально-политическим доводам. «Все нации вооружены с ног до головы, армии поглощают значительные части бюджетов, тюрьмы переполнены, преступления и проституция усиливаются, пролетариат пребывает в невежестве и нищете, благодаря недостатку начального образования, и угрожает обществу совершенным переворотом...»⁸ – отмечается в послании. Указание на взаимосвязь

размера военного бюджета и внутривнутриполитической ситуации прослеживается по тексту всего послания. В итоге автор подходит к идее о необходимости уничтожения войны. «Необходимо предупредить новые катастрофы, чтобы не идти на встречу будущего, исполненного бедствия. Необходим выбор между раем и адом»⁹, – эмоционально пишет П. Г. Ольденбургский. Предвидя, что его идеи могут назвать «утопией», «химерой», принц намечает и практическую программу: созвать международный конгресс, «чтобы обсудить вопрос о всеобщем разоружении и о численности армии...»¹⁰.

Указания на опасность развития революционных настроений как следствие развития системы вооруженного мира содержались и в другом послании П. Г. Ольденбургского – меморандуме уполномоченным на Берлинском конгрессе 1878 г. Данный документ в значительной степени дословно повторяет письмо Л. Тьеру. Одновременно меморандум дает нам представление об эволюции миротворчества П. Г. Ольденбургского. Если раньше наблюдалось смешение религиозной и социально-политической аргументации, то теперь на первый план в качестве факторов мира выходит революционное движение. «Неужели суждено нам стать жертвой дикой ассоциации, именуемой интернационалкою, и которая путем преступлений пытается поколебать основы общества, ниспровергнуть престолы, правительства и уничтожить религию?»¹¹ – задается вопросом П. Г. Ольденбургский. Часть вины в развитии такой ситуации возлагается и на внешнюю политику европейских государств. По мнению П. Г. Ольденбургского, существующая система вооруженного мира должна быть реформирована, «каждое правительство должно располагать почтенной военной силой, сообразно со своим положением политическим, географическим и с преданиями своей истории...»¹².

Таким образом, нарастание революционных настроений в последние годы правления императора Александра II, по-видимому, оказало настолько сильное влияние на миротворческие идеи П. Г. Ольденбургского, что полностью заслонило все прочие факторы мира. На этом фоне в России делается первая попытка организационного оформления миротворцев: в 1880 г. в Санкт-Петербурге основывается «Русское общество международного права».

«Общество международного права, – сообщал журнал “Вестник права”, – открылось в субботу, 31 мая во дворце его императорского высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского... присутствовали председатель комитета министров, граф Валуев, тайные советники Победоносцев, Гирс и Титов, барон Жомини и другие сановники»¹³.

При открытии общества барон А. Г. Жомини обозначил причины создания такой организации: «Существуют разные общества, в которых высокоуважаемые лица, сведущие в науке международного права... обсуждают вопросы, возникающие между правительствами и слишком часто приводящие к войнам»¹⁴. Здесь А. Г. Жомини имел в виду создание в 1873 г. Института международного права в Генте, призванного содействовать изучению международного права учеными разных стран и его кодификации. Инициаторами и членами этого объединения выступали, в том числе и российские специалисты в области международного права¹⁵. Россия, имевшая к тому времени богатый опыт участия в международных конференциях, не могла оставаться в стороне. В этой связи А. Г. Жомини отмечал, что «признано за лучшее, чтоб каждая нация принесла свой камень для сооружения здания мира»¹⁶.

Совокупность этих обстоятельств стала причиной появления проекта общества, авторами которого Ю. Р. Шрейер называет председателя Брюссельской конференции 1874 г., барона А. Г. Жомини и профессора международного права Ф. Ф. Мартенса. Их инициатива была одобрена высшим руководством страны только тогда, когда во главе будущего объединения российских миротворцев был поставлен П. Г. Ольденбургский. В состав соучредителей общества также вошли председатель Комитета министров, граф П. А. Валуйев, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, государственный контролер Д. М. Сольский¹⁷. Секретарем общества стал Ф. Ф. Мартенс. Планировалось издавать протоколы заседаний общества, журнал, организовывать публичные лекции и присуждать премии за сочинения, преследующие цели общества¹⁸.

Международно-правовую направленность работы общества отражали и его уставные цели: «1) содействовать развитию международного права; 2) содействовать распространению правильных воззрений на международные отношения; 3) покровительствовать всем попыткам кодификации принципов международного права; 4) содействовать установлению и укреплению дружелюбных международных отношений и миролюбивых воззрений»¹⁹. Первые три цели шли в русле работы Института международного права и отражали ту линию, которую хотели проводить А. Г. Жомини и Ф. Ф. Мартенс. Миротворческие взгляды П. Г. Ольденбургского по сути дела проступали только в последнем пункте. Главную цель создания общества принц определил следующим образом: «о водворении и о пропаганде доводов и принципов людей права»²⁰.

Компромисс, на который были вынуждены пойти инициаторы проекта общества ради его реализации, в то же время predetermined малую эффективность его работы. П. А. Валуев записал в дневнике впечатления от открытия общества: «Довольно странная, в сущности, церемония потому, что кроме принца-председателя общество представлялось, кажется, одним бароном Жомини»²¹. В октябре 1880 г. он поспешил «избавиться от звания соучредителя в его [П. Г. Ольденбургского. – Г. Ч.] Обществе международного права»²².

Известно, что на одном из заседаний общества с докладом о выдаче преступников выступал специалист по международному праву П. Л. Ваксель. Его доклад был опубликован во втором номере «Бюллетеня» – повременного издания общества²³.

В мае 1881 г. П. Г. Ольденбургский умирает. Прекращает свое существование и «Русское общество международного права». Об этом факте косвенно свидетельствует отсутствие представителей общества в числе делегаций благотворительных организаций, армейских полков и учебных заведений, где принц был учредителем, на его похоронах²⁴. Основанное в период крайнего обострения внутривосточной ситуации в стране при самом активном участии верховной власти, первое объединение российских миротворцев было искусственным объединением.

Несмотря на скромные практические результаты, миротворческая деятельность П. Г. Ольденбургского не была предана забвению. Она оказалась востребована идейными наследниками принца в начале XX в. в качестве подтверждения долговременного характера существования в России сторонников идеи мира между народами²⁵. Деятели европейского движения за мир конца XIX – начала XX в. также не обошли вниманием личность П. Г. Ольденбургского. Его мирные инициативы были представлены как часть процесса развития европейского и североамериканского движения за мир в 1860 – начале 1880-х гг., а создание «Русского общества международного права» – как практический результат желания принца избавить народы от тягостей вооруженного мира и уничтожить войну²⁶.

Примечания

¹ Ольденбургские // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб. : Изд. имп. рус. историч. о-ва : Тов. «Обезьянинов – Очкин», 1905. С. 246–247.

² Ольденбургский // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 22 т. / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милокова. СПб., 1904. Т. 14. С. 395; Гласко Б. Ольденбургский, принц Петр Георгиевич // Русский биографический словарь : в 25 т. : СПб. : Изд. имп. рус. историч. о-ва :

РАЗДЕЛ II

Тов. «Обезьянинов – Очкин», 1905. С. 251–257; Ольденбургский, принц Петр Георгиевич // Энциклопедический словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат. 11-е изд. М., б. г. Т. 30. Стб. 590; Ольденбургские // Новый энциклопедический словарь. Пг. : Изд. дело бывшее Брокгауз-Ефрон, 1916. Т. 29. Стб. 466–468;

³ Щегловитов И. Г. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский как государственный и общественный деятель // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 1(II). С. 112.

⁴ Шрейер Ю. Р. Пятидесятилетний юбилей его императорского высочества принца П. Г. Ольденбургского. Спб., 1881. С. 66; Ср.: Папков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Спб., 1885. С. 135.

⁵ Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России. М., 1958. С. 377–378.

⁶ Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / отв. ред. Т. А. Павлова. М., 1997. С. 180–181; Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб., 2004. С. 220–221.

⁷ См.: Гласко Б. Указ. соч. С. 252–253.

⁸ См.: Шрейер Ю. Р. Пятидесятилетний юбилей его императорского высочества принца П. Г. Ольденбургского. Спб., 1881. С. 61.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ См.: Там же. С. 62–63.

¹¹ Там же. С. 65.

¹² Там же. С. 66.

¹³ Известия // Вестник права. 1880. Кн. 5. № 9–10. С. 99.

¹⁴ Там же. С. 100.

¹⁵ Грабарь В. Э. Указ. соч. С. 376.

¹⁶ Известия // Вестник права. 1880. Кн. 5. № 9–10. С. 100.

¹⁷ Шрейер Ю. Р. Указ. соч. С. 66.

¹⁸ Папков А. Указ. соч. С. 134.

¹⁹ Известия // Вестник права. 1880. Кн. 5. № 9–10. С. 101.

²⁰ Шрейер Ю. Р. Указ. соч. С. 67.

²¹ Граф П. А. Валуев. Дневник. 1877–1884 / ред. и прим. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. Пг., 1919. С. 100.

²² Там же. С. 123.

²³ См.: Ваксель Платон Львович // Русский биографический словарь : в 20 т. / сост. П. Калинин, И. Корнеева. М., 1999. Т. 4. С. 14.

²⁴ См.: Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Указ. соч. С. 223–224.

²⁵ См.: Долгоруков П. Д. Культура и прогресс. К истории возникновения общества мира в Москве // Общество мира в Москве. 1909–1910. М., 1911. Вып. 1. С. 5.

²⁶ Fried A. Handbuch der Friedensbewegung. Auflage 2, gänzlich, umgearbeit. und erweiterte: in 2 teil. Berlin und Leipzig, 1913. Т. 2. S. 89–90.

Д. В. Сидоров

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Реформы 60-х годов XIX в. императора Александра II стали тем рубежом, который ознаменовал переход России к более динамичным экономическим, социальным и политическим структурам общества, «в котором рядовые граждане могут мирно жить, в котором можно мыслить и действовать ответственно, радостно принимая эту ответственность»¹. По ряду причин эта трансформация не была завершена, а проведенные реформы, по мнению большинства исследователей, носили «печать компромисса со старым порядком». Ведущую роль во всех сферах российской жизни играло государство, в то время как общественные институты находились в зачаточном состоянии. Конец 1870-х гг. стал временем значительного общественного подъема в России, обострившиеся социальные противоречия и явная неспособность правительства справиться с ними привели к росту оппозиционных общественных настроений. Идея привлечения представителей общества к законотворческой деятельности снова стала актуальной. Наиболее известный проект государственных преобразований, разработанный М. Т. Лорис-Меликовым, не шел далее привлечения представителей земств и городов к предварительному обсуждению ограниченного круга административных и финансовых реформ, а в самих законосовещательных учреждениях чиновничий элемент преобладал бы над выборным. Царевбийство 1 марта 1881 г. в целом изменило вектор политических реалий властных структур.

Между тем, именно период М. Т. Лорис-Меликова и последующее сворачивание его курса является наиболее значимым и актуальным для рассмотрения первых попыток построения конструктивных взаимоотношений между императорской властью и созданными в результате Великих реформ органами общественного управления, в первую очередь земскими органами, как с точки зрения исторической ретроспективы, так и современного состояния становления механизмов подобного взаимодействия. На повестке дня стоит вопрос о необходимости коренного пересмотра удельного веса властных структур и органов местного самоуправления в системе жизнеобеспечения общества, особенно в экономической и социальной сферах как на общероссийском, так и региональном уровне. Именно в данный период стали вырабатываться те механизмы взаимодействия, которые заложили основу дальнейшему подъему земской деятельности в сложных конъюнктурных условиях.

Политические притязания земских учреждений представлялись правительству достаточно серьезной угрозой. Основная масса ограничительного законодательства приходится на конец 1860-х гг., когда еще не наблюдалось заметной общественной деятельности земских учреждений. «Нельзя не подивиться, – писал в октябре 1864 г. “День”, – тому равнодушию, тому безмолвию, которым встречается наступление земских учреждений. Нигде не видать и не слышать ни малейшего приготовления к деятельности, нет ни толков, ни совещаний»².

Одновременно набирал обороты курс на некоторые уступки либеральной общественности. В январе 1880 г. Александр II высказал пожелание к 25-летию царствования «дать обществу больше, чем ныне, участия в обсуждении важнейших дел»³. В докладной записке «О задачах Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка» М. Т. Лорис-Меликов предлагал сочетать карательные меры против революционеров с постепенным возобновлением преобразовательной политики, в частности с некоторой «либерализацией» в отношении к местному самоуправлению⁴.

В августе 1880 г. М. Т. Лорис-Меликов назначил ревизию девяти губерний (в том числе и Костромской губернии) для выяснения потребностей местного управления. В Особом наставлении им предлагалось выявить, «не зависит ли недостаточность личного состава земств от существующего порядка земского представительства и производства выборов; нельзя ли расширить участие земств в решении дел, касающихся местных хозяйственных потребностей; может ли быть изыскана удобная форма для совместных суждений земств различных губерний по таким вопросам, которые бы требовали совокупных мер; не должна ли быть допущена большая гласность в опубликовании журналов земских собраний...»⁵. 22 декабря 1880 г. губернаторам было предписано передать на обсуждение губернских земств проект переустройства органов крестьянского управления⁶.

Доклады губернских земских управ и комиссии, образованных при губернских собраниях для обсуждения вопросов циркуляра и сбора мнений уездных земских собраний и управ, в последующем поступавшие в образованную Кахановскую комиссию, свидетельствуют о провозглашении необходимости расширения принципов права земства в сфере управления волости и о передаче общественным органам функций присутствий по крестьянским делам. В вопросе перенесения выборов в уездные земские собрания высказалось большинство уездных земств губерний Верхнего Поволжья: Костромская и Тверская губернии – все уездные земства; Владимирская губерния – 6 земств; Ярославская –

Мышкинское, Даниловское, Ростовское, Рыбинское, Любимское земские собрания⁷. Почти единодушным во многих собраниях был и вывод о том, что только передача функций присутствий земству может обеспечить «нормальное состояние» крестьянского управления. Так, при голосовании это предложение было принято подавляющим большинством голосов в Тверском, Костромском губернских земских собраниях; единогласно – в Ярославском. Владимирское собрание оставило данный вопрос открытым⁸.

Издававшаяся в 1880–1881 гг. А. И. Кошелевым под редакцией В. Ю. Скалона газета «Земство» уделяла большое внимание преобразованию местного управления. Газета писала, что «административно-полицейский характер задавил волость», а «односторонне-хозяйственный характер сделал земство бессильным»⁹. В этом отношении характерным является заявление главы Костромского земства С. Осокина: «Рассмотрение всех остальных вопросов полностью зависит от позиции правительства по вопросу о всеобщей волости, утверждение которой позволило бы занять земству главенствующее положение в местном управлении»¹⁰. Ковровское уездное земство приняло постановление рекомендовать правительству передать на обсуждение волостных сходов вопрос о земском устройстве волости, т. е. «о волости всеобщей, с выбором волостных старшин всеобщим волостным сходом»¹¹.

Результаты работы земских собраний, как и в случае с обсуждением податной реформы, правительство оставило без внимания.

В докладе от 28 января 1881 г. Лорис-Меликов излагал программу дальнейших преобразований. Исходя из невозможности введения в стране представительных учреждений, он предлагал «в видах успокоения правильными занятиями возбужденных умов, жаждущих деятельности», привлекать дворянство, земство и города к участию в обсуждении второстепенных проектов. Для этого он считал полезным время от времени призывать их представителей в Государственный совет, при котором предполагал учредить временные подготовительные комиссии, наподобие редакционных комиссий 1858 г. Работы этих комиссий рассматривались бы с участием представителей от земства и некоторых крупнейших городов¹².

В совещании 1 марта 1881 г. императору предстояло сообщить о своем решении, которое должно было определить сроки начала работы министерств над составлением проекта. Но осуществлению этого плана помешало убийство Александра II.

Новый курс был провозглашен в Манифесте Александра III. Он заявил о намерении утверждать и охранять самодержавную власть¹³.

4 апреля 1881 г. императором принимается «Положение о мерах к охране государственной безопасности и общественного спокойствия»¹⁴. Срок его действия определялся в три года. В нем подтверждалось право губернаторов и градоначальников утверждать поступающих на все должности по земским и городским органам общественного управления и судебно-мировым установлениям, а также требовать увольнения служащих этих учреждений, если их признают неблагонадежными. О фактах выборов на такие должности неблагонадежных лиц губернаторы обязывались доносить в Министерство внутренних дел с подробностями биографии и результатами наблюдения за поведением вызывающих подозрение лиц.

При вступившем на пост министра внутренних дел в начале мая 1881 г. Н. П. Игнатьеве была создана особая комиссия для составления проектов местного управления. В ее состав вошли сенаторы (С. А. Мордвинов, А. А. Половцев, И. М. Шамшин и др.), ревизовавшие в 1880–1881 гг. ряд губерний, а также представители различных ведомств. В ноябре 1882 г. в состав комиссии вошел ряд представителей местной администрации и предводителей дворянства: А. А. Пазухин, С. С. Бехтеев, А. Р. Шидловский, Е. Е. Баратынский и др.

В апреле 1882 г. из состава Кахановской комиссии было выделено особое совещание для составления нового проекта местного самоуправления. Вначале большинство членов придерживалось мнения, что просьбы земств о расширении их прав следует удовлетворить, так как это поможет восстановлению в стране нормальной политической обстановки. Главную задачу видели в четком разграничении компетенции земских и коронных установлений.

К коронным органам относились бы исправник, финансовое управление, уездный врач, уездный почтмейстер, инспектор народных училищ, лесничий, техник ведомства путей сообщения, уездный землемер; к земским – уездные земское собрание и управа¹⁵. Выборы гласных совещание предполагало проводить на трех избирательных съездах: 1) уездных собственников; 2) в городских думах; 3) на соединенных сходах сельских обществ. Намечалось понизить искусственный ценз для избирателей первой курии. Сельская курия должна была избирать гласных на сходах путем прямых выборов, вместо прежних двухстепенных выборов. К участию в выборах намечалось допускать всех крестьян, но гласными могли быть избраны только те, собственность которых соответствовала определенному имущественному цензу. Совещание рекомендовало в соответствии с принципом уравнительности составить заново расписание гласных по

уездам, а также высказалось за предоставление земцам права созыва межuezдных и межгубернских съездов с разрешения соответственно присутствия губернского управления и Министерства внутренних дел¹⁶. Система выборов в губернское земское собрание и состав управы оставались без всяких изменений. Совещание предполагало расширение функций губернского земства, посредством «разверстания» государственных сборов и сбор различных статистических сведений¹⁷. Проект предусматривал упразднение крестьянской волости и создание низшей земско-административной единицы во главе с волостелем, избираемым земством. В задачу волостеля должен был входить контроль за исполнением земских и правительственных поручений¹⁸. Для упрочения положения администрации на местах предлагалось учредить в губернии и уезде смешанные присутствия из земских и правительственных представителей. Эти нововведения в известной мере способствовали бы демократизации земства и являлись по своему смыслу наиболее либеральными, хотя в проекте уже проступают черты будущей контрреформы.

В ноябре 1884 г. состав комиссии еще раз значительно увеличили за счет представителей различных ведомств и местных деятелей-экспертов, преимущественно губернаторов и предводителей дворянства. Возглавил экспертов А. Д. Пазухин.

При обсуждении земской избирательной системы на заседании комиссии в феврале 1885 г. Пазухин, Бехтеев, Оболенский предложили ввести сословный принцип деления избирателей, причем Пазухин и некоторые члены комиссии высказались за предоставление крупным землевладельцам права участия в качестве гласных в уездных собраниях без выборов. Этот вопрос был передан в специальную подкомиссию, которая уже в марте того же года представила «Доклад по вопросу о составе уездных земских собраний»¹⁹. Точка зрения трех членов – Пазухина, Бехтеева и Оболенского – на необходимость сословной организации земского представительства обосновывалась в докладе «угрозой вытеснения в недалеком будущем из земских собраний наиболее культурного элемента»²⁰. Предлагалось учредить четыре «избирательные коллегии»: съезды дворян, лиц торгового состояния, избирательные сходы мещан и крестьян. Заранее оговаривалось, что «землевладельческие сословия должны занимать первенствующее положение в земском представительстве»²¹. Очень важно отметить, что в этой схеме сословных выборов крестьяне-собственники оказались отнесены к крестьянскому избирательному сходу с двухстепенной подачей голосов. Отменялся ценз по годовому

обороту, что значительно ограничивало права торгово-промышленной буржуазии. Помимо системы преобразования земского представительства на сословном начале были внесены в Кахановскую комиссию ряд предложений по различным вопросам организации и деятельности земства: сокращение численности управ, допуская возможность замены коллегиального принципа единоличным по усмотрению собрания; за некоторое ограничение компетенции земских собраний (в частности, по вопросам народного образования, системы раскладок и т. д.)²². Крупным собственникам предполагалось предоставить право быть гласными уездных земских собраний без избрания, а от выборов председателя собрания и выплаты суточных денег гласным снова отказались.

Тем не менее, проект не соответствовал новой политике, последовательно проводящий идею преобладающей роли дворянства в земских учреждениях. Поэтому проект комиссии отвергли, а 28 февраля 1886 г. распустили и саму комиссию.

Примечания

¹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М, 1992. Т. 1. С. 7.

² *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Спб., 1911. Т. 3. С. 40.

³ П.С.З. II. Т. LV. № 60492.

⁴ Былое. 1918. № 4–5. С. 154–161.

⁵ Конституция графа Лорис-Меликова. Берлин, 1904. С. 38.

⁶ Циркуляр Министерства внутренних дел // Сборник правительственных распоряжений по делам, до земских учреждений относящимся. Спб., 1891. Т. XIII. С. 52.

⁷ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 476. Л. 27.

⁸ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 470. Л. 12.

⁹ Земство. 1881. № 19.

¹⁰ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 470. Л. 20.

¹¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1150. Л. 3.

¹² Былое. 1918. Книга 4/5. С. 162–166.

¹³ ПСЗ-Ш. Т. I. № 1.

¹⁴ Там же. № 350.

¹⁵ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 470. Л. 19.

¹⁶ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 482. Л. 15.

¹⁷ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 482. Л. 20.

¹⁸ *Лантева Л. Е.* Земские учреждения в России. М., 1993. С. 74.

¹⁹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 479. Л. 27.

²⁰ Там же. Л. 27.

²¹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 482. Л. 12.

²² Там же.

И. А. Палюлина

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ИСТОРИИ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ)

В российской истории начала XX века в политической борьбе против самодержавия широкое распространение получает лозунг созыва Учредительного собрания – представительного учреждения, предназначенного для установления формы правления и выработки конституции. После Февральской революции с ним связываются надежды на радикальную демократизацию общества, справедливое решение коренных политических задач и социально-экономических проблем. В своем отречении Михаил Романов просит «всех граждан державы Российской подчиняться Временному правительству впредь до того, как... Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»¹. Немедленная подготовка к созыву провозглашается первой задачей властей.

В конце мая под председательством члена ЦК кадетской партии Ф. Ф. Кокошкина начинается работа особого совещания по разработке проекта «Положения о выборах». 7 августа для обеспечения технической подготовки и общего руководства избирательной кампанией создается Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание (Всевыборы), возглавил которую кадет Н. Н. Авинов. Временное правительство назначает дату выборов – 12 ноября 1917 года.

Получив необходимые инструкции из центра, местные власти приступили к формированию органов управления выборным производством. Избирательным округом считалась губерния. Были созданы Владимирская (1 сентября), Костромская (31 августа) и Ярославская (21 сентября) окружные комиссии (Оквыборы). Их возглавили соответственно: председатель губернского исполнительного комитета и губернской земской управы, эсер Н. В. Макеев, председатель губернской земской управы В. А. Дмитриев и присяжный поверенный Н. А. Морев². Этими учреждениями были сделаны распоряжения об открытии уездных (Увыборы) и городских (Горвыборы) комиссий, которые, в свою очередь руководили образованием участковых в срок до 2 ноября³. Уездные и городские объединения в обязательном порядке вели журналы заседаний и предоставляли их копии в Оквыборы, два раза в неделю отчитывались перед последними о ходе работ по выявлению количества избирателей, места проведения выборов, распределении соответствующей местности на участки и т. п., а также посылали образцы всех выпускаемых объявлений⁴.

Губернские комиссары Временного правительства обращались ко всем должностным лицам, общественным и правительственным учреждениям с просьбой оказывать комиссиям всяческое содействие, а уездным комиссарам без задержек и в срочном порядке исполнять поручения уездных комиссий по доставке в волости необходимой документации. Каждая комиссия обязана была установить ежедневные приемные часы для консультаций населения и приема жалоб⁵. Для всемерного просвещения рекомендовалась различная литература, своеобразные пособия для избирателя, причем указывалось, кому и что читать, в зависимости от социального положения и образования⁶.

Первоначально основной заботой местных властей являлось составление списков избирателей, которое возлагалось на городские, поселковые и волостные земские управы или заменяющие их учреждения⁷. «Владимирская жизнь» сообщала, что в день в городскую комиссию поступает до ста жалоб на невнесение в списки или о каких-либо ошибках в них, иногда заявления подают целые кварталы⁸. Но не все избиратели отличались подобной сознательностью. «Шуйские известия», например, отмечали, что срок проверки истекает, а граждане не очень-то активно идут в соответствующие комиссии, обнаруживая не больший интерес к Учредительному собранию, чем к городским выборам⁹.

Пресса вообще очень живо откликалась на все предвыборные мероприятия. Со страниц газет в октябре – ноябре не сходила разнообразная информация об избирательной кампании: сообщения о собраниях и лекциях, о месте нахождения избирательных комиссий и участков, партийная агитация, призывы к гражданам о необходимости проверки избирательных списков и т. п. Считалось, что печатное слово особенно дорого для каждого грамотного гражданина накануне выборов во Всероссийское Учредительное собрание¹⁰.

Во Владимирской и Ярославской губерниях списки избирателей были вывешены лишь к 10 октября и только в Костромской – точно в срок (3 октября). Хотя и оттуда во Всевыборы поступали сведения о том, что в большей части округа ощущается недостаток опытных специалистов, а распутица задерживает ход выборов, к тому же выяснение рода занятий избирателей занимает слишком много времени¹¹. Ярославская окружная комиссия сообщала, что нет ни технических, ни материальных средств, ни опытных работников, а следовательно, и никакой надежды провести выборы в срок¹².

Еще одной проблемой, с которой столкнулись комиссии, являлось вручение именных удостоверений и избирательных записок гражданам. Сами они, несмотря на многочисленные призывы, совсем не торопились

что-либо получать, поэтому земские управы нанимали специальных курьеров, дабы разнести всю необходимую документацию по домам. Удостоверения выдавались лично и по доверенности, записки могли просто оставаться членам семей. В крайнем случае, все это можно было получить во время выборов¹³. И все-таки 11 ноября костромская газета «Поволжский вестник» сетовала на то, что вследствие спешности работ и небрежности некоторых исполнителей многие избиратели так и не получили удостоверений или же на них отсутствовала подпись члена управы, что могло «вызвать их недействительность». Поэтому «Вестник» призывал исправить все ошибки «сегодня до 12 часов ночи»¹⁴. Автор одной из статей осуждал неторопливость граждан в этих вопросах, предупреждал их, что потом придется длительное время стоять в очередях, а рассуждения о том, что их голос не решит исход выборов, по его мнению, являются преступлением. «Проснитесь, не губите Родину!» – взывал он¹⁵.

Другой заботой окружных комиссий являлись кандидатские списки. Во Владимире и Ярославле в выборной гонке приняло участие по семь партий и организаций, в Костроме – только пять. Во всех губерниях были выставлены списки эсеров (ПСР) в блоке с советом крестьянских депутатов, кадетов (ПНС), большевиков (РСДРП(б)) и меньшевиков. Кроме того, во Владимирской и Ярославской в кампании приняли участие народные социалисты (энесы). Во Владимирской о своем участии заявили также кооператоры и «Возрождение свободной России», в Костромской – объединенное духовенство и миряне епархии, в Ярославской – блок промышленников, торговцев, ремесленников и землевладельцев и Союз земельных собственников. И это только те, что были зарегистрированы. Свое желание участвовать в кампании выразило гораздо большее количество претендентов.

Во Владимире своих кандидатов выставяло еще пять групп крестьян, но они не удовлетворяли законным требованиям (не было двух копий списка, не указано имя, отчество, возраст, местожительство кандидатов, не приложено подтверждение их согласия) и поэтому отклонялись¹⁶. Оквыборы сообщала, что списки подавались и после 13 октября – официального срока завершения их принятия к рассмотрению¹⁷. По аналогичным причинам в Костроме не публиковались перечни девяти крестьянских объединений, а также список Торгово-промышленного союза из-за отсутствия согласия выставленного кандидатом министра торговли и промышленности А. И. Коновалова¹⁸. В Ярославскую комиссию поступило несколько заявлений об одиночных кандидатах. В их числе – шесть от служащих железнодорожной станции Ростова, которые выставяли претендентами своих коллег, но не собрали достаточного количества

РАЗДЕЛ II

подписей. Направлялись в Оквыборы и приговоры сельских обществ, но по различным поводам не были утверждены¹⁹.

Исходя из численности населения, Владимирская губерния избирала девять, Костромская – восемь, а Ярославская – шесть депутатов Учредительного собрания. Кандидатами выставлялись соответственно 81, 51 и 48 человек, словом, было из кого выбрать. Интересно то, что лишь очень небольшую часть из них (10, 12 и 13 человек) составляли крестьяне, рабочие и солдаты. Но и они, в большинстве своем, широко занимались разнообразной общественной и партийной работой, поэтому, скорей всего, уже не являлись «чистыми» представителями своего социального слоя²⁰.

Несмотря на сложную внутривнутриполитическую ситуацию в стране (голод, забастовки, дальность расстояний между губернскими центрами и отдельными уездами и волостями, бездорожье, нехватка транспорта, частое отсутствие финансирования местных комиссий из центра, заставлявшее их брать кредиты у земских и городских управ), местные власти сделали все возможное и необходимое для того, чтобы выборы состоялись.

В целом губернии Верхнего Поволжья избрали 23 депутата Учредительного собрания, в том числе 12 представителей левых социал-демократов, 9 эсеров, 1 левого эсера, 1 кадета. Членами Учредительного собрания по Владимирской губернии стали:

от большевиков – лидеры местной организации Н. А. Жиделев, А. С. Киселев, И. Е. Любимов, В. Н. Наумов, члены Московского областного бюро РСДРП(б) Г. И. Ломов-Опшников и М. В. Фрунзе;

от эсеров – представительница левого крыла, член ЦК М. А. Спиридонова, а также губернские деятели партии и СКД Ф. А. Соколов, Н. В. Макеев;

по Костромской:

от ПСР – крупный ученый-экономист Н. Д. Кондратьев, лидеры губернских эсеров С. М. Лотошников и Н. А. Козлов, а также крестьянин, председатель ИК Нерехтского СКД И. П. Мальцев;

от РСДРП(б) – бывший меньшевик-интернационалист, член ИК Петросовета Ю. Ларин (М. А. Лурье), местные партийные и советские работники С. С. Данилов, Д. П. Малютин, Н. П. Растопчин;

по Ярославской:

от эсеров – кооператор, член ИК Всероссийского СКД В. А. Кильчевский, секретарь Совета Республики М. В. Вишняк, крестьянин, член Президиума губернского СКД Ф. П. Большаков;

от большевиков – известные представители ЦК А. М. Коллонтай и А. И. Рыков;

от кадетов – предприниматель, министр торговли и промышленности, заместитель председателя Временного правительства, член Совета Российской республики А. И. Коновалов.

В Костромском и Ярославском округах результаты выборов отражали общероссийские тенденции с некоторым усилением большевиков. На Владимирской земле установился иной расклад сил, и РСДРП(б) в 1,7 раза превзошла ПСР, подтвердив, таким образом, что губерния по праву входит в состав цитадели большевизма – Центрального промышленного региона, что не смогли сделать другие представители Верхнего Поволжья. Эсеровская популярность достигла максимума в Костромском округе, кадетская, меньшевистская, энесовская – в Ярославском.

В основном, проявлялась следующая тенденция: земледельческие уезды поддержали ПСР; промышленные и отходнические, а также рабочие районы и гарнизоны – РСДРП(б); непролетарское городское население – ПНС. Причем популярность последних двух партий со времени последних выборов возросла, а эсеров снизилась. Деревня, что было заметно и в общероссийском масштабе, голосовала активней города, во-первых, потому что ждала от Учредительного собрания справедливого разрешения земельного вопроса, поскольку массированная агитация, прежде всего, эсеров убедила ее в этом. Вторым фактором являлась общинная психология, привычка действовать «всем миром»²¹, на сходах принимались решения, за кого голосовать, которые позже четко воплощались в жизнь. Несмотря на многочисленные предупреждения о том, что деревня с марта 1917 г. устала постоянно выбирать в какие-нибудь советы, комитеты, управы и земства и не станет участвовать в голосовании, прогноз не оправдался, и именно сельская местность подала пример горожанам в смысле гражданской сознательности. В городе был выше не только абсентеизм, но и разброс политических симпатий, в чем проявлялась его разнородность, наличие множества слоев и групп, имевших разные цели и задачи.

5 января 1918 года в Петрограде состоялось первое и последнее заседание Учредительного собрания. Известия о его роспуске в губерниях Верхнего Поволжья были получены не сразу, например, в Костроме лишь 9 января, а в отдаленных районах намного позднее²². Эта новость была воспринята неоднозначно. Большевики считали, что, совершив это, советская власть спасла дело мировой революции, и было немало положительных откликов на это событие, в первую очередь, от советов, комитетов РСДРП(б), рабочих организаций, ряда крестьянских сходов.

Печатались обращения к населению, в них говорилось, что международная буржуазия стремится задушить русскую революцию, а Собрание – маска, под которой выступают все враги трудового народа, чтобы «со-

вершить свой кровавый налет, ограбить рабоче-крестьянскую Русь и отдать ее на новые муки капиталистическому строю». В качестве примера приводился самарский Комуч, восстановивший на своей территории все старые порядки²³. Учредительное собрание называлось «подготовленным народным представительством, претендующим быть хозяином земли русской», считалось, что за него выступают лишь помещики, фабриканты, заводчики и «прочие мародеры».

В губерниях Верхнего Поволжья имелось и немало противников роспуска. В первую очередь ими являлись органы местного самоуправления. Костромская городская дума рассматривала акт разгона как преступление против воли народа и считала, что это учреждение – единственный путь спасения и возрождения страны. Данная резолюция принадлежала перу эсеров и меньшевиков, альтернативная, предложенная РСДРП(б), признавала разгон неизбежным следствием развивающейся классовой борьбы. Большинством в два голоса при одном воздержавшемся было принято первое постановление²⁴.

Кроме городских дум и земств и ряда социально-профессиональных организаций, в поддержку Собрания высказывались и представители оппозиционных партий. Одна из прокламаций костромских меньшевиков призывала «все живое в стране, и, прежде всего, весь рабочий класс и армию стать с оружием в руках на защиту власти народной в лице Учредительного собрания»²⁵.

Первого мая 1918 года костромские меньшевики пришли на демонстрацию с лозунгами, посвященными Учредительному собранию. Возникла паника, но порядок быстро восстановили. Меньшевики покинули центральную площадь. Шествие продолжалось под лозунгами: «Долой контрреволюцию!», «Да здравствует рабоче-крестьянская советская власть!». «Правда» сообщила об этом событии как о крупной победе местных большевиков²⁶.

В конце мая по некоторым заводам города прокатилась волна забастовок на продовольственной почве с призывами: «Вся власть Учредительному собранию!», «Свобода торговли!», «Отмена хлебной монополии!» Подобные выступления имели место и в уездах. Сообщения о поддержке Собрания поступали с мест и в июле – в августе 1918 г.²⁷

В ответ на майские стачки костромская «Советская газета» 25 мая напечатала статью, в которой в частности, говорилось: «Пусть не надеются товарищи, что их хлебом накормит Учредилка. Оттого, что она соберется, манна небесная в рабочие кварталы с неба не посыплется, останется все то же, что есть, даже хуже. Если рабочие хотят Учредилки, – продолжал автор, – это значит, что они хотят нашим хлебом накормить»

мить войска союзников, которые к нам придут, и увеличить голодный кризис. Союзные войска будут есть наш хлеб, при их помощи буржуазия сожмет в бараний рог рабочих и крестьян и заткнет им рот, но не хлебом, а свинцом. Вот что значит Учредилка и свободная торговля хлебом»²⁸, – резюмировалось в заключение.

Крестьянские выступления, имевшие место, например, в Костромской губернии летом 1918 г., также были связаны с защитой Учредительного собрания.

Таким образом, из губерний Верхнего Поволжья поступали довольно разнообразные отклики на разгон. Но общая ситуация не менялась. Те, кто проиграл с роспуском Собрания (представители местного самоуправления, оппозиционных партий и других, не поддерживавших большевиков организаций), очень резко критиковали новое правительство. Те, кто, наоборот, получил власть, прежде всего сторонники РСДРП(б) и советские работники, приветствовали решения ВЦИК и СНК. Настроения рядовых граждан, их политические симпатии были неустойчивы и во многом зависели от способности или неспособности нового руководства улучшить их положение. С ухудшением экономической ситуации усиливался поиск альтернативных путей развития, и лозунг Учредительного собрания получал новый импульс.

Оппозиционная пресса считала, что русский народ ничем не ответил на смерть своей многовековой светлой мечты и надежды только потому, что не понял произошедшего на его глазах. Возможно, он считал, что ничего не потерял с роспуском Собрания, а даже выиграл и теперь быстрее получит все, что желает, но это не так. Считалось, что создалось такое положение, при котором закону подчиняются только в случае собственной выгоды. Конечно, большевики могут силой заставить всех слушать себя, но будет ли их власть прочной, ведь на штыках и дубинах долго не просидишь. Далее следовал призыв объединяться в Учредительном собрании, иначе в разрухе погибнут все завоевания революции²⁹. Время шло, Россию захлестнули другие проблемы, и идея Учредительного собрания отодвигалась все дальше и дальше.

Примечания

¹ ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 29. Л. 32.

² ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 161. Л. 11.; Воля народа (Кострома). 1917. 1 октября; ГАЯО. Коллекция листовок. № 271.

³ ГАРФ. Ф. 1810 Оп. 1. Д. 161. Л. 7; ГАЯО. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 44. Л. 17.

⁴ Известия Владимирского временного исполнительного комитета. 1917. 6 сентября; ГАЯО. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 44. Л. 9 об.

⁵ Известия Владимирского временного исполнительного комитета. 1917. 29 сентября; ГАЯО. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 44. Л. 17.

РАЗДЕЛ II

- ⁶ Голос народа. (Владимир). 1917. 19 сентября.
⁷ ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 258. Л. 9.
⁸ Владимирская жизнь. 1917. 17 сентября.
⁹ Шуйские известия. 1917. 7 октября.
¹⁰ Галичанин. 1917. 1 октября.
¹¹ ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 об, 44; Д. 258. Л. 4.
¹² Там же. Д. 88. Л. 90.
¹³ Там же. Д. 160. Л. 79; Свободное слово. (Ярославль). 1917. 7, 12 ноября; Рыбинец. 1917. 12 ноября; Иваново-Вознесенск. 1917. 29 октября; ГАЯО. Коллекция листовок. № 374.
¹⁴ Поволжский вестник (Кострома). 1917. 11 ноября.
¹⁵ Свободное слово. 1917. 11 ноября.
¹⁶ ГАРФ. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 65. Л. 112.
¹⁷ Там же. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 161. Л. 22.
¹⁸ Там же. Д. 258. Л. 18.
¹⁹ Народное дело (Ярославль). 1917. 14 октября.
²⁰ См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. С. 182; Шуйские известия. 1917. 21, 22, 24, 25 октября; Ростовские известия. 1917. 11 ноября; Народное дело (Ярославль). 1917. 20 октября; Свободное слово. 1917. 7, 9, 25 ноября; Рыбинский рабочий. 1917. 4 ноября; Варнавинец. 1917. 1 ноября; Воля народа. 1917. 26 октября.
²¹ См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 198.
²² ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 31. Л. 2.
²³ ГАЯО. Коллекция листовок. № 87.
²⁴ ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 35а. Л. 14.
²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 18.
²⁶ *Помбрак Л. А., Синяжников М. И.* Костромские большевики в борьбе за власть Советов. Кострома, 1957. С. 66; ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 35а. Л. 99.
²⁷ 1918 год в Иваново-Вознесенской губернии. С. 75, 111, 216, 230.
²⁸ ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 3. Д. 18. Л. 83–84.
²⁹ Мысль (Владимир). 1918. 26 января.

Д. В. Попов

РОМАНОВЫ И КАВКАЗ

Самой длинной войной, которую вела династия Романовых за 304 года царствования, была Кавказская 1817–1864 гг. Она длилась более четырех десятилетий, за которые на российском престоле сменилось три императора.

Традиционно историю Кавказской войны начинают с 1817 г., хотя имеются и другие мнения, которые отсылают к началу XIX и даже ко второй половине XVIII в. Возникает вопрос: что мы понимаем под

© Д. В. Попов, 2008

термином война? Начало регулярных официальных военных действий на Северном Кавказе, связанное с деятельностью генерала А. П. Ермолова, или вообще историю столкновений русских регулярных войск с горцами¹?

Император Александр I, говоря о тактике сдерживания, называл проводимую кампанию войной. Инструкция главнокомандующему от 1806 г. гласит: «С горскими народами вести войну по-прежнему: сохраняя возможную бдительность для отражения их наглостей, соразмеряя, однако же, наказание с преступлением, поскольку война есть обыкновенный их образ жизни. Единственный способ, могущий быть действенным и полезным против горских народов, состоит в том, чтобы, довольствуясь наружными знаками их подданства, стараться удержать их в блокаде»². Когда набеги горцев на русские селения стали невыносимыми, русские предприняли ответные действия. После ряда карательных операций, в ходе которых русские войска беспощадно сжигали «провинившиеся» аулы, император в 1813 году повелел генералу Ртищеву снова изменить тактику, «стараться водворять спокойствие на Кавказской линии дружелюбием и снисходительностью», но миролюбие было расценено горцами как слабость, и набеги на русских только усилились. По мнению историка Гордина, «Петербург проявлял полное незнание с обстановкой, а горцы считали “снисходительный” образ действий за признак слабости русских и все более смелели». В связи с этим политика царского правительства перешла от «косвенного управления через местных князей и феодалов к установлению прямого правления через своих наместников»³.

В лице генерала А. П. Ермолова российское правительство нашло верного человека для воплощения этих идей: генерал придерживался твердого убеждения, что весь Кавказ должен стать частью Российской империи. По убеждению генерала, «Россия должна повелевать властью, а не просьбами»⁴. С момента появления на Кавказе генерала Алексея Ермолова в 1816 году снова была сделана ставка на силу. Изменилась методика военных действий: было решено вести дело постепенно, закрепляясь на завоеванных позициях, прорубая в лесу просеки, дабы избежать засад, строя новые укрепления. Фирменный ермоловский стиль ведения войны – медленно и неуклонно двигаться вперед, методично оттесняя чеченцев в горы и систематически наказывая их за каждое разбойное нападение⁵. Строгость, как разъяснял сам генерал, способна предупредить «много преступлений», а меры экономической блокады против непокорных заставят, «крови... не проливая», переменить «разбойнический образ жизни» тех, кто занимается набегами. Ермолов в ноябре 1817 г. предоставляет Александру I детальный план наведения

порядка в подвластных территориях. Прежде всего предполагалось заняться чеченцами – «народом дерзким и коварным», возвести укрепленную линию по реке Сунже, а в междуречье Терека и Сунжи предполагалось поселить казаков и ногаев. В нижнем течении Сунжи и Сулака планировалось захватить соляные промыслы. Казакам и военным частям с Кубанской линии разрешалось преследование уходивших за линию «закунбанцев», совершавших набеги на русскую территорию. Эти меры, по мнению Ермолова, должны были вынудить горцев либо признать власть русских, либо уйти в горы и вести полунищенское существование. Покончив, в первую очередь, с Чечней, предполагалось заняться закубанскими народами и двинуться на Кабарду. Всю кампанию Ермолов намеривался закончить в 1820 г. Эта доктрина продвижения на Кавказе в дальнейшем получила название «система Ермолова»⁶.

Настроенный против Ермолова и желая его отстранения, император Николай I послал летом 1826 года на Кавказ своего ставленника – Паскевича – официально в помощь Ермолову, на самом же деле для замены его. Эта замена была отчасти связана с делом декабристов: среди знакомых генерала было немало участников заговора, хотя сам он никакого участия в событиях 14 декабря не принимал.

Однако важные внешнеполитические события замедлили смену главнокомандующих: весной 1826 г. в Персии взяла верх воинственная партия престолонаследника Аббаса-мирзы. Российский посланник в Тегеране князь Меншиков был арестован, и 16 июля персидские полчища перешли реку Аракс, причем главные силы Аббаса-мирзы вторглись в Карабахское ханство. Ермолов предписал Паскевичу спешить главными силами на соединение с авангардом полковника Мадатова. Персидская армия подошла к Елисаветполю, но 13 сентября Паскевич атаковал и наголову разбил ее⁷.

Примерно в это же время Россия сталкивается с новым политическим противником, который представлял мюридизм. Начинается период имамата и противостояние регулярным частям Кавказского корпуса сил горцев под предводительством имамов Гази Магомета (1829–1832), Гамзат-бека (1832–1834), и Шамиля (1834–1859)⁸. В сентябре 1832 г. Кавказ посетил император Николай I. Он остался недоволен общим состоянием края, брожением умов в Дагестане, разбоем в татарских ханствах и отсутствием связи между укреплениями. Шамиль избегал боя и «изматывал» русские войска, завлекая их в горы и нарушая их сообщения. Нейдгардт объяснял причины следующим образом: «Чем больше войск, тем больше затруднений и медленности», – доносил он государю⁹.

Император Николай остался недоволен безрезультатностью операций на Кавказе. Он решил одним ударом покончить с Шамилем. Исполнение этой своей воли он возложил на своего любимого генерал-адъютанта графа Воронцова, назначенного главнокомандующим вместо генерала Нейдгардта. Но и Воронцову не удалось подчинить горцев¹⁰.

Важнейшими событиями кампаний 1850–1852 гг. являются блестящий двухдневный поход князя Барятинского на Гельдыг и Автуры и упорный бой у Шеяга в Дагестане, где русские нанесли полное поражение Шамилю, а до того – бой на Гехинских завалах 8 декабря 1850 г. Позиция властей выразилась в официальной дореволюционной историографии следующим образом: «В 1850-м, 1851-м и 1852 гг. замирение Кавказа шло быстрыми шагами. Одно за другим изъявляли покорность мятежные племена, все крепче смыкалось железное кольцо вокруг непокорных областей»¹¹. С началом Крымской войны, в 1853 г., на Кавказе отмечалось некоторое оживление. Были предприняты попытки прервать сообщение Владикавказа со Ставрополем и проникнуть в Грузию, однако, по словам историка Данильянова, «мюриды уже не те... Дух их сильно пал – и, за исключением нескольких сот фанатиков, остальные следовали за имамом лишь из страха»¹². К началу 1850-х гг. имамат исчерпал свои ресурсы, в то время как Россия, увеличив численность войск и вернувшись к тактике А. П. Ермолова, повела решительное наступление¹³.

Вступление на престол Александра II ознаменовалось резким поворотом в Кавказской войне: менялась тактика и стратегия русских войск – в тех же отношениях с местными жителями, большое число которых, устав от многолетней войны, переходило на сторону России или, по крайней мере, отказывалось от активной борьбы. Да и сил у русской армии было больше, а вооружение лучше. В донесении императору от 22 августа 1859 г. главнокомандующий русской армией на Кавказе князь Барятинский писал: «От моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги Кавказ покорен Державой Вашей. Сорок восемь пушек, все крепости и укрепления неприятельские в руках Ваших». Александр с 1854 по 1856 г. сменил на Кавказе трех командующих: генералов Реада, Муравьева (его кратковременное главнокомандование было всецело посвящено войне с Турцией), князя Барятинского (начальником его штаба был назначен Д. А. Милютин)¹⁴.

После окончания Крымской войны Россия сосредоточила все свои усилия на Кавказе. Туда была брошена более чем 200-тысячная армия. Необходимость в сжатые сроки закончить войну с горцами заставила Александра предоставить почти неограниченные полномочия кавказским военным властям. К тому же занимавший в то время должность кавказского наместника Александр Иванович Барятинский был личным

другом Александра II, и это позволяло ему держать себя независимо с чиновниками военного министерства, а ближайший сотрудник наместника Д. А. Милютин получил карт-бланш на любые преобразования. С подачи императора было отделено собственно боевое управление войсками, которое было возложено на Главный штаб Кавказской армии, от хозяйственно-административного. Кроме того, он упорядочил и упростил систему управления армией, избавившись от дублирующих структур, сократил управленческий штат и вместе с ним расходы. В результате на Кавказе была создана своего рода «модель» будущего военного министерства, а заодно и сформированы основные элементы территориального военного округа¹⁵.

Новая система зарекомендовала себя блестяще. Реорганизованная по милютинскому проекту Кавказская армия сумела в течение четырех лет закончить войну с горцами, тянувшуюся несколько десятилетий, пленением 25 августа 1859 г. Шамиля – третьего имама Чечни и Дагестана. Вместе с тем при Д. А. Милютине получили дальнейшее развитие новые элементы стратегии, вышедшие на первый план в 1840–1850-е гг.: научно обоснованное коммуникационное освоение Кавказа и более интенсивное, чем прежде, обсаживание его казачьими и другими поселениями – по примеру славного Рима. Далее в донесениях Д. А. Милютин сообщал: «...в продолжение шестидесятилетней борьбы нашей на Кавказе последовательное покорение различных частей этого гигантского гнездилища дикого изуверства и разбоя было плодом разработки путей через места, дотоле недоступные для войск, в совокупности с системою казачьих поселений, хотя в измененной форме, напоминающих римские постоянные лагеря». Специальным предметом его раздумий были «средства покорения и утверждения владычества в крае, в котором народ обороняется сам. Таким образом, новое, более интенсивное и стратегически обоснованное поведение русских войск на Кавказе принесло ощутимые плоды и привело к завершению многолетней войны в период царствования Александра II¹⁶.

Примечания

¹ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М. 1974. С. 23–26

² Фейгин М. Вторая Кавказская война // Новый мир. 1995. № 12. С. 67–69

³ Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 289–294.

⁴ Даниялов А. Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Махачкала, 1966. С. 156–159.

⁵ Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х гг. М., 1958. С. 86–89.

⁶ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1997. С. 67–71.

- ⁷Блиев М. М. Рецензия // Отечественная история. 2001. № 6. С. 149–151.
- ⁸Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 90–95.
- ⁹Гаммер М. Шамиль. М., 1998. С. 87–90.
- ¹⁰Казиев Ш. М. Имам Шамиль. М., 2001. С. 220–225.
- ¹¹Керсновский А. А. История русской армии. М., 1992. Т. II. С. 46–50.
- ¹²Ключевский В. О. Курс лекций. М., 1989. С. 157–160.
- ¹³Магомедов Р. М. Имам Шамиль. Махачкала, 1940. С. 75–78.
- ¹⁴Магомедов Р. М. Шамиль в отечественной истории. Махачкала, 1990. С. 74–77.
- ¹⁵Фадеев А. В. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни // История СССР. 1960. № 5. С. 16–19.
- ¹⁶Фадеев А. В. О внутренней социальной базе мюридистского движения // Вопросы истории. 1955. № 6. С. 90–93; Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1961. С. 144–147.

В. А. Кудинов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И ПРОВИНЦИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Советские историки рассматривали проблемы взаимоотношения центра и регионов как в дооктябрьской, так и в советской истории исходя из концепции В. И. Ленина о роли центральной и местной власти, функциях государства, что было воплощено в системе советской власти на всей территории России. Другое дело – рассмотрение этих взаимоотношений в условиях реформирования России.

Характерной особенностью сегодняшних исторических исследований проблем современной провинции в том, что историк является субъектом и объектом, деятелем и жертвой, на исследования влияют не только личные политические настроения, но и условия своего личного существования. Этот психологический момент создает и опасность для достоверности науки, правдивого освещения проблем, опасность превратиться из историка в следователя, тем более что современное реформирование России сопровождается принижением жизненного уровня населения, включая и историка.

Историками на рубеже XX–XXI веков наиболее исследованы процессы политических взаимоотношений провинции и центра государства. Изучается компромисс и борьба между ведущими социальными силами

общества за установление (сохранение) политического режима. На всех крупных поворотах истории соотношение этих сил меняется, как меняется и позиция региона по отношению к центру.

Можно высказать предположение, что более активную роль играет не большинство населения, а агрессивное, сплоченное меньшинство, решительно действующее в ожидании ослабления центральной власти. И эта сила проявляет себя активно в центре, провинция же принимает новый политический режим с надеждой на лучшее. Но в случае несогласия с принимаемыми новой властью решениями сопротивляется или в форме тихого саботажа, игнорирования новых законов, или доходит до активного неповиновения. Так происходит до установления оптимального типа политико-правового устройства.

В этой связи можно согласиться с базовым предположением, высказанным санкт-петербургскими учеными В. Т. Пуляевым и В. В. Васильковым: «В любом государстве наиболее продуктивен тот характер власти... который позволяет развиваться народопроявлению, который максимально стимулирует самоорганизацию экономических и политических сил нации»¹.

За годы промышленной модернизации России сложилась ее экономическая и социальная неоднородность: область области рознь, регионы существенно отличаются друг от друга. Опережающего осмысления происходящих в стране процессов, их теоретической разработанности учеными-гуманитариями не сделано. Это симптом болезни и кризиса самой науки, он случается всегда, если наука перестает отвечать на вопросы, поставленные жизнью.

Вместе с тем в современной России проявил себя такой феномен, как социально-политическая напряженность, имеющая различный уровень в различных регионах. Требуется изучения и диалектика центробежных и центростремительных тенденций в установлении межнациональных связей и отношений. Фундаментальное знание российской провинции состоит в том, что практически все достижения культуры, будь то идеи, техника, технологии, порядок, обустройство форм жизни, так или иначе соотносятся с повседневностью, жизненным миром провинции. Эти явления повседневности, порожденный ими менталитет народа не исчезают, более того, в кризисных условиях всегда проявляют себя стабилизирующим фактором, позволяющим политикам сделать вывод, что Россия возродится из провинции.

Недооценка теоретиками и практиками роли обыденного сознания, формирующегося в провинции, объясняется отсутствием серьезных попыток понять механизмы его формирования. Следовательно,

нет противовеса существующей технике манипуляции общественным сознанием, насаждению ложных стереотипов. Особенно ярко это проявляется в период избирательных кампаний.

Психология людей сегодняшней России определяется ландшафтом, инфраструктурой, топографией городов, ведь большинство жителей страны – горожане, в отличие от прошлых веков. Поэтому сложно сохранять национальную идентичность, сложно и исследовать ее изменения, ее множественность, не впадая при этом в абсолютизацию «общечеловеческого».

Жизнь в деревне и маленьком городке при современном коммуникативном уровне задается ритмом жизни больших городов. При этом именно они способствуют девальвации установившихся, классических ценностей, идей, норм. Менталитет людей в больших городах и в глубокой провинции меняется под влиянием цивилизационных сдвигов на уровне повседневных форм жизни, под влиянием которых изменяются и традиции.

Для успешного осуществления новой политики новому властному режиму нужны и новые люди, с новым мировоззрением, мироощущением.

Изменение менталитета людей, то есть системы душевных установок и телесных желаний, происходит в процессе преодоления душевного надлома, изменения не только прежнего восприятия событий, но и структур повседневной жизни, переживания и изживания прошлого. Идет процесс перевоспитания взрослого населения и воспитания подрастающих поколений.

Критика прежней идеологии и воспитание нового человека не всегда эффективны для преодоления прошлого, ибо прошлое составляют не только идеи, но и образ, стиль жизни, экономические основы существования человека.

Россия – государство многонациональное, расположенное на огромных пространствах, в разных географических условиях: от севера до юга, в степях, пустынях, горах, равнинах. В нем всегда были различия между регионами в уровне развития экономики, науки, образования, культуры, уровне реальных доходов населения. Следовательно, не приходится говорить об однородности в социокультурном плане. Лишь в результате централизованной поддержки отставших регионов в условиях советской власти (с 20-х годов XX века) появилась тенденция сближения уровня развития разных регионов, что отмечено исследователями².

Но в период реформирования России в 90-х годах XX века резко усилилась дифференциация регионов. С 1990 по 1995 год, по данным

Ю. В. Яковца, разрыв в среднемесячной заработной плате по субъектам РФ увеличился с 3,4 до 10,2 раз, по объему ВВП на душу населения – в 120 раз, в розничном товарообороте на душу населения – с 3,1 до 13,7 раз. Наблюдается разрыв и в уровне государственной поддержки образования, культуры, науки по российским регионам, продолжительности жизни. Но ученый отметил и другое парадоксальное явление: в российской глубинке активизировалась социальная и культурная жизнь, а отсюда и вывод – в провинции сильнее, чем в столице, предпосылки социокультурного возрождения.

В конце 1990-х годов в реформируемой России стала нарастать дифференциация регионов по уровню доходов, при этом собственная доходная база бедных субъектов Федерации (депрессивных регионов) уменьшается, а это делает проблему равенства социальных гарантий, в том числе и образовательных, в рамках проводимой правительством экономической политики неразрешимой. Ведь большинство образовательных учреждений находятся на содержании местного бюджета, да и те, что финансируются из центра, не могут обойтись без финансовой, экономической, политической, социальной помощи местной власти³.

Так уж исторически сложилось, с началом промышленного переворота в России, индустриализации структура экономики, размещение производительных сил по территории страны подчинялись высшим целям, без оглядки на интересы региона, формировался единый экономический организм.

С развалом СССР нарушилась экономическая структура, система разделения труда, которая вместе с другими причинами привела к спаду производства. Различия между субъектами РФ по объему производства на душу населения достигли более чем в 100–120 раз. И, как следствие, различаются регионы и по уровню жизни населения. По данным С. Ю. Глазьева, дифференциация субъектов по показателю отношения среднедушевых доходов к прожиточному минимуму достигает 5 раз. Следовательно, в этих бедных регионах жители не могут воспользоваться и дополнительными платными услугами в сфере образования – негосударственными школами, колледжами, институтами, курсами по приобретению профессий.

Таким образом, различия между регионами страны приобретают качественный характер, что усиливает ее дезинтеграцию. Можно согласиться с выводом Глазьева, что единое социальное пространство страны разрушается, реальные права граждан, в том числе и на образование, различаются в зависимости от места жительства. Социально-территориальная структура России приобретает типично феодально-колониальные черты,

богатеющая столица все более отделяется от беднеющей провинции⁴, а это усиливает сепаратистские проявления.

Весьма перспективным является применение социокультурных циклов к изучению проблем провинции. Динамика и циклы общества и окружающей среды рассматриваются последователями Н. Кондратьева в многочисленных публикациях. Весьма серьезный шаг в развитии этой идеи был сделан на III Международной Кондратьевской конференции (май 1998 года), проходившей в Костроме. Цикличность предполагает однохарактерность процессов, происходящих во всем обществе. Следовательно, в различных составляющих его частях происходят одинаковые процессы.

Но это и так, и не так. В силу различного экономического, социального уровня, уровня жизни и духовной сферы каждая провинция, регион, составная часть общества и государства находится на разных ступенях развития, следовательно, циклы подъема и спада в разных частях различны, полиморфны. В совокупности же они составляют сложнейшую многослойную жизнь человеческого общества.

Примечания

¹ Пуляев В. Т., Васильков В. В. Народ и власть: проблемы самоорганизации // Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. СПб., 1995. С. 6.

² Социокультурная динамика в период становления конституционного общества: закономерности, противоречия, приоритеты. М., 1998. С. 16.

³ Там же. С. 274.

⁴ Там же. С. 276.

РАЗДЕЛ III. ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

С. А. Кабатов

ЗАХАБ СВЯТЫХ ВОРОТ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

В июне-сентябре 2003 года в северной части архиерейского садика Ипатьевского монастыря (рис. 1) проводились земельные работы по благоустройству территории. В ходе земляных работ при снятии механизированным способом верхнего слоя земли напротив церкви Хрисанфа и Дарьи выступили остатки непонятной каменной конструкции. Для определения природы постройки был заложен раскоп, точно по ее внешнему контуру площадью 240 кв. м., ориентированный по линии восточной стенки монастыря (юго-юго-восток – северо-северо-запад) (рис. 2). В ходе работ были обнаружены остатки каменной постройки, предположительно захаб Святых ворот.

Захаб – наружное дополнительное укрепление в форме коленчатого коридора перед въездом в ворота башни.

До наших дней сохранился лишь один из захабов XVII века. Он расположен перед западными воротами Нового города Ипатьевского монастыря и примыкает к западному фасаду так называемой Зеленой башни (рис. 3)¹.

Как известно, основание Ипатьевского монастыря предание связывает с именем крещеного татарского мурзы Чета – легендарного родоначальника бояр Годуновых, на вклады которых со второй половины XVI века начинается каменное строительство монастырского комплекса. В 1586–1590-х годах, после пожара (1581), уничтожившего старые деревянные укрепления, на средства Б. Ф. и Д. И. Годуновых были сооружены каменные стены с четырьмя угловыми башнями, тремя воротами (с востока, юга и запада)². Святые ворота, которые нас интересуют (рис. 1), находились с восточной стороны. О времени построения каменной ограды монастыря сообщает летопись на каменной плите, первоначально вставленной в Святые ворота, а позднее вмонтированной в северную стену Троицкого собора: «Лета 7094 (1586) повелением благоверного и боголюбивого и великого князя Федора Ивановича всея Руси самодержца, и его благочестивыя и христолюбивыя царицы великия княгини Ирины, в третье лето государства его начаты бысть делати сии

святые ворота и оградка камена около сея превеликия Лавры Святыя пребезначальныя Троица Ипацкого монастыря, тизанием и верою боярина Дмитрия Ивановича Годунова, да боярина и конюшево Бориса Федоровича Годунова, на память от рода в рода по душах своих и по своих родителех в вечный поминок». Сразу после строительства Святых и расположенных рядом с ними Водяных ворот, местонахождение которых доподлинно не известно, в 90-х годах XVI в. над ними были возведены шатровые храмы Федора Стратилата и Ирины, в честь небесных покровителей царствующей в это время четы – Федора Ивановича и Ирины Годуновой (оба храма были освящены в 1600 году)³. Первоначальная высота стен была на два метра ниже современной и достигала 6,5–7 метров. Стены вначале имели толщину полтора метра, а позднее, в XVII веке, они были доведены до трех метров. Стены выложены из двух рядов каменной кладки, промежуток между которыми заполнен «забутовкой» – засыпан камнями и щебнем и залит раствором⁴.

Именно с этим периодом строительства связан выявленный нами в 2003 году фундамент захаба (рис. 4), который отнесен нами к самому раннему периоду строительства, то есть к первому строительному горизонту. Обнаруженные остатки фундамента переживают как минимум три строительных периода.

К первому (раннему) горизонту относится непосредственно само строительство захаба, фундамент которого показан на рисунке 5. Это прямоугольная в плане конструкция, ориентированная по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад. Размер достоверно можно определить только восточной-северо-восточной стенки (1812 см), длину юго-юго-восточной и северо-северо-западной стенок определить не представляется возможным, поскольку эти стенки в западной части разрушены поздними строительными работами. Ширина конструкции была не менее 840 см. Толщина *стен* по всему периметру в среднем составляет от 120 см до 192 см. Они сложены из красного кирпича без клейм (32 x 16 x 9 см). В стенах прослеживаются смотровые отверстия (бойницы?) (кв. И/К – 4/5) и бойницы (кв. 3–6, Ж–6, Д–6). Основанием фундамента выступает 4–5 рядов камней-валунов (рис. 6) средним размером 100 x 60 см.

С северо-северо-западной стороны захаба четко прослеживается *вход* (рис. 4). Ширина входа не превышает 380 см. Вход в захаб закрывался, по всей вероятности, не особо мощными деревянными *воротами* (в описании И. Ф. Мичуриным формы захаба Святых ворот, о котором речь пойдет ниже, указываются железные ворота; тем не менее, пазы под дверную коробку для навешивания ворот, на наш взгляд, недостаточно мощные для металлических дверей). В пользу этого свидетельствует

их размер (20 x 20 см) с обеих сторон внутренней стенки входа под вертикальные столбики, к которым и крепились ставни ворот (форма крепления ставней и ширина прохода указывает на наличие двустворчатых ворот).

Сразу от входа внутри захаба почти до половины конструкции (до линии E) прослеживается *каменная дорожка* (рис. 4). Последняя выложена валунами различных размеров и имеет четкую направленность к конструкции в форме *двух арок* (В/Е – 1/3) (рис. 5). Полностью сохранилась только южная арка (рис. 7), северная фактически полностью разрушена поздними строительными работами (рис. 8). Если следовать логическому построению элементов конструкции и их соотносимости в плане, можно предположить, что обе эти арки есть не что иное, как элемент следующей конструкции, к которой примыкал сам захаб, то есть вход в Святые ворота. Однако уровень каменной дорожки при стыковке с арками и внутренний уровень потолка южной арки имеет разницу не более 135 см. Возможно, мы имеем дело с усадкой фундамента арки. Интересно, на наш взгляд, изображение на гравюре Ипатьевского монастыря в 1613 году, где вход в Святые ворота указан в форме двух арок (рис. 9). Однако здесь необходимо учитывать вольную стилизованную технику выполнения рисунка. На рисунке не указаны Водяные ворота, захабы Святых и Водяных ворот и прочие элементы, которые в этот период уже существуют на данном участке.

Некоторое представление о том, какой вид имела восточная часть Ипатьевского монастыря первого строительного периода, дает рисунок в «Книге об избрании на царство Михаила Федоровича» (1672), изображающий события 1613 года (рис. 10), когда к скрывающимся от поляков будущему царю Михаилу Федоровичу и его матери пришло посольство от Земского собора, чтобы он «...умилился над остатком много расхищенного от разпленения сыроядцев православного христианства Российского царства, не призирил бы народного слезного рыдания и, по избрании всех чинов людей, пожелал бы ехать на свой царский престол в Москву и своим благородием подал бы избаву от всех находящих бед и скорбей»⁵. Лицевые миниатюры для книги выполнены иконописцами Оружейной палаты Московского Кремля, в их число входил и костромич Сергей Васильевич Рожков. Миниатюра представляет сцену встречи Великого московского посольства 14 марта 1613 года Михаилом Федоровичем Романовым и его матерью инокиней Марфой на фоне восточной стены захаба этих ворот. Церковь, посвященная священномученикам Феодору Стратилату и Ирине, изображена на рисунке в окружении целого ряда сооружений (рис. 10). К востоку от нее расположен интересующий нас захаб Святых ворот, представлявший собой прямоугольное

в плане сооружение с односкатной тесовой кровлей. К северному торцу захаба Святых ворот пристроено крытое крыльцо, через которое осуществлялся вход вовнутрь. На рисунке дверной проем развернут на восток. От северного торца захаба Святых ворот на север параллельно восточному пряслу крепостной стены между Святыми воротами и Пороховой башней шла невысокая каменная ограда, которая оканчивалась небольшим каменным сооружением с плоской кровлей, высота которого не превышала высоты ограды⁶.

Интересен, на наш взгляд, еще один момент. В юго-юго-восточной стенке захаба (кв. И/К – 3) наблюдается кладка более позднего времени (рис. 5), свидетельствующая о том, что в этот период здесь был какой-то выход, проход. Но это никак не вяжется с тем общеизвестным фактом, что захаб имеет только один вход снаружи. Объяснить это можно только одним – это вход в *захаб Водяных ворот*, показанных на миниатюре (рис. 10), расположенный южнее. К сожалению, сетка раскопа не позволила захватить большую территорию к югу, где предположительно и сейчас находятся остатки малого захаба.

К 1690-м годам шатровые завершения надвратных церквей Ирины и Федора Стратилата заменены ярусными, типа «восьмерик на четверике», характерными для нарышкинского барокко. В это же время надвратные храмы переосвящаются во имя апостолов Петра и Павла⁷.

Второй строительный период мы соотносим со временем 1742–1744 годов, когда по проекту архитектора И. Ф. Мичурина были отремонтированы почти все монастырские постройки. Вероятно, в этот период для защиты от половодья, несколько раз наносившего существенный урон монастырю, *вдоль берега* был устроен *деревянный «обруб»* с «тарасами» (деревянными стенками, заполненными землей), а за ним тын из вертикально поставленных бревен⁸.

Опись Ипатьевского монастыря 1742 года, составленная архитектором Мичуриным, сопровождается промерами, которые дают документальные материалы для реконструкции этого участка. Так, по данной описи к югу от Святых ворот под прямым углом отходила каменная зубчатая стена, которая начиналась, как бы продолжая восточную-северо-восточную стенку захаба Святых ворот, и тянулась вдоль восточной стены монастыря (параллельно ей) до Пороховой башни, где и обрывалась. Эта стена была обнаружена нами к северу от захаба Святых ворот во время снятия грейдером верхнего слоя балласта. Стенка эта не откапывалась, но ее контуры читались четко. Перед Святыми воротами, по сведению Мичурина, коридор перегораживался железными створными воротами, а за ними – опускными деревянными решетчатыми. Перед Святыми

воротами было боевое помещение для обстрела нападавших с тыла – захаб, который представлял собой невысокое одноэтажное, прямоугольное в плане каменное сооружение, покрытое односкатной тесовой кровлей⁹.

В данных «Писцовой книги» 1628 года фиксируется несоответствие о двойных воротах под церквями и тем, что изображено на миниатюре «Прибытие посольства к царю Михаилу Романову...»: там одна арка. Единственным объяснением этому, на наш взгляд, может являться то, что художник С. В. Рожков, писавший миниатюру в Москве, мог ошибиться, тем более что все другие источники указывают на двойные ворота.

В период бытования второго строительного горизонта идет *ремонт самого захаб*, как минимум нижней части конструкции. В этот период закладываются смотровые окна и бойницы в стенах, а также устанавливаются с внутренней стороны подпорки к стенам (см. рис. 5): юго-восточный угол (кв. И – 5), по восточной стенке (Е/Ж – 5 и Г – 5). Кроме того, к аркам (к которым тянется каменная дорожка) с двух сторон, с севера и юга, впритык были поставлены две конструкции прямоугольные в плане высотой не более 106 см (вероятно, тоже подпорки). В южной стенке (кв. И/К – 3) наблюдается кладка этого же времени. Это предположительно замурованный вход в захаб Водяных ворот, о котором говорилось выше, либо перекладка разрушенного участка стены.

Исчезновение в этот период таких фортификационных элементов захаб, как смотровые окна и бойницы, свидетельствует о некоем изменении функциональной нагрузки конструкции. Это можно объяснить стабилизацией внешней и внутренней ситуации в крае и отсутствием каких-либо военных действий.

Третий и последний строительный период в истории конструкции захаб начинается со второй половины XVIII века. Это время, когда захаб и сами Святые ворота утрачивают первостепенную роль в монастырском комплексе и исчезают вовсе.

В 1745–1750 годах при епископе Сильвестре произведена *перестройка комплекса зданий* с восточной стороны, между настоятельскими покоем и Святыми воротами. Надстроен третий, деревянный этаж с открытой галереей, выходящей в сторону реки Костромы, здание объединили с настоятельским домом, и оно получило название Архиерейского корпуса. В 60-е годы XVIII века, при епископе Дамаскине, построено южное крыло Архиерейского дома в два этажа, справа от Святых ворот¹⁰. К приезду в Кострому Екатерины II в 1766 году главный подъезд был устроен с северной стороны, так как в старые ворота въезд был «труден и неспособен»¹¹. В 1834 году Кострому посетил Николай I, и по его распоряжению вернуть монастырским постройкам «древний вид»

К. А. Тон начинает работу. В 1836 году центральная часть Архиерейского корпуса с портиком и остатками Святых ворот была разобрана, и на их месте по проекту губернского архитектора Ф. И. Уткина закладываются новые Святые ворота с надвратной крестовой церковью. В 1841 году при возведении сводов нового храма его стены обрушились, после чего сделаны новые фундаменты, на которых в 1852–1863 годах по проекту К. А. Тона и губернского архитектора Н.П. Григорьева была возведена новая надвратная церковь Хрисанфа и Дарьи в память о победе Александра I над Наполеоном¹². С этим строительным горизонтом соотносится мощное *перекрытие внутри захаба*, а также засыпка остатков фундамента захаба при сооружении архиерейского садика до современного уровня дневной поверхности.

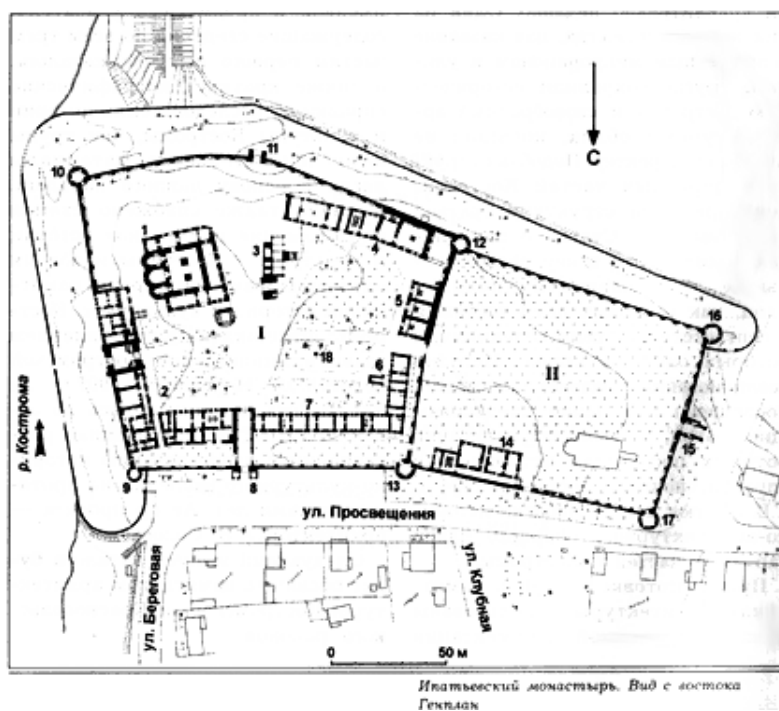
Уже после «исчезновения» остатков фундамента захаба Святых ворот на этом месте проводятся земляные работы (рис. 5). В ходе этих работ были потревожены (кв. Д – 5/6) и частично разобраны (кв. Г – 1/2, Б – 1/2) элементы конструкции и частично разрушена внутренняя булыжная дорожка захаба. Западная часть фундаментного основания конструкции была уничтожена при строительстве церкви Хрисанфа и Дарьи.

Обнаруженные в ходе исследования на территории Архиерейского сада фундаменты принадлежат именно захабу Святых ворот. Конструкция изначально преследовала фортификационные оборонительные цели. Основная функция захаба сводилась к обороне самих ворот от неприятеля на некотором расстоянии. Конструкция была построена таким образом, что неприятель при подступе к воротам монастыря (в данном случае Святым) обстреливался не только со стен монастыря, но и из захаба через смотровые окна и бойницы. Удачным было решение устроить вход в захаб не прямо к Святым воротам, как бы в продолжение выхода, а с северной стороны, под углом к воротам. Для того, чтобы усилить обстрел нападающих на вход в захаб, была построена невысокая стенка. Последняя тянулась от захаба параллельно монастырской стене до Пороховой башни, где оканчивалась, образуя подобие коридора, по которому осаждающие обязаны были пройти до входа в захаб. При таком построении неприятель, прежде чем добраться до ворот в монастырь, штурмует ворота захаба, непосредственно стоя под обстрелом со стен монастыря.

Данное исследование имеет большое научное и мемориальное значение. Оно воссоздает реальную историческую картину ансамбля Ипатьевского монастыря на определенном участке и позволяет проследить динамику изменений. Сами изменения позволили определить причины тех или иных реконструкций. Результаты исследования позволяют наглядно представить себе путь, который проделал Михаил Федорович

РАЗДЕЛ III

Романов и его мать инокиня Марфа, выходя навстречу Великому московскому посольству 14 марта 1613 года, путь, которым торжественная процессия вошла в Ипатьевский монастырь. Изучение найденных фундаментов позволяет определить, насколько точен был автор лицевой миниатюры из «Книги об избрании на царство...», который через 60 лет после описанных в ней событий изобразил сцену встречи Михаилом Федоровичем посольства у Святых ворот обители.

I. Старый город:

- 1 – Троицкий собор;
- 2 – Архиерейский корпус;
- 3 – звонница;
- 4 – «Свечной корпус»;
- 5 – корпус «над погребями»;
- 6 – келарский корпус;
- 7 – братские кельи;
- 8 – Екатерининские ворота;
- 9 – Пороховая башня;

- 10 – Водяная башня;

- 11 – Воскобойная башня;
- 12 – Квасная башня;
- 13 – Кузнечная башня.

II. Новый город:

- 14 – богадельня;
- 15 – Зеленая башня;
- 16 – Юго-западная башня;
- 17 – Северо-западная башня;
- 18 – Мемориальная башня.

Рис. 1. Схематический план Ипатьевского монастыря

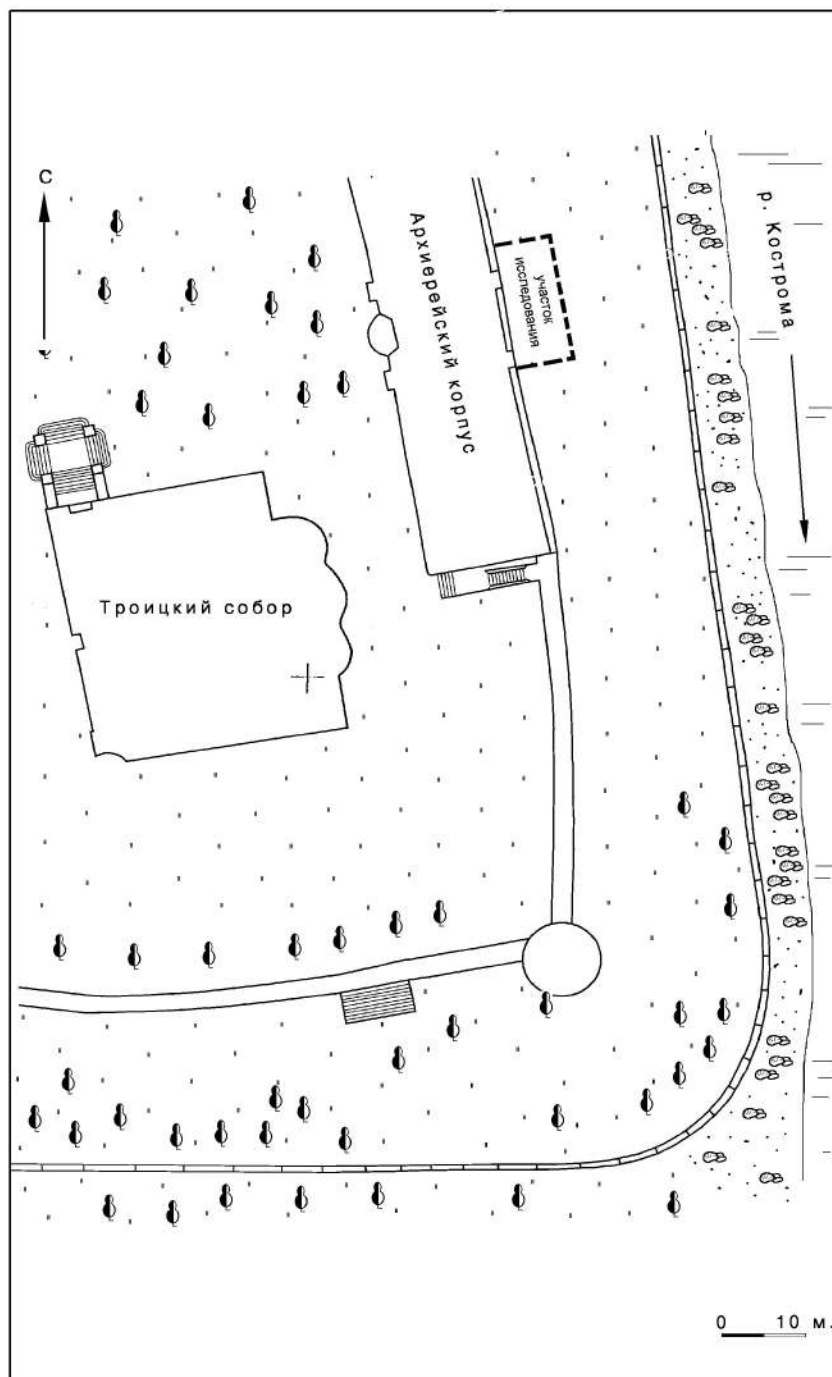

Рис. 2. Ситуационный план расположения участка исследования

Рис. 3. Ипагьевский монастырь. Конструкция захаба Зеленой башни Нового города.

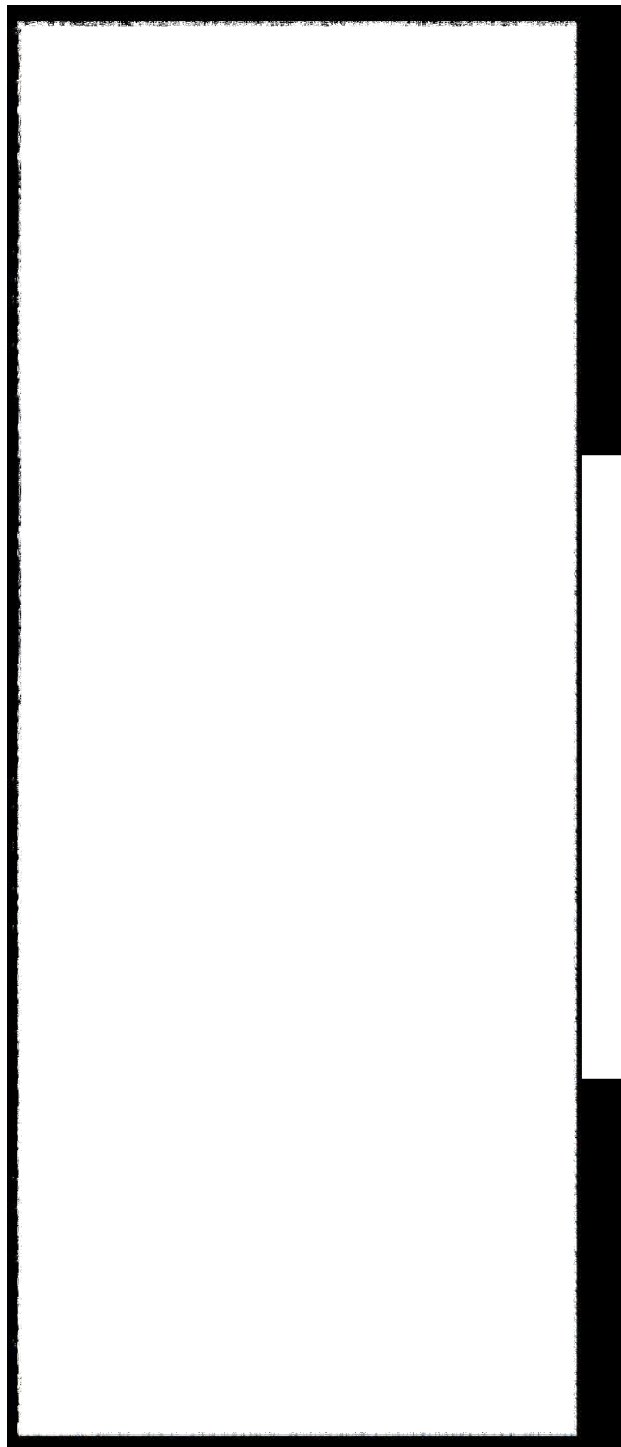

Рис. 4. Фото фундамента захаба Святых ворот

Рис. 5. Фундамент захаба Святых ворот

Рис. 6. Булыжная «подушка» фундамента захаба

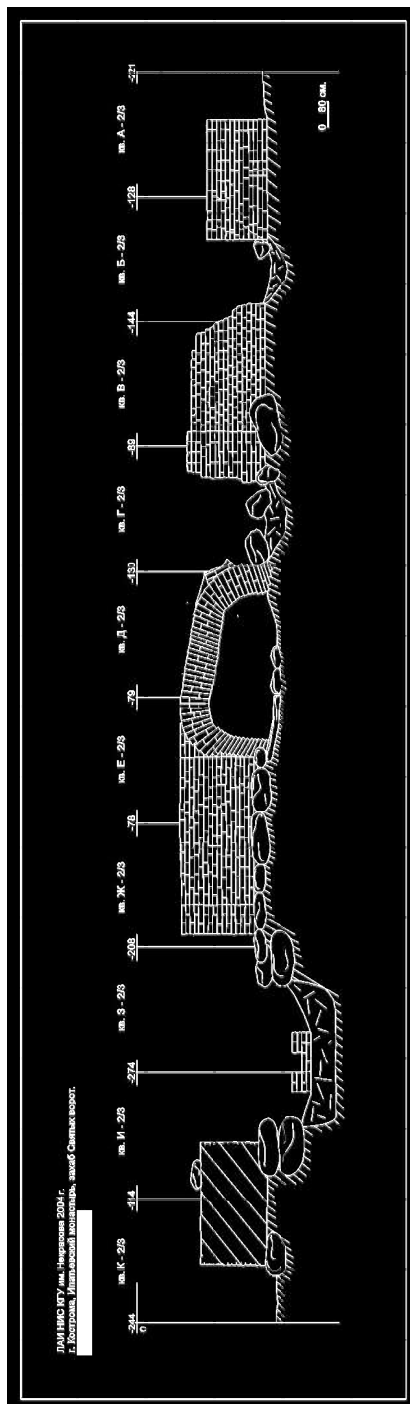

Рис. 7. Фасовка по линии Б-Б*

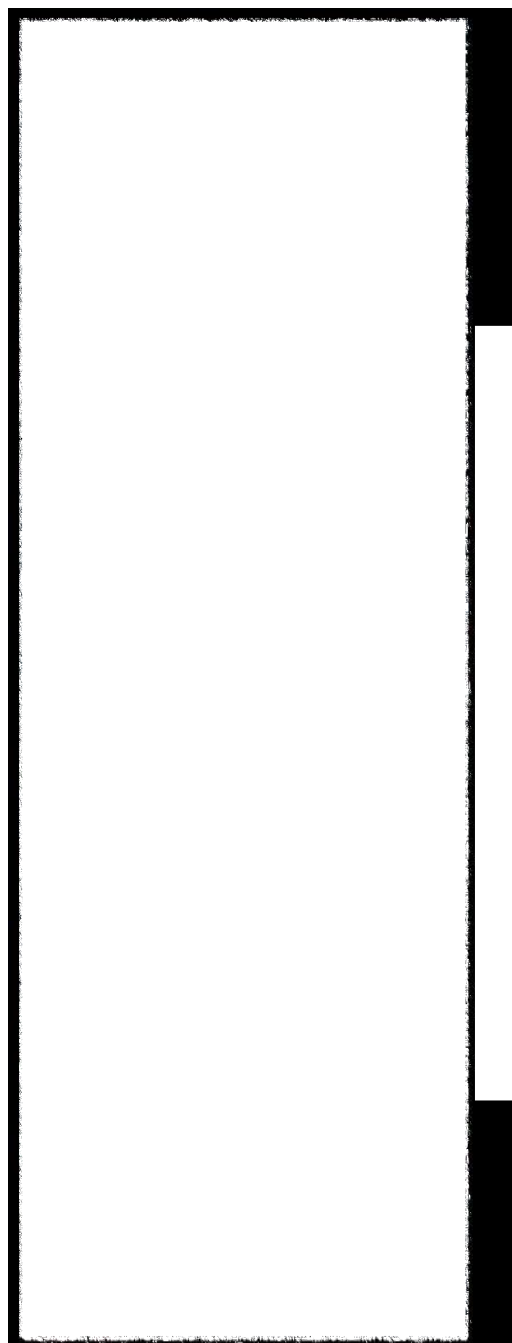

Рис. 8. Арочная конструкция захаба (вход в Святые ворота?)

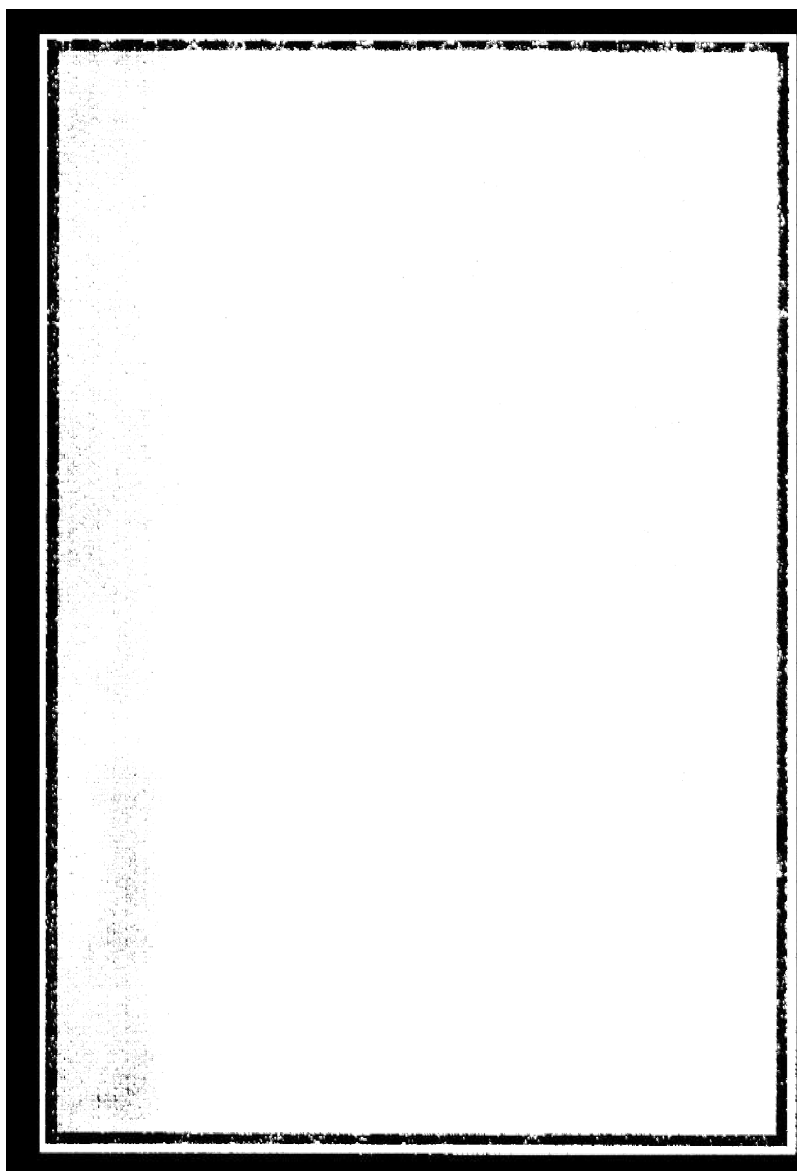

Рис. 9. Вид Ипатьевского монастыря в 1613. С рисунка начала XX в.

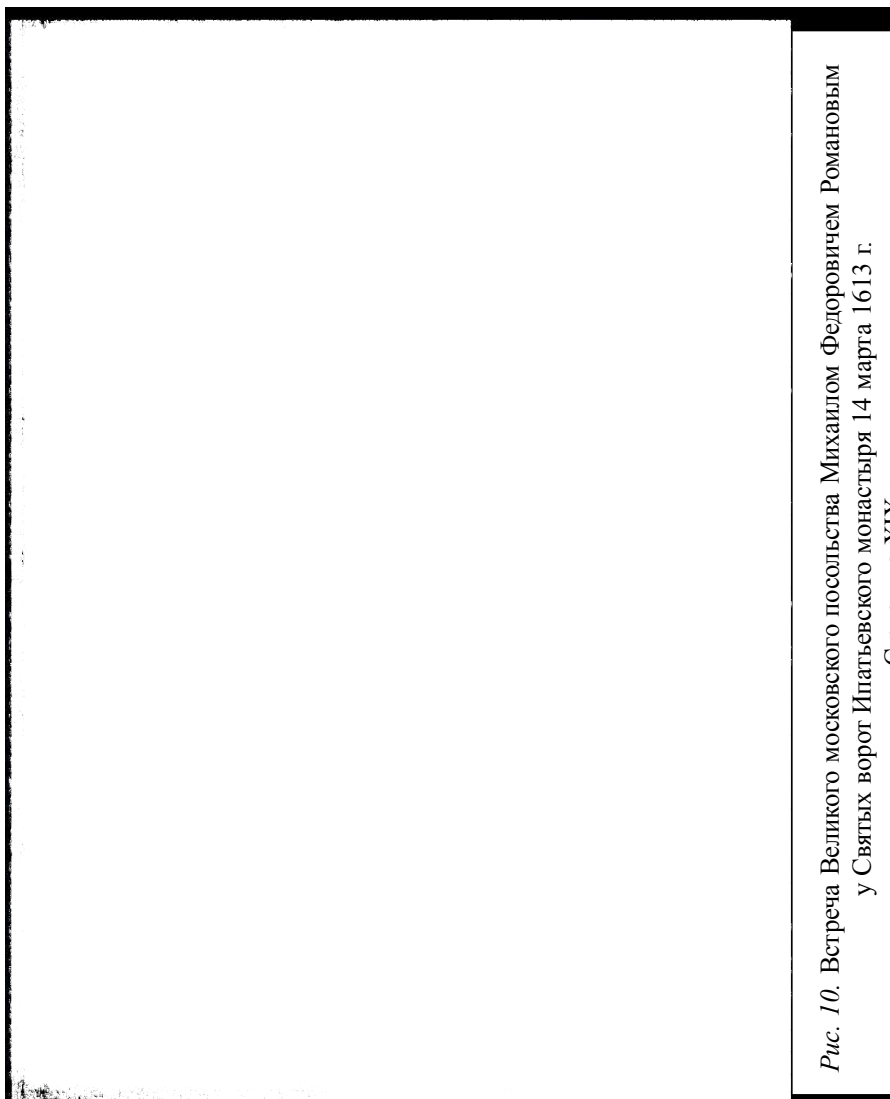

Рис. 10. Встреча Великого московского посольства Михаилом Федоровичем Романовым
у Святых ворот Ипатьевского монастыря 14 марта 1613 г.
С рисунка XIX в.

Примечания

¹ Куколевская О. С., Трехсвятская Т. П., Чугунов Е. А. Ипатьевский монастырь. – М., 2003. С. 94.

³ Там же. С. 5.

⁴ Брюсова В. Г. Ипатьевский монастырь. М., 1982. С. 20.

⁵ Памятники архитектуры Костромской области. Кострома, 1998. Вып. 1. Ч. 3. С. 6.

⁶ Кудряшов Е. В. Архитектурные памятники Ипатьевского монастыря XVI–XVII вв. // Краеведческие записки. Ярославль, 1973. Вып. 1. С. 67–68.

⁷ Памятники архитектуры Костромской области. Кострома, 1998. Вып. 1. Ч. 3. С. 6–7.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Брюсова В. Г. Ипатьевский монастырь. М., 1982. С. 24–25.

¹⁰ Там же. С. 70.

¹¹ Там же. С. 70.

¹² Памятники архитектуры Костромской области. Кострома, 1998. Вып. 1. Ч. 3. С. 7–8; Островский П. Ф. Историко-статистическое описание костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 274–180.

А. И. Григоров

**КОСТРОМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ
1914–1918 ГГ.**

Костромской край имеет давнюю и славную военную историю. Что-то из этой истории донесли до нас летописи, что-то – «Смотренные книги» и «Десятни...», что-то – «Росписи ополчений...».

До появления регулярной армии в России в конце XVII в. почти вся военная сила нашего государства была построена на принципе ополчения. С учреждением Петром I регулярной Русской армии задачи по защите Отечества легли на ее плечи. Но в особенно тяжелые моменты нашей истории вновь, как и в старину, приходилось прибегать к организации государственных ополчений.

Костромским ополчениям 1610 и 1812 гг. было посвящено несколько научных статей. История частей Народного ополчения, формировавшегося Костромской области в 1941–1942 гг., также исследована и освещена в литературе. Но в губернии собирались государственные ополчения и в 1806–1807 гг., 1855–1856 гг., 1877–1878 гг., 1914–1818 гг., история которых не исследована.

© А. И. Григоров, 2008

В этой статье будет рассказано о воинах-ополченцах дружин, сформированных в годы Великой войны 1914–1818 гг. на территории Рязанской губернии – о «крестиках»¹, как ласково называли на фронте ополченцев бойцы кадровых частей.

Юридические акты, на основании которых формировались части Государственного ополчения в Российской империи в 1914–1818 гг. – «Мобилизационные расписания...» Штабов соответствующих Военных округов от 1 января 1910 г., а также «Высочайше утвержденное Положение Военного Совета о государственном ополчении» 1914 г.²

Юридическими актами, на основании которых формировались ополченские части в Костромской губернии, служили указанные выше «Положение Военного Совета...», «Мобилизационное расписание Штаба Московского Военного Округа» за 1910 г., дополнение его за январь 1914 г. и «Положение о подготовительном к войне периоде»³, где были указаны количество, состав, численность и место формирования ополченских частей в губернии в случае объявления всеобщей мобилизации.

Костромская губерния входила в отношении мобилизации ополчения в юрисдикцию Ярославской местной бригады. В Костроме предполагалось сформировать 6 ополченских частей (пешие дружины № 501, 502, 503, ополченские саперные полуроты № 40 и 41, ополченскую конную сотню № 63) и управление 63-й Ополченской бригады.

В ополченской пешей дружине первоначально полагалось иметь 2 штаб-офицерских и 12 обер-офицерских должностей, 4 классовых должности (2 врача и 2 военных чиновника) и около 990 нижних чинов.

В ополченской саперной полуроте – по 3 офицера, 1 чиновнику и 150–155 нижних чинов.

В ополченской конной сотне – по 3 офицера, 1 чиновнику и 110–120 нижних чинов.

Призывной контингент Костромских ополченских частей.

Офицеры Государственного ополчения.

В том же «Высочайше утвержденном Положении Военного Совета...»:

«...5. На командные должности, от начальников бригад до командиров рот, сотен, батарей и саперных полурот включительно, назначаются обязанные службой в ополчении лица офицерского звания, состоящие или состоявшие в военном чине, соответствующем должности, или одним чином выше, или же одним или несколькими чинами ниже.

На должности начальников штабов бригад назначаются, по возможности, числящиеся в ополчении офицеры генерального штаба или окончившие курс в одной из военных академий. <...>

Офицеры, врачи и чиновники ополчения, а также лица, которые могут быть предназначены к занятию в частях ополчения младших офицерских должностей, направляются распоряжением губернских (областных) по воинской повинности присутствий в пункты формирования ополченских частей в ведение соответствующих уездных воинских или войсковых начальников, согласно особым на то распределениям, составляемым на основании действующего мобилизационного расписания ратников:

а) главным управлением генерального штаба – в отношении офицеров всех родов ополчения и чиновников, и

б) главным военно-санитарным управлением – в отношении медицинских чинов...»⁴

В фонде Костромского губернского по воинской повинности присутствия (ГАКО, ф. 1007) сохранились учетные книги офицеров ополчения губернии за предвоенные и военные годы, в которых все числящиеся по ополчению губернии офицеры разделены по родам войск. Из их числа и должен был набираться при мобилизации Государственного ополчения штат офицеров Костромских ополченских дружин. Офицеры, планируемые на должности командиров дружин, начальников хозяйственных частей и командиров рот, в этих учетных книгах предварительно были расписаны по ополченским частям.

В 1914 году на учете у уездных воинских начальников состояли штаб-офицеры, обер-офицеры и классные чины, проживающие или проживавшие до недавнего времени на территории Костромской губернии.

«...Категории предназначенные для назначения на старшие ополченские должности состоящих к 1 января 1914 года.

Состояли на учете на 1 янв. 1913 года:

1. Путьковский Алексей Васильевич, подполк, с 1908, до 1918, 140-й пех. Зарайский полк, на ком. 502 дружины

(убыло – подполк. Мацуевич Владимир Дмитриевич, за окончанием срока пребывания...)

Категория рекомендуемых на <...> штабные и командные должности:

2. Путьковский Николай Васильевич, подпор., с 1894, по 1919, Солигаличский резервный бат-н, на ком. роты 530 пеш. дружины.

3. Яковлев Николай Дмитриевич, пор., с 1892, по 1920, 11-й Псковский пех. полк, с 1900, на ком. роты 503 пеш. дружины.

4. Рустицкий Валериан Александрович, подпор., с 1888, по 1917, 140-й пех. Зарайский полк, на ком. роты, там же.

5. Григорьев Василий Петрович, шт.-кап., с 1896, до 1915, 140-й пех. Зарайский полк, с 1902, на ком. роты в 501 пеш. дружину.

РАЗДЕЛ III

6. Селифонтов Николай Иванович, подполк., с 1903, по 1921-й, 1-й Варш. Окр. Инт. Управ., с 1903, на нач. хоз. части 501 дружины <...>.
7. Скалозубов Петр Сергеевич, пор., с 1895, по 1918, штаб 1-й пехотной дивизии, с 1903, на ком. роты 503 пеш. дружины.
8. Яблочков Николай Алексеевич, подпор., с 1890, по 1916, 7-й Гренадерский Самогитский полк, с 1904, на ком. роты 530 пеш. дружины.
9. Тардов Дмитрий Александрович, подпор., с 1901, по 1926, в 189-м пех. Белгородском полку, тоже, на ком. роты.
10. Матиссен Петр Христианович, с 1892, по 1914, 313-й пех. Кинешемский полк, 1906, на ком. роты 503 дружины.
11. Верховский Аркадий Петрович, прап., с 1891, надв. сов., до 1919, 81-й пех. резервный бат-н, с 1906, ком. роты в 532 дружину.
12. Орлов Александр Николаевич, кап., с 1907, по 1924, 243-й Златоустовский резервный бат-н, ком. роты в 501 пеш. дружину.
13. Троицкий Иван Иванович, подполк., с 1907, по 1915, 245-й пех. Солигаличский полк, нач. хоз. части в 502 пеш. дружину.
14. Раевский Михаил Александрович, прап., с 1905, по 1918, 239-й Окский пех. полк, ком. роты в 530 пеш. дружину.
15. Бышевский Петр Антонович, кап., с 1905, по 1921, ком роты в <...> (часть листа утрачена).
16. Беляев Михаил Петрович, подпор., с 1893, по 1921, 11-й Гренадерский Фанагорийский полк, на ком. роты в 531 пеш. дружину.
17. Торгашев Виктор Иванович, прап., с 1905, по 1920, 10-й Гренадерский Малороссийский полк, ком. роты 164 пеш. дружину.
18. Беляев Николай Федорович, шт.-кап., с 1909, по 1918, 5-й Сиб. стрелковый полк, на ком. роты в 502 пеш. дружину.
19. Андрушкевич Игнатий Игнатьевич, пор., с 1904, по 1925, 69-й пех. Рязанский полк, на ком. роты в 164 дружину.
20. Жучков Иван Иванович, прап., с 1911, по 1921, 4-й Гренадерский Несвижский полк, тоже.
21. <...> (обгорело), на ком. роты 165 дружины <...>.
22. Клеченов Александр Игнатьевич, прап., с 1900, до 1928, 6-й Гренадерский Таврический полк, ком. роты 165 дружины.
23. Дружинин Сергей Николаевич, прап., с 1893, по 1918, 237-й пех. Кремлевский полк, тоже.
24. Графов Александр Иванович, прап., с 1911, по 1920, 100-й пех. Остроленский полк, на млад. оф. 501 пеш. дружины.
25. Куприянов Сергей Михайлович, пор., с 1904, по 1929, 1-й Лейб-гренадерский Екатеринославский полк, ком. роты 531 дружины.

26. Надеждин Павел Васильевич, шт.-кап., с 1906 г. по 1926, 50-й пех. Белостокский полк, ком. роты в 502 пеш. дружину.

27. Симсон Герман-Вильгельм–Антоний Адольфович, шт.-кап. с 1905 по 1921, 247-й пех. Романовский полк, ком роты 502 дружины.

28. Верховский Михаил Николаевич, прап., с 1897, по 1922, Лаишевский резервный бат-н, на ком. роты 532 дружины.

29. Шелагуров Илья Иванович, прап., с 1899, по 1927, 4-й Гренадерский Несвижский полк, ком. роты 532 дружины.

30. Сальков Петр Алексеевич, пор., с 1888, по 1914, 140-й пех. Зарайский полк, ком. роты 531 дружины.

31. Рафф Иван Яковлевич, прап., с 1905, по 1922, 313-й пех. Кинешемский полк, мл.оф. 40 сап.полуроты,

32. <...> Петр Константинович, прап., по 1920, 10-й Гренад <...> мл. оф. в 503 дружину.

33. Писанко Николай Владимирович, шт.-кап., с 1903 по 1919, 133-й пех. Симферопольский полк, ком. роты 79 дружины.

Убыло за переходом на др.место жительства – пор. Емельянов, шт.-кап. Пятницкий, кап. Ошанин, подполк. Шнарковский.

Поступили на учет в течение 1913 года:

34. Васильев Николай Николаевич, прап., до 1914, 135-й пех. Керченский полк, не предназначен, на млад.офицера.

35. Сухенко Александр Федорович, прап., 1899, к.а., до 1922, 33-й пех. Елецкий полк. –//–

36. Рябов Александр Михайлович, прап., с 1900, до 1916, Осовецкий крепостной полк. –//–

37. Протасьев Петр Иванович, прап., с 1905, т.с., по 1917, 8-й Гренадерский Московский полк. –//–

38. Иконников Николай Иванович, с 1897, по 1920, Лейб-гвардии Московский полк, на ком. роты 494 пеш. Дружины в Скопин.

39. Якубов Алекс. Ник. шт.-кап., с 1906, по 1923, Брянский прод. Инт.зав., в 494 дружину, на ротного ком.

40. Быковский Виктор Эдуардович, пор., с 1906, т.с., по 1931, 238-й Клязьминский резервн. батальон, туда же.

41. Нечаев Косма Александрович, шт.-кап., с 1907, по 1927, 10-й Гренадерский Малороссийский полк, туда же, на ротного ком.

42. Богданов Петр Александрович, прап., с 1910, по 1928, 240-й Красненский резервный бат-н, туда же, на млад. оф.

43. Шрейбер Николай Николаевич, кап., с 1906г., н.с., по 1924, 239-й Окский резервн. бат-н, туда же, на ротного ком.

РАЗДЕЛ III

44. Песиголовцев Сергей Петрович, прап., с 1906, т.с., по 1919, 35-й пех. Брянский полк, туда же, млад. оф.

Не предназначенные на старшие ополч должности:

45. Черняев Алексей Васильевич, прап., с 1894, по 1921, 247-й пех. Романовский полк, не призывался, т. к. занимает должность уч. инсп. Чухломского с/хоз уч. им. Чижова.

46. Андроников Николай Павлович, подпор., с 1893, по 1920, 132-й пех. Бендерский полк, не призывался, т. к. занимает должность уездного исправника

47. Яковлев Владимир Дмитриевич, шт.-кап., с 1903, по 1924, 6-я Саперная бригада, освобожден от призыва, т. к. является уездным предвод. дворянства.

48. Николаев Александр Федорович, прап., с 1903, по 1924, 316-й Вышеволоцкий полк, не призывался, как штатный преподаватель Кологривского низшего сельхоз. училища.

Убыли: за окончанием срока – пор. Яковский, за смертью – пор. Лихачев.

Из поступивших на учет в 1913 году:

49. Антонович Николай Иванович, подполк., с 1907, по 1917, 11-й Стрелковый полк, на нач-ка дружины.

50. Олевинский Петр Адамович, шт.-кап., с 1908, по 1916, 2-й Кадетский корпус, 1913, не призывался как занимающий должность инспектора народных училищ 1 уч-ка 2 р-на Костромской губернии»⁵.

«...Конное ополчение.

Категории рекомендуемых к зачислению в кандидаты на ком. должности:

А) из состоящих к 1 янв. 1913 года –

1. Захарьин Владимир Александрович, шт.-ротмистр, с 1909, по 1928, 18-й Гусарский <...> полк, на ком. роты 502 дружины.

Из поступивших в течение 1913 года – нет.

Из не предназначенных на старшие ополченские должности – из состоявших на учете к 1 янв. 1913 года:

2. Базилевский Дмитрий Александрович, ротмистр, с 1909, по 1923, 3-й Уланский Смоленский полк – на ком. роты...»⁶.

«Артиллерийское ополчение:

1. Кетов Ив. Всеволодович, шт.-кап., с 1900, по 1915, Брест-Литовской крепостной арт., млад. оф. в 502 дружину.

2. Хлебников (из 35 Арт. бригады).

3. Радзишевский <...>

4. Михайлов <...>

5. Апушкин

6. Гус<...> ич

7. Ратьков (37 Арт. бриг.)

8. Пигурен ...»⁷ (обгорело, расплылась).

«Саперное ополчение

1. прап. Стихнов <...>

2. прап. Бернштейн ...»⁸

«...Врачи состоявших на учете к 1 янв. 1913 года:

1. Соловьев Павел Александрович, к.с., лекарь, православный, до 1922, 183-й пех. Симферопольский полк, зачислен в ополч. 1910, врач при Кинеш. земской б-це, назн. в 501 дружину, должность освобождающую от призыва не занимает.

2. Винокуров Алексей Иовлев, не имеет чина, лекарь, по 1916, рядов не проходил, врач б-цы Тов-ва Красильщиковой в Родниках Юрьевецкого уезда, в 502-ю дружину.

3. Иорданский Иван Феоктистович, к.с., лекарь, по 1917, 19-й Сводный Каунченд. госпиталь, 1906, председатель пед. совета Кологривской гимназии, преподаватель математики той же гимназии, занимает освобожд. от призыва должность.

4. <...> (обгорело) олай <...> стат. <...> по 1914 год, не проходил, Кологривский уездный врач, на должность бригадного врача 20-й бригады Гос. ополчения, Ярославль.

5. <...> коллежский <...> лекарь, правосл. <...> до 1917, 20-й Военно-полевой госпиталь, 1909г., врач ст. «Кинешма» Сев. ж/д, в 502-ю дружину.

6. Архангельский Петр Александрович, не имеет чина, лекарь, правосл., по 1920 год, рядов не проходил, с 1908 г., врач, зав. Юрьевецкой зем. б-цей, (более 16 кроватей), в 502 дружину, на освоб. должности.

7. Крюков Михаил Михайлович, ст. сов., до 1919, не проходил, с 1910г., ст. врач Костромской губ.земской б-цы (на 130 кроватей), в 502 друж., на освоб. должности.

8. Усольцев Николай Арсеньевич, н.с., лекарь, до 1919, не проходил, с 1910, Ординатор Костромской губ. земской б-цы, в штаб 183-го пех. Пултусского полка, освоб.должность.

9. Альбицкий Александр Александрович, не имеет чина, лекарь, до 1923, не проходил, с 1911, земский врач Юрьевецкого уезда, в 503 дружину --/--

10. Морин Александр Николаевич, к.с., лекарь, до 1921, 2-й желдорозный бат-н, с 1911, ст. бухгалтер Костромской каз. палаты, в 503 дружину, на должности.

РАЗДЕЛ III

11. Залкинд Гедалий Лейбович, не имеет чина, лекарь, иудейского, до 1928, не проходил, с 1912, не занимает, в 501 друж.

Поступили на учет в 1913 г.:

12. Левинович Израел Мовша, лекарь, до 1922, с 1912, зав. имени Чицова в Костр., в случае вакансии <...>

13. Чекалов Федор Петрович, к.с., лекарь, до 1922, не проходил, с 1913, гор. врач г. Плеса Нерехотского уезда, кандидат на должность бриг. врача.

14. Соловьев Николай Александрович, к.с., лекарь, до 1923, 98-й пех. Юрьевский полк, с 1913, врач при Завражинской земской б-це Макарьевского уезда, в резерве.

15. Мусин Лев Рафаилович, не имеет чина, лекарь, до 1932, не проходил, с 1909, ординатор Костромской губ. земской б-цы.

16. Фингеров Анатолий Алексеевич, не имеет чина, лекарь, до 1931, не проходил, эпид.врач Костромского губ. земства –//–

17. Синяев Александр Васильевич, лекарь, не имеет чина, до 1930, не проходил, с 1913, земский врач Нисцовского уч-ка Нерехотского уезда –//–

18. <...> Николай <...> до 1931, 24-й пех. Симбирский полк <...> Юрьевецкий гор. врач, исключен за переездом в Новгород. губ., 19. ...»⁹.

«...Фармацевты, сост. на 1 января 1913 года:

1. Матвеев Александр Александрович, не имеет чина, провизор, до 1922, не проходил, с 1903, Управ <...> Буйской вольной аптекой, в резерв до соотв. вакансий...»¹⁰.

К сожалению, не сохранились учетные формы: «Лица, могущие занимать в ополчении должности субалтерн-офицеров...», «...ратники ополчения из вольноопределяющихся которые могут быть назначены на офицерские должности», «Офицерские чины, служба в ополчении которых необязательна», «Список лицам, имеющим право по ст. 349 Устава о воинской повинности на занятие классных должностей в ополчении...».

Но сохранились учетные формы, где переписаны адреса состоявших на учете по Рязанской губернии офицеров и военных чиновников¹¹.

Нижние чины Костромского ополчения.

В «Положении Военного Совета...»:

«...III. Формирование и комплектование ополченских частей.

1. Ополченские части и команды формируются при управлениях подлежащих уездных воинских начальников, на основании наставления для формирования этих частей и команд.

В необходимых случаях, часть или команда может формироваться и в ином каком-либо пункте и при войсковой части. Случаи подобного

формирования ополченской части и команды и самый порядок его устанавливаются командующими войсками в округах.

2. В отношении порядка производства призыва ратников ополчения 1-го разряда для формирования ополченских частей, а также на усиление постоянных войск, как-то: отправление их на сборные пункты, медицинского осмотра и приема на службу, довольствие их, снабжение необходимым обмундированием и отправления принятых по назначению, соблюдаются правила, установленные для призыва нижних чинов запаса...»¹².

Призывной контингент нижних чинов частей ополчения по Костромской губернии состоял из «ратников 1-го разряда проходивших ряды войск», и «ратников 1-го разряда не проходивших ряды войск». Весь контингент ежегодно учитывался и переписывался в управлениях уездных воинских начальников.

По некоторым уездам в фондах соответствующих уездных воинских начальников сохранились «Именные списки ратников 1-го разряда». Но по большинству уездов таких списков в Государственном архиве Костромской области нет.

Сводные же ведомости по губернии «по числу ратников 1-го разряда не проходивших ряды войск», призванных в ряды войск, сохранились в фонде Костромского губернского по воинской повинности присутствия. В силу ограниченного объема статьи, эти данные также в нее не войдут.

Частичная мобилизация в Российской империи была объявлена 30 июля (16 июля по ст. стилю) 1914 г., когда Россия «...заступилась <...> за несправедливо обиженную родственную Нам страну»¹³, – Сербию, в ее конфликте с Австро-Венгерской монархией.

После отказа России выполнить ультиматум Германии и прекратить частичную мобилизацию своих войск Германия 1 августа (19 июля по старому стилю) 1914 года объявила России войну.

В ночь с 18 на 19 июля офицерам и военным чиновникам, состоящим в запасе и в штате ополчения по Рязанской губернии, была начата рассылка мобилизационных предписаний.

20 июля 1914 г. в столицах был обнародован «Высочайший Манифест об объявлении войны». И 20 июля на территории всей Российской империи вступил в действие план по всеобщей мобилизации войск Армии и Флота.

В «Поволжском вестнике» в ближайшие дни публикуются текст Высочайшего Манифеста, текст «Положения о государственном ополчении» и объявление о введении на территории губернии «положения

чрезвычайной охраны». Газета сообщает о необычайном патриотическом подъеме, охватившем всю губернию. Множество вещей и значительные суммы денег были пожертвованы костромичами для наших воинов и их семей. На средства жителей города и губернии открывались лазареты, снаряжались санитарные отряды.

Начало истории Костромского ополчения в Великой войне следует считать с 18 июля 1914 г., так как офицерам и военным чиновникам, состоящим в запасе в штате ополчения по губернии, рассылка мобилизационных предписаний была начата именно 18 июля 1914 г.

По содержащимся в призывных листах мобилизационным предписаниям на пункты формирования дружин прибывали их командиры и назначенные для службы в этих дружинах офицеры, врачи и военные чиновники, которые должны были приступить к формированию дружин. В формуляре 1007 сохранилось значительное количество копий призывных листов, расписок в их получении, предписаний уездным полицейским исправникам о доставлении призывных листов и др. К сожалению, сводные ведомости офицеров формируемых дружин, имевшиеся в Государственном архиве Костромской области до пожара, не сохранились (ф. 1007, оп. 1, д. 732 – в новом каталоге нет).

К 24 июля 1914 г. в основном были заполнены офицерские и врачебные вакансии дружин рязанского ополчения (с заполнением вакансий военных чиновников дело обстояло не столь благополучно).

Первый состав офицеров Костромских дружин будет приведен мной ниже, по каждой дружине отдельно.

Нужно заметить, что количество офицеров ополчения, состоявших на учете по Костромской губернии, превышало штатный состав формируемых на территории губернии дружин, поэтому излишние офицеры были направлены на формирование ополченских дружин в Вятскую, Вологодскую губернии.

Ратники и младший командный состав (ефрейторы, унтер-офицеры) комплектовались из подлежащих призыву в первую очередь ратников 1-го разряда годов призыва с 1914 по 1907¹⁴, в возрасте до 43 лет (набранные при июльском, первом, призыве ратники 1907–1910 гг. призыва при сентябрьском, втором, призыве по возможности, заменялись на ратников 1910–1914 гг.)

Приемка ратников командирами дружин ополчения от уездных воинских начальников началась 27 июля 1914 г. (первый ополченский призыв 1914 г.), в ходе которого в основном были заполнены штатные расписания всех дружин.

В июле на территории губернии было призвано 2201 ратников 1-го разряда, не проходивших ряды войск, и 1128 проходивших ряды войск.

В фонде Костромского губернского по воинской повинности присутствия сохранились выписки «О призыве на военную службу ратников ополчения 1-го разряда»:

«...Сводные данные по призыву июля и сентября 1914 года по Костромской губернии (из таблицы – прим.)

Костромской уезд – июль – 553, сент. – 1400.

Буйский уезд 109 и 436.

Ветлужский уезд 378 и 820.

Галичский уезд ...?.. и 615.

Кологривский уезд 310 и 310.

Макарьевский уезд 369 и 650.

Нерехотский уезд 315 и 110.

Чухломской уезд 104 и 76.

Юрьевецкий уезд 247 и 600.

Варнавинский уезд 247 и 650.

Солигаличский уезд 110 и 247.

Кинешемский уезд 267 и 728.

Итого – в июле 3 129, в сентябре – 10 119»¹⁵.

Итак, все штатное расписание ополченских дружин в ходе первых двух призывов было заполнено.

Поскольку санитарные части большинства дружин, в связи с поздней присылкой дружинных врачей, оказались сформированы с опозданием на 2–3 недели, медицинский осмотр принятых ратников и их последующая выбраковка прошли уже после окончания первого ополченского призыва. Поэтому и приемка недостающих до штатного расписания ратников, взамен уволенных в отставку или переведенных во 2-й разряд, прошла уже в сентябре, из второго ополченского призыва.

Теперь – краткие справки по каждой из Костромских ополченских дружин. (Я надеюсь, что со временем появится возможность издать собранные материалы в виде брошюры или книги.)

Первоочередные Костромские дружины:

501-я пешая Костромская дружина¹⁶. Формировалась в Костроме с 20 июля 1914 года и входила в состав 64-й ополченской бригады.

Первый командир – подполковник Селифонтов Николай Иванович, офицеры – кап. Топорнин, шт.-кап. Григорьев, кап. Михайлов, кап. Бышевский, кап. Орлов, млад.офицеры: прап. Рябов, Протасьев, мл. ун.-оф. Шигорин, ст. ун.-оф. Алексеев, заур-прап. Графов, чиновники: А. Войкин, к.с. Красовский, т.с. Кастальев, т.с. Покровский, писарь Охлопков, врач – Залкинд.

В процессе формирования некоторые офицеры откомандировывались в распоряжение других воинских начальников, некоторые отставлялись, некоторые переводились в другие дружины.

Со 2 августа дружину принял новый командир подполковник Демпиш, а Селифонтов принял хозяйственную часть дружины. После 25 августа в дружине появились: подполк. Путьковский, шт-кап. Чемоданов, прап. Каль, прап. Люминарский, прап. Кедров.

18 декабря дружина выступила из Костромы в поход и, прибыв к месту службы на Украину, вошла в состав 80-й ополченской бригады Юго-Западного фронта, будучи расквартирована в Бердичеве.

На момент начала боевой службы 501-й дружины ее состав: командир подполк. Демпиш, нач. хоз. части – шт.-кап. Григорьев, ком. 1-й роты – подполк. Крестовоздвиженский, ком. 2-й роты – кап. Яковсон, ком. 3-й роты – прап. Протасьев, ком. 4-й роты – кап. Чемоданов, врач – к.с. Соловьев.

Дружина несла службу по охране железной дороги, телеграфных линий и стратегических объектов в тылу Юго-Западного фронта. 4 сентября 1915 г., неся прежнюю службу, вошла в состав 76-й ополченской бригады Юго-Западного фронта, с 1916 г. – в составе 77-й ополченской бригады.

В последнем расписании частей ополчения Юго-Западного фронта указано, что дружина расквартирована в Житомире и планируется к переформированию в Волынский караульный курень Украинской Армии.

502-я пешая Костромская дружина¹⁷ формировалась в Костроме с 20 июля 1914 г. и входила в состав 64-й ополченской бригады.

Первый командир – подполк. Сергей Рафаилович Михайлов (с 30 июля принял 87-ю Вологодскую дружину) и далее формирование 502-й дружины занимался заур-подполк. Троицкий.

Офицеры: шт.-кап. Беляев, кап. Симсон, кап. Яковлев, поручик Кетов, младшие офицеры: прап. Виноградов, Зотов, Невзоров, Савин, Горюхов, классные чиновники: Горский, Кормилицын, Ильинский, Винокуров, врач – Смирнов.

В процессе формирования некоторые офицеры откомандировывались в распоряжение других воинских начальников, некоторые отставлялись, некоторые переводились в другие дружины.

С 25 августа дружину принял новый командир подполк. Иван Ильич Лаврентьев. После 25 августа в дружине появились: пор. Поливанов, прап. Григоров, хорунжий Муханов, пор. Григоров, пор. Кучуков, прап. Малиновский, хорунжий Бельский.

14 августа дружина, находясь в процессе формирования, была переведена в Ярославль, где расквартирована в Вознесенских казармах. С 23 сентября дружину принял полк. Е. В. Васильев.

С 3 октября вошла в состав 64-й ополченской бригады, временно ком. дружиной подполк. Капелькин.

14 ноября 1914 г. приняли знамя в Костроме, 16 ноября – вручение знамени дружине в Ярославле.

15 декабря дружина выступила из Ярославля в поход по маршруту Конотоп – Холм – Ивангород, где вошла в состав 84-й ополченской бригады Северо-Западного фронта, будучи расквартирована в Ивангороде, а потом в Лагове.

На момент начала боевой службы 501-й дружины ее командный состав: командир полк. Васильев, нач. хоз. части – подполк. Троицкий, ком. 1-й роты – заур-кап. Кетов, ком. 2-й роты – шт-кап. Надеждин, ком. 3-й роты – заур-кап. Муханов, ком. 4-й роты – кап. Юнаков, врач – к.с. Смирнов.

Дружина размещалась в боевой линии, будучи прикомандирована к 16-му, потом 25-му армейскому корпусу 4-й Армии.

В сентябре – ноябре участвовала в тяжелых боях у р. Сервеч, д. Митропольщина.

С ноября 1915 г. – в районе д. Униково, Крыловищина.

К началу 1916 г. отведена на переформирование в р-н Прокопчин. В 1916 – нач. 1917 гг. 84-я ополченская бригада входила в состав 4-й Армии Западного фронта, в середине 1917 г. переведена на Румынский фронт, в район Бырлад.

Была расформирована наряду со всеми частями Румынского фронта в феврале 1918 г.

503-я пешая Костромская дружина¹⁸ начала формироваться с 25 июля 1914 г. в Костроме, вошла в состав 64-й ополченской бригады.

За неприбытием назначенного в дружину командира временно исполнял обязанности командира дружины стал кап. Ратьков. С 9 августа прибыл назначенный из штаба МВО подполк. Ковалевский.

Офицеры: пор. Скалозубов, подпор. Григорьев, пор. Яковлев. Мл. офицеры: прап. Матиссен, ст. ун.-оф. Баронец, заур-прап. Апушкин, Трыков, классные чиновники: Клугин, Орлеанский, писарь Дружинин, Архангельский, врачи Морин, Соколов, лекарь Альбицкий.

В процессе формирования некоторые офицеры откомандировывались в распоряжение других воинских начальников, некоторые отставлялись, некоторые переводились в другие дружины.

С 25 августа прибыли еще: прап. Клица, шт.-кап. Горицкий, пор. Елагин, Разживин, Бородкин, прап. Евстафьев.

14 ноября дружина приняла знамя, 8 декабря выступила в поход по маршруту: Лихоборы – Смоленск – Барановичи – Гродно, где вошла

РАЗДЕЛ III

в состав гарнизона крепости, будучи временно подчинена нач. 17-й ополченской бригады.

Состав дружины на момент начала участия в боевых действиях: командир – подполк. Ковалевский, нач. хоз. части – шт.-кап. Муханов, ком. 1-й роты шт.-кап. Горицкий, 2-й роты – заур-кап. Рустицкий, 3-й – пор. Елагин, 4-й – заур-кап. Яковлев, врач Альбицкий.

С 5 января 1915 г. дружина вошла в состав 20-й ополч. бригады Северо-западного фронта.

В феврале 1915 г. участвовала в 1-й обороне Гродненской крепости (4-й участок, форты 12 и 13, вместе с 21-м пех. Муромским полком. В конце февраля фронт отодвинулся от Гродно, дружина использовалась на земляных работах. В мае 1915 г. вошла в состав 97-й ополченской бригады, которая в августе 1915 г. была переведена из 10-й Армии в 1-ю. В августе 1915 г. участвовала во 2-й обороне Гродно, в составе 22-й пехотной дивизии вместе с Нейшлоцким полком, обороняли 6-й форт и укрепление «Е». 20–22 августа – отход от Гродно, тяжелые арьергардные бои у м. Машталеры. 15 октября 1915 г. – с Иркутским полком, у д. Козяны.

С начала 1916 г. и до конца войны 97-я ополч. бригада – в составе 1-й Армии Западного фронта, используется на укрепработках и караульной службе.

Была расформирована наряду со всеми частями Западного фронта в феврале 1918 г.

40-я саперная полурота. Формировалась в Костроме, в казармах 183-го пехотного Пултуского полка, при формировании входила в состав 64-й ополченской бригады.

Командир – прап. Карл Яковлевич Бернштейн.

Офицеры – прап. Александр Федорович Сухенко (прибыли 20 и 23 июля соответственно).

Партия ратников (232 чел.) принята 28 июля 1914 г., выступила на театр военных действий из Костромы 15 декабря 1914 г.

Вошла в состав 40-й ополченской бригады Северо-Западного фронта. Погибла в крепости Новогеоргиевск в августе 1915 г.

41-я саперная полурота. Формировалась в Костроме, в казармах 183-го пехотного Пултуского полка. Командир – шт.-кап. Василий Дмитриевич Яковлев, офицеры поручик И. Д. Рапп (прибыли 29 и 27 июля соответственно), партия ратников (230 чел.) принята 30 июля 1914 г., вошла в состав 41-й ополченской бригады Румынского фронта. С 1916 г. – в составе Юго-Западного фронта.

Второочередные Костромские дружины.

669-я Костромская дружина¹⁹ была создана на базе кадров от ушедшей на театр военных действий 502-й дружины, в г. Ярославле.

Офицеры (на 14 дек. 1914 г.) из состава 502-й дружины, для формирования оставлена кадровая рота, которая должна будет формировать новую дружину. Командиром этой остающейся роты назначен подполк. Лаврентьев, а мл. оф. – пор. Кочуков и заур-пор. Малиновский.

Нижние чины – ратники 1-го и 2-го разряда из уездов Ярославской губернии.

Несла охрану железной дороги от Москвы до Ярославля и мостов: за Ярославлем через р. Печегду у ст. Чебаково, через р. Волгу у ст. Всполье и у Нефтяных ям.

Ответственные: прап. Тараканов (чины 5-й роты) и прап. Зимин (6-й роты). Нач. дружины – полковник Лаврентьев. Дружина не была переформирована.

670-я Костромская дружина²⁰. Была создана на базе кадров от ушедшей на фронт 503-й дружины в Костроме. Офицеры – кап. Муханов, кап. Елагин. Нижние чины – призванные в 3-й и 4-й ополченские призывы с территории уездов Костромской губернии²¹.

Несла службу по охране железной дороги и стратегических объектов в Костромской губернии, входила в состав Костромского гарнизона в 1915–1917 гг.

Дружина не была переформирована.

Примечания

¹ «Крестики»: на тулье фуражки как офицеры, так и ратники ополчения еще с времен Отечественной войны 1812 г., носили Высочайше утвержденный ополченческий медный знак в виде креста с надписью «За Веру, Царя и Отечество».

² «...Военный Совет, журналом 24 января 1913 года, положил ввести положение об устройстве государственного ополчения. Положение это Высочайше утверждено 20 июля 1914 года. На подлинном написано: «Высочайше утверждено». 20 июля 1914 года Подписал: Военный Министр, Генерал-Адъютант Сухомятинов...».

³ РГВИА, ф. 2212, д. 31 «12 июля – 25 июля 1914. “Распоряжения штаба МВО и переписка по мобилизации штаба корпуса, выписка из Положения о подготовительном к войне периоде”», л. 228, л. 161–003.

⁴ Высочайше утвержденное Положение Военного совета об устройстве государственного ополчения – см.: Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. / сост. О. И. Авербах. 2-е изд. Пг.: Типография Петроградского товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1916. Т. 1. Р. III.

⁵ ГАКО, ф. 1007, оп. 4, д. 76 «Наряд выписок из учетной хронологической книги и перечневых ведомостей офицеров ополчения всех родов оружия и медицинских чиновников, состоящих на учете Костромского губернского по воинской повинности присутствия, март – май 1914 года», с. 9.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ Там же, с. 19. В результате пожара 1982 г.

⁸ Там же, с. 22.

⁹ ГАКО, ф. 1007, оп. 4, д. 76, с. 1–4.

¹⁰ ГАКО, ф. 1007, оп. 4, д. 76 (с. 5).

¹¹ ГАКО, ф. 1007, оп. 1, д. 731 «Списки штаб- и обер-офицеров призванных на службу по мобилизации 18 июля – 14 дек. 1914 года». В силу ограниченного объема статьи, эти данные автор в ней не помещает.

И там же, д. 733 (без названия, без начала) «...поступившим на воинский учет после 14 августа 1914 года на случай резервного назначения...».

¹² Высочайше утвержденное Положение Военного совета об устройстве государственного ополчения – см.: Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. / сост. О. И. Авербах. 2-е изд. Пг.: Типография Петроградского товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1916. Т. 1. Р. III.

¹³ См.: Высочайший Манифест от 20 июля 1914 года.

¹⁴ Ранее их называли «прибилетные», а прежде служивших – «временно-отпускные» солдаты и унтер-офицеры.

¹⁵ ГАКО, ф. 1007, оп. 1, д. 690 «Наряд по выяснению и доставлению в Управление воинской повинности о числе принятых на военную службу при мобилизации 1914, 15 и 16 годов ратников ополчения 1 и 2 разряда 1914 – 12 дек. 1916 года», с. 23–25.

¹⁶ РГВИА, ф. 8688, оп. 1, д. 1, 2, 3–14.

¹⁷ Там же, ф. 8689, оп. 1, д. 1–7.

¹⁸ Там же, ф. 8690, оп. 1, д. 13.

¹⁹ Там же, ф. 8788, оп. 1, д. 1.

²⁰ Там же, ф. 8789, оп. 1, д. 1–10.

²¹ ГАКО, ф. 1007, оп. 1, д. 690.

А. В. Новиков

ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И ОПЫТ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ГУБЕРНИЯХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Россия в начале XX века совершала модернизационный рывок в своем развитии, выразившийся в ускоренной индустриализации. Однако уровень развития социальной сферы, инфраструктуры, а также правового обеспечения отставал от роста производственных мощностей и технического оснащения предприятий. Трудовое право оставалось

в зачаточном состоянии при сохранении полуфеодальных форм взаимодействия работодателя с рабочими.

В развитии и процессе реализации фабрично-трудового законодательства дореволюционной России выявляется несколько противоречий.

Первое состояло в низком уровне развития фабричного законодательства, отстававшего от потребностей наемных рабочих и общества в целом.

Отсутствовала пенсионная система, обеспечение по болезни и беременности, не соблюдалась элементарная техника безопасности и охрана труда. Предприниматели и дирекция предприятий не несли ответственности, а рабочие практически не получали компенсации при несчастных случаях на производстве. До 1903 года не существовало законодательной основы для решения этой проблемы. Как указывает И. И. Шельмагин, «все дела в промышленности, связанные с “несчастными случаями”, рассматривались в судебном порядке, на основании статьи 684 общегражданских законов, согласно которой “всякий обязан вознаграждать за вред и убытки, причиненные кому-нибудь его деянием и упущением”. Но непосредственную вину хозяина... на суде доказать было чрезвычайно трудно»¹. Поэтому доля потерпевших, получивших вознаграждение, не составляла, по оценкам И. И. Шельмагина, по России 10 %. Существовал и иной путь – обращение к страховым обществам. И. И. Шельмагин приводит интересные данные о соотношении числа несчастных случаев и числа получивших вознаграждение от страховых учреждений². Они показывают неуклонное снижение доли получивших вознаграждение рабочих с 42 % от всех потерпевших в 1890 году до 28,6 % в 1900 году. Это свидетельствует об отставании развития страховых учреждений от развития промышленности. Лишь в период кризиса, когда развитие промышленности замедлилось, а страхование продолжало развиваться, удалось остановить увеличение разрыва между числом пострадавших и получивших материальную помощь. Итак, промышленность развивалась столь бурно, что решать проблему можно было лишь кардинальными мерами. Правительство же избрало путь постепенных изменений. 15 мая 1901 года были приняты «Временные правила о пенсиях рабочим казенных заводов и рудников, утратившим трудоспособность на заводских и рудничных работах». Данный закон касался лишь 30 777 рабочих³ и имел экспериментальное значение. 2 июня 1903 года был принят закон «О вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших работоспособность вследствие несчастных случаев», вошедший в силу с 1 января 1904 года⁴. Не повторяя его содержания, обратим внимание на границы его применения. Закон касался только несчастных случаев, то есть смерти и увечья рабочего

на производстве. Что касается болезней, старости, общей инвалидности, то правительство обошло эти вопросы. Предприниматели освобождались от ответственности, если докажут, что причиной несчастного случая была грубая неосторожность рабочего⁵. Действие закона не распространялось на казенные промышленные предприятия, мастерские и иные промышленные заведения частных железнодорожных и паровозных предприятий, на предприятия сельского и лесного хозяйства, мельницы, строительных рабочих, ремесленные заведения, мелкую промышленность. В результате из 18 279 заведений, подчиненных надзору фабричной инспекции, 7 224 не подлежало действию закона⁶.

Правительство, издавая закон, старалось не нанести ущерба предпринимателям, максимально оградить их интересы. В результате необходимый и своевременный закон носил половинчатый характер. Записка фабричного инспектора 4-го участка Костромской губернии показывает, что закон вызывал массу недоразумений и раздражение рабочих. «Каждый рабочий, получающий самое незначительное повреждение, не преминул два-три раза обратиться к фабричному инспектору с просьбами: следует ли ему получить что-либо за время болезни; следует ли ему какая-либо пенсия или пособие; сколько процентов утраты трудоспособности признал утраченной у него фабричный доктор; почему фабричный доктор признает пострадавшего совершенно здоровым»⁷. По оценкам Л. В. Куприяновой, возмещение по данному закону получало не более 1/5 всех пострадавших на производстве⁸.

Указом 12 декабря 1904 года закон 2 июня 1903 года был распространен на рабочих и служащих казенных железных дорог, 9 июня 1904 года «правила» о пенсиях от 15 мая 1901 года распространены на мастеровых и рабочих технических заведений Артиллерийского управления. Это все, что успело сделать правительство к началу первой русской революции в сфере социальной защиты рабочих.

В забастовочных выступлениях периода первой русской революции среди предъявленных требований значительное место занимали требования законодательного характера. Нами были проанализированы требования, предъявленные в ходе 531 выступления рабочих Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в 1905 году. Всего предъявлено 381 требование законодательного характера (9,88 %), в 148 выступлениях (27,87 %). В 107 выступлениях (20,15 %) рабочие 110 раз требовали полностью оплатить время болезни. На втором месте среди требований данной группы находилось требование 8-часового рабочего дня. Оно предъявлено в 58 выступлениях (10,9 %) 61 раз. Это требование необязательно говорит о высокой сознательности рабочих. Рабочие требовали

9, 10, 11-часовой работы, сокращения рабочего дня. Среди требований о сокращении рабочего дня 8-часовой день занимал примерно 1/3 часть и для большинства рабочих не выходил за рамки экономических нужд. В 40 выступлениях рабочие требовали отмены штрафов (46 раз) и предоставления оплачиваемых отпусков беременным (41 требование). В 26 выступлениях (4,89 %) рабочие требовали установить минимум оплаты труда (27 раз). Столько же требований предъявлено по пенсионному обеспечению и страхованию рабочих⁹. Большинство затронутых проблем были в тот момент предметом рассмотрения образованной в конце января и приступившей к работе 15 мая 1905 года комиссии В. Н. Коковцева. Два из четырех законопроектов – о продолжительности рабочего времени и о страховании рабочих, включая страхование от несчастных случаев и оплату за время болезни, пересекаются с рассмотренными требованиями¹⁰.

Важно отметить, что фабриканты, отвечая на подобные претензии, подчеркивали необходимость решения поставленных вопросов законодательным путем, тем самым переадресуя недовольство рабочих на государственную власть¹¹.

Принятие страхового закона 1903 года не снимало проблемы обеспечения рабочих по болезни и старости. Революция 1905–1907 годов заставила правительство приступить к решению этого вопроса, но предприниматели не желали делать уступки по рабочему вопросу. Так, в мае 1905 года под предлогом гибели русской эскадры у острова Цусима представители буржуазии покинули совещание при министерстве финансов, обсуждавшее этот вопрос. Спротивление работодателей решению этого вопроса в ходе первой русской революции преследовало вполне определенную цель – заставить правительство оплачивать пособия и пенсии рабочим за счет казны, добиться таким образом успокоения рабочих, не потратив на это своих прибылей¹². После революции работа над законом еще более замедлилась, поэтому новый страховой закон был утвержден лишь 23 июня 1912 года, впервые вводя в России страхование не только при несчастных случаях, но и по болезни, установив 6-недельное пособие по случаю родов¹³. Вопрос о пенсионном обеспечении рабочих в дореволюционном законодательстве не получил своего разрешения.

Второе противоречие обусловлено тем, что разработка фабричного законодательства проходила на основе учета обобщения трех факторов развития: зарубежного (прежде всего немецкого и австрийского) фабрично-заводского законодательства, интересов предпринимателей и опыта наиболее крупных промышленных центров страны,

прежде всего столиц. К чему это приводило, показывает сопоставление законодательства и реальной практики в осуществлении законов о работе и обучении малолетних.

Законом 1 июня 1882 года «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» фабрикантам было вменено в обязанность предоставлять возможность малолетним посещать школу. Продолжительность рабочего дня подростков была установлена в 8 часов в сутки¹⁴. Однако этот закон был в значительной мере дезавуирован актом от 24 апреля 1890 года «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения». Была разрешена 2-сменная работа для 12–15-летних по 9 часов (вместо прежних 8 часов) в сутки, по 4,5 часа в смену, или непрерывная 6-часовая работа¹⁵. К каким результатам привело это «изменение» на практике, показано в отчете Старшего фабричного инспектора Владимирской губернии за 1908 год. «Малолетние, работающие двумя сменами, после 4 1/2 часовой работы вынуждены “отдыхать”, а правильнее сказать, толкаться по фабричному двору, в малоприспособленном, тесном и антисанитарном помещении, так как специальных помещений для отдыха не имеется. Уходить домой на столь короткое время, нередко за две – четыре версты, и делать вместо четырех – восьми верст в день, восемь – шестнадцать – им нет смысла: они изнасят больше обуви и одежды и устанут, а в ненастье и холод рискуют здоровьем. Таким образом, вместо 9 часов в сутки им приходится быть занятыми тринадцать с половиной часов, да еще полтора часа проходить в оба конца, а всего – 15 часов. Понятно, что при таких условиях о возможности какого-либо обучения нельзя и мечтать»¹⁶. Источник показывает, что законы, отвечающие условиям развития столичной и городской крупной промышленности, не учитывали потребностей русской провинции, где значительная часть предприятий располагалась в сельской местности и далеко не все даже крупные предприятия имели возможность для обучения малолетних. Попытка подчинить российскую промышленность универсальным законам без учета местной специфики в очередной раз дала сбой.

Ярким примером конфликтности, порождаемой законами, принятыми с максимальным учетом интересов предпринимателей, является закон 2 июня 1897 года «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». Он устанавливал продолжительность рабочего времени в 11,5 часов в сутки, по субботам, в канун праздников и ночью – 10 часов в сутки¹⁷.

Несмотря на ожидаемое смягчение рабочего вопроса, «проведение закона от 2 июня 1897 года в жизнь стало причиной постоянных, возникающих в течение всего 1898 года конфликтов между рабочими и предпринимателями»¹⁸. Причинами этих конфликтов было существенное сокращение законом числа обязательных выходных и праздничных дней (с 75–88 до 66 дней в году), увеличение продолжительности рабочего дня на тех предприятиях (в основном в западных губерниях России), где рабочий день уже составлял 10–10,5 часов, сохранение широких возможностей для применения сверхурочных работ. Проведение закона привело к снижению заработков рабочих, получивших сдельную оплату. В результате уровень забастовочной активности в 1898 году был самым высоким за период 1895–1902 годов¹⁹. В текстильных губерниях Верхнего Поволжья: Владимирской, Костромской, Тверской – реализация закона имела большое значение, так как здесь прежде практиковался 12–14-часовой рабочий день. Поэтому масштабы рабочих выступлений в этих губерниях в сравнении с 1897 годом существенно снизились²⁰. Но и здесь, как показывает анализ выступлений рабочих, осуществление столь ограниченного закона повлекло волну более радикальных требований. Со 2 по 6 января 1898 года на четырех фабриках Нерехтского и Кинешемского уездов Костромской губернии прошла коллективная стачка протеста против реализации закона и установления 21,5-часовой двухсменной работы. Рабочие требовали установить двухсменную 18-часовую работу. Данное требование явилось основой для стачек рабочих Костромской губернии в сентябре – октябре того же года. В 6 выступлениях из 7, прошедших за год, основные требования были связаны с продолжительностью работ²¹. Во Владимирской губернии в 9 выступлениях из 17 рабочие требовали сокращения рабочего дня до 8–10 часов или увеличения зарплаты, уменьшившейся в связи с реализацией закона. Рабочие фабрики Прохоровых в Вышнем Волочке Тверской губернии также требовали повысить зарплату в связи с сокращением рабочего дня²².

Острее всего несовершенство фабричного законодательства признавали фабричные инспектора, призванные контролировать его исполнение. В канун первой русской революции фабричные инспектора Костромской губернии в своих отчетах обозначили необходимость ряда законодательных мероприятий:

1. Установить ответственность за невыдачу или задержку заработка.
2. Ужесточить меры техники безопасности на производстве и установить ответственность за ее нарушение. В отчете старшего фабричного инспектора Костромской губернии за 1903 год указано: «...Котлы

построены для давления не свыше 5–7 атмосфер, работают в настоящее время при 10–12 и даже 15 атмосферах. Не разрешить работать при указанных давлениях нет законных оснований... рано или поздно этот недостаток закона и правил приведет к большим несчастьям и виновных не будет»²³.

3. Ограничить работу малолетних шестью часами в сутки.

4. Воспретить ночную работу женщин во всех производствах без исключений²⁴.

Третье противоречие заключалось в низкой правовой культуре как предпринимателей, так и рабочих. В отчетах фабричной инспекции, призванной наблюдать за исполнением фабричного законодательства, скрупулезно фиксировались все нарушения со стороны дирекции предприятий.

В отчетах за 1900–1903 годы нарушения законодательства заведующими промышленных предприятий распределялись по 73 пунктам, сведенным в следующие разделы: нарушения правил о расчетных книжках, нарушения правил о заработной плате, нарушения правил о штрафовании рабочих и расходовании штрафных капиталов, о продолжительности и распределении рабочего времени, о работе малолетних, подростков и женщин, непредоставление чинам фабричной инспекции документов на утверждение и засвидетельствование, нарушения правил ведения и хранения документов, нарушения правил о выставлении для сведения рабочих табелей и объявлений, нарушения постановлений об охране жизни, здоровья и нравственности рабочих, нарушения правил о продаже в кредит в фабричных лавках, нарушения правил о паровых котлах и группа прочих нарушений, среди которых особо следует подчеркнуть незаконное увольнение рабочих²⁵. С 1904 года перечень нарушений законодательства дополнился и усложнился.

О выявленных нарушениях фабричные инспектора оформляли запись в книге посещения предприятия фабричным инспектором. Если после неоднократных проверок и разъяснений нарушения не устранялись, фабричный инспектор мог составить протокол с передачей его на рассмотрение в губернское по фабрично-заводским делам присутствие или в судебные учреждения²⁶. Как правило, протоколировалось лишь незначительное число нарушений: 5–6 %. Это связано со стремлением фабричных инспекторов не обострять отношения с фабрикантами, а также отсутствием ответственности заведующих по выявленным нарушениям. По ряду нарушений право возбуждать иски и инициировать судебное преследование давалось рабочим, но не фабричной инспекции²⁷. С 1902 по 1906 годы в отчетах инспекции отмечалось постоянное

снижение числа обнаруженных нарушений, что расценивалось самой инспекцией как показатель эффективности ее деятельности и усвоения владельцами и заведующими предприятий правовых норм. Кроме того, отмечалось, что в условиях революционных выступлений рабочих «работодатели стараются избежать крупных нарушений закона»²⁸. Но по мере спада стачечной активности, с 1907 года возобновился рост числа нарушений законодательства владельцами предприятий²⁹. Это свидетельствует, что стачечное движение рабочих было важным фактором, побуждавшим фабрикантов к более трепетному отношению к фабричному законодательству. Фабричная инспекция не обладала действенными средствами воздействия на предпринимателей. Передача протоколов о нарушениях в губернское по фабрично-заводским делам присутствие имело свои «подводные камни». Анализ журналов Костромского губернского присутствия за 1905–1914 годы показывает, что в заседаниях присутствия принимали участие крупнейшие костромские фабриканты: В. А. Зотов, В. А. Шевалдышев, Л. М. Моргонов. В результате в присутствии рассматривались в основном нарушения директоров и владельцев сравнительно мелких предприятий. За весь указанный период лишь однажды на 25 рублей был оштрафован Н. А. Воронов, заведующий фабрикой Анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной (владение Л. М. Моргонова), за принуждение подмастерьев к сверхурочным работам в праздничные дни. Штраф был наложен ввиду обращения одного из подмастерьев в суд. На менее влиятельных фабрикантов за куда более мелкие провинности налагались штрафы от 40 до 100 рублей³⁰.

Не меньшую проблему представляли собой массовые нарушения трудовой дисциплины со стороны рабочих. Это систематические прогулы и опоздания на работу, нарушения порядка на предприятии – драки, распитие спиртного, другие провинности. Однако фабриканты применяли в отношении рабочих систему штрафов, нацеленных, с одной стороны, на поддержание дисциплины, с другой – порождавшие полуфеодалскую зависимость рабочих от фабричной администрации и провоцировавшие протест рабочих против норм распорядка на предприятии. Фабричные инспектора Костромской губернии предлагали иные пути повышения правовой культуры рабочих.

1. Заменить гражданской ответственностью уголовное наказание за самовольный уход с работы. Дисциплина на предприятиях оставалась желать лучшего. Самовольный уход с работы был настолько распространен, что привлечь всех виновных к уголовной ответственности было невозможно. Строгость, но неосуществимость закона вела к его дискредитации.

2. Для успешной же реализации принятых законов инспектора считали необходимым повысить культурный и образовательный уровень рабочих³¹.

Подводя итоги, нельзя не отметить, что законодательство развивалось в направлении, диктуемом потребностями бурного промышленного роста, но законы отличались непоследовательностью, обременялись массой оговорок и ограничений. Законодатели пытались придать им универсальный характер, без учета местной специфики, многообразия условий развития промышленности. Попытки максимально оградить интересы предпринимателей при разработке фабричного законодательства, сохранение в руках фабрикантов полуфеодалных средств контроля над рабочими не только замедляли законодательный процесс, но и служили источником трудовых конфликтов.

Примечания

¹ См.: Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России, 1900–1917. М., 1952. С. 71.

² См.: Там же. С. 72.

³ Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов, 1964. С. 196.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. 1906. Т. XXIII. № 23060. В дальнейшем это издание обозначается сокращенно: ПСЗ.

⁵ Вовчик А. Ф. Указ соч. С. 199.

⁶ Шельмагин И. И. Указ соч. С. 81–82, 84.

⁷ ГАНИКО, ф. 383, оп. 1, д. 4, л. 100–100 об.

⁸ Куприянова Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999. С. 404.

⁹ См.: Новиков А. В. Требования рабочих Верхнего Поволжья в революционном движении 1905 г. как отражение их менталитета // Клио. 2002. № 2 (17). С. 142, 144, 148.

¹⁰ См.: Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева в 1905 г. : сб. документов. М., 1926; Шельмагин И. И. Указ. соч. С. 164.

¹¹ См.: РГИА, ф. 23, оп. 30, д. 4, л. 20 об., 23 об. 24, 26–26 об. «Стачки у Вичулы и Саввы Морозовых в феврале-марте 1905 г.»; л. 42–44 об. «Летняя стачка на Куваевской мануфактуре»; д. 53. л. 323–326 об. «Стачка на Тов-ве мануфактур Р. Г. Разоренова и И. Кокорева в мае 1905 г.»; л. 326–327 об. «Сводка требований Вичугского промышленного района и ответ Старшего фабричного инспектора, май 1905 г.»; л. 367 «Ответ рабочим Костромской льняной мануфактуры Т-ва бр. Зотовых и Анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной летом 1905 г.»; ф. 575, оп. 3, д. 3947, л. 210–212 об. «Ответ на петиции рабочих Ярославского

казенного винного склада до 21 декабря 1905 г.»; д. 3950, л. 178–181 «Ответы на требования рабочих Шуйского № 4 казенного винного склада 11 июля 1906 г.»; ГАИО, ф. 338, оп. 1, д. 240, л. 131–131 об. «Требования рабочих железнодорожного депо при станции Иваново Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги 31 октября 1905 г.»

¹² О противодействии предпринимателей законодательной работе правительственных комиссий см. также: *Степанов В. Л.* Социальное законодательство О. фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России // Отечественная история. 1997. № 2. С. 65–66.

¹³ См.: *Иванов Л. М.* Страховой закон 1912 года и его практическое применение // Отечественная история. 1995. № 5. С. 74–75.

¹⁴ См.: ПСЗ. 1886. Т. II. № 931.

¹⁵ ПЗС. 1893. Т. X. № 6742.

¹⁶ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. СПб., 1910. С. 013–014.

¹⁷ ПСЗ. 1900. Т. XVII. № 1423.

¹⁸ Рабочее движение в России, 1895 – февраль 1917. Хроника. Вып. IV. 1898 год / отв. ред. Ю. И. Кирьянов, И. М. Пушкарева. М.; СПб.: Блиц, 1997. С. 7–8.

¹⁹ См.: *Пушкарева И. М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века. // Отечественная история. 2007. № 2. С. 120.

²⁰ См.: Там же. С. 114, 116, 119.

²¹ См.: *Новиков А. В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895–1905 гг. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. С. 27–29.

²² Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917. Хроника. Вып. IV. 1898 год. С. 52, 58, 67, 71, 79, 118, 148–149, 152, 159.

²³ ГАНИКО, ф. 383, оп. 1, д. 4, л. 79.

²⁴ Комплекс предлагаемых фабричным инспектором мер составлен по документам: «К отчету Старшего фабричного инспектора Костромской губернии за 1903 год», «Записка фабричного инспектора по 4 участку Костромской губернии к отчету за 1904 год», «Пояснительная записка инспектора за 1903 год», «Отчет 1904». ГАНИКО, ф. 383, оп. 1, д. 4, л. 78–80 об., 95–97 об., 99–100 об., 101–101 об.

²⁵ См. напр.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 год. СПб., 1903. С. 94–133.

²⁶ См.: Там же. С. XVII.

²⁷ Свод отчетов... за 1902 год. СПб., 1904. С. XXIII.

²⁸ Свод отчетов... за 1906 год. СПб., 1908. С. XX.

²⁹ Свод отчетов... за 1907 год. СПб., 1909. С. XXV; за 1909 год. СПб., 1910. С. XXIV.

³⁰ См.: РГИА, ф. 23, оп. 20, д. 428, 795.

³¹ См. сноску 24.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

К началу XX века Россия, несмотря на проводившуюся в последнее десятилетие индустриализацию, оставалась аграрной страной. Сельским хозяйством продолжало заниматься свыше 4/5 населения империи, между тем в этой важнейшей для страны отрасли экономики обозначился кризис. Несмотря на наличие исключительно плодородных земель в Центральной России, в самой сердцевине государства, каждый неурожай грозил вызвать голод, требующий широкой помощи государства. В Западной Европе таких явлений не было уже давно, в то время как в России неурожаи и связанные с ним бедствия случались периодически. Так, в 1901 году после благополучного периода снова повторился неурожай, охватившее центральные и восточные районы государства, а 42 губернии зерновых и другого продовольствия получили ниже среднего.

В этой ситуации в начале 1902 года император Николай II принимает решение всесторонне изучить коренные проблемы сельского хозяйства определить болевые точки, а также наметить пути преодоления кризиса земледелия в России. 23 января 1902 года Николай II утвердил положение об Особом Совещании, о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Это учреждение преследовало цель не только выяснить нужды сельского хозяйства, но и подготовить «меры, направленные на пользу этой отрасли труда»¹. Разнообразные источники – всеподданнейшие городские отчеты губернаторов, многочисленные статистические данные – в целом отражают обширный материал, который был переработан в это время. Вместе с тем изучено далеко не все.

Интересным и в общем-то недостаточно изученным источником остается всеподданнейший отчет министра внутренних дел Д. С. Сипягина о поездке его летом 1901 года в Костромскую губернию. Обширный, на 126 листах, документ представляет интересную картину состояния губернии, параметры развития экономики по основным отраслям в начале XX в.

Доклад министра Д. С. Сипягина затрагивал все основные стороны жизни губернии и, прежде всего, земледелие, составлявшее тогда важнейшую часть жизни всех сословий. Из всего общего пространства обрабатываемой земли в 7 257 857 десятин земли, 2 196 121 десятин (около 30 %) образовывали надельную землю крестьян и кроме этого, после 1861 года и до начала XX века крестьянами на общих основаниях и при содействии

крестьянского банка было приобретено свыше 674 тыс. десятин земли. В результате весь земельный фонд сельских жителей губернии равнялся 2 870 258 десятинам, или около 37 % всех земельных угодий².

Необходимо отметить, что государственная власть твердо стояла на основах незыблемости прав любой собственности, в том числе крестьянской. Земли, попавшие в руки крестьянских обществ, становились их неотчуждаемой собственностью. Следовательно, крестьянские владения могли только расти и действительно росли из года в год. Для этих целей действовал и специальный государственный орган – Крестьянский банк, целью которого была скупка земель у частных владельцев для перепродажи их крестьянам на льготных условиях платежа.

Таким образом, к началу XX века, по сообщению Д. С. Сипягина, «на каждую наличную мужского пола душу» приходилось в Костромской губернии по 5,2 десятины земли³.

Что же скрывается за этими данными, в чем, собственно, состоял кризис в развитии сельского хозяйства России? Насколько осязаем он был в Костромской губернии?

В отечественной историографии XX века под воздействием народнических и революционных доктрин сложилось устойчивое представление о том, что главной причиной неудовлетворенного положения крестьян России начала XX века было их малоземелье. Отсюда следовал вывод, что ликвидация частного и помещичьего землевладения, «черный передел», решит все насущные проблемы крестьянства.

Между тем уже к началу XX века Россия стала страной мелкого крестьянского хозяйства. В 22 губерниях Центральной России, включавших и почти всю черноземную полосу, более половины всей⁴ земельной площади принадлежало крестьянам, в Костромской губернии по удельному весу оно также было самым крупным, составляя, как это показано выше, 37 % земли. Большие имения оказались островками в море крестьянских хозяйств. Только в царстве Польском, в Прибалтийском крае и в Минской губернии дворянское землевладение преобладало над крестьянским.

Между тем, крестьянское землевладение было в хозяйственном отношении наименее производительным. Даже средний уровень урожайности на частновладельческих землях был на 1/3 выше, чем на крестьянских, а в отдельных культурных имениях урожайность была в разы выше крестьянской. Во время общественных дискуссий начала XX века указывалось на огромное большинство крестьянских хозяйств (называлось 91 %), которые не имеют хлеба для продажи. Следовательно, снабжения хлебом городов, фабричных поселков, да и самих крестьян тех

губерний, где своего хлеба не хватало, зависело по преимуществу от частновладельческих хозяйств. Они же формировали ту партию зерна, которая шла на экспорт, составляя важнейшую статью русского торгового баланса. Проблема крестьянского землевладения изучалось и раньше. Так, весной 1899 года по инициативе товарища министра финансов В. И. Ковалевского было учреждена комиссия из специалистов по вопросу оскудения центрально-черноземных губерний. Был собран содержательный материал, подтверждавший причины упадка сельского хозяйства, и одной из главных причин кризиса было названо дальнейшее дробление земли в пределах общины. Вывод комиссии был фатальным: «Относительное уменьшение количества земли, находящейся во владении крестьян», следует рассматривать «как естественное» последствие роста населения, «...оно вытекает из самой природы вещей»⁵. Неблагоприятно обстояли дела и с дворянским землевладением в Костромской губернии. Дворянское землевладение было вторым (после крестьянского) по количеству владимой земли. Дворянам принадлежало 1 770 771 десятина земли, что составляло 23% общей площади губернии. В докладе Д. С. Сипягина отмечалось: «...в связи с увеличивающимися потребностями жизни и отсутствием надлежаще организованного сельскохозяйственного кредита, вызвали в Костромской губернии не только прекращение хозяйства во многих дворянских поместьях, но и сокращение земельной собственности дворян, свидетельствующие о подрыве экономического благосостояния этого сословия»⁶. Министр указывал, что в период с 1883 по 1891 годы дворянство губернии теряло ежегодно около 2,1 % общего количества земли и за весь период утратило около 1/4 своей земельной собственности. При этом в докладе отмечалось, что 281 774 десятины состояли в залоге в Дворянском банке и еще больше было заложено в частных кредитных учреждениях и у частных лиц. При чем эта тенденция была характерна в целом для России. Власть, казалось бы, испытывала обеспокоенность. В связи с таким положением указом на имя председателя комитета министров И. Н. Дурлово было учреждено особое совещание о нуждах поместного дворянства. Оно просуществовало почти 5 лет, но никаких реальных мер содействия дворянству не предложило. На основе работ совещания был издан закон о временно-заповедных имениях: дворяне получали право на два поколения обеспечить свое имение неделимым, неотчуждаемым и завещать его любому из своих сыновей. Летом 1901 года появился закон, разрешающий частным лицам покупать, а дворянам – и арендовать казенные земли в Сибири. Но этим и ограничились меры в пользу помещиков. Государственная власть, руководствуясь исключительно соображениями о пользе

целого, не сочла возможным оказать дворянству сколь-нибудь широкую поддержку из общих средств. Таким образом, всеподданнейший доклад Д. С. Сипягина дополняет и расширяет наши представления о социальном положении, проблемах и трудностях, с которыми столкнулось население России (и Костромской губернии) в начале XX века. Последующие доклады костромских губернаторов, казалось бы, свидетельствуют об изменении жизни к лучшему, неуклонном приросте населения. Так, в 1907 году население Костромской губернии составляло уже 1 669 218 человек (прирост по сравнению с 1899 годом). А в 1913 году население выросло до 1 819 239 человек, т. е. избыток в 318 199 человек (по сравнению с 1899 годом более чем на 168 тыс.).

Весьма многочисленным было и население уездов Костромской губернии. Сравнительные данные первой всероссийской переписи с численностью населения уездов в 1907 году показывают, насколько быстро увеличивалась численность населения Костромской губернии за 10 лет⁷.

Изменение численности населения Костромской губернии по уездам⁸

Уезд	1897	1907
Буйский	66 010	86 700
Варнавинский	116 168	154 900
Ветлужский	111 719	157 500
Галичский	97 106	137 300
Кинешемский	121 810	175 700
Кологривский	74 900	144 100
Костромской	134 347	219 900
Макарьевский	128 974	178 500
Нерехтский	134 175	179 600
Солигаличский	56 674	79 000
Чухломский	48 419	64 300
Юрьевецкий	84 440	148 300

Следовательно, быстрый рост численности населения обострял земельный вопрос, ставил перед властью проблему его удовлетворительного разрешения. Уже в начале XX века министром внутренних дел Д. С. Сипягиным констатировалось, что Костромская губерния «не обеспечивает и не может по условиям климата обеспечить себя собственным хлебом, требуя ежегодного привоза зерна в размере около 2 миллионов пудов»⁹.

Рост населения Россия со всей актуальностью в начале XX в. выдвигал необходимость разрешения земельного вопроса. От того, насколько

удовлетворительно для всех сословий и прежде всего крестьянства он мог быть разрешен, зависели сами основы самодержавной власти русских царей в начале XX века.

Примечания

¹ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 175.

² Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 3., д. 549 л. 4–8.

³ Там же, л. 7–7 об.

⁴ *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 164.

⁵ Там же. С. 173–174.

⁶ Там же. С. 166.

⁷ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 377, л. 2, ф. 1276, оп. 17, д. 82, л. 103; Там же, д. 428, л. 16.

⁸ Государственный архив Костромской области: справочник. Ч. 1. Кострома, 2005. С. 236–244.

⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 549, л. 17 об.

Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов

**РОМАНОВСКАЯ ЭПОХА (1613–1917 ГГ.)
В ТРУДАХ КОСТРОМСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ:
ПО СТРАНИЦАМ «ВЕСТНИКА КГУ ИМ. Н. А. НЕКРАСОВА»**

В постсоветский период обозначился значительный рост количества исследований по различным аспектам региональной истории. Вопросы изучения экономического уклада, политической истории, культурной жизни провинции стали едва ли не приоритетными в трудах отечественных историков, культурологов, политологов, представителей других отраслей научного знания. Проблемы политической истории, различных аспектов истории российской государственности, многогранных процессов взаимодействия центра и провинции составляли и составляют научный интерес и для многих костромских исследователей. На протяжении 13 лет, начиная с 1995 года, на базе Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова проводятся всероссийские и международные научные конференции, посвященные данной проблематике.

В предлагаемом материале предпринимается попытка краткого историографического обзора исследований костромских ученых и краеведов по «романовской эпохе» истории России. Источником для обзора

был избран периодический научно-методический журнал «Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова», выходящий в свет с 1995 года.

Концептуальной в осмыслении феномена провинции в историко-культурологическом срезе может быть названа статья И. А. Едошиной «Провинция как феномен в русской культуре»¹. Особенность авторского подхода к заявленной проблеме состоит в том, что понятие провинции определяется через призму взаимоотношений исследуемого феномена с центром в исторической ретроспективе.

В статье «Литературная жизнь русской провинции (этапы ее становления и изучения)» И. Ю. Бартенева² рассматривает основные этапы развития и изучения русской провинциальной культуры, подготовившие формирование в провинции начала XX века местных «литературных гнезд». Продолжая размышления И. А. Едошиной о культурном феномене русской провинции, автор анализирует сочинения известных деятелей отечественной культуры XVIII–XIX веков, убедительно доказывая, что провинция понималась как неотъемлемая составляющая Российского государства.

Помимо концептуальных для осмысления феномена российской провинции, на страницах «Вестника» опубликованы многочисленные статьи, посвященные изучению отдельных аспектов региональной истории, экономики, культуры.

История наиболее известных костромских промыслов представлена в работах Н. В. Сорокина³. Одна из его статей посвящена красносельскому ювелирному промыслу⁴. Автор не только дает историко-информационную справку о красносельских ювелирах, но и детально прорабатывает различные аспекты особенностей детского труда в ювелирных мастерских.

Статья О. В. Смуровой⁵, написанная на богатом архивном материале, посвящена рассмотрению истории строительного отходничества в пореформенной России. В частности, здесь приводятся интересные данные не только по количеству, но и по специализации костромских отходников в сравнении с данными по Ярославской и Тверской губерниям. Автор представляет материалы о процессе обучения отходников строительным навыкам, их быте и нравах в контексте соответствующей исторической эпохи.

Вопросы промышленного развития Костромской губернии в пореформенный период нашли отражение в публикации С. А. Шипилова⁶, исследование которого изобилует данными о специализации предприятий ряда уездных городов (Галич, Солигалич, Чухлома и др.).

Значительный пласт исследований костромских историков связан с изучением политической активности рабочих масс в начале XX в.

К числу наиболее активных исследователей, занимающихся этими вопросами, следует отнести А. В. Новикова. В статье «Статистика рабочего движения в Костромской губернии в 1905 году»⁷ он на основе глубокого анализа широкого круга архивных материалов раскрывает размах и разнообразие форм рабочих выступлений в Костромской губернии в 1905 году. Последующая его публикация⁸ представляет наиболее актуальные проблемы отечественной историографии рабочего движения в начале XX века. Историография названного вопроса подразделяется автором на конкретные хронологические этапы: дореволюционный (1900 – октябрь 1917 года), советский (с подразделением на 1917–1950-е годы и 1950–1980-е годы) и постсоветский (1990-е годы), что позволяет сравнивать оценки и проблематику исследований соответствующих периодов во всей полноте, тем самым значительно расширяя современные представления о рабочем движении как общественно-политическом феномене России начала XX века.

В статье «Погромные выступления в Верхневолжье в 1905 году»⁹ А. В. Новиков на весьма богатом и разнообразном материале костромских, московских, ивановских, владимирских, ярославских архивов дает характеристику этой противоречивой и малоизученной формы протестного движения провинциального пролетариата. В статье нашли отражение не только примеры погромов, но и характеристики состава погромщиков, мотивы их девиантного поведения.

Специальное исследование А. В. Новиков посвятил причинам активизации рабочего движения в период первой русской революции¹⁰. Важной заслугой автора в этом контексте следует считать попытку структурировать данные архивных фондов в наглядные таблицы. В статье содержится целый ряд таких таблиц («Динамика номинальной заработной платы рабочих 1900–1904 гг.», «Изменение реальной заработной платы в 1900–1904 гг.» и др.), которые изобилуют фактическим материалом, вводимым в научный оборот впервые.

В другом своем исследовании «Источники изучения трудовых конфликтов в период первой российской революции»¹¹ А. В. Новиков представляет историографический анализ объемного архивного (55 фондов 9 архивов) и источниковедческого (периодическая печать, статистические сборники, мемуарная литература и др.) материалов по малоизученным аспектам проблемы трудовых конфликтов в рабочей среде.

В статье «Тенденции становления и развития системы управления Костромской губернией в первой половине XIX века»¹², автор своей задачей усматривает обобщение данных о становлении системы управления Костромской губернией и соотнесение тенденций ее развития с обще-

российскими процессами. Статья снабжена биографическими сведениями о жизни и деятельности ряда костромских губернаторов.

Изучению истории институтов губернской власти и земского самоуправления в пореформенной России посвящена статья Д. В. Сидорова, который весьма содержательно и детально анализирует «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 года¹³.

Отдельные аспекты российской истории рубежа XIX–XX веков нашли освещение в работе М. А. Смирнова, где детально анализируется процесс криминализации административной системы, рассматривается деятельность придворных преступных группировок, структур полиции и таможни¹⁴.

Вопрос о причинах падения династии Романовых стал предметом размышлений М. Ю. Глазова, которые нашли отражение в статье «Император Николай II в своих дневниках (1914–1917)»¹⁵. Автор стремится проанализировать особенности личности Николая II, с тем чтобы «прояснить вопрос об искусственности либо закономерности Революции 1917 года»¹⁶. Он сознательно ограничивает круг источников и хронологию исследования, что не умаляет значения и ценности проделанной им работы. Привлеченные исследователем материалы и источники способствуют обогащению объективных представлений о последнем российском самодержце как человеке соответствующего круга, статуса и эпохи.

Статья О. В. Гороховой «Книжные вклады Романовых в Костромском крае» представляет собой определенную ретроспективу, характеризующую отношение представителей царской и императорской династии к Костромскому краю как «колыбели» Дома Романовых¹⁷.

Социально-политические аспекты истории Костромского края рубежа XIX–XX веков представлены в работе Г. Ю. Волкова¹⁸, который на основе широкого круга архивных материалов и периодической печати того времени анализирует события последних дней царского правления в Костромской губернии, характеризует отношение к ним со стороны разных слоев населения.

Многочисленные вопросы политической истории Костромского края начала XX века освещает в своих работах А. М. Белов. Специфика ряда из них связана с исследованием процесса зарождения многопартийности в России и политическим самоопределением интеллигенции¹⁹. Одна из его публикаций на страницах «Вестника» специально посвящена политической платформе партии октябристов²⁰.

В статье «Кострома: весна 1917 года» он исследует события последних дней правления Романовых и деятельность крупных общественно-политических организаций. Проблемы взаимоотношений

и противоборства политических партий в межреволюционный период (1917 года) подробно освещены им в работе «На изломе революции»²¹. Показательно, что здесь рассматриваются не только взаимоотношения партий между собой, но и внутривнутрипартийные отношения (между центральными комитетами и их местными ячейками).

Не оставалось без внимания авторов «Вестника» и положение русского крестьянства. Важное место в изучении этого спектра проблем занимают работы И. В. Голубевой. В 2005 году ею опубликована статья, посвященная «эпохальному событию российской истории» – отмене крепостного права²², в ней сделана попытка осмысления проблемы в контексте изучения механизма взаимодействия и взаимовлияния «центра» и «провинции», выявлены как общие, так и специфические характеристики процесса проведения крестьянской реформы в Костромской губернии.

В ее же работе «К. Д. Кавелин и крестьянский вопрос в пореформенной России»²³ раскрывается идейная платформа программы аграрных преобразований К. Д. Кавелина в сопоставлении с крестьянскими программами других либеральных реформаторов (К. К. Арсеньев, Л. А. Полонский и др).

В круг научных интересов И. В. Голубевой попали и вопросы истории местного самоуправления, в частности история Костромской городской думы рубежа XIX–XX веков²⁴. Автор не только рассматривает законодательную деятельность городской думы, но и широко освещает ее практические действия по улучшению водоснабжения города, здравоохранения жителей и др., а также вопросы взаимодействия с органами губернской власти, иными ведомствами и министерствами. В этих целях ею были привлечены разнообразные по содержанию источники, в ряду которых особое место занимают отчеты и журналы самой городской думы.

Очень интересен, на наш взгляд, и блок исследований, посвященных повседневной жизни провинциального населения. Толчком к росту научного интереса к данной тематике, видимо, могла послужить статья О. В. Бердовой и О. Б. Панкратовой²⁵, авторы попытались выявить круг интересов, надежд, чаяний представителей разных слоев костромского населения рубежа XIX–XX веков. В дальнейшем О. В. Бердова предприняла специальное исследование о повседневной жизни провинциальных учителей²⁶, которое изобилует интересными фактами о работе земских образовательных учреждений, их материальном обустройстве и др.

О. Б. Панкратовой опубликована статья, посвященная вопросам административно-территориального реформирования России в XVIII веке²⁷, которая изобилует данными по различным аспектам истории костромского наместничества (архитектурный облик населенных пунктов,

социальный состав чиновничества, половозрастной состав крестьянских дворов и др.). Работа снабжена рядом приложений, основанных на архивных материалах.

Большое количество публикаций «Вестника» связано с изучением комплекса проблем под общим названием «Интеллигенция и общество».

Среди знаковых в осмыслении феномена русской интеллигенции можно выделить публикацию Д. А. Волкова и В. Л. Миловидова «Споры о российской интеллигенции вчера и сегодня»²⁸, представляющую собой анализ соответствующего понятийного аппарата в историографической ретроспективе.

Среди исследований о социально-политической деятельности интеллигенции в дореволюционной России особое место занимают работы А. Н. Баранова, в центре научных изысканий которого оказались политические партии начала XX века и, прежде всего, деятельность кадетов. Его статья «Дискуссия о профессионально-политических союзах интеллигенции в либеральной публицистике начала XX века»²⁹ знакомит с наследием П. Н. Милюкова, опубликовавшего в начале XX века ряд программных статей по вопросам формирования профессиональных союзов. Другое исследование А. Н. Баранова «Модернизационные процессы начала XX века в России и перспективы развития страны в отражении либерал-консервативной газеты “Свободная речь”»³⁰ представляет собой скрупулезный анализ этого печатного издания начала XX века, отражавшего взгляды лидеров «Союза 17 октября» и программные положения октябристской партии. Статья «Разработка российскими либералами начала XX века концепции правовой государственности»³¹ посвящена исследованию теоретических работ ведущих ученых-юристов начала XX века Г. Ф. Шершеневича, Б. А. Кистяковского, В. М. Гессена, П. Н. Милюкова и др. Здесь приводятся данные об особенностях агитационно-пропагандистской и просветительской работы в период избирательных кампаний в Государственную думу.

Проблемы самоопределения интеллигенции после революционных событий 1905–1917 годов, ее отношения к советской власти также получили освещение в работах А. М. Базанкова³² и Н. В. Смирновой³³.

Формировавшаяся в России начала 1990-х годов многопартийность вызвала рост популярности исследовательского интереса к истокам российского парламентаризма и проблемам многопартийности начала XX в. Истории Земских соборов как первых институтов российского парламентаризма посвящена статья Б. Н. Гусева³⁴. К исследованию проблем многопартийности России в этот период обратились В. Л. Миловидов, И. В. Голубева³⁵, Н. С. Семенова³⁶.

Среди исследований по внешнеполитической истории необходимо отметить статьи И. Г. Асадулиной³⁷ и Т. И. Нигметзянова³⁸. Одному из ключевых звеньев внешнеполитической деятельности царской России – российскому флоту – посвящен специальный выпуск «Вестника»³⁹, объединивший материалы Всероссийской научной конференции, связанной с 300-летием российского флота. Тематика материалов разнообразна и отражает роль Петра I в создании регулярного флота, борьбу России за выход к морю, роль флота в развитии российской государственности. Особое место в этом ряду занимают материалы В. Л. Миловидова⁴⁰ и Е. П. Голубева⁴¹, посвященные роли костромской провинции в истории отечественного флота.

В сфере научных интересов костромских ученых находились и вопросы культурно-просветительской деятельности интеллигенции. Важное значение для понимания культурных процессов рубежа XIX–XX веков, характеристики вовлеченности в них представителей интеллигенции имеют статьи Е. А. Чугунова.

В работе «Духовно-нравственный облик и ориентации промышленного пролетариата Верхнего Поволжья в условиях модернизации России (конец XIX – начало XX века)»⁴² им рассматривается влияние на культурный уровень рабочих просветительской деятельности таких социальных институтов, как церковь, земства, театр и др. В статье «Продолжая традиции изучения рабочего движения»⁴³ представлены вопросы историографии указанной проблемы.

Особое место в его трудах занимают аннотации научно-практических конференций: «Литературные чтения памяти А. И. Готовцевой» (анализируются доклады и сообщения участников литературных чтений «Имя А. И. Готовцевой в истории русской культуры», проходивших в 2005 году в п. Красное-на-Волге)⁴⁴, «Рабочие – предприниматели – власть в XX веке»⁴⁵ (анализируются доклады и сообщения участников III Международной научной конференции «Предприниматели и рабочие в трудах историков XX века») и др.

Различные проблемы изучения пролетарской культуры рубежа XIX–XX веков освещены в статьях Д. С. Иванцова⁴⁶, который подвергает культурологическому анализу марксистскую концепцию культуры, культурную программу большевиков, рассматривает ее практическое воплощение в первые десятилетия XX века и т. д.

Значительное внимание на страницах «Вестника» костромские ученые уделили истории создания и деятельности научных обществ различной направленности, функционировавших в XIX – начале XX века. Заметный вклад в изучение этого направления внес А. Д. Шипилов,

который в своих публикациях подробно осветил историю становления института губернских ученых архивных комиссий⁴⁷, аннотировал работы Костромского научного общества по изучению местного края⁴⁸. Им же изучены проблемы истории периодики Костромского края⁴⁹, а также вопросы развития местной историографии первой половины XIX века⁵⁰.

В статье «Костромская губерния в 1-й половине XIX века (по материалам костромских историков)»⁵¹ А. Д. Шипилов рассматривает систему государственного управления, сложившуюся в Костромской губернии, специфику деятельности губернских учреждений, органов сословного и городского самоуправления, приводит сведения об административном, сословном, экономическом состоянии губернии, народном образовании, архитектурном облике г. Костромы.

Истории первой губернской мужской гимназии и влиянию педагогической интеллигенции на культурную жизнь провинции рубежа XIX–XX веков посвящены статьи А. Н. Рябина и Т. А. Свиридовой⁵².

Статья игумена Геннадия (Гоголева)⁵³ повествует об истории Костромской духовной семинарии с момента ее открытия в 1747 году. Автор размышляет о причинах ее создания, особенностях преподавания, судьбах преподавательского корпуса и выпускников семинарии.

В исследовании Ф. А. Лапшина «Подготовка офицеров русской армии накануне и в период первой мировой войны»⁵⁴ рассмотрена деятельность военно-учебных заведений царской России, представлен анализ содержания их учебных планов, социального состава обучаемых и пр. Автор делает попытку вскрытия «мотивов поведения офицеров в сложных военно-революционных событиях первых десятилетий XX в.»⁵⁵.

За период издания «Вестника КГУ им. Н. А. Некрасова» (1995–2008) было опубликовано достаточно большое количество научно-исследовательских работ костромских ученых по различным аспектам истории России периода правления Романовых. Этот богатейший материал стал основой многих спецкурсов и спецсеминаров в вузовских учебных планах, послужил хорошей базой для подготовки краеведческих уроков в средней общеобразовательной школе, для подготовки справочных и энциклопедических изданий и т. д. В настоящее время в связи с начавшимся процессом подготовки 400-летия Дома Романовых, которое будет отмечаться в 2013 году, значение этих материалов еще более актуализируется, а перед исследователями встают весьма масштабные задачи по изучению и объективному осмыслению отечественной истории эпохи правления Романовых.

Примечания

¹ *Едошина И. А.* Провинция как феномен в русской культуре // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 1999. № 2. С. 7–11.

РАЗДЕЛ III

² *Бартенева И. Ю.* Литературная жизнь русской провинции (этапы ее становления и изучения) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2005. Специальный выпуск. С. 27–37.

³ *Сорокин Н. В.* Материалы этнографического бюро князя В. Н. Тенишева как источник по истории кустарных промыслов Костромской губернии // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. № 2. С. 102–105.

⁴ *Сорокин Н. В.* Детский труд в семьях красносельских кустарей-ювелиров в конце XIX–XX веков // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1998. № 4. С. 84–85.

⁵ *Смурова О. В.* Строительный отход крестьян Костромской и Ярославской губерний на заработки в столицы (пореформенный период) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 1. С. 3–8.

⁶ *Шипилов С. А.* Промышленное развитие северо-западных уездных городов Костромской губернии во второй половине XIX века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. Специальный выпуск. С. 65–68.

⁷ *Новиков А. В.* Статистика рабочего движения в Костромской губернии в 1905 году // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1998. Специальный выпуск. С. 69–71.

⁸ *Новиков А. В.* Проблемы историографии рабочего движения в России в начале XX века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2000. № 1. С. 53–55.

⁹ *Новиков А. В.* Погромные выступления в Верхневолжье в 1905 году // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. № 3. С. 11–18.

¹⁰ *Новиков А. В.* Причины активизации рабочего протеста в России в 1905 году // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 5. С. 64–80.

¹¹ *Новиков А. В.* Источники изучения трудовых конфликтов в период первой российской революции // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 4. С. 23–31.

¹² *Новиков А. В.* Тенденции становления и развития системы управления Костромской губернией в первой половине XIX века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. Специальный выпуск. С. 54–64.

¹³ *Сидоров Д. В.* Институциональное влияние губернской власти на земское самоуправление Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Верхнего Поволжья) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 4. С. 3–6.

¹⁴ *Смирнов М. А.* Криминализация силовых структур государственной власти и формирование организованной преступности в них как показатель кризиса российского общества в конце XIX – начале XX века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 4. С. 10–17.

¹⁵ *Глазов М. Ю.* Император Николай II в своих дневниках (1914–1917) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2000. № 1. С. 112–116.

¹⁶ Там же. С. 112.

¹⁷ *Горохова О. В.* Книжные вклады Романовых в Костромском крае // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 3. С. 3–5.

¹⁸ *Волков Г. Ю.* Костромская губерния накануне и во время февральской революции 1917 года // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. № 2. С. 28–32.

¹⁹ Белов А. М. Провинциальная интеллигенция и формирование политических партий в 1905–1907 гг. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1995. № 4. С. 65–68.

²⁰ Белов А. М. Партия октябристов: политический курс сотрудничества с властью и его крах // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1995. № 4. С. 35–36.

²¹ Белов А. М. На изломе революции: борьба политических сил в Костромской губернии в мае – августе 1917 г. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 5. С. 81–83.

²² Голубева И. В. Из истории подготовки и отмены крепостного права в Костромской губернии // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. Специальный выпуск. С. 47–54.

²³ Голубева И. В. К. Д. Кавелин и крестьянский вопрос в пореформенной России (к вопросу об альтернативах российской модернизации) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. № 2. С. 8–12.

²⁴ Голубева И. В. Из истории местного самоуправления в крае: Костромская городская дума (1870 – нач. 1900-х гг. XX в.) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 5. С. 38–54.

²⁵ Бердова О. В., Панкратова О. Б. Идеи и духовные искания в костромском обществе конца XIX – начала XX в. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. № 2. С. 76–80.

²⁶ Бердова О. В. Социальный аспект повседневной жизни российской провинции начала XX в.: костромское губернское учительство // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 5. С. 55–64.

²⁷ Панкратова О. Б. Костромской край в XVIII веке: попытки административной и социальной модернизации // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 5. С. 15–28.

²⁸ Волков Д. А., Миловидов В. Л. Споры о российской интеллигенции вчера и сегодня // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1998. № 4. С. 38–42.

²⁹ Баранов А. Н. Дискуссия о профессионально-политических союзах интеллигенции в либеральной публицистике начала XX века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2000. № 1. С. 57–59.

³⁰ Баранов А. Н. Модернизационные процессы начала XX века в России и перспективы развития страны в отражении либерал-консервативной газеты “Свободная речь” // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. № 2. С. 29–35.

³¹ Баранов А. Н. Разработка российскими либералами начала XX века концепции правовой государственности // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2007. № 4. С. 17–22.

³² Базанков А. М. Формирование нравственной позиции художественной интеллигенции Верхнего Поволжья в 1920-е годы // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1998. № 4. С. 42–45.

³³ Смирнова Н. В. Художественная интеллигенция и ее отношение к революционным событиям 1917 г. (на материалах Верхнего Поволжья) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1998. № 4. С. 48–50.

³⁴ Гусев Б. Н. Земские соборы – парламентский опыт России // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 1. С. 14–17.

РАЗДЕЛ III

³⁵ *Миловидов В. Л., Голубева И. В.* Кадеты в общественно-политической жизни провинции (на материалах Костромской губернии) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1995. № 4. С. 32–34.

³⁶ *Семенова Н. С.* Учительская интеллигенция и партия социалистов-революционеров // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1995. № 4. С. 37–38.

³⁷ *Асадулина И. Г.* Российская империя в геополитических планах пангерманцев (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. № 2. С. 111–113.

³⁸ *Нигметзянов Т. И.* Проблема войны и мира в деятельности русской группы межпарламентского союза // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 1. С. 58–69.

³⁹ Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1996. Специальный выпуск. 45 с.

⁴⁰ *Миловидов В. Л.* Российский флот и костромская провинция // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1996. Специальный выпуск. С. 5–7

⁴¹ *Голубев Е. П.* Костромичи у истоков рождения российского флота // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1996. Специальный выпуск. С. 7–9.

⁴² *Чугунов Е. А.* Духовно-нравственный облик и ориентации промышленного пролетариата Верхнего Поволжья в условиях модернизации России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. № 2. С. 35–38.

⁴³ *Чугунов Е. А.* Продолжая традиции изучения рабочего движения // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. № 3. С. 47–49.

⁴⁴ *Чугунов Е. А., Чугунова О. Д.* Литературные чтения памяти А. И. Готовцевой // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Квалиметрия образования. 2005. № 2. С. 92–94.

⁴⁵ *Чугунов Е. А.* Рабочие – предприниматели – власть в XX веке (к осмыслению столетнего опыта противоборства и сотрудничества). По материалам международной научной конференции // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Квалиметрия образования. 2005. № 2. С. 94–97.

⁴⁶ *Иванцов Д. С.* Идея пролетарской культуры в России: теории и практика / // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2004. № 2. С. 8–12; *Он же.* Деятельность музыкальных студий Пролеткульта // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2005. Специальный выпуск. С. 129–132.

⁴⁷ *Шитлов А. Д.* Губернская ученая архивная комиссия (1885–1917 гг.) и провинциальная историография // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. № 2. С. 97–102. *Он же.* История создания в России губернских ученых архивных комиссий / // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 1. С. 72–76.

⁴⁸ *Шитлов А. Д.* Анкетные исследования костромских историков в годы первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. № 1. С. 68–71.

⁴⁹ *Шитлов А. Д.* Периодическая печать и провинциальная историография в XIX веке // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1998. Специальный выпуск. С. 81–82.

⁵⁰ *Шитлов А. Д.* Развитие костромской исторической мысли в первой половине XIX века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Волжский рубеж. 2005. Специальный выпуск. С. 40–47.

Посещение Костромы Николаем I во время высочайшего путешествия...

⁵¹ *Шипилов А. Д.* Костромская губерния в 1-й половине XIX в. (по материалам костромских историков) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Волжский рубеж. 2006. № 5. С. 29–38.

⁵² *Рябинин А. Н., Свиридова Т. А.* Первая костромская губернская мужская гимназия // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. № 2. С. 44–47; *Рябинин А. Н.* Педагогическая интеллигенция и ее вклад в культурную жизнь провинции (конец XIX – 20-е гг. XX в.) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1999. №2. С. 62–65.

⁵³ *Игумен Геннадий (Гоголев).* Костромская духовная семинария (К 250-летию со дня основания) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 1997. №4. С.67–70.

⁵⁴ *Лапишин Ф. А.* Подготовка офицеров русской армии накануне и в период первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 1998. № 4. С. 46–48.

⁵⁵ Там же. С. 46.

Н. И. Коробицин

ПОСЕЩЕНИЕ КОСТРОМЫ НИКОЛАЕМ I ВО ВРЕМЯ ВЫСОЧАЙШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ *

История династии Романовых и история Костромского края тесно переплетаются в событиях и людях, а в городе Костроме запечатлена в зданиях и памятниках.

Одной из самых известных достопримечательностей города был памятник царю Михаилу Федоровичу Романову и крестьянину Ивану Сусанину. Ныне от памятника осталась лишь колонна, лежащая на центральной площади Костромы. И мало кто знает историю создания и разрушения памятника. Напомнить историю появления памятника – и есть цель настоящей работы. В основе публикации лежит доклад члена Костромской губернской ученой архивной комиссии Н. И. Коробицина, прочитанный в заседании Комиссии 14 марта 1893 года.

Скромная в ряду растущих городов средней России Кострома имеет право гордиться памятниками, вызывающими исторические патриотические воспоминания и представляющими прекрасный пейзаж. Обратите внимание на Сусанинскую площадь или полюбуйте с земли бывшего завода Шипова на прелестную панораму Ипатьевского монастыря, особенно во время половодья Волги и Костромы. Сусанинская площадь может дать проезжающему по Волге путнику очень приятное впечатление.

* Публикацию подготовили д-р экон. наук В. В. Чекмарев (Кострома), д-р ист. наук В. Н. Маин (Кострома), канд. ист. наук О. А. Вакурова (Кострома).

Представьте довольно обширную площадь, очень правильно распланированную; она пристала бы ко многим, даже и большим, городам: она окаймлена внушительными, совершенно правильно расположенными зданиями гостиного ряда, покрываемыми пятиглавым куполом и шпилем гостинно-дворской церкви; тут же, невдалеке, виднеется грациозная колокольня, несколько в индийском стиле, Успенского собора; с другой стороны открывается панорама на типичную или оригинальную группу Богоявленского и Анастасьинского монастырей; а напротив гостинной линии другой, не менее внушительный по размерам, корпус мучной и льняной линий, и здесь, придавая площади еще более красивого разнообразия, возвышаются храм святого Иоанна Предтечи и часовня в память Царя-Освободителя; наконец, невольно глаз зрителя останавливается на расходящихся от площади радиусами скромных улицах города, над массой домов которых сияют кресты церквей. Вообще, площадь окаймлена лучшими по стилю в городе зданиями, хотя последние едва ли могут претендовать, исключая указанных зданий, здания окружного суда и присутственных мест, на что-нибудь выдающееся. Ко всему этому присоедините широкую великую реку, протекающую под ногами наблюдателя, и противоположный, очень живописный, берег Волги с его храмами и селениями среди густой зелени березовых рощей, и нельзя будет не сознаться, что такой пейзаж невольно может приковать к себе внимание даже и избалованного пейзажем наблюдателя. И среди такой обстановки красуется скромный, но очень оригинальный по изящной простоте, вполне соответствующей тихому губернскому городу, монумент в воспоминание одного из ярких и симпатичных эпизодов в истории отечества и Костромы, с ее окрестностями в особенности, – это памятник Царю Михаилу Федоровичу и поселянину Ивану Сусанину.

Памятник очень хорош в ансамбле; на первый взгляд он может показаться скромным. Но это и составляет его главное достоинство; он много выигрывает в перспективе; он почти величествен, если наблюдать его при подъеме с арки приречной, или береговой, заставы, представляющей собою два пирамидообразных обелиска, украшенных наверху двуглавыми орлами; внушителен памятник и с довольно удаленных от площади пунктов скромных улиц города, выходящих радиусами к площади. Видно, что проектировавший монумент был истинным художником: он внимательно изучил обстановку, имеющую очень важное значение в художественном отношении; он не последовал советам некоторых, желавших воздвижения более высокой колонны, по-видимому, более соответствующей важности события и идей последнего; художник изящно соблюл закон гармонии, так необходимый во всяком художественном произведении, и достиг того, что едва ли где, кроме

Посещение Костромы Николаем I во время высочайшего путешествия...

Киева, где, на Крещатике, при соединении последнего с Подолом, высится величественный, но также художественно простой монумент Клодта Святому Владимиру, встречался бы такой же, соответствующий местности, памятник, как наш.

Мысль о сооружении исторического памятника в Костроме возникла после знаменитого в летописях Русской истории путешествия Императора Николая Павловича по России в 1833–1834 годах. Великая Русская земля сосредоточивалась в себе и самоуглублялась после пережитых ею великих испытаний и явлений исторической жизни. Героическая эпоха 12-го года еще так ярко и ясно жила в сознании, 14-е декабря 1825 года было еще так близко, – и оно так отрезвляюще подействовало на самопознание образованных людей, персидская и турецкая войны покрыли славою молодого Царя и, наконец, восстание Польши, усмиренное после геройской борьбы с обеих сторон... Все эти важные эпизоды истории учили интеллигенцию России одному чрезвычайно важному и необходимому знанию – помнить и знать историю отечества и ни в каком случае не забывать героических подвигов предков, а особенно исторических личностей. И вот настало, в первый раз, время исторических, деятельных воспоминаний, началось усердное, покровительствуемое Государем и влиятельными учреждениями и лицами собирание разнообразных древних исторических памятников и источников во всех сферах исторического изучения русской жизни. К этому времени приурочивается начало и расцвет Императорской Археологической Комиссии (начало и подготовка издания Русских летописей), Общества истории и древностей при Московском Университете, начало русского исторического романа и Высочайшая забота об улучшении крестьянского быта. К этому же времени относится начало усиленной работы в области зодчества и ваяния в патриотическом и религиозном направлениях. Ни одно время в истории искусства, исключая переживаемое нами, не ознаменовано реставрациями древних памятников и сооружением новых и в том числе грандиозных и величественных (соборы в Петербурге и Москве – эти величественные памятники двух возрождений Русской земли), как это. Такое начало оживления русского искусства в области ваяния и скульптуры открывается, можно сказать, сооружением и торжественным открытием знаменитого Бородинского памятника, этой «великой панихиды», по выражению чешского поэта, писавшего по-русски. И это событие один из высокодаровитых и живых молодых писателей, увлекшись идеями германского философа (Гегель), восторженно приветствовал. Впоследствии этот писатель является красною в истории развития родной литературы и образованного общества: он уяснил значение и смысл изданий великих русских поэтов царствования Императора Николая

(В. Г. Белинский. Бородинская годовщина). Историческим, деятельным воспоминаниям очень много способствовал Августейший путешественник по России. Государь посетил почти все местности России, ознаменованные великими событиями в ее исторической жизни. И Смоленск, и Красный, и Малоярославец, и Тарутино, и Куликово поле, и Нижний Новгород, и Казань. И почти во всех этих городах воздвигнуты не в очень продолжительное время памятники, вызывающие у нас, современников, живые воспоминания великих явлений нашей исторической жизни. И какое поле, какой простор для переживания исторических эпох! Посещая эти места, Государь горячо интересовался историко-археологическими сведениями и памятниками, связанными с известной местностью. В Нижнем Новгороде Государь очень внимательно расспрашивал Бутурлина, военного губернатора, о роде и потомстве Минина; губернатор советовался в этом вопросе с учителем истории Нижегородской гимназии П. И. Мельниковым (Печерским).

Посетив в это знаменитое свое путешествие и Кострому, и Ипатьевский монастырь, эту колыбель династии, Государь еще в более значительной, вероятно, степени переживал исторические воспоминания, связанные и с Костромою, и с ее краем. Известно, что Государь обратил большое внимание на экономическое положение (бедность) крестьян-белопашцев, потомков Сусанина, улучшив очень много их положение (Свод законов изд. 1842 и 1857 гг., том V, ст. 7, п. 2, примеч.), еще большее внимание Государь обратил почти на полную реставрацию Ипатьевского монастыря и собрание при нем дорогих по воспоминаниям древностей, современных знаменитой эпохе воцарения династии (Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Составлено протоиреем П. Островским. Кострома, 1870. С. 63, 64, 65, 66 и 67) и, наконец, выразил желание увековечить знаменитую эпоху монументом. Он, следовательно, дал мысль Костромскому дворянству о сооружении памятника в Костроме Царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Сусанину.

Общие обстоятельства благоприятствовали довольно скорому осуществлению мысли и воли Государя. Русская скульптура получила особенное оживление во второй половине царствования Государя, благодаря любви Его к искусству и покровительству, которое Он оказывал отечественным художникам, равно и таким громадным предприятиям, как постройка и украшение Исаакиевского собора в Петербурге и Христа Спасителя в Москве. Все русские ваятели и старого, и юного поколения получали тогда правительственные заказы, и, будучи поощряемые вниманием Монарха к их трудам, старались в них превзойти один другого.

Посещение Костромы Николаем I во время высочайшего путешествия...

К числу ваятелей этого времени принадлежит и создатель памятника в Костроме. В. И. Демут-Малиновский, составивший проект нашего памятника, занимает почетное место между современными ему художниками по таланту и стилю в своих произведениях. Очень известны его: статуя святого апостола Андрея в Казанском соборе в Петербурге, Русский Сцевола в Академии Художеств, портретные бюсты и проч.

Проект памятника костромичами сначала был задуман очень широко. Это объясняется отеческим вниманием, оказанным Государем потомкам Сусанина и его неперемным, живым желанием реставрировать исторические, обветшавшие от времени строения Ипатьевской обители, представляющей, сама по себе, целый или полный исторический монумент. Предполагалось именно среди старого монастыря воздвигнуть какой-то величественный монумент. Но в июне 1835 года «последовало», как замечает в рукописи, в конце печатных приложений, с целью исправить некоторые неточности и неверные сведения, известной книги: «Взгляд на историю Костромы князя Александра Козловского» один из губернаторов нашего города, как видно, собиравший материалы для истории местного края, «соизволение Государя Императора и на приведение Ипатьевского монастыря в его первобытное состояние, с разными улучшениями и внутренними и внешними и на сооружение памятника Сусанину, – только Государю Императору угодно было, чтобы памятник был поставлен не в Ипатьевском монастыре, а на городской Екатеринославской площади, почему и самую площадь повелено было именовать с того времени Сусанинскою».

«О пламенном усердии дворян Костромской губернии, – продолжает начальник губернии в своих рукописных примечаниях в книге князя Козловского, – устроить в Ипатьевском монастыре памятник родоначальнику Августейшего Дома Романовых, царю Михаилу Федоровичу, представлено было губернским предводителем генерал-адъютанту графу Бенкендорфу для доклада Государю Императору, на что последовал следующий отзыв Государя: “когда будут собраны деньги и составлен план памятнику, тогда и представить на мое утверждение”».

«В 1838 году получено было Высочайшее повеление соединить суммы, собираемые для памятников Царю Михаилу Федоровичу, согласно изъявленному в 1834 г. желанию дворянства Костромской губернии и поселянину Сусанину, по представлению действительного статского советника Приклонского, употребить для сооружения одного памятника по рисунку, составленному в Академии Художеств на назначенной, по представлению губернатора Приклонского площади».

Выразителем и исполнителем воли Государя и почти главным двигателем осуществления желания воздвигнуть памятник в Костроме

представляется гражданский губернатор Александр Григорьевич Приклонский. Государь во время пребывания Своего в Костроме приказал Приклонскому составить соображения об устройстве и приведении в лучшее состояние Ипатьевского монастыря и потомков Сусанина и представить свои соображения Его Величеству.

Губернатор исполнил эту высокую задачу и осчастливлен был личным представлением Государю 19 февраля 1835 года. Вскоре же после этого Приклонский представил проект сооружения памятника Сусанину. «На это представление Государь изволил отозваться, что нет никакого препятствия воздвигнуть памятник Сусанину, если изберется оному приличное место. Приклонский донес, что место избрано на главной площади, представил план и ситуацию местности и просил Величайшего утверждения о наименовании этой площади Сусанинскою, на что и последовало вскоре Величайшее разрешение».

По распоряжению Приклонского на том месте, где предполагалось устроить памятник Сусанину, представлен был столб с четырьмя фонарями, для освещения площади, но без всякой надписи.

Костромской губернией и особенно городом под влиянием дорогих исторических воспоминаний и радости населения Государь остался доволен. Это видно из тех же рукописных заметок к книге Козловского: «11 числа (октября) в 9 часов Государь Император, вышедши из внутренних покоев занимаемого Им дома (генерал-лейтенанта Борщева, – см. у Козловского), милостиво поздоровавшись с губернатором Приклонским, подозвал к себе графа Бенкендорфа, которому приказать изволил: Скажи Позену, чтобы он вручил губернатору орден прежде, чем он выйдет из этого дома». По выходу Государя правитель походной канцелярии Государя статский советник Позен тут же поднес Приклонскому рескрипт и орден Святого Владимира III степени. «Подобной милостивой наградой Государь во время своего путешествия никого еще не удостоивал», – замечает бывший губернатор, сделавший примечание к «Взгляду на историю Костромы» кн. Козловского.

18 октября 1834 года губернатор Приклонский получил от г. министра внутренних дел предписание следующего содержания: «Государь Император в Высочайшее путешествие по Костромской губернии и пребывание в Костроме изволил найти следующее: 1) острог в порядке и чистоте; 2) инвалидный дом и богадельня в порядке; 3) школа детей канцелярских служителей в старом доме в порядке; новый для нее дом отменно хорош, но сыр от ранней штукатурки, посему Его Императорское Величество изволил запретить переводить туда ныне школу и приказать штукатурку снаружи сбить, а в комнатах поставить желез-

Посещение Костромы Николаем I во время высочайшего путешествия...

ные печи и сделать камины; 4) больница в весьма ветхом деревянном доме, но в порядке и требует непременно постройки новых общих зданий приказа по утвержденным планам. Его Величество соизволил, чтобы таковые постройки были ускорены; 5) губернаторский дом большой, на хорошем месте, но близок к разрушению. Его величество Высочайше соизволил, чтобы сей дом ныне же был сдан в ведомство министерства народного просвещения, дабы отделать его для гимназии с пансионом, к чему он весьма удобен, и взамен того нынешний дом гимназии отдать для помещения губернатора, сделать в нем нужные переделки; 6) город Кострома содержится чисто и хорошо; 7) дороги по губернии в самом прелестном виде и исправности и после московского шоссе первые в России; почтовые дома каменные и прекрасно содержатся».

«Его Императорское Величество повелеть соизволил: за все сие объявить вашему превосходительству особенную монаршую благодарность».

Этими рукописными, очень важными и интересными заметками для истории сооружения памятника в Костроме и пребывания Императора Николая Павловича в Костроме я обязан много действительному статскому советнику Владимиру Павловичу Смольянинову, сообщившему экземпляр упомянутого уже «Взгляда на историю Костромы князя Козловского», с такими любопытными рукописными заметками губернатора-историка. Вменяю в приятный долг принести искреннюю благодарность г. Смольянинову.

Памятник Царю Михаилу Федоровичу и поселянину Сусанину представляет колонну смешанного стиля – полудорийского и отчасти флорентийского (эпохи Возрождения) с капителью и цоколем, свойственным этим стилям; над капителью высится грудной бюст Царя Михаила Федоровича в шапке Мономаха и в бармах; золоченый крест на груди бюста ярко выделяется на его фоне; на лицевой, средней части колонны гербы: государственный и прежний Костромы: щит, разделенный на четыре части; в первой из них золотой крест, а в четвертой серебряный полумесяц, обращенный вниз, и скрещенные сабли внизу; колонна покоится на довольно массивном сравнительно с нею пьедестале, представляющем почти параллелепипед, у цоколя колонны коленапреклоненная, выразительно вылитая, статуя Сусанина в крестьянском костюме; лицо и поза фигуры дышат выражением молитвы и самопожертвования. Один только барельеф украшает медальон пьедестала с лицевой стороны памятника: это хорошо известная сцена из «Жизни за Царя» – смерть Сусанина; на оборотной стороне пьедестала высеченная позолоченная надпись: «за Веру, Царя и Отечество живот свой положившему поселянину Ивану Сусанину благодарная

Россия»; на правом медальон «1851». Наконец, монумент плотно к пьедесталу, с двумя уступами, окаймлен фигурой, вылитой и бронзированной решеткой, орнаментированной государственными гербами и древнерусскими бердышами, и четыре, сравнительно грациозных, чугунных фонарных столба у краев решетки дополняют ансамбль монумента.

Изложив начало строения нашего знаменитого памятника, в заключение долгом считаю остановиться на торжестве открытия и освещения монумента 14 марта 1851 года.

Благодаря просвещенной любезности губернского предводителя дворянства Авдия Ивановича Шипова и содействию секретаря его В. Н. Кордобовского, представилась возможность подробно рассмотреть хранящиеся в архиве канцелярии депутатского собрания «дело по отношению г. начальника губернии об открытии памятника, воздвигнутого в Костроме Царю Михаилу Федоровичу и поселянину Сусанину. Началось 22 февраля 1851 г. Кончилось 30 марта 1851 г.».

Дело состоит из 36 листов. Открывается оно отношением военного губернатора генерал-майора Ивана Васильевича Каменского губернскому предводителю дворянства Федору Федоровичу Чагину, что «по всеподданнейшему г. министра внутренних дел докладу Государь Император Высочайше повелеть соизволил открыть памятник 14 марта 1851 г.».

Затем следуют циркулярное отношение губернского предводителя уездным предводителям о содержании отношения г. начальника губернии и приглашение пожаловать в Кострому за несколько дней до открытия памятника; отношение предводителя дворянства Костромской городской полиции с предложением объявить всем костромским дворянам, дабы они пожаловали в дворянское собрание для некоторых совещаний по случаю открытия памятника; отношение Ветлужского предводителя Мельгунова, уведомляющего, что, «принимая во внимание важность настоящего случая, он с чувством восторга поставляет обязанностью быть до назначенного срока в Костроме»; постановление депутатского собрания, определившего: «дабы драгоценное для каждого гражданина в память незабвенного отеческого события торжество совершить приличным образом, следует произвести расход из сумм дворянства до 2500 руб.»; циркулярное письмо предводителя, приглашающее духовенство, дворянство и купечество на сельский праздник, предложенный для потомков Сусанина; отношение губернского предводителя в приказе общественного призрения о выдаче указанной суммы дворянства для торжества; отношение губернатора предводителю с препровождением церемониала открытия памятника; печатный экземпляр церемониала; дело заканчивается донесением губернского предводителя г. министру внутренних дел

Посещение Костромы Николаем I во время высочайшего путешествия...

о ходе открытия памятника со времени первого отношения начальника губернии, о действиях дворянского собрания с указанием на то, что «по единоголосному постановлению дворянства все издержки, как-то: на наем квартир, на случай приезда в Кострому из других губерний предводителей и местных уездных и потомков Сусанина, Коробовских белопащцев, одновотчинников с ними крестьян села Домнина, угощение их и подарки, иллюминацию губернского дома, выписку из Ярославля 3-го резервного пехотного полка, полного хора музыки, а также угощение духовенства, штаб и обер-офицеров и почетных купцов, дворянство приняло на свой счет». Потом следует изложение церемониала открытия памятника. Литургию совершал преосвященный Леонид, причем, по окончании оной, соборным протоиреем произнесено было приличное торжеству слово; затем подняты были чудотворные иконы Божьей Матери: Феодоровская и принесенная из Ипатьевского монастыря Тихвинская, те самые иконы, которые при увещании Царя Михаила Федоровича на царство принесены были в Ипатьевский монастырь. Начался из кафедрального собора крестный ход к памятнику; по снятии покрыва с него и отдания ему чести войсками и народом, совершено было молебствие с водосвятием, после чего произведено было освящение памятника окроплением его святою водою, преосвященным же Леонидом произнесена была речь.

По окончании всей торжественной церемонии предводитель дворянства с начальником губернии, ярославским, костромскими уездными предводителями, дворянскими депутатами, дворянами и чиновниками отправились к приготовленному дворянством для потомков Сусанина, Коробовских белопащцев, обеденному столу. По прибытии из собора духовных особ провозглашен был военным губернатором тост за здоровье Государя Императора и всего Августейшего дома. После обеда, на память сего торжества, розданы были от имени Костромского дворянства всем потомкам Сусанина бархатные шапки, опушенные мехом, с серебряным позументом, на котором вышито было «14 марта 1851 г.». Всем нижним чинам, находившимся в строю, комиссионером здешнего откупа полковником Шиповым роздано было по фунту рыбы и по две чарке вина на человека. В четыре часа по полудни был обеденный стол от костромского дворянства на 250 кувертов по особому приглашению.

По окончании обеда губернским предводителем дворянства провозглашены были тосты за Государя Императора, Государыню Императрицу и всю Августейшую Фамилию, сопровождаемые восторженными: «ура!».

Вечером были иллюминированы: памятник от Костромского городского общества, дворянский дом от дворянства и город от жителей оногo. В течение целого дня во всех церквах происходил колокольный звон.

Прекраснейшая погода вполне благоприятствовала в тот день сему торжеству и неопisanному восторгу в столь важном для костромичей событии, совершавшемся в отличном порядке. О чем пишет в заключение губернский предводитель Ф. Ф. Чагин: «я имею счастье почтеннейше донести Вашему Сиятельству и не излишним считаю присовокупить, что дворянство Костромской губернии, движимое верноподданническим чувством от такого счастливейшего события в Костроме, еще прежде настоящего торжества в прошедшую 1850 года баллотировку единогласно постановило сделать сбор суммы со своих имений и на таковую воссоздать в Костроме институт для благородных девиц, при чем осмеливалось испрашивать Высочайшее соизволение наименовать институт Романовским, а также осчастливить его принятием под покровительство Государыни Императрицы, о чем составленное определение и внесено через г. военного губернатора на благоусмотрение Вашего Сиятельства».

Вот выдающиеся и наиболее интересные извлечения из важного для местного края документа, каким представляется рассмотренное дело; оно переносит нас за 42 года назад и может дать нашему воображению яркую и живую картину знаменитого события в нашем городе, имеющего значение и для всей России.

Т. Г. Осипова

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Спаси Бог тебе, Кострома-городу,
И честному монастырю Ипатскому,
Что соблюл нам семена Царские
На великое Московское государство...

*(«Похвала царю государю и великому князю
Михаилу Федоровичу Романову,
Костроме-городу и монастырю Ипатскому»)*

Каждому русскому, любящему свое отечество, безразлична русская история. А русская история связана с историей государства Российского и с царским Домом Романовых.

Кострому часто называют родиной династии Романовых, и сами представители династии всегда помнили об этом и помнят до сих пор.

В статье мы рассмотрим отношения дома Романовых с Костромским краем и возможности изучения этих вопросов в школьном курсе истории, включения их в контекст общего курса отечественной истории. Прежде всего, это относится к визитам представителей дома Романовых в Кострому.

Для школьных уроков следует отобрать яркий и живой материал, который вызовет интерес у учащихся, покажет, с какой любовью и благодарностью относились цари к «колыбели» своей династии, как изменялась Кострома, готовясь к встрече высоких гостей. В урок нужно включать такие сведения, которые содержат подробности, детали посещения Романовыми Костромы. Как правило, именно «мелочи» и делают историю живой и увлекательной, далекое – близким, позволяют учащимся почувствовать характер изучаемой эпохи.

Материал к урокам представлен в таблице, составленной на основе публикаций в журналах «Губернский дом», включающих архивные материалы, сведения из летописей и воспоминания современников о визитах Романовых в Кострому. Эти материалы могут служить своеобразной хрестоматией для учителя.

Тема урока	Материал для учителя
Смутное время в начале XVII в. (из истории династии Романовых)	Нерадостно было детство Михаила Федоровича. Только первые четыре-пять лет он провел с родителями в Москве. На пятом году своей жизни он вместе с родителями подвергся опале Бориса Годунова. Он и его сестра Татьяна были оторваны от родителей и сосланы вместе с теткой княгиней М. Н. Черкасской на Белоозеро. Эта ссылка, разъезды по монастырям привели к тому, что к 30 годам царь «скорбел ножками», был «блаженным», «зело кротким и тихим», болезненным и слабым здоровьем. Позднее детей возвратили матери и они поселились в родовой вотчине – с. Домнино Костромского уезда. Эту вотчину Ксения Ивановна Шестова (инокиня Марфа) получила в приданое от своего отца. Вотчина была довольно обширна: состояла из села Домнино, где у Марфы Ивановны был двор и богато убранная Воскресенская церковь; сельца Хрипели, 32 деревень и 15 починков; населена она была плотно – 1 650 душами обоюбого пола, пустых дворов в ней не было, бобылей жило очень мало, крестьянам жилось в вотчине привольно
Россия после Смуты. Первые Романовы	17 сентября 1619 г. Михаил Романов с матерью инокиней Марфой прибыли в село Домнино, а затем отправились на богомолье. Прибыв в село Спасское на Унже, Михаил Федорович слагает с себя царственное величие

РАЗДЕЛ III

<p>Россия после Смуты. Первые Романовы</p>	<p>и 20 верст идет пешком на благодарное поклонение преподобному Макарию – за спасение и умиротворение отечества, за свое избрание и спасение своего отца Федора Никитича. Народное предание сохранило память о путешествии Михаила Федоровича. На его пути к обители в селениях, где он останавливался, сооружены пять часовен – в память о Державном богомольце. 10 октября путешественники прибыли в Кострому, а затем отправились в Ярославль. Об этом Михаил Федорович сообщает своему отцу: «Мы идем, мешкотно, потому, что дожди и снега идут многие и грязи великие, и мы идем, лготя людем нашим»</p>
<p>Россия в царствование Екатерины II</p>	<p>14 мая 1767 г. в 8 часов пополудни на галере «Тверь» прибыла в Кострому Императрица Екатерина Алексеевна. Вся флотилия состояла из 6 галер и 5 судов. Сопровождали Государыню иностранные министры: австрийский, прусский, испанский, датский, шведский и знаменитейшие вельможи нашего двора. Прибытие императрицы было встречено салютами – 31 выстрел был сделан с городского вала, из Ипатьевского монастыря – 37 пушек салютовали; во всех церквях произведен был колокольный звон, и раздавались радостные, восторженные крики «ура!» из тысяч уст собравшихся граждан. На следующий день Государыня посетила Ипатьевский монастырь, изволила слушать Божественную литургию в Троицком соборе, после чего удостоила костромское дворянство целованием руки, а дам изволила целовать в щеку. В 4 часа пополудни Великая Монархиня со свитой отправилась в шлюпке к городской пристани, где изволила сесть в карету и в сопровождении 9 экипажей и 4 депутатов верхом от купечества – в русских костюмах, и 13 депутатов от дворянства – перед каретою Ее Величества, отправилась в Успенский собор. После собора Государыня посетила дом Костромского воеводы Малыгина, где Ее Величеству были представлены костромские фабриканты, купечество Ярославля, Костромы и Нерехты и все допущены к руке Ее Величества. Ужинала Государыня в Ипатьевском монастыре. После ужина изволила отозваться: «Я очень довольна: объятия от меня дворянству обоого пола». Были сделаны большие пожертвования Ипатьевской обители, духовенству, дворянству, купечеству, народу и костромским татарам. 16 мая Императрица отправилась в дальнейшее путешествие. Волга, подобно волшебным каналам Венеции, покрылась сотнями шлюпок и лодок, провожавших Августейшую гостью. Екатерина утвердила герб города – с изображением галеры Тверь, на которой императрица прибыла в Кострому</p>

<p>Россия в начале XIX в. «...Дней Александровых прекрасное начало»</p>	<p>В 1824 г. полесье Костромской губернии – Ветлужский и Кологривский уезды, берега Галичского озера и реки Костромы, где происходили вековые кровавые распри удельных князей Галичских с великими князьями московскими, потомками Александра Невского, Дмитрия Донского и Василия Темного, – посетил император Александр I. Государя приветствовали крестьяне радостным криком «Ура!». Царь остался доволен устройством дорог и селений, избышки, устроенные в лесу, «для отдохновения народу во время поправления дорог», заслужили одобрение монарха. Император посетил также Галич и Буй.</p>
<p>Россия в период царствования Николая I</p>	<p>В октябре 1834 г. Николай I предпринял путешествие в Кострому. В открытой коляске император быстро пронесся сквозь расступившиеся толпы народа и остановился у Екатерининских ворот Ипатьевского монастыря. В Троицком соборе был совершен молебен, царь приложился к святым иконам, осмотрел ризницу и келии Михаила Федоровича. После этого император отправился на квартиру – в дом сенатора С. С. Борщова на Сусанинской площади. Площадь и весь город украшала прекрасная иллюминация, народ всю ночь гулял на площади. На следующий день царь посетил Успенский собор, а затем отправился осматривать общественные заведения – острог, лазарет, канцелярское училище, рабочий дом, инвалидный дом, содержащийся за счет купца П. Г. Углечанинова, – и «везде нашел порядок и благоустройство». Император посетил и губернскую гимназию, где разговаривал с детьми, «похвалил их наружность, опрятность и единообразие в одежде». Царю был представлен мальчик Рогозин, талантливый математик, которого император лично экзаменовал. Директор гимназии предложил мальчику вопрос – 78 рублей надо выдать, имея монеты двух сортов – 3 и 5 рублей. Сколько придется выдать тех и других? Рогозин решил задачу. Его Величество приказал губернатору установить для мальчика кредитное содержание в 1000 рублей и сказал: «Я возьму его в академию и отдам на руки одного из профессоров, а теперь (обратясь к директору гимназии) ты возьми этого мальчика к себе и воспитывай; учи его читать, писать по-французски, по-немецки и проч., неученого стыдно представить в академию». И мальчик Рогозин поступил на полное содержание директора гимназии. Вечером город опять был великолепно освещен, каланча на площади была так искусно иллюминирована, что царь восхищенно сказал о творении архитектора Фурсова: «У меня в Петербурге такой нет». На следующий день Государь покинул город, оставив отзыв: «Я видел такую приверженность, любовь и усердие народное только в Риге и в Костроме»</p>

РАЗДЕЛ III

<p>Россия во второй половине XIX в. Эпоха Освобождения Александра II</p>	<p>15 августа 1858 г. состоялся визит в Кострому Александра II. Огромная толпа людей заполнила с утра Сушинскую площадь, пространство между гостиным двором и собором, Молочную гору и берег Волги. В 7.25 вечера пароход подошел к пристани. На палубе стояли император с императрицей. Пристань была украшена цветами и флагами. Гостей встречал губернатор Иван Васильевич Романус и предоставил царю рапорт «о благополучном состоянии губернии». Начался визит с посещения Успенского собора. Осмотрев собор, незадолго до этого отреставрированный, император сказал о нем: «Прелесть». Царя по пути его следования из собора во дворец сопровождали толпы народа, раздавались взрывы народной радости. 16 августа гости отправились в Мариинский детский приют, потом посетили губернское училище для девиц, а затем отправились в Ипатьевский монастырь. Затем государь посетил губернскую гимназию и городскую больницу, а также осмотрел выставку фабричных произведений Костромской губернии. Вечером был устроен бал дворянства, на котором присутствовало 800 человек</p>
<p>Россия в царствование Александра III (1881–1894 гг.)</p>	<p>22 июля 1881 г. в 12 часов дня в Кострому прибыли из Нижнего Новгорода император Александр III с императрицей Марией Федоровной, наследником Николаем Александровичем и великими князьями Георгием и Алексеем. Город украсился флагами и транспарантами. Городской голова, поднося хлеб-соль на серебряном блюде и три волжские большие стерляди, обратился к государю со следующими словами: «Ваше императорское величество! Приветствуем от глубины души, Государь, Ваше посещение колыбели Царствующего дома; беспредельна радость костромичей и счастье видеть Вас, Государь! Благоволите принять наши хлеб-соль, да здравствует Государь, Государыня и их августейшие дети – ура!» Государыня приняла букет живых цветов, поднесенный костромскими дамами. После молебна в Успенском соборе царь отправился в Ипатьевский монастырь, где при входе его встречали депутация от крестьян-белопащев и множество крестьянских девушек в местных красивых одеждах. После молебна в Троицком соборе император показывал семье Палаты Романовых, объяснял сыновьям их устройство. В этот же день гости отбыли из Костромы «при восторженных криках провожающего их народа»</p>
<p>Политический строй России в начале XIX в. Празднование 300-летия династии Романовых</p>	<p>Описание Костромы в 1913 г.: «Город нервничал, суетился, торопился покончить с делами, чтобы не предстать перед Государем в невыгодном положении. Лихорадочно ремонтировались общественные и владельческие здания, в особенности те, мимо которых предполагался проезд высочайших особ. На улицах кипела работа по исправлению мостовых, тротуаров, чистили и красили фасады домов.</p>

<p>Политический строй России в начале XIX в. Празднование 300-летия династии Романовых</p>	<p>В центре города появились асфальтовые дорожки. Велась энергичная работа по замене керосиновых и газо-калильных фонарей на электрические. К маю довольно заметно изменился и состав городского населения. Он численно вырос. Город наполнился приезжими, паломниками, нищими. Квартиры внаем отдавались за повышенную плату. Извозчики на время торжеств испросили у властей разрешения на повышенную таксу и теперь, в ожидании начала действия, предвкушали получение добрых барышей. В лавках и магазинах отмечалось некоторое вздорожание продуктов. Штат городских увеличился, город заполнился войсками, прибывшими для охраны царской семьи и участия в праздничных парадах. 19 мая, когда царская флотилия, набрав пары, отваливала от места красносельской стоянки, Кострома, «...верноподданная и счастливая своей любовью и близостью к Дому Романовых» по-доброму взволнованными толпами народа, запрудившего волжский берег, ожидала в гости Российского государя»</p>
<p>Царский подарок (визит принца Кентского в Кострому)</p>	<p>2 мая 2006 г. с визитом в Костроме побывал принц Майкл Кентский. Принц Майкл Кентский прибыл в Кострому на теплоходе «Академик Глушков». Его королевское высочество в Костроме в третий раз. Бывала здесь и его супруга Мария-Кристина. Дальний потомок Николая I сделал Костроме поистине царский подарок. По заказу принца в городе Тутаеве Ярославской области был отлит колокол «Царь Михаил», причем по специальной «царской» технологии. Его торжественно освятили в Ипатьевском монастыре; 8-тонный красавец станет главным на звоннице Троицкого собора. На колокол весом 500 пудов, или 8,5 тонн, нанесены изображения 9 святых, в том числе лик святого Ипатия, в честь которого и назван монастырь. А название свое колокол получил в честь первого царя из династии Романовых. Николай Шувалов, директор колокольного завода, рассказал: «После революции колокола перестали лить. Всех литейщиков перестреляли, пересажали, той преемственности уже не осталось. И нам пришлось по крупицам восстанавливать технологию старинного литья. Раньше форму делали из глины, теперь используют цемент, разные добавки – мы вернулись к старинной форме – к глине». Литейщики использовали и специальный сплав, главные составляющие которого – медь и олово. По оценкам специалистов, цена такого колокола достигает 4 миллионов рублей.</p> <p>Ипатьевский монастырь принца встретил звоном колоколов. После приветственной речи архиепископа Костромского и Галичского Александра начался молебен</p>

РАЗДЕЛ III

Царский подарок (визит принца Кентского в Кострому)	и торжественный чин освящения колокола. Право первого удара предоставлено главному благотворителю – принцу Кентскому. Как настоящий аристократ, принц выполняет приятную миссию, надев белые перчатки. Тянуть за 300-килограммовый язык ему помогает главный звонарь Ипатьевского монастыря. После принца на звук колокол пробует костромской губернатор, затем принцесса Мария-Кристина, за ней – чиновники. При беседе с журналистами принц старается говорить на русском языке. Находясь в прямом родстве с Датским и Английским королевскими домами, своими русскими корнями он дорожит особо. Родство установлено по линии Великой княгини Ольги Константиновны, внучки императора. Рассказывают, что отец его высочества – внешне вылитый русский царь. И сам принц очень похож на Николая II. Вспоминает, как во время его прошлогоднего визита в Кострому колокольный звон в Ипатии произвел на него сильнейшее впечатление. Тогда и родилась идея царского подарка. Майкл, принц Кентский, считает, что «здесь колыбель Романовых, и логично, чтобы колокол был именно здесь и чтобы люди могли бы радоваться ему»
---	---

На основе предложенных материалов школьники могут выполнить различные творческие задания. Например:

– Составьте карту посещений царями династии Романовых Костромского края. Отметьте места, где маршруты путешествий совпадали. Как вы можете объяснить эти совпадения?

– На карте города отметьте памятники, здания, которые появились в Костроме в связи с празднованием 300-летия династии Романовых. Расскажите об одном из них (на выбор).

Рассмотренный нами вариант не исчерпывает возможности изучения этих вопросов в школьном курсе истории. Можно предложить способы более глубокого рассмотрения данной темы, такие как специальный элективный или факультативный курс «На родине предков. Романовы и Кострома»; организация проектной деятельности школьников по данной теме; исторический кружок для школьников младших классов и другие. Неизменными остаются цели, которые достигаются при этом: осознание школьниками мысли, что история – это не что-то отдаленное, а очень близкое, что события, происходящие в твоём родном городе, могут повлиять на историю и даже изменить её ход. Все это способствует формированию мотивации к изучению истории и развивает любознательность и пытливость учащихся.

Библиографический список

- Анохин А.* Преображение Костромы // Губернский дом. 1993. № 1. С. 13–16.
Бочков В. Н. Старая Кострома. Кострома, 1997. С. 26, 99.
Путеводитель по местам путешествий высочайших особ // Губернский дом. 1993. № 1. С. 23–43.

С. В. Рябинцев

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОГО ЗЕМСТВА
ПО УЛУЧШЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ КРЕСТЬЯН**

В 1864 году в результате реформы местного самоуправления в России появляются земские учреждения. В Костромской губернии земство было учреждено в 1865 году.

Особенностью Костромской губернии было то, что здесь широкое развитие получили кустарные промыслы и отходничество крестьян в промышленные центры. Крестьянское сельское хозяйство не приносило большого дохода. Поэтому подъем производительности крестьянского труда, увеличение урожайности крестьянских наделов было важным направлением в деятельности Костромского земства.

В агрикультурной деятельности Костромское земство, как практически и все остальные земства, по точному замечанию исследователя В. Ф. Абрамова, прошло три этапа.

Первый этап – от возникновения земских учреждений и до конца 80-х годов XIX века Мероприятия носили бессистемный характер, при отсутствии специальной агрономической организации.

Второй этап – 90-е годы XIX века и до начала XX века. Этап подготовительный, сельскохозяйственные мероприятия расширяются, учреждаются должности губернских и уездных агрономов, создаются специальные сельскохозяйственные совещательные органы.

Третий этап – 1905–1917 годы. В это время земства в полной мере становятся организаторами сельскохозяйственного производства на местах, начинается быстрое распространение земской агрономии и вширь, и вглубь¹.

Земская агрономическая организация в Костромской губернии складывалась постепенно. В 1893 году в Костромской губернии была учреждена должность губернского агронома, и первым губернским агрономом стал П. П. Сычев. В ходе развития агрономической деятельности земства

появилась необходимость в увеличении численности агрономического персонала и введении его в уездах. В 1895 году, согласно докладу губернской земской управы, назначаются агрономические смотрители.

В 1903 году губернское земское собрание высказалось за то, чтобы во главе уездных агрономических организаций стояли агрономы с высшим образованием, а агрономические смотрители оставались в качестве помощников уездным агрономам. К 1915 году агрономический персонал Костромского земства состоял: из губернского агронома, 12 уездных и 55 участковых агрономов².

По мере развития собственной агрономической деятельности земства развивались и межведомственные связи. Начиная с 1909 года, в Костромской губернии появился ряд специалистов, откомандированных Департаментом земледелия для совместной работы с земством. Это были специалисты в тех отраслях сельского хозяйства, которые требовали особых теоретических и практических знаний. В помощь им учреждались в уездах должности инструкторов и мастеров-техников.

К 1915 году в Костромской губернии работало:

1 специалист, 4 инструктора и 12 мастеровых по луговодству;

1 специалист по болотоведению;

1 специалист по технической переработке сельскохозяйственных продуктов;

1 специалист и 6 мастеровых по животноводству;

2 инструктора по молочному хозяйству;

1 специалист, 3 инструктора и 13 мастеров по льноводству³.

Одной из основных форм агрономической деятельности земских учреждений являлись мероприятия в области *распространения сельскохозяйственных знаний*.

Сами мероприятия в указанном направлении обычно делились на устройство чтений, бесед по тому или иному предмету и на организацию систематических чтений и курсов. В 1913–1914 годах только в Костромском уезде среди крестьян было устроено 70 чтений, 110 бесед, 7 систематических чтений, проведены 2 курса по улучшению сельского хозяйства по выработанной программе. Число постоянных слушателей достигало 50–60 человек. Лекторами выступали уездные участковые агрономы, губернский агроном и прикомандированные к губернскому земству Департаментом земледелия специалисты⁴. Всего в 1913 году по России было организовано 43 763 сельскохозяйственных чтения в 11 762 пунктах при 1 580 782 слушателях. Из них 59 % чтений были произведены земствами⁵.

Сельскохозяйственные чтения велись на самые разнообразные темы: травосеяние, луговодство, животноводство, минеральные удоб-

Деятельность Костромского земства по улучшению культуры земледелия...

рения, обработка почвы, садоводство, пчеловодство. Иногда темы для чтений избирались применительно к тем нововведениям в сельском хозяйстве, которые в данный момент особенно пропагандировались земством. Например, в 1910 году Костромским уездным земством были устроены чтения в селах Минском и Андреевском «О сельскохозяйственных обществах и кредитных товариществах»⁶. С 1915 года проводимые Костромским уездным земством чтения стали сопровождаться показом слайдов. В отчетах отмечалось: «Демонстрация кинематографа оставляла грандиозное впечатление. Слушатели часто просили показывать одну и ту же картину и сидели за полночь как старые, так и малые»⁷.

Для распространения агрономических знаний земством создавались сельскохозяйственные школы. К 1915 году Костромским губернским земством было создано 2 сельскохозяйственные школы: Туриловская в Галичском уезде и Следовская в Костромском⁸.

Распространение сельскохозяйственных знаний шло также через раздачу брошюр и листовок по сельскому хозяйству. В Костромской губернии раз в месяц издавался журнал «Известия Костромского Губернского земства».

Еще одной формой агрономической деятельности земства являлось *опытно-показательное дело*. Земства создавали опытные станции, опытные поля и участки, для более успешного внедрения минеральных удобрений проводились показательные коллективные опыты. Так, в агрономических отчетах Костромского уездного земства за 1913–1914 годы сообщается, что опыты с минеральными удобрениями применялись в 5 опытных агрономических участках. На опытных участках выращивались новые сорта капусты, моркови и других овощей, велась борьба с вредителями⁹.

Одну из наиболее важных сторон агрикультурной деятельности земств составляли мероприятия по улучшению техники земледелия. Одним из первых вопросов, на который обратило внимание Костромское губернское земство, был вопрос о травосеянии. Недосток кормов служил прежде всего причиной слабого развития скотоводства, а потому в крестьянском хозяйстве ощущался недостаток удобрения и урожая на плохонавоженной земле падали.

Первая работа агрономического персонала в деревне была очень тяжелой. Агроному необходимо было убедить население не только в выгоде посева клевера, но и в выгоде введения улучшенного севооборота, а затем организовать кредит. Значительно облегчило его работу губернское земское собрание, постановившее в 1902 году

выдавать безвозвратно клеверные семена тем селениям, которые согласятся переделит всю пахотную землю на определенное агрономическим персоналом число клиньев и введут правильное травосеяние на полях. Первым воспользовался этой льготой Костромской уезд. В 1903 году перешло на правильное травосеяние одно селение (Андроновое Белореченской волости), а в 1904 году перешло уже 22 селения. Быстрый рост числа селений с травосеянием показал, что население стало понимать значение травосеяния, и губернское земство признало, что показательная цель отчасти достигнута. Поэтому в 1905 году бесплатную выдачу семян земство прекратило, предоставив переходящим на правильный севооборот скидку с цены семян в 20 %. В 1909 году эта скидка была отменена. В 1907 году начинается особо активное «клеверное движение». Это связано с тем, что «неурожай кормов и высокие цены на сено отметили с особой ясностью важность ведения травосеяния». Селения, выращивающие клевер, не только не покупали корма, но и продавали излишки. К 1914 году из 1170 селений Костромского уезда 320 селений, т. е. 29 %, перешло к правильному травосеянию¹⁰. В 1915 году в Костромской губернии более 2000 селений перешли к многополью¹¹.

Мероприятия по улучшению запущенных лугов, так же как и полевое травосеяние, способствовали разрешению кормового вопроса. До 1913 года при отсутствии специальных ассигнований на этот предмет со стороны уездного земства деятельность земского агрономического персонала носила лишь консультативный характер и выражалась в осмотре некоторых лугов, в выработке рекомендаций. В 1913 году земское собрание, по докладу управы, ассигновало на закладку показательных участков по улучшению лугов 400 рублей и на приобретение орудий луговой обработки – 200 рублей¹².

Для более широкого ознакомления населения с усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и машинами, а также в целях предоставления возможности пользоваться ими малоимущему крестьянину многие земства практиковали отпуск их в прокатное пользование. Эта мера достигалась устройством земских сельскохозяйственных складов и организацией прокатных пунктов.

В сельскохозяйственных складах крестьяне получали за самую низкую плату необходимые в сельском хозяйстве товары: семена, орудия, удобрения.

Обороты Костромского губернского сельскохозяйственного склада ежегодно росли (табл.)

Т а б л и ц а
Оборот земских сельскохозяйственных складов¹³, руб.

Год	Продано товара в Костромской губернии	Продано товара по всей России
1908	123 884	10 915 000
1909	182 661	13 050 900
1910	220 180	15 533 700
1911	279 902	16 508 700
1912	401 000	18 851 300

Прокатные пункты представляли из себя небольшие склады наиболее необходимых сельскохозяйственных машин, которые крестьяне могли получить «на прокат» за сравнительно невысокую плату. В 1916 году в Костромском уезде на 4 агрономических участках было 32 прокатных пункта. На складах были самые разнообразные орудия, в том числе импортного производства: плуг «Эккерта», плуг «Липгарта», борона «Аура-са», борона «Рандаля», весы «Реймана»¹⁴.

Земские мероприятия по улучшению посевного материала заключались преимущественно в распространении последнего путем продажи улучшенных семян из сельскохозяйственных складов, открытия семенных участков, а также в устройстве и содержании зерноочистительных пунктов и обозов.

Семенные участки представляли собой небольшие поля, выделенные для этой цели в лучшей части принадлежащей селению пашни. Обрабатывались и засеивались они обычно сообща всем селением, а семена или давались земством на условии, что они будут возвращены из первого урожая, или приобретались крестьянами вскладчину.

Первый зерноочистительный обоз появился в Костромском уезде Костромской губернии в 1908 году. Он состоял из двух трещоток для льна, системы Бломериуса, триером Шульте для льна и сортировкой «Триумф» Ребера. Руководил обозом сельскохозяйственный староста И. И. Романов¹⁵. Если к 1908 году такой обоз в Костромском уезде был один, то в 1913 году таких обозов уже было шесть¹⁶.

Все эти мероприятия были направлены на улучшение земледелия вообще. Однако земство уделяло внимание и развитию специальных сельскохозяйственных отраслей.

В Костромской губернии в Костромском, Нерехтском и Юрьевецком уездах крестьяне разводили лен в промышленных целях. Для улучшения

способов обработки льна и его разведения в данных уездах была учреждена должность инструкторов, а при губернской управе – должность специалиста. В крестьянских хозяйствах заводить все машины, необходимые для механической обработки льна, было невыгодно. Поэтому земство организовало при Дьяковском сельскохозяйственном обществе Юрьевецкого уезда «льнообделочный пункт». В специальное здание, снабженное всеми необходимыми машинами, крестьяне могли привезти свой лен для механической обработки. Также нередко были бесплатные раздачи семян льна крестьянским хозяйствам.

Хмелеводство развито было в Мисковской волости Костромского уезда. Благодаря ежегодным разливам реки Костромы, полевое хозяйство вести здесь было невозможно. Поэтому крестьяне с незапамятных времен разводили здесь хмель. Деятельность инструкторов по хмелеводству заключалась в постройке улучшенных бездымных сушилок и в сбыте хмеля посредством кооперативных товариществ. Для развития хмелеводства земством был устроен опытный хмельник на арендованной земле при селе Мисково¹⁷.

Для развития огородничества земством закладывались показательные огороды, устраивались чтения и беседы по огородничеству.

В целом, агрикультурная деятельность земства была эффективна. Земство понимало важность вопроса улучшения крестьянских хозяйств. О значимости сельскохозяйственных мероприятий говорят суммы направленные Костромским губернским земством на агрономические мероприятия. С 1895 года по 1914 год они увеличились в 44 раза и составляли почти 1/10 всех расходов губернского земства (в 1895 году земство ассигновало 20 921 рублей, в 1914 – 881 250 рублей)¹⁸.

Примечания

¹ *Абрамов В. Ф.* Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996. С. 62–63.

² *Ковальковский А. К.* Земство и земская агрономическая работа. Кострома, 1915. С. 56–57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к пятидесятилетию его существования. Кострома, 1914. С. 72.

⁵ *Абрамов В. Ф.* Указ. соч. С. 66.

⁶ Обзор земской агрономической деятельности в Костромском уезде с 1901 по 1910 год. Кострома, 1910. С. 20.

⁷ Отчеты и доклады по агрономическим мероприятиям. Ч. 1. Кострома, 1915. С. 19.

⁸ *Ковальковский А. К.* Указ. соч. С. 68.

⁹ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к пятидесятилетию его существования. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 67–69.

¹¹ Ковальковский А. К. Указ. соч. С. 75.

¹² Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к пятидесятилетию его существования. С. 72–73.

¹³ Ковальковский А. К. Указ. соч. С. 79.

¹⁴ Доклады к очередному уездному земскому собранию сессии 1916 года по агрономическо-экономическому отделу. Кострома, 1916. С. 58–62.

¹⁵ Ковальковский А. К. Указ. соч. С. 81.

¹⁶ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к пятидесятилетию его существования. С. 69.

¹⁷ Обзор земской агрономической деятельности в Костромском уезде с 1901 по 1910 год. С. 20–22.

¹⁸ Ковальковский А. К. Указ. соч. С. 92.

С. А. Шипилов

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Согласно Городовому положению 1870 г., бюджеты уездных городов России формировались на основе налогов и сборов с недвижимости, доходов от эксплуатации городских имуществ (торговых рядов, бань, городских боен и др.), пошлинных сборов на клеймение весов и мер, аукционов и т.д., а также отчислений из государственной казны. Городовое положение устанавливало ряд ограничений бюджетных прав органов самоуправления: они не могли самостоятельно вводить новые налоги и превышать установленную законом предельную норму обложения. На городские думы были возложены обязательные расходы на содержание пожарной охраны, полиции, тюрем, казарм (поглощали 20–60 % городского бюджета).

Хотя Городовое положение 1870 г., безусловно, было шагом вперед по сравнению с дореформенным общественным устройством, возможности городов оказывались в общем весьма узкими прежде всего в силу ограничений бюджетного права. Органы городского самоуправления не могли самостоятельно ввести новый налог, а также превысить определенную законом норму обложения. Существенным ограничением прав было установление так называемых «обязательных расходов».

Каждый уездный город имел систему подведомственных Министерству финансов учреждений. Как правило, она состояла из уездных оценочных комиссий, окружных акцизных управлений, раскладочных присутствий. Городские думы и управы распоряжались городской землей: они принимали решения и производили процедуру передачи в собственность или аренду (например, под постройку зданий для открытия питейных заведений) городской земли.

Оценочные и раскладочные комиссии городских дум и управ ведали недвижимым имуществом в городах и занимались раскладкой налога на них. Одним из источников доходов городских управ была выдача документов на право торговли и промыслов. Важным источником доходов являлись разрешения на открытие в уездных городах трактиров, буфетов, чайных, харчевен, рейнских погребов, гостиниц и пр.

Частные лица и представители организаций, получившие такие разрешения, должны были явиться в здание городской управы, которая по поручению думы составляла раскладки акцизов, т.е. сборов, следующих в доход города с этих заведений. Перед раскладкой акцизов городская дума принимала специальное постановление, в котором определялась общая сумма сбора в доход города с различных заведений на предстоящий год. Например, 10 ноября 1899 г. Чухломская городская дума постановила «общую сумму сбора в доход города с трактирных заведений города Чухломы на 1900 г. определить 4 300 руб., из которых 4 000 руб. должны быть разложены на заведения с продажей крепких спиртных напитков и 300 руб. на могущих быть открытыми заведения без таковой продажи»¹. Причем органы городского самоуправления не могли превышать установленную законом предельную норму обложения. В Управу периодически отсылались специальные документы с указами правительства, циркулярами костромского губернатора, Министерства финансов и др. учреждений. Например, в октябре 1880 г. Чухломская уездная земская управа уведомила Чухломскую городскую управу об утвержденной правительством смете прихода в доход земства сборов с купеческих свидетельств в размере 25 % с рубля суммы пошлин, платимых в казну; со всех остальных документов на право торговли и промыслов по 10 %².

Городовое положение и другие законодательные акты изменили статус купечества. 1 января 1863 г. вступило в силу «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов», а законом от 9 февраля 1865 г. в него были внесены некоторые уточнения. В соответствии с этими законодательными актами права купцов предоставлялись гражданам, уплатившим патентные и билетные торгово-промышленные сборы. Число купеческих гильдий сокращалось до двух, соответственно торговые

Налогообложение предпринимателей городов Костромской губернии

патенты, позднее получившие название гильдейских купеческих свидетельств, подразделялись на два разряда – гильдии. Открывать и содержать торговые и промышленные заведения можно было только после получения гильдейского свидетельства. Свидетельство 1-й гильдии давало право производить оптовую торговлю российскими и иностранными товарами на всей территории империи, содержать фабрично-заводские учреждения и принимать повсеместно подряды без ограничения суммы. Купец 2-й гильдии мог производить розничную торговлю в пределах города и уезда, содержать фабрично-заводские заведения и принимать подряды на сумму не более 15 тыс. рублей.

В отличие от других сословий пребывание в купечестве не было пожизненным. Купец обязан был выбирать гильдейское свидетельство ежегодно. Купечество имело особые привилегии: освобождение от телесных наказаний, свободу передвижения (так называемую паспортную льготу), право на определенных условиях получать личное или потомственное почетное гражданство, право на участие в сословном самоуправлении и некоторые другие.

Динамика купеческого сословия Костромской губернии имела тенденцию к постоянному изменению его численности. Об этом свидетельствует статистика, приведенная в таблицах 1–3.

Таблица 1³

Купеческое сословие Костромской губернии в 1857 г.

Города	Количество купцов	
	М.	Ж.
Кострома	241	211
Нерехта	268	230
Кинешма	113	113
Юрьеvec	63	58
Галич	270	220
Чухлома	94	99
Солигалич	126	100
Буй	34	46
Кологрив	81	65
Макарьев	159	132
Ветлуга	61	69
Варнавин	20	20
Итого в городах	2207	2028

Таблица 2⁴*Купеческое сословие Костромской губернии в 1867 г.*

Города	Количество купцов	
	М.	Ж.
Кострома	464	491
Нерехта	126	102
Кинешма	87	111
Юрьевец	47	57
Галич	154	159
Чухлома	74	87
Солигалич	66	68
Буй	23	22
Кологрив	40	42
Макарьев	156	137
Ветлуга	67	64
Варнавин	9	13
Итого в городах	1851	1845

Таблица 3⁵*Количество купцов в уездных городах Костромской губернии по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.*

Города	Количество купцов	
	М.	Ж.
Кострома	388	421
Буй	32	34
Варнавин	22	27
Ветлуга	41	44
Галич	91	98
Кинешма	142	185
Кологрив	33	51
Макарьев	48	52
Нерехта	27	28
Солигалич	66	80
Чухлома	89	72
Юрьевец	42	53
Итого в городах	1164	1309

В качестве иллюстрации конкретной деятельности костромских купцов, размеров их капиталов, процентов сборов с них в пользу городских управ приведем данные по городу Ветлуге за 1885 г. (табл. 4)⁶.

Таблица 4

Сведения о роде занятий и годовом обороте купцов г. Ветлуги за 1885 г.

ФИО лиц, имеющих торг. и пром. предприятия	Род пром. предприятия	Местонахождение торг. или пром. заведения	Годовой оборот (руб.)	Сумма предпологаемой прибыли (руб.)	Сумма раскладочного сбора (руб.)
Александров А. Я., 2-й гильдии	Ремсковый погреб	г. Ветлуга на Вятской улице	3000	—	40
Баранцева О. В.	Трактирное заведение	г. Ветлуга	500	167	5
Предприятие переведено на мужа Баранцева П. В. купца 2-й гильдии	Оптовый склад	—	500	—	—
Гунаев А. Е., 2-й гильдии	Лавка мануфактурная и шелковая	г. Ветлуга на площади	5000 4000	334	10
Дуриев Ф. П., 2-й гильдии	Лавка скобяная, медная и игорная	г. Ветлуга на площади	300 500	133	5 4
—	Рейсковый погреб для торговли вином	г. Ветлуга	—	—	—
Дуриева П. Г., 2-й гильдии	То же	Там же	—	100	3
Зырин П. А.	Трактир	г. Ветлуга	—	—	—
Кузнецов Г. Г.	Лавка скобяная, медная, меловая	г. Ветлуга на площади	—	200	6

Продолжение табл. 4

ФИО лиц, имеющих торг. и пром. предприятия	Род пром. предприятия	Местонахождение торг. или пром. заведения	Годовой оборот (руб.)	Сумма предполагаемой прибыли (руб.)	Сумма раскладочного сбора (руб.)
Кошкарев А. О.	Лавка мануфактурная	г. Ветлуга на площади	5000	167	5
	Лавка игорная, медная и скобяная	Там же		1167	35
Лаухин-Циркин Н. С., 2-й гильдии	Заведение для выделки рогож	Там же на Кузнецкой улице			
	Лавка хлебная	г. Ветлуга, на площади	1000 1000 500	200	6
Лемехов А. В., 2-й гильдии	Лавка бакалейная и хлебная	на Вятской ул.			
	Ренсковый погреб	Там же			
Мутовкин И. Т., 2-й гильдии	Лавка мануфактурная и меховая	Там же		333	10
	Лавка хлебная	На площади		666	20
Овчинников А. А., 2-й гильдии	Харчевня				
	Трактир				
Овчинников Д. Д.	Лавка бакалейная и хлебная	г. Ветлуга на Костромской ул.	3000 2000	500	15

Продолжение табл. 4

ФИО лиц, имеющих торг. и пром. предприятия	Род пром. предприятия	Место нахождения торг. или пром. заведения	Годовой оборот (руб.)	Сумма предполагаемой прибыли (руб.)	Сумма раскладочного сбора (руб.)
Овчинников И. Д., 2-й гильдии	Лавка алангерейная и медная Завод чугунолитейный	На площади близ г. Ветлуги		333	10
Овчинников Н. Д., 2-й гильдии	Лавка хлебная и галантерейная Ремсковый погреб	На площади Там же	10000 4000	233	7
Постников В. И., 2-й гильдии	Бакалейная лавка	Там же			5
Рябинин В. Т., 2-й гильдии	Лавка шорная, медная, скобяная	Там же	4000 2000 2000	200	6
Располов Ф. А.	Ремсковый погреб	На Ветлужской ул.	-		
Смольянинов Н. А., 2-й гильдии	Лавка мануфактурная и меловая	На площади	500 2000	167	10 5
Сыщиков А. П., 2-й гильдии	То же	Там же		167	5

Продолжение табл. 4

ФИО лиц, имеющих торг. и пром. предприятия	Род пром. предприятия	Местонахождение торг. или пром. заведения	Годовой оборот (руб.)	Сумма предполагаемой прибыли (руб.)	Сумма раскладочного сбора (руб.)
Чиркин С. А., 2-й гильдии	1. Ремсковый погреб	Костромская ул.		1167	35
	2. То же	Кузнецкая ул.			
	3. То же	Набережная			
	4. Отповый склад вина	Там же, при своем доме			
Чиркин И. Ф., 2-й гильдии	1. Лавка кожаненная, медная	На площади		667	20
	2. Лавка хлебная, бакалейная	Кузнецкая ул.			
Чиркин И. Ф., 2-й гильдии	3. Завод для кожаненного производства	Близ города		200	6
	Лавка медная и скобяная	На площади			
Чиркин Г. Ф., 2-й гильдии Чиркин В. Д., 2-й гильдии	1. Лавка галантерейная, бакалейная и др.	На площади		1167	35
	2. Лавка хлебная и бакалейная	Там же			
	3. Ремсковый погреб	На Вятской ул.			
	4. Рогоженные предприятия	Там же			

Таким образом, можно констатировать, что купеческое сословие Костромской губернии являлось не только основным двигателем торгово-промышленной деятельности, но эта деятельность была важной доходной частью бюджетов всех уездных городов.

Примечания

¹ ГАКО, ф. 223, оп. 1, д. 186, л. 1

² Там же, д. 76, л. 17, 17 об.

³ *Крживоблоцкий Я.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1861. С. 194.

⁴ Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 1. Кострома, 1870. Л. 48–53.

⁵ Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; под ред. Н. А. Тройницкого. XVIII. Костромская губерния. С. 54–55.

⁶ ГАКО, ф. 200, оп. 1, д. 1294, л. 2–25.

Н. П. Асессорова

**ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ
С ВОСТОКОМ И ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИЕЙ
КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА РУСИ В XII – НАЧАЛЕ XV В.
(Владими́ро-Суздальское княжество
и Новгородская республика)**

Изучение восточной торговли Владимиро-Суздальской Руси дает возможность рассмотреть многочисленные связи этого района со странами Востока, определить участие в восточной торговле русских купцов.

Торговля Владимиро-Суздальской Руси с Востоком шла по Волжско-Каспийскому пути. Шелковые ткани, пряности, драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро в слитках, ювелирные изделия привозились арабами и персами из Индии, Персии, Хорезма и Ормуза в район Каспийского моря, Закавказья, Нижней Волги и через земли болгар попадали во Владимиро-Суздальское княжество.

В странах Востока всегда был спрос на мех. Русские вывозили соболя, лисицу, бобра, горностая, рысь, некоторые изделия из меха. Помимо мехов и льна, также выступавшего в качестве драгоценного дара из района Средней и Верхней Волги, Оки и их притоков на Восток шли

мед, рыба, рыбий клей, кожа (сафьян), заготовки дерева (береза, ясень, дуб – эта древесина шла на изготовление оружия – луков), а также клинки мечей, а позднее сабель. Через «Суздальскую землю» шли и товары из Новгорода, его владений, Прибалтики и стран Скандинавии: янтарь, моржовая кость, цветные металлы, оружие.

Основная доля вывоза падает на сырье¹, но вывозились из Руси и ремесленные изделия, ювелирные украшения² и льняные одежды. Уже в начале XII в. в Закавказье было известно, что льняные одежды «ценою каждая в золотую монету» вывозятся из страны «русов»³. Вывоз такого товара, как льняные ткани, дает возможность безошибочно определить место их изготовления: Владимиро-Суздальская, Новгородская и Смоленская земли. Действительно, в основном только эти области производили лен-долгунец, так как в силу природных условий на юге Руси эта культура почти не произрастала.

Упоминание о продаже льняных тканей, конечно, не дает возможности точно определить, где они были изготовлены. В то же время необходимо признать, что и местные, и привозимые из Новгорода и Смоленска льняные ткани покупались купцами, непосредственно торговавшими с Востоком, на территории Владимиро-Суздальской земли, полностью контролировавшей северную часть Волжского пути.

Надо отметить еще одну важную особенность экспорта льна, «национального продукта» Владимиро-Суздальской земли, Новгорода и Пскова, поступавшего в страны как Востока, так и Запада. В средние века вся золототканая промышленность Средней Азии, Индии, Персии, Среднего Востока, Ближнего Востока, Египта, Малой Азии, Византии, Италии, Испании не могла существовать без льна. Основа для золотой нити была льняной. Именно на нее накручивалось покрытие золотой амальгамы или тонких позолоченных лент серебра.

Остатки шелковых тканей при раскопках на территории Владимиро-Суздальской и Новгородской земель также позволили установить интенсивные связи этих районов со Средней Азией.

Нельзя не отметить очень широкий ввоз шелковых тканей, а также шелковых и золотых нитей. Великолепные драпировки, которыми украшались церкви Владимира, Боголюбова, Ростова, Суздаля во время торжественных богослужений, роскошные парадные облачения духовенства и знати были эффектным, но не единственным подтверждением связей с экзотическими странами Востока.

Раскопки курганного могильника близ с. Михалки около г. Суздаля в 1974 г. дали фрагменты женской одежды XII в. Воротники платьев были сделаны из ткани с золотым шитьем. М. А. Сабурова, исследовавшая

эти детали одежды, пришла к следующим выводам. Ткань – шелк «византийского круга», ее цвет «червчатый». Она окрашена специальным красителем, происходившим из Ирана. Шелк расшит уже на Руси местными вышивальщицами Владимиро-Суздальской земли. Вышивка произведена золотыми нитками. «Нити сделаны из позолоченной серебряной узкой ленты, обвивающей льняную ткань»⁴.

Весьма важен и заключительный вывод М. А. Сабуровой, что шитые воротники «широко распространяются по всей Древней Руси, включая и окраинные земли». Исследовательница также подчеркивает, что их находят «не только в погребениях княжеско-боярской среды, но и в богатых погребениях горожан и крестьян»⁵. Последний вывод еще раз указывает на массовые закупки (а следовательно, и на сравнительную дешевизну) шелка на территории Владимиро-Суздальской Руси, куда он поступал не только из Византии, но и с Востока.

В курганном некрополе Суздаля обнаружены шелковые ткани иранского и среднеазиатского происхождения. Так, в курганах № 55 и № 74 встречены фрагменты шелковых однослойных тканей саржевого и плотняного переплетения азиатского производства, характерной особенностью которых является отсутствие крутки шелковых нитей основы и утка. Окрашены ткани червецом в красно-малиновый цвет и красителем индиго в синий тон, есть и полихромные образцы⁶.

Из стран Востока в Северо-Восточную Русь поступали серебро в монетах и ломе, драгоценности, стеклянная посуда и бусы, атлас, перец, мускус.

Находки монет также подтверждают предпринимательскую деятельность и позволяют говорить о торговле с Востоком. На изучаемой территории было обнаружено свыше 50 кладов восточных монет – куфических, саманидских и аббасидских⁷. Количество восточных монет, найденных в кладах, колеблется от нескольких монет до десятка тысяч. Происхождение монет может служить достаточным доказательством связей между арабским Востоком и Владимиро-Суздальской землей на протяжении нескольких веков. Были найдены монеты, выпущенные на севере Ирана (чеканенные в г. Казвине), в Центральном и Южном Иране – в Исфахане, Ширазе, Фаррисе⁸. Наряду с иранскими обнаружены монеты из Сирии – Дамаска, с Аравийского полуострова – из княжества Оман, из города Басры, крупнейшего порта в Персидском заливе и перевалочного пункта на пути в Индию⁹. Монеты, чеканенные в Багдаде, говорят о торговых связях с Двуречьем; монеты Тбилиси, Самарканда, Бухары и Мерва – о связях с Закавказьем и Средней Азией¹⁰.

Кабул (как и города Балх, Газна, Герат) был крупным центром караванной торговли с Индией. Караванная торговля шла не только через Кабул, но и через Северо-Восточный Афганистан — провинцию Бадахшан, которая граничит с Индией. На территории Владимиро-Суздальской Руси и в районе самого города Владимира найдена целая серия бадахшанских монет¹¹.

Через посредников (волжских болгар и арабов) товары Владимиро-Суздальской Руси могли попадать далеко на Восток — в Иран, Афганистан, в центры торговли и караванных путей.

В XII–XIII вв. велась посредническая торговля и с Индией. Известным подтверждением этого является упоминание о земле русов и о русских товарах в ряде сочинений индийских писателей, географов и историков. Так, Масуд Сад Салман (XII в.), поэт из Лахора, говорит в своих стихах о боевых доспехах из земли русов. Более детальное знакомство с Древней Русью обнаруживает Мухаммед Авфиз (XIII в.), который пространно описывает торговый путь по Волге, Волжскую Болгарию и племена славян¹². Седьмая глава сочинения Мубаракшаха Марварруди «Тарих и Фахруддин» (1206), одного из первых исторических трудов, написанных в Индии, содержит довольно подробные сведения о русах, об их расселении и о реке Дарья-и-Рус (Волге)¹³.

На территории северо-востока Руси находят поливную и стеклянную посуду Востока. Найдена она и в районе Суздаля. Это фаянсовая посуда с люстровой и люстровидной росписью. Она изготовлена в XII–XIII вв. в Иране.

С Востока шел основной импорт драгоценных камней. Их стоимость и небольшой вес были исключительно выгодны купцам, совершавшим громадные переходы в несколько тысяч верст. Драгоценные камни прежде всего шли на украшение предметов культа. Летописец указывает на использование их для оклада икон и другой храмовой утвари в главной церкви Владимира. В некрологе князю Андрею Боголюбскому рассказывается о его деятельности как фундатора: «...и украси ю (церковь) иконами мноценьными, златом и камнем драгым, и жемчугом великымъ безьценным, и устрой е различными цятами и аспидными цатами украси и всякими узорочьи»¹⁴. И далее летописец добавляет: «...украшена и всякими сосуды церковными и ерусалим злат и с камени драгими и репидии мноценьными канделы различными...»¹⁵ Если название камней не указано, то жемчуг, как видим, упоминается. «Великий жемчюг», самый лучший в тот период, добывался в Индийском океане. Видимо, речь шла все-таки о восточном жемчуге, так как пресноводный жемчуг, добывавшийся в реках России, был значительно

меньше по величине. Но если это так, то Андрей Боголюбский украшал свои храмы индийскими жемчужинами.

Вопрос о том, доставлялись ли русские товары в далекие страны Азии только купцами, в настоящее время уже решен. Известие арабских географов о посещении русскими купцами Багдада, где они находили переводчиков среди своих соотечественников – пленных рабов, живших постоянно в столице халифата, сообщение о русских кораблях в Саксине – все это подтверждает поездки «русов», в том числе и из «Верхней Руси», то есть Владимиро-Суздальской земли, в азиатские страны.

Интересны наблюдения М. В. Фехнер. Она проследила ареал распространения восточных бус на территории Древней Руси и указывает, что торговля ими шла через Волжскую Болгарию. «Их находки, частые в низовьях Оки, бассейнах Клязьмы, Москвы, верховьях Волги, Западной Двины, Днепра, Десны и Сожи, редуют по мере удаления к югу и юго-западу, к среднему течению Днепра, и в Киевской области они уже являются единичными»¹⁶. Из Средней Азии, Ирака (Басры), Персии (Хоросана), Афганистана (Бадахшана), Индии (Кашмира) на Русь шли поделки из сердолика – бусы. С Востока импортировался и хрусталь¹⁷. Причем он привозился не только в качестве готовых изделий – все тех же бус, но и в виде «полуфабрикатов», которые доделывались уже на Руси.

Импорт хрусталя и сердолика также шел по Волжскому пути через Болгарию и «Суздальскую землю».

К XIV–XV вв. относятся и немногочисленные находки кашинных бус, большей частью ребристых, покрытых бирюзовой поливой (около 10 экз.). Среди суздальских находок из полудрагоценных камней встречены в основном бусы.

В раскопках Н. Н. Воронина 1938 г. был найден золотой перстень с крупной круглой вставкой из альмандина (XIV–XV вв.).

После татаро-монгольского нашествия привоз каменных бус резко сокращается, хотя отдельные предметы еще долго продолжают бытовать.

Восточная торговля Владимиро-Суздальской земли отразилась на внешней политике ее князей. Об этом свидетельствуют походы владимирских ратей для овладения территорией Средней Волги и ряд договоров между Владимиро-Суздальским княжеством и Волжской Болгарией об установлении мирных отношений. В 1221 г., например, был заключен мир между Болгарией и великим князем Юрием, подтвержденный особым договором¹⁸. Летопись также сообщает, что подобный договор был заключен при отце Юрия – великом князе Всеволоде¹⁹. Мирные отношения создавали условия для укрепления торговых связей, а следовательно, и предпринимательской деятельности.

Присутствие болгарских купцов, посредников в восточной торговле, во Владимире зафиксировано уже в третьей четверти XII в. Так, в известии об убийстве Андрея Боголюбского наряду с «латинскими» купцами летописец упоминает во Владимире и гостей болгарских²⁰.

Многочисленные русские купцы посещали Волжскую Болгарию. Возможно, там существовали русские колонии. Некоторым подтверждением этого служит упоминание о существовании христианского кладбища в столице Волжской Болгарии – Великом городе. Так, «святой» Авраамий был похоронен на кладбище, где «прочих христиан погребяху в земле Болгарьстей»²¹.

Торговля с Болгарией упоминается еще в первом летописном тексте о Суздале под № 1024: «...идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша (жито) и тако ожиша»²². Торговые контакты с болгарями были плодотворны и в более позднее время, хотя они перемежались военными столкновениями и походами. Число находок болгарской керамики в XII в. значительно возрастает. В раскопках А. Ф. Дубынина в полуземлянке № 8 болгарская керамика составила 10 % всего керамического материала. При раскопках В. В. Седова в 1967–1968 гг. и 1970 г. в Суздальском кремле, в Дмитриевском монастыре и во Владимире – в кремле и окольном городе болгарская керамика была найдена в слоях второй половины XI–XIII вв. Это ручки и горла кувшинов, днища и стенки сосудов, форму которых установить трудно. Обломки болгарской керамики в общей массе древнерусской посуды составляют сотые доли процента, но они фиксируют торговые связи. Особый интерес представляют материалы из раскопанной в 1973 г. П. Н. Куглюковским²³ в окольном городе полуземлянки начала XIII в., где вместе были найдены 4 целых сосуда: это поливной полихромный кувшин с арабской надписью «Аллах – опора» иранского или переднеазиатского происхождения и три болгарских сосуда – большой и малый кувшины и небольшая двуручная корчага.

Болгарские купцы по заключенному в 1229 г. с князем Юрием Всеволодовичем торговому договору могли свободно торговать в русских городах по Волге и Оке: «Купцам ездить в обе стороны невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно»²⁴.

Болгарские купцы были частыми гостями в Северо-Восточной Руси. «Болгары волские, имея с Белой Русью непрестанный торг, множество привозили яко жит, тако разных товаров и узорочей, продавая их в городах русских по Волге и Оке»²⁵.

Косвенным свидетельством того, что караванные пути с восточными товарами доходили до Северо-Восточной Руси, является находка в кремле Суздаля в раскопках В. В. Седова 1967–1968 гг. кости двугорбого верблюда.

Активизировавшееся в последние годы археологическое изучение культурного слоя г. Владимира наряду с традиционным восточным импортом (бусы из сердолика и горного хрусталя, кашинная керамика с бирюзовой поливой и подглазурной росписью) дало новые, ранее здесь неизвестные его образцы.

Введены в научный оборот новые предметы восточного импорта, найденные во Владимире впервые и редко встречающиеся в пределах Древней Руси.

В 1993 г. экспедицией Владимиро-Суздальского музея-заповедника в древней части Владимира, в так называемом «Печернем или Мономаховом городе», на участке между Дмитриевским собором и Рождественским монастырем, предположительно на территории княжеского двора Всеволода Большое Гнездо найдены фрагменты каменного котла, глиняного сфероконуса и фрагмент керамики с люстровой росписью.

Сфероконус из Владимира датируется концом XII – началом XIII в. В средневековье эти оригинальной формы сосуды для хранения и перевозки ртути и ценных жидкостей были широко распространены по всему мусульманскому миру: в Египте, Передней и Малой Азии, Крыму, Поволжье и на Кавказе.

В Суздале в 1988 г. в переотложенном слое были найдены 2 костяные лопаточки неясного назначения с уступами на одном конце (7 x 1,4 см; 6,8 x 1,3 см). Аналогии нашлись в материалах из раскопок памятников Золотой Орды и в Смоленске, в слое XV в.²⁶ Подобные предметы определяются как рычажные весы для быстрого взвешивания золотоордынских серебряных монет, отличавшихся постоянством веса. Чеканенные в Золотой Орде серебряные монеты XIV–XV вв. в Суздале находили неоднократно²⁷.

Детали костяных рычажных весов были обнаружены и во Владимире (раскопки М. В. Седовой и Т. Ф. Мухиной).

Найденные в городе Владимире новые образцы восточного импорта также свидетельствуют о связях столицы Владимиро-Суздальского княжества с Ираном и Средней Азией во второй половине XII – начале XV в. В это время активизировалась волжская торговля по маршруту: Саксин – Волжская Болгария. Связующим звеном между Ираном, Хоросаном и Нижним Поволжьем был Хорезм. Из Хорезма через половецкие степи пути вели в Саксин, Волжскую Болгарию и русские княжества²⁸.

Описанные выше находки попали во Владимир при посредничестве ближайшего восточного соседа – Волжской Болгарии, где подобные предметы редкостью не являлись.

Для характеристики интенсивности связей Руси с болгарами не менее интересны находки русских вещей на территории Волжской

Болгарии. К кругу предметов, наглядно иллюстрирующих контакты Владимиро-Суздальской Руси и Волжской Болгарии, относятся зооморфные привески, так называемые «владими́ро-суздальские петухи», найденные в Биляре и Болгаре.

Е. А. Рябинин датирует их второй половиной XII – серединой XIII в., а местом производства считает Владимиро-Суздальскую Русь²⁹.

Монголо-татарское нашествие нарушило, но не прервало традиционных отношений Руси с Волжской Болгарией. Для второй половины XIII–XIV в. археологически зарегистрирован усиленный приток (по сравнению с домонгольским периодом) русского населения на Среднюю Волгу, в частности в город Биляр.

Рассмотренный выше материал дает основания утверждать, что во Владимиро-Суздальской Руси торговое предпринимательство было широко развито, и она не только сама вела значительную восточную торговлю, но и выступала в качестве посредника в торговых связях с Востоком других русских земель.

Примечания

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 95.

² История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 324.

³ Тебеньков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер Намэ» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896. С. 72.

⁴ Сабурова М. А. Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М., 1976. С. 226.

⁵ Там же. С. 229.

⁶ Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 65; Фехнер М. А. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 222.

⁷ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 2–6, 14, 27, 46–48, 53–57 и др.

⁸ Там же. С. 5–6.

⁹ Там же. С. 4–6.

¹⁰ Там же. С. 3–6.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Kemp P. M. *Bhart-Rus: An introduction to Indo-Russian contacts and travels from mediaeval times to the October Revolution*. Delhi, 1958. P. 8, 34.

¹³ Ibid. P. 32.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 581.

¹⁵ Там же.

РАЗДЕЛ III

¹⁶ *Фехнер М. В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 52.

¹⁷ Там же. С. 53.

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 128.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. 2. Стлб. 591.

²¹ Там же. Т. 7. С. 135; *Смирнов А. П.* Волжские болгары. М., 1951. С. 60.

²² Там же. Т. 1. С. 148.

²³ *Кузлюковский П. И.* Исследование древнего жилища в г. Суздале // *Археологические открытия за 1973 г.* М., 1974. С. 60–61.

²⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М.-Л., 1964. С. 454.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ *Асташева Н. И.* Костяные изделия средневекового Смоленская // *Средневековые древности Восточной Европы.* Труды ГИМ. Вып. 82. М., 1993. С. 74.

²⁷ *Седова М. В.* Нумизматические находки из раскопок в Суздале // *Третья всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов.* М., 1995. С. 5.

²⁸ *Даркевич В. П., Стародуб Т. Х.* Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // *Советская археология.* 1983. № 2. С. 192.

²⁹ *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X–XV вв. // *Свод археологических источников.* 1981. Вып. Е 1–60. С. 18.

В. Д. Тунгусов

МУЗЫКА ДОМА РОМАНОВЫХ

19 и 20 мая 1913 года костромичи праздновали 300-летие царствования Дома Романовых в присутствии последнего российского императора Николая II и его семьи. Где бы ни появились высокие гости, повсюду их встречала музыка: и духовная, и светская. Пели церковные певчие, заливались колокола. Гремели барабаны, звенели балалайки. Понравились царю и оркестр военных трубачей, и детский хор. В программах концертов большое место занимали произведения композиторов-классиков, причем в разных местах вниманию державных слушателей 7 раз была предложена в разном исполнении музыка из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя». Эта музыка являлась дополнительным напоминанием Николаю II о том, что 300 лет назад здесь, на костромской земле, был наречен на царство его предок Михаил Федорович, ставший первым царем династии Романовых, о том, что его спас от польских и литовских интервентов ценой собственной жизни костромской крестьянин Иван Сусанин².

© В. Д. Тунгусов, 2008

На самом высоком профессиональном уровне был проведен концерт, сопровождавший чаепитие царской семьи в Золотом зале Дворянского собрания. Приехали корифеи русского оперного искусства, сверстники и соратники великого Ф. И. Шаляпина: солист Большого театра Василий Родионович Петров и звезда Мариинского театра Евгения Ивановна Збруева. Она исполнила один из своих коронных номеров: арию Вани из оперы «Жизнь за царя».

Действие оперы происходит в Костроме, в конце зимы 1613 года. Приемный сын Ивана Сусанина подросток Ваня у крепостной стены посада, где живет после возвращения из Москвы избранный на царство боярин Михаил Федорович с матерью и слугами. Ваню прислал сюда Сусанин; сам он ушел с поляками якобы к Михаилу, на самом же деле повел врагов в непроходимую глушь. Его долг – предупредить Михаила об опасности. Ваня, изнемогший от усталости после долгого пути, стучит в ворота, кричит, но ни стук, ни крик не долетают до боярских палат. Почти потеряв душевные силы от отчаяния, Ваня начинает молиться.

Сам Господь его
Нам в цари пожаловал.
Сам Господь царя
Отстоит от врагов.
Силами небесными
Отстоит от врагов.

До нашего времени дошла граммофонная запись арии Вани, сделанная Е. И. Збруевой именно в тот период, в 10-х годах XX века. Конечно, запись эта сделана на уровне технических возможностей своего времени, но мы не будем строго судить качество звучания, а лучше подумаем о том, что мы слушаем сейчас и ту же арию, и тот же голос – все то, что слушал в Костроме почти 100 лет назад последний император со своей семьей.

Музыкальная иллюстрация: М. И. Глинка, ария Вани из оперы «Жизнь за царя» (исп. Е. И. Збруева, запись начала XX века).

В опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» прославлены три важных исторических момента: победа над интервентами, подвиг И. Сусанина, открывший Михаилу Романову путь на московский престол, и воцарение Михаила Федоровича, ставящее точку в многолетней смуте. Эта первая классическая русская опера была написана в 1836 году; она вытеснила более раннюю и слабую оперу «Иван Сусанин», написанную обрусевшим итальянским композитором К. А. Кавосом в 1815 году. Следовательно, тема воцарения Романовых в лице юного Михаила прозвучала в двух русских операх первой половины XIX века.

Сам же Михаил Романов не отличался каким-либо особым отношением к музыке. Круг его музыкальных впечатлений был типичен для XVII века: церковные песнопения, колокольные звоны. Отцом Михаила был боярин Ф. Н. Романов, впоследствии глава Русской православной церкви Филарет, до принятия патриаршего сана служивший митрополитом Ростовским. И сейчас прозвучат знаменитые колокола с древней звонницы Ростовского кремля³.

Музыкальная иллюстрация: ростовские звоны (запись с грампластинок фирмы «Мелодия»).

Сын Михаила Федоровича царь Алексей Михайлович пошел в своем музыкальном развитии дальше отца. Он уже обращал свой взор на Запад: в 1665 году поручил голландцу Ван Стадену привезти из-за границы трубачей и комедиантов, а позднее по указанию царя немецкий пастор и режиссер Иоганн Готфрид Грегори организовал (при поддержке боярина А. Матвеева) первый на Руси придворный театр. 17 октября 1672 года Алексей Михайлович сделал подарок своей молодой жене Н. К. Нарышкиной: придворная труппа показала пьесу с музыкой и танцами: «Комедия об Эсфири, или Артаксергосово действо». Ее сочинил сам поставщик Грегори в соавторстве с Л. Рингубером. Кстати, зарождение моды на западноевропейскую музыку представляет собой одну из характерных особенностей музыкальной культуры XVII века. Обставляли свои дома на западный манер и содержали собственные инструментальные капеллы любители так называемой немецкой музыки: боярин Артамон Сергеевич Матвеев, могущественный князь Василий Васильевич Голицын, а также царский родич, знатный вельможа Никита Иванович Романов. Так что в допетровскую эпоху царь Алексей Михайлович был, в смысле приобщения к зарубежной музыкальной культуре, не единственным представителем Дома Романовых.

Но более всего царь любил церковное пение. Он сам пел с дьячком на клиросе по древним крюковым нотам. Ему очень понравилось и греческое пение, введенное в обрядовый обиход церковным реформатором Никоном.

Алексей Михайлович даже сам сочинил четырехголосную хоровую композицию¹⁴.

У царя в Кремле была так называемая Набережная изба, где работали переписчики нот и исполняемых произведений. Это собрание музыкальной литературы, равно как и музыкальный слух, унаследовал у Алексея Михайловича его сын Федор Алексеевич, третий царь династии Романовых.

Федор Алексеевич настолько овладел нотной грамотой и композицией, что в совсем юном возрасте сочинял духовные песнопения. Написанная им музыка церковного гимна «Достойно есть...» не забыта и по сей день: в последней четверти XX века она была записана фирмой «Мелодия» на пластинку, а в костромской церкви Воскресения на Дебре этот гимн исполняют при богослужениях именно на распев Федора Алексеевича, и сейчас мы услышим его в исполнении клиросного хора «Орфей» под управлением о. Георгия Рубановича.

Музыкальная иллюстрация: «Достойно есть...» в исполнении хора «Орфей» (запись с аудиокассеты из церкви Воскресения на Дебре).

Другой сын Алексея Михайловича Петр I уделял музыкальной культуре несколько меньше внимания, чем можно было бы ожидать от великого преобразователя России, но на этот счет у него, по-видимому, были свои соображения: в первую очередь – укрепление государства, а с музыкой можно и подождать. Вероятно, по этой причине Петр, отлично знакомый с европейской культурой, так и не создал в России оперного театра. Тем не менее, музыка не была чужда царю. Он, как и его отец, любил петь в церковном хоре; он придал придворный статус хору государственных певчих дьяков. Петр, с его непоседливой, деятельной натурой, не мог слушать музыку просто так; она должна была обязательно быть практичной: например, военизированной, строевой. Благодаря склонности Петра Великого к военной музыке, в полковых оркестрах и на флоте утвердились многие духовые инструменты – трубы, гобои, фаготы, валторны. На царских пирах играл выписанный Петром из Риги оркестр рожечников и тромбонистов, который император слушал с особым удовольствием.

При дворе Петра I зародилась привычная для нас теперь концертная форма музыкальной жизни.

Музыка была нужна Петру I главным образом для решения генеральной задачи: укрепить авторитет России на европейской арене, сделать Россию современной европейской державой через приобщение к культуре Запада. Там давно уже было принято сопровождать светской музыкой важные события общественной жизни, и во дворце русского царя стали устраиваться ассамблеи с танцами, на петербургских улицах заиграла военные музыканты. Кстати, полковые оркестры стали обязательными в армии именно при Петре I в 1711 году. В ознаменование петровских военных побед исполнялись так называемые «панегирические канты» – хвалебные песнопения, прославлявшие полководцев и самого царя-самодержца: например, «Орле двоеглавый, победитель славный», где царь отождествляется с российским гербом – символом державы⁴.

Этот кант на Полтавскую победу 1709 года («Виват») прозвучит в исполнении капеллы им. М. И. Глинки.

Музыкальная иллюстрация: «Виват» (из антологии русской и зарубежной музыки XII–XIX веков).

Таким образом, мы смело можем сказать, что современная светская музыкальная культура России обязана своим существованием передовому мышлению и неумной энергии Петра Великого.

В 1730 году на престол взошла племянница Петра Великого Анна Иоанновна. Коронационные торжества проходили и в России, и даже за границей – в германском городе Гамбурге. Находившийся там студент В. К. Третьяковский, впоследствии один из крупнейших поэтов допушкинского периода, написал «Песнь на коронацию Анны», он сам же и положил ее на музыку. Эта «Песнь» обслужила определенный исторический момент; возможно, с тех пор ее никто и нигде больше не пел. Символично, что «Песнь на коронацию Анны» после почти трехсот лет забвения возрождена в колыбели Дома Романовых, в Костроме, и сейчас ее фрагмент прозвучит в исполнении преподавателя детской музыкальной школы № 4 Виктории Резвановой.

Музыкальная иллюстрация: «Песнь на коронацию Анны» в исполнении, под собственный аккомпанемент на фортепиано, В. В. Резвановой.

По случаю коронации русской царицы король Саксонии Август II Сильный прислал ей из Дрездена несколько итальянских актеров, что стало отправной точкой для создания в будущем оперного театра.

Правда, художественные вкусы Анны Иоанновны не отличались особой изысканностью. Любимое императрицей хоровое пение ее фрейлин было невысокого качества, зато фрейлины пели во весь голос, а в глазах императрицы это было главным достоинством.

Важную роль при дворе играл Пьетро Мира, приехавший в Россию в качестве певца и скрипача. На него Анна Иоанновна часто возлагала обязанности импресарио постоянной итальянской оперной труппы, прибывшей в столицу по ее приглашению в 1735 году. Труппа состояла из 70 певцов и певиц, а возглавлял ее композитор Франческо Арайя. Под его руководством впервые в России была поставлена опера. Это произошло в 1736 году – в честь дня рождения царицы (7 февраля) Ф. Арайя показал на придворной сцене свою оперу «Сила любви и ненависти», что, по свидетельству «Санкт-Петербургских ведомостей», доставило особое удовольствие императрице.

Ф. Арайя служил также при дворе очередной императрицы – Елизаветы Петровны. С 1742 года он стал постоянным руководителем оперного театра в Петербурге. Благодаря ему, итальянцу, российский оперный

театр стал по-настоящему русским: 27 февраля 1755 года при дворе состоялась первая постановка оперы Арайи «Цефал и Прокрис», написанной на оригинальный русский текст одного из крупнейших поэтов своего времени А. П. Сумарокова, нашего земляка, владельца земель в Костромском крае под Судиславлем. Впервые русские артисты выступили уже не как случайные «гастролеры» в итальянском спектакле, а в качестве самостоятельной, хорошо подготовленной оперной труппы.

Императрица высоко оценила оперу: всем исполнителям были вручены царские подарки, а композитор получил драгоценную соболью шубу и 100 полуимпериалов золотом.

Кроме Арайи, при дворе двух императриц – Анны и Елизаветы – служил еще один выдающийся итальянский музыкант – скрипач Мадони, ученик великого виртуоза Антонио Вивальди.

Скрипка была предметом горячей страсти императора Петра III. Это был самый рьяный музыкант в династии Романовых. Обладая хорошим музыкальным слухом, Петр так научился игре на скрипке у нескольких итальянских мастеров, что мог играть в симфоническом оркестре, хотя совершенно не владел нотной грамотой. На балах царь всегда садился в оркестре рядом с капельмейстером и играл партию первой скрипки. Он собрал отличную коллекцию драгоценных старых скрипок⁷.

Музыкальным памятником прогерманской политике Петра III является произведение «Мир героев», которое, по личному указанию монарха, приезжий композитор Винченцо Манфредини сочинил в 1762 году к празднованию мира с королем Пруссии, заключенного вопреки национальным интересам России.

Свергнутого вскоре Петра III сменила на престоле его супруга, Екатерина II. В отличие от мужа, она не занималась музицированием всю жизнь, но отдала ему дань в ранней юности, играя на клавесине. Подобно мужу, Екатерина тоже заказывала композиторам музыкальные произведения, но это были оперы на ее литературные сюжеты. Так, талантливый композитор Евстигней Фомин создал оперу «Новгородский богатырь Боеславич» по одноименной пьесе царицы-драматурга. А по ее исторической пьесе «Начальное управление Олега» написали, в соавторстве, оперу целых три композитора: два итальянца – Карло Каннобио и Джузеппе Сарти – и один русский, Василий Пашкевич. В 80–90-е годы XVIII века по екатерининским либретто было создано разными авторами 6 опер, но в Костроме имеется грамофонная запись, да и то неполная, только одной из этих опер. Это сюита из оперы В. А. Пашкевича «Февей» по «Сказке о царевиче Февее», написанной Екатериной в поучение внукам:

РАЗДЕЛ III

великим князьям Александру и Константину Павловичам. Фрагмент этой сюиты прозвучит в исполнении камерного ансамбля Владимирской филармонии.

Музыкальная иллюстрация: фрагмент сюиты из оперы В.А. Пашкевича «Февей».

В 1783 году в Петербурге был построен Каменный, или Большой, театр, и указом императрицы была организована труппа «не для одних комедий и трагедий, но и для оперы». Так в екатерининскую эпоху открылась первая страница славной истории будущего Мариинского театра. «Славься сим, Екатерина, славься, нежная к нам мать!» – как поется в торжественном полонезе О. А. Козловского на стихи Г. Р. Державина.

Этот полонез – марш с хором «Гром победы, раздавайся!» был сочинен в 1791 году в ознаменование блестящей победы русской армии в войне с Турцией и исполнялся как русский национальный гимн.

Среди русских композиторов XVIII века наиболее разносторонним и зрелым мастером был Д. С. Бортнянский. С 1784 года он находился на службе у престолонаследника Павла Петровича в качестве придворного композитора и клавесиниста, одновременно обучая музыке великую княгиню Марию Федоровну, ставшую императрицей с воцарением Павла. 11 ноября 1796 года, на пятый день царствования Павла I, Д. С. Бортнянский получил место директора Придворной певческой капеллы¹⁵. Почву для возвышения Д. С. Бортнянского подготовила еще Екатерина Великая: заботясь о процветании национального искусства, она в свое время отправила его, как и другого выдающегося композитора М. С. Березовского, в длительное европейское путешествие для совершенствования своего мастерства.

К коронации Павла I Д. С. Бортнянский написал крупное духовное произведение – Третий концерт. Его первая часть «Господи, силою Твоею возвеселится царь» много раз звучала под сводами древних Романовских палат Ипатьевского монастыря в исполнении нижегородского вокального ансамбля, и сейчас мы прослушаем запись, любезно предоставленную артистами.

Музыкальная иллюстрация: первая часть Третьего концерта Д. С. Бортнянского (с нижегородской аудиокассеты).

Дети Павла I были, подобно отцу, равнодушны к музыке и в совсем юном возрасте могли участвовать в дворцовых концертах, о чем говорят строки письма их царственной бабушки, Екатерины II, к одному из приближенных, Гриму, от 6 апреля 1795 года: «Я отправляюсь одеться, чтобы иметь возможность присутствовать сегодня вечером на одном любительском концерте; там будут играть на скрипке великий

князь Александр и граф Платон Зубов. Великая княгиня Елизавета и великие княжны Александра и Елена будут петь, Мария, которой девять лет отроду и которая... отличается необыкновенной любовью к музыке, будет аккомпанировать на клавинофорте»⁵.

Упомянутый здесь великий князь Александр шесть лет спустя стал императором Александром I; а великая княгиня Елизавета – его супруга. Императрицу Елизавету Алексеевну, обладательницу прекрасного голоса, воспел А. С. Пушкин в стихотворении «На лире скромной, благородной земных богов я не хвалил...».

Когда Екатерина II писала это письмо, еще не родились ее младшие внуки: будущий император Николай I и его брат Михаил Павлович. Их сознательная жизнь протекала уже в XIX веке. Супруга великого князя Михаила Павловича великая княгиня Елена Павловна славилась своей музыкальностью. Под влиянием ее музыкальных вечеров зародилась мысль об учреждении Русского музыкального общества и консерваторий. Ее покровительство с благодарностью принимал композитор-классик А. Г. Рубинштейн⁶.

Бессмертная русская опера «Жизнь за царя» появилась в царствование Николая I. Такое название дал опере сам император взамен мрачного авторского названия «Смерть за царя». Создатель великого патриотического произведения М. И. Глинка занимал при Николае I высокий пост директора Придворной певческой капеллы. Впоследствии царь назначил на эту должность полковника А. Ф. Львова – талантливого скрипача, дирижера и композитора. А. Ф. Львов служил при императорском дворе, сопровождая государя во всех поездках; между ним и Николаем I существовали личные дружеские отношения. Ему, А. Ф. Львову, император предложил написать первый официальный государственный гимн Российской империи. Соавтором А. Ф. Львова стал поэт В. А. Жуковский – воспитатель наследника престола, будущего императора Александра II⁹.

Этот гимн, под названием «Народная русская песнь», был впервые исполнен в Москве, в Большом театре 11 декабря 1833 года. «Боже, царя храни!» – мощно пел хор, состоявший из всей труппы театра – около 400 человек, – в сопровождении оркестра. Сейчас и мы услышим эту «Песнь», служившую гимном нашей страны на протяжении четырех царствований: от Николая I до Николая II.

Музыкальная иллюстрация: Государственный гимн Российской империи (из фондов Костромского филиала ГТРК).

Композитор А. Ф. Львов также руководил музыкальными ансамблями в кругу царской семьи, где императрица Александра Федоровна

играла на фортепиано, а Николай I – на трубе. Также император любил петь в кругу семьи русские народные песни¹⁶.

Сын Николая I, великий князь Константин Николаевич, и его супруга великая княгиня Александра Иосифовна в разное время возглавляли Русское музыкальное общество. Александра Иосифовна была достойной невесткой Николая I: она, как и ее царственный свекор, сочиняла военные марши, которые пользовались популярностью; среди этих маршей наиболее известен марш подшефного Глуховского драгунского полка.

Император Александр II, как и его отец, Николай I, благоволил к М. И. Глинке; он высоко ценил сочиняемые композитором в его честь полонезы. На царствование Александра II приходится основание Русского музыкального и Русского хорового обществ, открытие Петербургской и Московской консерваторий. В 1880 году торжественно отмечалось 25-летие восшествия на престол царя-освободителя. Годом ранее неизвестные прежде авторы – Татищев и Корвин-Крюковский – написали большое сценическое представление: «Диалог Гения России и Истории», которое должно было сопровождаться живыми картинами, изображающими различные исторические события в царствование Александра II. Драматурги обращались к композиторам Римскому-Корсакову, Бородину, Мусоргскому, Лядову, Направнику и некоторым другим с предложением написать музыку для оркестра, соответствующую содержанию живых картин. Из этой драматургической затеи ничего не вышло, зато написанные композиторами музыкальные иллюстрации стали великолепными самостоятельными произведениями. Пожалуй, наиболее сильным из них была музыкальная картина А. П. Бородина «в Средней Азии», созданная в начале 1880 года и сразу же завоевавшая огромный успех⁶. Сейчас прозвучит фрагмент этого произведения.

Музыкальная иллюстрация: фрагмент музыкальной картины А. П. Бородина «В Средней Азии» (запись с грампластинки фирмы «Мелодия»).

Написать музыку к живым картинам предлагалось и П. И. Чайковскому, но гений отказался, так как личность Александра II всегда была ему, как он признался музыканту Н. Г. Рубинштейну, порядочно антипатична. Зато Петр Ильич нашел общий язык с новым императором Александром III. Вот что писал композитор в одном из писем весной 1885 года: «Он произвел на меня обаятельное впечатление как личность, но я и независимо от этих личных впечатлений склонен видеть в нем хорошего государя». В свою очередь, и Александр III весьма благосклонно относился к П. И. Чайковскому. Еще в 1867 году Александр Александрович, в то время молодой наследник престола, подарил начинающему композитору золотые запонки с бирюзой за «Торжественную увертюру

на братский гимн», написанную по случаю бракосочетания великого князя с датской принцессой Дагмарой. И в дальнейшем Александр III поддерживал Чайковского материально, а в начале 1888 года назначил ему пожизненную пенсию в 3000 рублей серебром. Императрица Мария Федоровна (принцесса Дагмара) годом ранее прислала Петру Ильичу свой портрет в роскошной раме с надписью, чем музыкант был очень тронут.

Александр III покровительствовал не только П. И. Чайковскому, но и вообще русской музыке. При нем ведущие роли в музыкальной жизни России стали играть великие композиторы М. А. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков. Царь посещал не только спектакли, но и генеральные репетиции опер. Он непосредственно способствовал обогащению русской духовной музыки: пример тому – Три херувимские и Шесть церковных песнопений, написанные П. И. Чайковский по предложению императора.

И, конечно, как человек музыкальный, Александр III музицировал и сам: он играл на валторне и бас-геликоне¹².

Музыкальность была присуща многим Романовым. Обладая тонким музыкальным вкусом, неплохо играл на фортепиано брат Александра III великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы. Его супругой была великая княгиня Елизавета Федоровна – принцесса Элла Гессенская. Она тоже играла на фортепиано и славилась красивым голосом (альт). На ее родине, в замке Neues Palais каждую четверть часа играли 35 колоколов; случалось, что они составляли аккомпанемент поющей принцессе.

Ее младшая сестра Алиса Гессенская, императрица Александра Федоровна, виртуозно играла на рояле, часто в четыре руки с мужем – последним российским императором Николаем II¹⁰.

Николай II был завзятым театралом. Он часто посещал Мариинский театр, где смотрел балеты и слушал оперы русских и зарубежных композиторов. Вот выдержки из его дневниковых записей: «Поехали в дивный «Евгений Онегин»...Ничего не знаю лучше этой музыки», «Отправились в новую оперу Направника – «Дубровский». Красивая вещь, отлично оркестрована, с чудными хорами!» Были у царя и любимые артисты: оперные солисты супруги Медея и Николай Фигнеры, с которыми царственная чета поддерживала личное знакомство; прослушав оперу Р. Вагнера «Гибель богов», император отметил в своем дневнике: «...замечательно хорошо; пели Литвин и Ершов»¹³. Ему также очень нравилась игра балалаечников под руководством В. В. Андреева. А однажды, незадолго до 300-летия Дома Романовых, Николай II пригласил в свой дворец одну из первых звезд русской эстрады, исполнительницу народных песен Н. В. Плевицкую. После концерта монарх

прочувственно сказал курской крестьянке примерно такие слова: «Спасибо Вам, Надежда Васильевна! Вы только, пожалуйста, больше не учитесь!» Видно цари боялся, что вокальная школа засушит яркий, самобытный талант певицы из народа.

Вполне вероятно, что в том концерте, повлекшем за собой стремительное возвышение Н. В. Плевицкой, артистка исполнила песню своего репертуара: «Умер бедняга в больнице военной» композитора XX века Якова Пригожего на стихи поэта К. Р. За этими скромными инициалами стояло и уже не было ни для кого тайной подлинное имя автора: великий князь Константин Константинович Романов – внук Николая I и двоюродный дядя Николая II¹. В этом произведении сиятельный поэт выразил человеческое сострадание простому солдату. И сейчас мы услышим эту популярную некогда песню в исполнении Надежды Плевицкой. Запись начала XX века.

Музыкальная иллюстрация: песня Я. Пригожего на стихи К. Р. «Умер бродяга в больнице военной» (запись с грампластинки фирмы «Мелодия»).

На стихи Константина Романова охотно писали романсы разные композиторы, в том числе и П. И. Чайковский, с которым великий князь был дружен. Широко известны такие романсы, как: «О, дитя!», «Растворил я окно...», «Угасли в комнатах огни». Сам Константин Константинович тоже писал музыку, претворяя в романсы стихи В. Гюго, А. Н. Майкова, А. К. Толстого. Романс К. Р. на стихи графа А. К. Толстого «Не верь мне, друг» прозвучит в исполнении советского певца Вячеслава Турчанинова.

Музыкальная иллюстрация: романс К. Р. на стихи А. К. Толстого «Не верь мне друг» (запись с аудиокассеты из епархиальной библиотеки).

Примечания

¹ Безелянский Ю., Тихий К. Р. Работница. 1994. № 1. С. 24.

² Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома : Губернская типография, 1914. С. 69; 83; 88; 89; 93; 95; 108; 116; 119; 133; 135; 138; 140; 162–164; 166; 168–175; 196; 200; 201; 203; 207; 208.

³ Вяткин В. В. Христовой Церкви свет благоуханный. М. : Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2001. С. 25–27; 51; 63.

⁴ Голованова М. П., Шергин В. С. Государственные символы России. М. : Росмен, 2004. С. 127–142.

⁵ Екатерина II как писательница // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Биографии. Т. 5. М., 1994. С. 57.

⁶ Келдыш Ю. В., Левашова О. Е. История русской музыки. Вып. 1: С древнейших времен до середины XIX века. М. : Музыка, 1990. С. 119; 120; 131; 132; 135; 136; 145; 146; 148; 219; 220.

⁷ Корнеев В. Изгой / Родина. 2002. № 1. С. 37.

⁹ *Лобашкова Т. А.* Династия Романовых : Библиографический указатель. М. : Российский фонда культуры, 2007. С. 226; 260; 263.

¹⁰ *Масси Р.* Николай и Александра, или История любви... Петрозаводск ; СПб. : Золотой век, 1995. С. 54.

¹² *Павленко Н. И.* В доме Романовых // Музыкальная жизнь. 1993. № 19/20. С. 23–26; 21/22, С. 23–26; 1994, 1, С. 32–35.

¹³ *Платек Я.* В Доме Романовых // Музыкальная жизнь. 1993. № 19/20. С. 23–26; 21/22. С. 23–26; 1994. С. 32–35.

¹⁴ *Протопопов В. В.* Четырехголосная хоровая композиция царя Алексея Михайловича // Памятники культуры. Новые открытия : Ежегодник. М., 1991, 1997. С. 107–110.

¹⁵ *Рыцарева М.* Бортнянский : текст к граммофонной пластинке А 10 00523 004 фирмы «Мелодия». М., 1989.

¹⁶ *Сидорова М.* Маленькое увлечение императора Николая I // Русское искусство. 2006. № 3. С. 55.

С. Н. Березинская

РОМАНОВЫ И МАКАРЬЕВСКИЙ КРАЙ*

Имена царствующей семьи Романовых, начиная с Инокими Марфы и малолетнего Михаила, связаны с Макарьево-Унженским монастырем.

В книге «Истории города Макарьева на Унже», изданной в 1907 в Санкт-Петербурге, автор В. В. Беляев предполагает, что Михаил Романов мог находиться в Макарьевском монастыре в 1601 году. «...Княгиня Черкасская (Сицкая), с которой были сосланы на Бело-озеро дети Филарета Никитича, молодой Михаил и его маленькая сестрица, в тот же год была ввернута к себе в Юрьевецкий уезд, в собственное поместье...»; «Черкасская, убежденная доводами Хвостова (строитель монастыря), взяла с собой только племянницу, а Михаила оставила в монастыре».

Возможно, он прожил у Давида Хвостова от 5- до 10-летнего возраста в монастыре, откуда его забрала мать – Марфа Ивановна – и отправилась с ним в г. Кострому.

Тогда становится объяснимым тот факт, что в 1612 году Михаил Романов опять посещает обитель Макария преподобного со своей матерью и возносит молитвы преподобному об освобождении его отца – митрополита Филарета – из польского плена. (Макарий преподобный

* Сообщение подготовлено на основе книги: *Беляев В. В.* История города Макарьева на Унже. СПб., 1907.

известен как почитаемый заступник всех пленных, так как и сам чудесным образом вместе со своими подвижниками избежал пленения при разорении Желтоводской обители.)

И еще раз, уже будучи царем, Михаил Романов посещает Макарьевский монастырь, предпочтя другим с благословения своего отца – патриарха всея Руси Филарета (он пишет сыну: «Я, отец твой и богомолец, писал, чтобы Ваше царское Величество свой обет исполнил, к преподобному чудотворцу свой царский подвиг совершил не откладывая, и ему предивному в чудесах, преподобному Макарию честь воздал так же, яко же и прочим святым преподобным отцам»). О путешествии, которое состоялось в конце сентября – начале октября 1619 года подробно известно из переписки царя Михаила и его матери Марфы Иоанновны с патриархом Филаретом.

Из села Домнино кортеж царя с многочисленной свитой (кроме матери, инокини Марфы, в нем были: Федор Иоаннович Мстиславский, Иоанн Никитич Романов, князь Дмитрий Шуйский и другие) добрался до Спасской пустыни (ныне село Красногорье Макарьевского района), а далее в монастырь около 20 верст царь проделал весь путь пешком. (Впоследствии в местах отдыха шествия были установлены часовни в память о пребывании помазанника Божьего.) В обители к приходу царя по его царского величества указу были выстроены для размещения гостей Романовские палаты. В монастыре они пробыли три дня, вознося благодарственные молитвы преподобному Макарию за воцарившийся мир на русской земле, за освобождение из польского плена отца Михаила – патриарха всея Руси Филарета, за молитвенную помощь семье Романовых во времена скитаний.

Последствия посещения обители преподобного царем были значимы:

- Макарий был назван великим чудотворцем и имя его было канонизировано;
- саму обитель уравнили в правах с Соловецким монастырем;
- были пожалованы богатые дары, церковные предметы, а также земли;
- игуменье Макарьевской обители получили право и обязанность ездить в Москву два раза в год к патриарху с образом чудотворца и со святыми водами.

«После посещения обители царем Михаилом Федоровичем многие знатные лица приезжали ко гробу преподобного на богомолье и частью здесь лично делали пожертвования, частью присылали из Москвы и других мест».

Среди жертвователей монастырю как сам царь и его мать великая старица инокиня Марфа, так и патриарх Филарет («крест древомасличный,

а на нем резь дванодесять праздников цена 15 рублей, да сорок рублей денег...»), а также бояре, князья И. Н. Романов, И. Б. Черкасский, И. И. Шуйский и другие.

В годы правления Макарьево-Унженским монастырем святителя Митрофания Воронежского в знак особого уважения святителю боярин дворецкий и оружейничий царя Федора Алексеевича – Богдан Матвеевич Хитров – пожертвовал в монастырь икону преподобного Макария, напрестольное Евангелие и синодник. А так же церковные ризы, стихари, пелены и другое от самого государя Федора Алексеевича.

Позднее, в 1837 году, в нашем городе останавливался цесаревич Александр Николаевич (будущий царь Александр II). Его сопровождал поэт Жуковский.

На территории, относящейся в наше время к Макарьевскому району, находились владения Романовых.

Земли д. Якимово и д. Юркино были пожалованы князю Юрию Андреевичу Сицкому в 1620 году, но через 10 лет он их продал за полторы тысячи рублей Макарьевскому монастырю.

Дядя царя Михаила – Иоанн Никитич Романов – стал в 1620 году владельцем Макарьевских земель от города Унжи до села Ухтубуис по реке Унже (всего 40 населенных пунктов с 585 дворами и населением 3 500 душ). В 1640 году часть вотчины (120 селений) отошла его сыну Никите Иоанновичу, который прожил в г. Унже пять лет. После его смерти в 1655 году земли перешли во дворцовое ведомство.

Памятные места, связанные с Романовыми, также в основном сохранились благодаря легендам. Так, будто бы в нашем городе есть памятник Великой императрице Екатерине. И возведен он через 100 лет после указа Екатерины Великой о присвоении Макарьеву статуса города и утверждении герба означającego, что «город сей славен монастырем». Этим памятником является построенное в 1880 году трехэтажное здание духовного училища. В плане училище представляет собой букву «Е».

Сохранился дом вдовы майора Богуславской, в котором останавливался цесаревич Александр (ныне здание музыкальной школы).

В 1913 году к 300-летию Дома Романовых построено еще одно образовательное учреждение – Романовское реальное училище.

С именем Романовых связаны многие славные страницы истории Отечества и нашего Костромского края. Мы же, не знавшие династии Романовых наяву, не бывшие их современниками, представляя их облик по фотографиям и документам летописцев, должны осуществлять деятельность по сохранению данных документов, а также памятников истории края периода правления Дома Романовых.

В настоящее время Макарьево-Унженский монастырь реставрируется.

В краеведческом музее города силами сотрудников собран богатый краеведческий материал, который может стать основой для проведения экскурсии по местам, связанным с пребыванием династии Романовых в нашем городе и районе.

В МУК «Макарьевская городская библиотека» собраны и бережно хранятся книжные издания, где можно также найти информацию о пребывании Романовых в наших местах.

Е. Ю. Боровик

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОБЪЕКТЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА. УЧАСТИЕ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ В ИХ РАЗВИТИИ

Костромская земля наполнена историко-культурными реликвиями, так как она всегда была тесно связана с историей Российского государства. Это является предметом интереса историков и краеведов XIX–XXI веков. Благодаря их исследованиям эти историко-культурные объекты стали известны жителям России и других стран, которые приезжают сюда для знакомства с русской историей. Особенно активно посещают нашу область американские, немецкие и итальянские туристы.

Для туризма культура выступает как ведущий фактор и цель развития. Различия в культуре создают те разности потенциалов, которые определяют миграцию туристов. Краеведение же в туристской практике имеет важное значение для составления и подготовки описаний маршрутов, экскурсий, объектов показа.

В 1995 году в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения были включены по Костромской области – среди музеев-заповедников и музейных комплексов – Костромской государственной объединенный историко-архитектурный музей-заповедник с филиалами в Костроме, Кологриве, Нерехте, Макарьево, в пос. Сусанино; Государственный музей-заповедник А. Н. Островского «Щельково» в с. Щельково, в развитие которого внес большой вклад известный костромской краевед В. Н. Бочков. Благодаря развивающейся школе костромских археологов к памятникам археологии были отнесены объекты в Костроме и Костромском, Буйском, Галичском,

Красносельском, Мантуровском, Нерехтском, Сусанинском, Чухломском, Островском, Солигаличском районах. К памятникам архитектуры и градостроительства причислены 139 объектов Костромской области. Из 24 районов области 18 имеют те или иные федеральные памятники исторического и культурного наследия¹. К общероссийским историко-культурным центрам относятся ансамбль Ипатьевского монастыря, усадьба Щельково, музей деревянного зодчества и др.

Важное место в формировании историко-культурных центров в области занимает изучение краеведами и историками биографий наших известных земляков, среди которых И. Сусанин, Ф. Волков, П. Катенин, Г. Невельской, А. Островский, Ф. Чижев, В. Розанов, П. Флоренский Г. А. Ладьженский, Е. Честняков, А. Тарковский и др.

Но не все исторические реликвии костромской земли еще стали предметом для познавательного туризма. Этому есть ряд причин: нет инфраструктуры на местах, проезжих дорог, не хватает средств на реставрацию памятников и т. д. Помимо общеизвестных костромских памятников истории и культуры, есть в нашем крае малоизученные и исчезнувшие с лица земли объекты. К первым можно отнести природно-исторические места – Сусанинские болота, Чухломское озеро, Кологривский лес. К исчезнувшим уникальным памятникам – пчеловодческий музей в Костроме, стабильно занимавший самые высокие места на всероссийских выставках и закрытый в начале 20-х годов XX века², а также разоренную дворянскую усадьбу Нероново Солигаличского района.

Благодаря историкам-краеведам В. Я. Игнатьеву, И. А. Едошиной и другим продолжаются научно-исследовательские работы по различным историко-культурным объектам нашей области.

Из таких новейших объектов Костромской области можно назвать Историко-культурный музей с. Завражье Кадыйского района, открывшийся 30 октября в 2004 года. Музей посвящен уроженцам этих мест – кинорежиссеру Андрею Тарковскому и священнику-мыслителю Павлу Александровичу Флоренскому.

И. А. Едошина создала Центр по изучению духовного и литературного наследия П. Флоренского и В. Розанова; изучала завражский период жизни А. Тарковского.

Бывший директор Завражской средней школы Г. А. Голубева работает в музее научным сотрудником. Она первая начала собирать материалы для музея³.

Развитие туризма благотворно сказывается на возрождении народных промыслов, традиций и фольклора. Это приводит к оживлению местной культурной жизни, вызывает интерес к историческим памятникам,

обычаям и местным традициям, тем самым внося вклад в развитие и сохранение историко-культурного достояния. Примерами могут служить различные праздники на территории Музея деревянного зодчества, усадьбы Щелыково и многих других центрах культуры.

Таким образом, роль историков и краеведов в формировании историко-культурных центров сводится не только к изучению исторических материалов, но и к популяризации историко-культурного наследия Костромского края среди костромичей, жителей России и мира. В то же время Костромская область содержит немало интересных исторических мест и реликвий, которые нуждаются в изучении краеведами и историками области.

Примечания

¹ Перечень объектов исторического и культурного наследия // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42480_DocumIsPrint_Page_1.html.

² Крылов А. Такой музей был: история // Эковестник: Око. 1996. 12 июня. № 23.

³ Шпанченко В. Летним днем в Завражье // Эковестник: Око. 2007. № 8. С. 14.

О. С. Дубова

**ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: КОСТРОМСКАЯ ЖЕНСКАЯ
ГРИГОРОВСКАЯ ГИМНАЗИЯ**

Во второй половине XIX века меняется взгляд общественности на женское образование. Правительством было решено, что для «семейного и общественного счастья» необходимо в губернских и уездных городах открывать школы для девочек. В 1856 году Александр II повелел приступить к поискам средств для открытия таких учебных заведений в городах. Первой на этот призыв откликнулась Кострома¹. Здесь в 1857 году было учреждено первое в России женское училище нового типа.

Со времени учреждения училища, открытого в составе трех классов, оно находилось в наемном доме (доме Солодовниковой) на Павловской улице (сейчас училище культуры на ул. Князева). Дальнейшее его пребывание становилось здесь невозможным по причине тесноты.

С 1860 года училище помещается в собственном здании, купленном и отстроенным А. Н. Григоровым. Здание бросалось в глаза своей величиной и тянулось по двум направлениям: одно – в улицу, а другое,

© О. С. Дубова, 2008

лицевое и меньшее, выходило на Волгу² (сегодня в здании размещается Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова.). С двух сторон здание было окружено садами. В саду, находящемся за гимназией, была устроена оранжерея и чистый пруд. С лицевой стороны располагался сад, украшенный фонтаном и чугунной решеткой.

Изучая воспоминания выпускниц, отметим, что здание заслуживает внимания и по внутреннему убранству. А. Шептунова вспоминает: «Во главе с классной дамой идем в зал на молитву. Зал прекрасен – с высокими большими окнами. Стены облицованы под белый мрамор. ...В зале рояль, по стенам – деревянные диваны, в углу – икона»⁵. По сообщениям Костромских губернских ведомостей, помещения представляли «удобные и светлые» комнаты³.

В 1862 году Костромское губернское училище было преобразовано в женское училище первого разряда. В 1864 году Костромскому женскому училищу присвоено наименование Григоровского, в признание заслуг его основателя. Уже в 1870 году оно переименовано в гимназию, которая оставалась открытым учебным заведением, предназначенным для девиц всех сословий. На прохождение полного курса обучения назначено семь лет. Не увеличивая предметов обучения, предполагалось придать гимназическому курсу больше практический характер, применяясь к будущему предназначению женщины как хранительницы семейного очага.

Говоря об учебной части, нужно сказать, что в гимназии преподавались такие уроки, как Закон Божий, русский, французский и немецкий язык, география, история русская и всеобщая, арифметика, геометрия, чистописание. Кроме того, давались уроки танцев, рисования, рукоделия, музыки.

Необходимо отметить, что гимназия имела неплохую материальную базу. Здесь имелись ученическая и фундаментальная библиотеки и кабинеты физических и естественных наук. Приобретались различные учебные пособия: книги для детского возраста, таблицы и картинки для наглядного обучения.

По отчетам о состоянии гимназии можно сказать, что основными ее средствами были пособия от правительства, Костромского губернского земства, городского общества и проценты с капитала, составленные из выкупной ссуды за имение Григорова.

Интересен для рассмотрения внутренний строй жизни гимназии, правила поведения и образ жизни гимназисток. Гимназия включала в себя семь основных и восьмой педагогический классы. Ученицы принимались во все классы соответственно возрасту и знаниям. Общий прием в гимназию обычно проводился перед началом учебного года в августе по назначению педагогического совета женской гимназии.

Учебный год в Костромской гимназии делился на три четверти, каждая из которых длилась два месяца. Девочки учились ежедневно, исключая воскресенье. Январские дни отводились на каникулы, на время которых ученицы разъезжались по родительским домам. В апреле и мае проходила подготовка к экзаменам.

Переход из одного класса в другой сопровождался испытаниями, которые начинались с 15 мая. Испытания были как в письменной, так и в устной форме. Знания оценивались по пятибалльной системе. Те из учениц, которые имели неудовлетворительные годовые отметки по предметам испытаний, подвергались испытаниям по тем же предметам перед началом учебного года. Если они не сдавали экзамен за повторный год обучения, то их исключали из гимназии.

В Григоровской гимназии высокое требование предъявлялось к внешнему виду учениц. Для всех гимназисток была установлена единая форма одежды – темное шерстяное платье и черный передник для занятий по будням, белое платье – для парадных случаев. Малейшее отклонение в виде пуговиц и складок было недопустимо, классная дама приказывала шить новое платье по форме.

В гимназии были выработаны достаточно жесткие правила для учениц. Строгий порядок требовалось соблюдать во всем: в общении с преподавателями, в посещении гимназической церкви и в отношении к учебе.

Каждый класс имел свою классную даму, которая следила за поведением и внешним видом своих подопечных. Она присутствовала на многих уроках, особенно, если урок давал учитель-мужчина, сопровождала утром на молитву в зал. В классе имелся пюпитр, за которым классная дама сидела во время уроков. Для более тщательного надзора за учебой и поведением учениц и для связи с их родителями у воспитанниц имелись дневники. Классные надзирательницы каждую неделю обязаны были собирать дневники и делать отметки об успеваемости, поведении и прилежании, записывали замечания и распоряжения гимназического начальства для сведений родителей воспитанниц.

В гимназии для учащихся старших классов устраивались вечера памяти великих писателей. Ученицы на этих вечерах выступали с докладами, читали отрывки из произведений писателей.

В учебно-воспитательном отношении жизнь Костромской Григоровской гимназии определялась требованиями устава женских гимназий. При всех женских гимназиях обычно состояли попечительный и педагогический совет. Попечительный совет заботился о нравственности и материальном состоянии гимназии. Учебная и воспитательная часть были вверены педагогическому совету. Первоначально педагогическим

советам предоставлялось составление учебных планов и программ, но с 1874 года учебные планы и правила испытаний были изданы Министерством с целью установления единства.

В период существования гимназии наблюдается постепенный ее рост. Число учащихся постепенно возрастало.

Примечания

¹ *Арженников К.* Григоровка: Историческая записка о 50-летию Костромской женской Григоровской гимназии (1857–1907) // Костромская старина. 1991. № 2.

² *Бочков В. Н.* Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997.

³ Костромские губернские ведомости. 1857. № 35.

⁴ Сведения о состоянии Костромской Григоровской женской гимназии за 1905/06/07 учебные годы. Кострома, 1908.

⁵ *Шептунова А.* Григоровская женская гимназия // Северная правда. 1992. 11 апр.

В. В. Козлова

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ (на примере Хорошевской волости Костромской губернии)

Источником исследования являются неопубликованные документы: воспоминания первого руководителя сельсовета И. Зверева, воспоминания крестьян, участников коллективизации, представителей милиции, хранящихся в Вохомском музее, публикации местных краеведов В. Попова, А. Рыжкова, С. Дружинина, В. Панфилова. Из этих публикаций и воспоминаний видно, что после столыпинских реформ начались массовые заселения ранее пустовавших земель. Наиболее зажиточные крестьяне, а также крупные семьи выделялись из общины на отруба, постепенно начали обустраивать жилище и скотные дворы, была разрешена аренда. Было много трудностей связанных с обустройством: разрабатывали неудобья, побережья рек, расчищали участки от леса. Многие крестьяне, затратив имеющиеся средства, не могли выбраться из бедности, жалели о выходе из общины. Жизнь крестьян только-только стала налаживаться, как после революций 1917 года грянули новые реформы, сопровождавшиеся оскудением крестьянских семей. Началась война. Всех лошадей забрали, стали работать на быках и коровах. Мужчин угнали на войну. Остались

бабы с ребятишками, вся работа легла на них. Похоронки приходили почти каждый день. С 5 лет детей заставляли работать. От тяжелого труда и недосыпания даже сходили с ума¹. Продразверстка и новые налоги еще более усугубляли положение.

В 1916 году Хорошевская волость превосходила Пышугскую и Заводские волости как по количеству селений (132), так и по количеству дворов (1 249) и жителей (7 079 человек). Численность населения сопоставима с нынешними Павинским, Октябрьским или Поназыревским районами Костромской области. До 1922 волость была в Ветлужском уезде Костромской губернии. В 1922–1924 годы она в составе Ветлужского уезда входила в Нижегородскую губернию. Осенью 1924 года Хорошевский сельсовет передан и включен в состав Вохомского района Северо-Двинской губернии с центром в Великом Устюге. Вместе с районом входили хорошевцы с 1929 по 1937 год в северный край с центром в г. Архангельске. Потом были в Вологодской области и только в 1944 году вновь стали костромичами¹. С приходом советской власти земли помещиков разделили между малоземельными крестьянами. Земля в то время была основным средством существования, этим объясняется стремление крестьян иметь свое личное хозяйство. Новая экономическая политика в целом соответствовала интересам большинства собственников. Это был благоприятный период для развития сельского хозяйства. Процесс расслоения деревни всегда сопровождал ее развитие. Община в какой-то мере сдерживала его, но после выхода из нее крестьянин уже мог надеяться только на самого себя. Так сложилось, что политика большевиков поддерживала бедняков, а не наиболее удачливых и трудолюбивых крестьян. Еще до коллективизации началось притеснение зажиточных крестьян: вводились дополнительные налоги, крестьян отправляли на лесосплав, появились «твердые задания» по заготовке продукции, в случае невыполнении заданий крестьян «раскулачивали». Вместе с тем Советское государство заботилось о развитии социальной сферы. Открывались школы, ремонтировались дороги, выпускалась газета «Беднота», бывший дьякон Н. Цветков вел антирелигиозный кружок «Безбожник», в здании хорошевской Георгиевской церкви обосновалась партийная ячейка².

В деревне обострились межличностные отношения. Причины их крылись в стремлении власти ввести новый порядок в отношении крестьян к государственной собственности. В 1918–1928 годы лесозаготовки не контролировались, и за лес не надо было платить. Расширение посевных площадей велось за счет вырубки, и строевой лес с этих площадей

заготавливался для строительства в деревнях. С 1928 года вводятся штрафы за незаконные порубки строевого леса, самозахват земель и лесных угодий, охоту на зверя, ловлю рыбы и др. Имел место и другой фактор. Бывшие старосты, объездчики потеряли былое влияние. На их место власть поставила своих сторонников, чем обидела прежних работников³. Власть в умах людей часто персонифицируется. Так, проводником советской власти в Хорошевской волости считался И. Зверев, как председатель сельсовета и руководитель партийной ячейки ВКП(б). На протяжении 1927–1931 годов он подвергался физическим нападениям, которые сильно подорвали его здоровье. Другие активисты тоже страдали. Так, в 1928 году был сильно избит лесной объездчик Л. Галкин. Кроме того, крестьяне боролись за свои права и за свою собственность, нажитую нелегким трудом. В 1929 году властью были созданы инициативные группы по вовлечению людей в колхозы и появились их сторонники. Из воспоминаний Зверева: «Это было бурное, горячее время, годы коренной перестройки всего уклада крестьянской жизни. Перевод крестьян от единоличного на коллективное хозяйствование, обобществление основных средств сельскохозяйственного производства не был, да и не мог быть стихийным делом. Он проходил в процессе планомерной, целенаправленной деятельности нашей партии, упорной борьбы рабочего класса и беднейшего крестьянства с кулачеством, со всеми силами, пытавшимися сохранить капиталистические основы жизни в деревне»⁴. Люди во время коллективизации прятали ценности, скот резали, имели место и самоубийства. В 1931 году возникла так называемая «кулацкая» банда, возглавляемая бандитом Т. Рогачевым. Он втянул в нее 16–17-летних парней из семей кулаков, сбежавших с лесосплава. Они убили и ранили несколько человек – активистов, вступивших в колхоз. В июле 1931 года банда была ликвидирована⁵. Таким образом, мы видим 3 позиции крестьян по отношению к реформам в области земельного уклада. Часть крестьян их поддержала, другая противилась пассивно, меньшинство активно сопротивлялось.

Крестьянская жизнь и производство обладают консерватизмом, а новые реформы часто в корне меняют уклад жизни. Эксперименты и непродуманные действия в отношении народа несут тяжелые последствия. Крестьянину, собственнику по натуре, была непонятна идея коллективизации, так как с потерей чувства хозяина у него терялся интерес к труду. При создании коллективных хозяйств главной целью было обобществление собственности. А достойно распорядиться и управлять ею зачастую не удавалось. Гордились масштабами коллективизации, доводя при этом хозяйства до разорения. Так, в Заветлужском сельсовете

РАЗДЕЛ III

Хорошевской волости, несмотря на нежелание колхозников, поставили председателем колхоза Г. Пономарева (из бывших бедняков), совершенно неграмотного человека, незнакомого с технологией ведения хозяйства и управления. При нем колхоз обнищал и крестьяне стали жить хуже. Понятно, что это вызвало отрицательное отношение к процессу коллективизации. Подобных примеров было немало. Отголоски реформ первой трети XX века сказываются и сейчас на плачевном состоянии русской деревни.

Примечания

¹ Смердов А. В. Вохмяки. Кострома, 2006. С. 8.

² Дружнева Н. А. Осколки разбитого вдребезги! / Ветлужская сторона : историко-краеведческий сборник. Кострома, 1995. С. 11.

³ Страницы биографии И. Ф. Зверева // Вохомский музей, д. 3, л. 15.

⁴ Зверев И. Ф. Правда о хорошевской кулацкой банде / Вохомский музей, д. 2, л. 18, 20, 24.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
- ГАКО – Государственный архив Костромской области
- ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
- КЕВ – Костромские епархиальные ведомости
- ОРРК РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки
- ПСЗ – Полное собрание законов
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ЧКМ – Чухломский краеведческий музей

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александр*, архиепископ Костромской и Галичский
Андреанов Г. В., канд. богословия Костромской духовной семинарии,
г. Кострома
Ассессорова Н. П., ВГУ, г. Владимир
Баранов А. Н., к.и.н., КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Белов А. М., д.и.н., декан исторического факультета КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Березинская С. Н., директор муниципальной библиотеки, г. Макарьев
Боровик Е. Ю., студентка КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Валовая М. Д., президент фонда российской государственности и 400-летия Дома Романовых, г. Москва
Веселов В. Р., д.и.н., профессор КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Гневышев А. В., аспирант КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Григорьев А. И., краевед, г. Москва
Дубова О. С., студентка КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Едошина И. А., д-р культурологии, профессор КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Заливалова Л. Н., к.и.н., доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Зябликов А. В., д.и.н., профессор КГТУ, г. Кострома
Иванцов Д. С., канд. культурологии, г. Кострома
Кабатов С. А., к.и.н., доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Козлова В. В., студентка КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Коробицин Н. И., член Костромской губернской учетной архивной комиссии
Кудинов В. А., д.и.н., КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Лебедев Ю. В., д-р филол. н., профессор КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Майорова Н. С., к.и.н., доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Нигметзянов Т. И., к.и.н., доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Нифонтов А. В., к.и.н., доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома

Новиков А. В., к.и.н., доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Осипова Т. Г., к.п.н., КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Палюлина И. А., к.и.н., доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Платон (Игумнов), архимандрит, магистр богословия, профессор Московской духовной академии
Поварова Н. А., студентка КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Попов Д. В., студент КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Репников А. В., д.и.н., главный научный сотрудник Российского архива социально-политической истории, г. Москва
Рябинцев С. В., аспирант, КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Савинова А. Н., к.и.н., КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Сазонов Д. И., протоиерей, канд. богословия (Кострома)
Сидоренко Ю. И., д-р филос. н., профессор КГСХА, г. Кострома
Сидоров Д. В., аспирант КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Сизинцева Л. И., канд. культурологии ГУК Костромского государственного музея-заповедника
Слюняев И. Н., губернатор Костромской области
Соловьев А. А., к.и.н., доцент КГТУ, г. Кострома
Субетто А. И., вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член президиума Петровской академии наук и искусств
Тунгусов В. Д., ст. науч. сотр. ГУК Костромского государственного музея-заповедника, г. Кострома
Усманов С. М., д.и.н., профессор ИГУ, г. Иваново
Чекмарев В. В., д.э.н., профессор КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Четверухин Г. Н., к.и.н., КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Чувашев М. Н., студент Костромской духовной семинарии
Чугунов Е. А., к.и.н., зам. начальника департамента культуры и туризма Костромской области
Шпилов С. А., аспирант, КГУ им. Н. А. Некрасова, г. Кострома
Шишков А. С., студент Костромской духовной семинарии
Юдина Т. Н., к.э.н., доцент МГУ, г. Москва

Научное издание

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**Материалы конференции
Кострома, 29–30 мая 2008 года**

Редакторы и корректоры:
Т. В. Горлова, Г. Д. Неганова, Н. А. Русанова

Компьютерная верстка И. М. Ивановой

Подписано в печать 01.09.2008
Формат 70x108/16
Уч.-изд. л. 22,2
Тираж 500 экз.
Изд. № 283

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14